

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Координационный совет по науке аспирантов, студентов и молодых ученых

Студенческое научное общество «Сияние»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

RELEVANT PROBLEMS OF INVESTIGATION IN THE SPHERES OF FOREIGN LANGUAGES AND LITERATURE

Сборник статей молодых ученых

Часть 2

Пермь 2018

УДК 81'42
ББК 81.0
А43

Актуальные проблемы изучения иностранных языков и
А43 литератур = Relevant Problems of Investigation in the Spheres of
Foreign Languages and Literature: сб. ст. молодых ученых:
в 2 ч. / отв. ред. В. А. Бячкова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. –
Пермь, 2018. – Ч. 2. – 376 с.

ISBN 978-5-7944-3210-6 (ч. 2)

ISBN 978-5-7944-3221-3

Сборник содержит результаты исследований молодых ученых в различных областях лингвистики и литературоведения. Представлены работы студентов бакалавриата и магистратуры Пермского государственного национального исследовательского университета, представителей вузов других стран и городов, а также школ г. Перми.

Сборник адресован филологам, лингвистам, студентам и преподавателям гуманитарных факультетов.

This edition contains articles on different fields of linguistics and literature. The articles were written by students of Perm State University, the Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, the Faculty of Philology and the representatives of the universities of Russia and other countries, schools of Perm.

The edition may be of interest to philologists, linguists, students and teachers and researchers in the field of philology.

УДК 81'42
ББК 81.0

Печатается по решению студенческого научного общества «Сияние»

Редакционная коллегия:

В. А. Бячкова (отв. ред.), О. Д. Бунеева, О. М. Алтынцева,
А. Д. Пейсахович, М. В. Суворова

ISBN 978-5-7944-3210-6 (ч. 2)

ISBN 978-5-7944-3221-3

© ПГНИУ, 2018

Раздел 6.
Перевод и переводоведение

УДК 81'25

**ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ**

Арина Алексеевна Афанасьева

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика» (испанский язык)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. arina-af@inbox.ru

Мария Алексеевна Хрусталева

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. cristalik1982@list.ru

В данной статье рассматриваются такие понятия как концепт, дискурс, фрейм и предпринимается попытка использования когнитивно-дискурсивного подхода на этапе предпереводческого анализа типового образца испанского договора аренды. Демонстрируется процесс семантического анализа, результатом которого является моделирование ментальной схемы контракта.

Ключевые слова: юридический дискурс, концепт, фрейм, вербальные репрезентанты, семантическая связь.

На современном этапе своего развития наука обращает большое внимание на механизмы познания человеком окружающего мира в целом и на познавательную деятельность в особенности, а также на процессы приобретения, обработки, передачи и организации информации. В этом отношении когнитивное направление лингвистики является незаменимым инструментом в изучении данной области. Её основополагающие понятия, такие как концепт, дискурс и фрейм, дают возможность структурировать знание, проследить протекание мыслительных операций.

В рамках лингво-когнитивного направления под концептом понимаются смыслы, которыми оперирует человек в ходе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, результаты всей человеческой деятельности и процессы познания мира в виде некоей совокупности сведений. Концепты возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому [Кубрякова 1997: 89-90]. Когнитивный подход ориентирован на то, чтобы активизировать интеллектуальные процессы человека и помочь ему зафиксировать концепты в виде формальной когнитивной модели [Федотова 2015: 201].

Одним из способов репрезентации концепта, по нашему мнению, служит фрейм – когнитивная структура, рассматриваемая как иерархически организованная система знаний об объекте, отражающая максимально обобщенное схематизированное представление о концептуальном основании, схему образа, лежащего в основе значения, которая представлена лексемами [Цурикова 2001: 145].

Как известно, концепт функционирует в дискурсе, который представляет собой вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими планами [Красных 2001: 200].

В настоящей статье рассматривается специальный дискурс – юридический. Он является регламентируемой определенными историческими и социокультурными кодами смыслообразующей и смысловоспроизводящей речемыслительной деятельностью, направленной на формулирование норм, правовое закрепление, регулирование и контроль общественных отношений [Кожемякин 2013: 126].

Юридический дискурс имеет ряд специфических черт: из дефиниции понятно, что его целью является нормирование и регулирование действительности. Данный дискурс направлен на максимально точное недвусмысленное описание предметов, поэтому в нём присутствует ограниченный спектр жанровостилистических средств, низкая контекстуальность. Для юридического дискурса характерно широкое использование специализированных понятий и клише, он обладает высокой степенью интертекстуальности, реализуемой как способность документов ссылаться друг на друга, заимствуя содержательные элементы [Крапивкина, Непомилов 2014: 102–105].

Вышеперечисленные черты юридического дискурса находят прямое отражение в одном из видов юридического документа – договоре.

Контракт регулирует отношения между его субъектами, в нём присутствуют специализированные понятия и клише. Отметим, что договор обладает низкой контекстуальностью, максимально точным описанием предмета и действий, ссылками на прецедентные тексты.

В данной работе на основе испанского договора аренды был проведён семантический анализ, в ходе которого был создан фрейм концепта CONTRATO DE ARRENDAMIENTO (договор аренды). В ходе изучения на первом этапе были выделены ключевые вербальные репрезентанты договора. На втором этапе они были объединены в слоты и подслоты (составляющие элементы фрейма). Затем были выявлены типы семантических связей между лексемами каждого подслота.

Фрейм концепта CONTRATO DE ARRENDAMIENTO (договор аренды) состоит из следующих слотов **«contrato»** («контракт»), **«vivienda»** («жилое помещение»), **«acciones»** («действия»), **«partes»** («стороны»), **«dinero»** («деньги»), **«papeles»** («документы»). При этом слот **«contrato»** («контракт») разделён на подслоты: **«operaciones»** (действия, которые можно произвести с договором), **«tiempo»** (срок), **«elementos»** (составные части договора), а также **«forma»** («форма»). В слоте **«vivienda»** («жилое помещение») выделены три подслота: **«inmueble»** («недвижимость»), **«bien»** («имущество»), **«operaciones»** (действия, производимые с жильём). Слот **«partes»** («стороны») состоит из двух подслотов: **«sujetos»** (субъекты договора) и **«declaración»** (волеизъявление сторон).

Продемонстрируем на примере слота **«partes»** («стороны») когнитивно-дискурсивный подход к анализу договора. Данный слот является неотъемлемой составляющей договора, так как он представляет его субъектов, без которых невозможно существование контракта. В первом подслоте **«sujetos»** (субъекты договора) рассмотрим пару лексем *propietario* и *titular*. «*Propietario – titular del derecho de propiedad sobre un bien*» (*собственник – владелец права собственности относительно какого-либо блага*), «*titular – propietario, persona a la que están atribuidos determinados derechos o que está habilitada para ejercerlos*» (*владелец – собственник, человек, которому присвоены какие-либо права или который имеет юридическую силу осуществлять их*) [RAE: Diccionario del español jurídico]. В данном случае согласно их дефинициям обнаруживается синонимия, так как значения слов передаются друг через друга.

Также рассмотрим пару *arrendador* и *arrendatario*. «*Arrendador – parte del contrato de arrendamiento que pone a disposición de la otra las*

cosas, obras o servicios – objeto del contrato» (арендодатель – сторона договора аренды, которая предоставляет в распоряжение другой стороне вещи, выполняет работы или предоставляет услуги, которые являются объектом договора) и «arrendatario – parte del contrato de arrendamiento que usa o disfruta de la cosa y paga el precio de cosa» (арендатор – сторона договора аренды, которая пользуется вещью за определённую плату) [Там же]. Данные лексемы имеют конверсивный тип семантической связи, так как, исходя из определений, участники договора видят ситуацию с разных точек зрения – одна сторона сдаёт, другая – получает внаём жильё.

Во втором подслоде «**declaración**» (волеизъявление сторон) продемонстрируем родо-видовые отношения между лексемами *conformidad* и *voluntad*. *Conformidad – declaración de voluntad por la que se muestra de acuerdo con lo expuesto en el escrito (согласие – проявление воли, которое демонстрирует подтверждение субъектом изложенного в документе)* [RAE: Diccionario de la lengua española]. *Voluntad – facultad de decidir y ordenar la propia conducta (воля – право выражаться и действовать на своё усмотрение)* [RAE: Diccionario del español jurídico]. Согласно дефинициям, *voluntad* является родовым понятием, а *conformidad* – видовым, так как согласие – это одно из проявлений воли субъекта.

Таким образом, в ходе исследования были обозначены основные понятия когнитивной лингвистики, выявлена специфика юридического дискурса, изложены особенности договора как юридического документа, продемонстрирован когнитивно-дискурсивный подход, применяемый на этапе предпереводческого анализа юридического документа на испанском языке. Результатом предпереводческого анализа стал фрейм концепта CONTRATO DE ARRENDAMIENTO, установлены типы семантической связи между вербальными репрезентантами рассматриваемого концепта.

Список литературы

Кожемякин Е. А. Юридический дискурс // «Дискурс-ПИ». Екатеринбург: изд-во Инст-та философии и права УрО РАН, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-diskurs> (дата обращения: 20.11.2017). С. 126–127.

Крапивкина О. А., Непомиллов Л. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. Иркутск: изд-во Нац. иссл. Ирк. гос. тех. ун-та, 2014. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 20.11.2017). С. 102–105.

Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М., 2001. 200 с.

Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов М.: изд-во МГУ, 1997. 197 с.

Федотова О. С. Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 199–202.

Цурикова Л. В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // Вестник Воронежского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Воронеж: изд-во ВГУ, 2001. №2. С. 128–157.

RAE: Diccionario del español jurídico. URL: <http://dej.rae.es> (дата обращения: 15.11.2017).

RAE: Diccionario de la lengua española. URL: <http://dle.rae.es/?w=diccionario> (дата обращения: 15.11.2017).

PRETRANSLATION ANALYSIS OF JURIDICAL TEXT: COGNITIVE AND DISCOURSE ASPECT

Arina A. Afanaseva

Student of Linguistics, Bachelor's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. arina-af@inbox.ru

Mariya A. Khrustaleva

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Bukirev str., 15. cristalik1982@list.ru

The article describes such notions as concept, discourse, frame. There is an attempt of usage of cognitive and discursive method at the stage of a pretranslational study of a rental contract's standard sample. The process of semantic analysis and its result – a model of a mental pattern of the contract – are demonstrated.

Key words: juridical discourse, concept, frame, verbal representatives, semantic link.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ДИСКУРСИВНОГО ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Алена Алексеевна Бурылова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. burylovaaa@gmail.com

Юрий Николаевич Пинягин

к. филол. н. доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

Статья посвящена анализу способов реализации концептуально-дискурсивного подхода к переводу с английского языка на русский. В конечном тексте переводчик должен выразить заложенные в оригинале концепты другими средствами таким образом, чтобы подразумеваемые смыслы были понятны читателям принимающей культуры в рамках национально-культурной специфики ПЯ.

Ключевые слова: дискурс, лингвокультурная специфика, концепт, переводческая рефлексия, трансляция.

Современная парадигма перевода, в отличие от субститутивно-трансформационной, уделяет серьезное внимание проблемам лингвокультурологии и взаимодействию культур в процессе перевода. В этом отношении весьма интересна концепция концептуально-дискурсивного перевода Т. А. Фесенко, которая позиционирует много-стороннее рассмотрение перевода в культурном, когнитивном, лингвистическом, текстовом и коммуникативном аспектах. Это позволяет автору концепции глубоко и комплексно осветить проблему создания текста ПЯ, репрезентирующего оригинал в новой культурной среде.

Целью статьи является описание работы механизмов концептуально-дискурсивного перевода через сопоставительный анализ главы «Rules of the Road» из книги К. Фокс «Watching the English: The Hidden

Rules of Behaviour» и ее перевода на русский язык, выполненного И. П. Новоселецкой. Поскольку текст посвящен самобытности английской культуры и проявлению ее особенностей в жизни нации, он насыщен культурными концептами и является хорошим материалом для демонстрации эффективности концептуально-дискурсивного перевода.

Теория Т. А. Фесенко строится на фундаментальном представлении о переводе как о «лингвальной проекции ментальных структур переводчика» [Фесенко 2002: 135]. Текст перевода всегда представляет собой *интерпретацию* оригинала на основе иной картины мира. Концептуально-дискурсивный подход требует внимания ко всем средствам языкового выражения концептов в исходном тексте для выхода на их глубинные смыслы. В конечном тексте переводчик делает попытку выразить заложенные в оригинале концепты другими средствами таким образом, чтобы подразумеваемые смыслы были понятны читателям принимающей культуры в рамках национально-культурной специфики ПЯ. Мы проанализировали, как могут реализовываться положения этой концепции в творчестве переводчицы И.П. Новоселецкой.

Англичане, которые регулярно ездят вместе на работу и с работы на транспорте, намеренно игнорируют друг друга, не привлекая внимания к себе и не обращая внимания на окружающих. Любой, даже самый незначительный контакт, для них нежелателен, поскольку он влечет за собой общение, воспринимающееся как вторжение в личную жизнь. Такая модель поведения совершенно не понятна россиянину, которому свойственно вступать в непринужденные разговоры даже со случайными попутчиками и проявлять фамильярность в общении. Понимая это, при передаче лексемы «stuck with» переводчица применила прием описания, который позволил эксплицировать ее значение с помощью сочетания модального и смыслового глаголов «придется общаться». Глубинный смысл этого высказывания подчеркивается переводчицей с помощью интонационного курсива:

— They could be «**stuck with**» someone every day for years.

— Другим, возможно, придется общаться с кем-то *каждый день* на протяжении *многих лет*.

Англичане в силу своей традиционной замкнутости иногда нуждаются в наличии поводов для контактов друг с другом, одним из которых являются совместные возмущения в поездках на транспорте. И. П. Новоселецкая понимает, что в основе ворчанья людей лежат вовсе не их причины, которых находится великое множество, а временное сближение с людьми, которое они обеспечивают. Для передачи кон-

цептуального смысла идиомы *in the middle of nowhere* она использовала прием конкретизации. Поскольку у россиянина остановка в поле, где отсутствуют любые ориентиры, не вызовет сильной реакции, такой вариант перевода позволяет показать преувеличенность проблемы, вызвавшей всеобщее негодование:

— The «moan exception» to the denial rule normally only occurs when something goes wrong – such as the train or tube stopping **in the middle** of nowhere or in a tunnel for no apparent reason.

— Нарушение правила отрицания ради выражения недовольства обычно происходит только тогда, когда случается что-то неприятное: или поезд по непонятной причине остановился **в чистом поле**, или в туннеле.

Англичане ценят проявление формальной вежливости как знак уважения к личности, в то время как для россиян важнее искренность, даже если при этом приходится пренебрегать этикетом. Английские «please» и «thank you» не несут в себе выражения чувств, а служат для соблюдения приличий, что отражается в порицательной идиоме *mind your Ps and Qs!* При переводе словосочетания «Ps and Qs», И. П. Новоселецкая использовала прием калькирования, вследствие чего произошло стирание национального колорита лексической единицы оригинала. Утраченный концептуальный смысл был компенсирован усилением отрицания – «отнюдь не»:

— Having said that, I should point out that **there is nothing** particularly warm or friendly about English **Ps and Qs** – they are generally muttered, usually without eye contact or smiles.

— Однако я должна указать, что наши «спасибо» и «пожалуйста» – это **отнюдь не** выражение искренней благодарности.

Англичане всегда и везде организуют и соблюдают ровную линию очереди терпеливо ждущих людей, что является одним из самых ярких и известных концептов этой нации. И. П. Новоселецкая, понимая это, воспроизводит в переводе многократный лексический повтор оригинала для того, чтобы показать русскоязычному читателю, что англичане добровольно обрекают себя на то, что для россиян с пережитками советского прошлого в сознании выглядит мучением:

— **Queuing** to buy flowers, **queuing** to lay flowers, **queuing** for miles to sign books of condolence, **queuing** for hours to catch trains and buses home after a long day of **queuing**.

— **Стоят в очереди**, чтобы купить цветы; **стоят в очереди**, чтобы возложить цветы; **стоят в растянувшихся на целые мили очередях**,

чтобы оставить запись в книгах соболезнований; часами **стоят в очередях** на автобусы и поезда, чтобы вернуться домой после долгого дня **стояния в очередях**.

Концепт «очередь» восходит к доминирующему концепту британского общества – «ведение честной игры». Англичане добросовестно соблюдают правила и не нарушают их ради собственной выгоды, что отражено в следующем предложении:

— A man in a queue is a fair man; he is **minding his own business**; he lives and lets live; he gives the other fellow a chance; he practises a duty while waiting to practice his own rights; he does almost everything an Englishman believes in doing.

— Человек, стоящий в очереди, – это человек справедливый. Он **не вмешивается в чужие дела**, живет сам и дает жить другим; он не тянет одеяло на себя, исполняет свой долг и терпеливо ждет своей очереди, чтобы осуществить свои права; он делает почти все, что важно для англичанина.

Из контекста этого предложения понятно, что идиома *to mind one's own business* должна быть истолкована в смысле справедливости, а не замкнутости англичан, как это представлено в переводе И. П. Новоселецкой. Мы предлагаем использовать прием экспликации, акцентируя значимый элемент смысла интонационным курсивом: «Он **следит за своим поведением**, живет сам и не мешает жить другим; он не тянет одеяло на себя, исполняет свой долг и терпеливо ждет своей очереди, чтобы осуществить свои права».

Неформальность в отношениях с незнакомцами пугает англичан, которые концептуально описывают свои ощущения идиомой *tip of the iceberg*, обозначающей видимую часть серьезной проблемы. Для ее передачи И. П. Новоселецкая применила прием калькирования:

— I recorded other commuters using expressions such as «**tip of the iceberg**» and «slippery slope» to explain their avoidance of premature nodding, or even making eye contact with other commuters.

— Я отметила, что другие жители пригородов употребляют такие выражения, как «**вершина айсберга**» и «скользкий склон», объясняя, почему они стараются прежде времени не вступать в отношения путем приветственных кивков и даже не встречаться взглядами с попутчиками.

Нам представляется, что более эффективную передачу смысла этой идиомы могло бы обеспечить опущение выражения «скользкий склон» и использование приема целостного преобразования с введени-

ем близкого по значению фразеологизма русского языка: «Я отметила, что другие жители пригородов употребляют **такое выражение**, как **«край пропасти»**, объясняя, почему они стараются прежде времени не вступать в отношения путем приветственных кивков и даже не встречаться взглядами с попутчиками».

Сопоставительный анализ оригинала и перевода показал, что опредмечивающиеся в ПЯ концепты ИЯ могут существенно отличаться от представлений, закрепившихся в коллективном сознании представителей принимающей культуры. Из этого вытекают сложности интерпретации текста ИЯ, и передачи его содержания средствами языка перевода. Удачная реализация концептуально-дискурсивного перевода позволяет создать условия для понимания текста новой аудиторией, на которую изначально он не был ориентирован, и добиться эффективно-го взаимодействия двух культур.

Список литературы

Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №1. С.45–51.

Алексеева Л. М. Текст перевода и «текст переводчика» // Вестник Пермского государственного университета. 2011. №2. С.44–52.

Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 731 с.

Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода / Н. Л. Галеева; Твер. гос. ун-т. Тверь: ТГУ, 1997. 79 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Кушникова Л. В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л. В. Кушникова, М.С. Силантьева // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 6 (12). С. 71–75.

Пинягин Ю. Н. Великобритания: история, культура, образ жизни: лингвострановедческий очерк. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. 296 с.

Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 12-53.

Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода: Учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002. 228 с.

Bassnett S. Culture and Translation // A Companion to Translation Studies. Clevedon, 2007. P. 13–23.

REPRODUCTION OF THE NATIONAL CULTURAL PATTERN IN TRANSLATION

Alyona A. Burylova

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies), Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. burylovaaa@gmail.com

Yuriy N. Pinyagin

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the means of reproduction of the national cultural pattern in the process of translation from English into Russian. The target text introduces the initial concepts of a source language which are to be embedded into the cultural framework of the receiving language in such a way that the implicit meaning should be understood by the audience of the receiving culture.

Key words: discourse, cultural specifics, concept, translation reflection, translation.

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОЙНЫ В СИРИИ
В ОРИГИНАЛЕ И В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ
ДЖ. ФЕФФЕРА «SYRIA AS METAPHOR»)**

Елизавета Александровна Гладких

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. elizabethgladkikh@gmail.com

Марианна Наумовна Литвинова

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева 15. marialit55@gmail.com

Работа посвящена метафорическому представлению войны в Сирии в оригинале и в переводе статьи американского журналиста Джона Феффера «Syria as Metaphor». Теоретической основой послужил когнитивный подход к определению метафоры. Проанализированы основные метафорические модели. В результате получен целостный метафорический образ войны в Сирии в оригинале и в переводе.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, политическая лингвистика, типовой сценарий, текстообразующая функция.

Об употреблении метафор в контексте описания военных действий писал Дж. Лакофф в работе «Метафора и война: система метафор для оправдания войны в заливе» [Лакофф 2006]. Мы же обращаемся к военному конфликту в Сирии. Большой энциклопедический словарь дает следующее определение: «Война – это организованная вооруженная борьба между государствами, нациями (народами), социальными группами» [Большой энциклопедический словарь]. В ней всегда есть несколько противоборствующих сторон, каждая из которых преследует свои интересы.

За теоретическую основу исследования были взяты работы в области когнитивистики А. П. Чудинова [Чудинов 2003], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1990], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон

1990], в которых метафора определяется не как риторическое средство, а как способ мысли. Основным метафорическим понятием является метафорическое моделирование, то есть сам процесс создания и применения метафоры. Согласно когнитивному подходу метафорическое моделирование – это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Для описания метафорической модели используются следующие признаки, в соответствии с которыми можно охарактеризовать механизм метафоризации: исходная понятийная область – сфера из которой берутся неметафорические смыслы понятий; новая понятийная область – сфера к которой применяются эти понятия [Чудинов 2003]. Например: «Если бы государства могли видеть сны, Сирия была бы их ночным кошмаром». Описывая метафору «ночной кошмар» мы можем сказать, что исходной понятийной областью является нейрофизиология, а новой – война.

Основными функциями политической метафоры, по мнению М. И. Кобозевой, являются эвристическая и аргументативная, а также интерактивная функция сглаживания наиболее опасных политических высказываний. Особое внимание в нашей работе обращено на текстообразующую функцию метафоры, то есть ее способность быть мотивированной, развернутой, объясненной и продолженной [Кобозева 2001]. Поскольку исследование связано с метафорическим представлением определенных событий в тексте, соответственно, текстообразующая функция является для нас одной из главных.

Благодаря предпереводческому анализу было выявлено общее количество метафор в тексте – тридцать девять. Эти метафоры составляют нарратив (описание, повествование) войны в Сирии. Доминантной метафорической моделью является «Сирия – это ночной кошмар». Сама статья начинается с вопроса: «*When states dream is Syria their nightmare*»? Вся статья представляет собой рассуждения на эту тему. С одной стороны, Сирия предстает перед нами сильным и властным человеком, который до начала военных действий был крайне суров, жесток и хитер. Этот человек всячески пытается расширить границы своего государства. Все это подтверждается метафорами: «*The Syrian state enjoyed a monopoly on violence*», «*the Syrian state once had delusions of grandeur*», «*Syria attempted to absorb Lebanon*», «*Syria attempted to dis-*

place Iraq», «As much as the younger Assad would have liked to maintain a firm grip on power», «The House of Saud rules with an iron fist».

С другой стороны, Сирия – некая вещь, которая подверглась разрушению. Эта метафорическая модель «Сирия – вещь» подтверждается следующими метафорами: *«Syria has fallen in upon itself, fracturing into four distinct pieces», «Slice of territory around the capital and the coast», «and various rebel factions have secured a patchwork of land in all four corners of what had once been a unified Syria», «Syria is emerging as a metaphor for the fragmentation and chaos that the modern world barely contains», «the countries jockeying for influence in Syria today face many of the same divisive forces that have torn apart that benighted country», «stripped of its magic sovereignty, Syria has been turned into a piñata whose hidden treasures are now available for all to see and seize».*

Особо следует выделить метафору *«patchwork»*, характеризующую территорию Сирии после начала войны как лоскутное одеяло, каждую часть которого силой забрали себе повстанческие группировки. Также одной из самых ярких в тексте является метафора *«piñata»*, артефактная метафора, то есть нечто созданное руками человека. Пиньяту создают для того, чтобы потом разбить, именно по такому сценарию разбивается жизнь сирийского государства, по словам автора статьи.

Наравне с представленными параллельными метафорическими моделями в статье содержится еще одна метафора, характеризующая Сирию в негативном ключе: «Сирия – заразная болезнь»: *«Their nightmare: that whatever is tearing apart Syria is contagious»*. Метафора *«contagious»* также дает отрицательную окраску сирийскому государству. Говоря о Сирии как о заразной болезни, автор показывает читателю, как она опасна. Метафора *«contagious»* буквально внушает страх, потому что силы, действующие на территории страны, могут начать вести свою деятельность и за пределами сирийского государства. Такая ситуация и может стать кошмаром для всего мира.

В итоге, в оригинале мы видим две параллельных метафорических модели: Сирия грозный правитель и Сирия разорванная вещь.

В процессе перевода мы придерживались установки на сохранение той конфигурации метафор, которую выявили в оригинале. Сопоставляя тексты оригинала и выполненного нами перевода, мы опирались на теорию когнитивного перевода Н. Мандельблита. Эта теория гласит, что перевод метафор может осуществляться двумя путями: когда в языке перевода есть идентичная исходной метафорическая модель, и в таком случае метафора переводится дословно – происходит аналогич-

ное метафорическое проецирование; и когда такой модели нет – другое метафорическое проецирование [Mandelblit N. 1995]. При сценарии другого метафорического проецирования часто используется реметафоризация, то есть подбор другой метафорической модели в языке перевода, либо деметафоризация – перевод метафоры через описание.

В нашем переводе большая часть метафор сохранилась, либо была переведена путём реметафоризации. В тексте перевода довоенная Сирия осталась «грозным правителем»: «Сирийское государство обладало монополией на насилие (*The Syrian state enjoyed a monopoly on violence*)»; «Сирийское государство испытывало иллюзии относительно своего великого предназначения (*the Syrian state once had delusions of grandeur*)»; «При правлении Хафеза аль-Асада с 1970 по 2000 год Сирия пыталась поглотить Ливан, сместить Ирак (*Syria attempted to absorb Lebanon, displace Iraq*)»; «Саудиты держат страну в ежовых рукавицах (*The House of Saud rules with an iron fist*)».

Не изменилась и модель характеризующая Сирию как вещь: «Сирия распалась на четыре отдельных части (*Syria has fallen in upon itself, fracturing into four distinct pieces*)»; «Кусок территории вокруг столицы и побережья Средиземного моря (*Slice of territory around the capital and the coast*)»; «Разные повстанческие фракции, ..., превратили в лоскутное одеяло то, что когда то было единым (*And various rebel factions have secured a patchwork of land in all four corners of what had once been a unified Syria*)»; «Сирия сегодня предстает как метафора раздробленности и хаоса, который современный мир с трудом сдерживаем (*Syria is emerging as a metaphor for the fragmentation and chaos that the modern world barely contains*)»; «Потеряв свой «волишебный» суверенитет, Сирия превратилась в игрушку пиньяту, чьи спрятанные сокровища теперь все могут увидеть и захватить. (*Stripped of its magic sovereignty, Syria has been turned into a piñata whose hidden treasures are now available for all to see and seize*)».

Одной из наиболее необычных с точки зрения своей лингвокультурной характеристики метафор в тексте оригинала является «пиньята». Эта игрушка появилась в Мексике, однако сейчас она распространена и в других странах Северной Америки. В России такая игрушка из папье-маше не пользуется популярностью, именно поэтому в переводе мы посчитали нужным добавить слово «игрушка», чтобы для непосвященного читателя текст был понятен.

Осталась такой же яркой в переводе и метафора болезни: «Но силы, действующие на территории Сирии, заразные как инфекция, – это их

кошмар (*Their nightmare: that whatever is tearing apart Syria is contagious*)».

Метафоры, содержащиеся в переводимой нами статье, составляют определенный сценарий. Согласно этому сценарию Сирия, показанная в лице сурового правителя – Башара Аль Асада, с началом военных действий потеряла свой суверенитет, всю свою силу и мощь, и превратилась в лоскутное одеяло, в пиньяту, которую другие страны так хотят разбить. После 2011 года Сирия стала метафорой раздробленности и хаоса, который современный мир едва сдерживает и боится, что может попасть под влияние тех сил, которые разгромили сирийское государство.

Проанализировав проделанную нами работу, мы можем сделать вывод о том, что при переводе нам удалось сохранить 90% метафор, описывающих военный конфликт в Сирии. Анализируя текстообразующую функцию, которую выполняют в тексте оригинала многочисленные метафоры, мы убедились, что они составляют определенный сценарий, который сохраняется и в переводе. На представленных примерах можно увидеть, каким образом метафорические модели «Сирия – грозный правитель» и «Сирия – вещь» выстраивают своеобразный метафорический сценарий, параллельный основной линии повествования в тексте.

В начале статьи автор ставит вопрос: «*When states dream is Syria their nightmare?*» На протяжении всей статьи переходя от одной метафоры к другой, он отвечает на этот вопрос. А в самом конце статьи Джон Феффер ясно дает понять, что Сирия – это метафора самого страшного кошмара для таких государств как Турция, Саудовская Аравия, США и Иран: «*And that, of course, is the ultimate nightmare for Turkey and Iran and Saudi Arabia and the United States – when Syria ceases to be a gloomy metaphor for what is happening outside its borders and becomes instead a grim reality* (конечно самый страшный кошмар для Турции, Ирана, Саудовской Аравии и США – это когда Сирия перестанет быть мрачной метафорой того, что происходит за ее границами и вместо этого станет их жестокой реальностью)».

Таким образом, следуя стратегии сохранения конфигурации метафор, содержащихся в тексте оригинала, мы стремились максимально полно показать в переводе метафорическую репрезентацию военного конфликта в Сирии.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
- Большой энциклопедический словарь. URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic> (дата обращения: 30.03.2018).
- Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 134–135.
- Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
- Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в заливе / Дж. Лакофф // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. С.59–71.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
- Mandelblit N. The Cognitive View of Metaphor and Its Implication for Translation Theory // Translation and meaning. Part 3. 1995. 482–495.
- Feffer J. Syria as Metaphor. 2016 URL: <http://fpif.org/syria-as-metaphor> (дата обращения: 28.01.2018).

METAPHORICAL REPRESENTATION OF SYRIAN WAR IN THE SOURCE TEXT AND THE TARGET TEXT (BASED ON THE ARTICLE BY JOHN FEFFER «SYRIA AS METAPHOR»)

Elizaveta A. Gladkikh

Student of Linguistics, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. elizabethgladkikh@gmail.com

Marianna N. Litvinova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation,
Perm State University
614990 Perm, Bukirev str., 15. marialit55@gmail.com

The article is devoted to the metaphorical representation of Syrian conflict as presented in John Feffer's article «Syria as Metaphor» and in its translation. Based on the concept of cognitive metaphor the investigation explains the main metaphorical models used by the author. As a result a well-rounded metaphorical image of Syrian war is presented in the source text and in the target text.

Keywords: metaphor, metaphorical model, political linguistics, typical scenario, text formation function.

МЕТОД КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КАК ЭТАП ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Арина Михайловна Горовая

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Перевод и переводоведение»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. arinagorovaya@gmail.com

Мария Алексеевна Хрусталева

к. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. cristalik1982@list.ru

В статье рассмотрено поэтическое мировидение Луиса Сернуды, представленное нами в виде концепта MUNDO POÉTICO. Метод концептуального моделирования является одним из самых эффективных при понимании поэзии. Данный подход позволяет проникнуть в идейно-образный мир произведения, что существенно на этапе предпереводческого анализа стихотворения. Применение метода концептуального моделирования позволяет понять поэтическое мировоззрение и восстановить авторскую картину мира, что принципиально важно для адекватной интерпретации его произведений.

Ключевые слова: Сернуда, концепт, фрейм, поэзия, концептуальное моделирование

Когнитивная лингвистика, получившая огромное развитие в последние десятилетия, на данный момент является наиболее актуальным направлением изучения языка. Данная статья посвящена когнитивно-дискурсивному подходу к пониманию поэтического текста с целью его дальнейшей интерпретации и перевода с испанского языка на русский язык.

Основой современной лингвистики является принцип антропоцентризма, который при исследовании языка ставит на первое место

именно человека. Рассмотрение художественного текста с данной позиции обуславливает появление термина «художественный дискурс». Именно уникальность специфики и параметров организации текста, в значительной степени отличает художественный дискурс, при этом поэтический дискурс является частным случаем художественного дискурса. Явление поэтического дискурса включает в себя социальный и исторический контекст, элементы биографии автора, его особенности мышления. Таким образом, поэтический дискурс обладает способностью отражать объективность, он определяется рядом особенностей, которые отличают его от других типов речи: преобладание информации эмоционального и эстетического вида, которая выражает субъективное отношение автора к событиям и явлениям, а также однородная ритмическая основа стиха и превалирующая роль мелодики композиционной структуры [Макарова 2005: 117].

Поскольку художественный текст отличается своеобразием и высокой мерой непереводимости, процесс перевода поэзии имеет ряд существенных отличий и нюансов. Так, в процессе поэтического перевода существенную роль играет адекватность перевода, что подразумевает передачу системы образов и эмоциональной реакции, заложенной в оригинале. Перевод поэтического произведения должен обладать способностью воздействовать на реципиента с такой же силой, которая достигается исходным текстом. Таким образом, самое главное в процессе перевода – это передача своеобразие ритма и системы образов стихотворения и формальной структуры стиха. Данная форма представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, – ритма, мелодии, стилистики, образно-эмоционального содержания лексики. Формальная структура стиха служит основой для создания его ритма – фундамента, на котором стоит поэтический текст. Поэтому перевод поэтического текста занимает особое положение среди иных видов перевода. В поэтическом дискурсе каждый элемент языка, посредством тонких ассоциативных связей участвует в создании конкретно-чувственного образа. Следовательно, в поэтическом переводе, обусловленным различиями между языками, уже сложившиеся ассоциативные связи в значительной мере разрушаются, на месте которых возникают новые связи, свойственные языку, на который сделан перевод [Идиатуллина 2010: электронный ресурс].

Заметим, что в современной лингвистике усиливается внимание к психологическим аспектам перевода, определяющим деятельность переводчика. Рассматриваются механизмы понимания, оценки и при-

нения решений во взаимодействии человека и художественного текста, поскольку именно переводчик отвечает за восприятие текста перевода читателем. Таким образом, в центре исследования находится именно коммуникативный процесс, в котором переводчик выступает в роли посредника авторской мысли, задействуя языковой и мыслительный коды. Следовательно, важной частью перевода поэтического произведения является процесс его интерпретации. Переводчик выполняет интерпретационную функцию в процессе передачи авторской мысли на другой язык, в связи с чем существует так называемая множественность интерпретаций, обусловленная непредставленностью в действительности референтной ситуации. Различается также и эмоциональное отношение к данной ситуации автора и переводчика [Бабенко 2004: 44–45].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что основные задачи при переводе поэзии - это интерпретация идейно-образного мира стихотворения, достижение той же реакции у читателей перевода произведения, что и у воспринимающих исходный текст, сохранение его эстетической составляющей и особенностей оригинала.

Далее целесообразно перейти к рассмотрению сущности метода концептуального моделирования. Данный метод был выбран нами в качестве основного подхода к переводу поэзии, поскольку он представляется наиболее эффективным в связи с тем, что элементом отражения действительности в поэтическом сознании является поэтический концепт.

Понятие концепта пришло из философии и логики, но в последние 15 лет оно переживает период актуализации и переосмысления и широко используется в когнитивной лингвистике. Концепт представляет ряд языковых реализаций, образующих лексико-семантическую парадигму и выполняет следующие функции: он фиксирует знания, опыт, языковые и культурные особенности и выступает в качестве базовой единицы картины мира общности, а следовательно он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом [Маслова 2004: 31–32]. Основная роль концепта – это формирование картины мира, отраженной в человеческой психике и определение референтной ситуации. Он выступает как классифицирующий механизм и универсальный художественный опыт, способный выступать в качестве строительного материала при поэтическом выражении новых художественных смыслов. В поэтическом произведении имеет место также приращение индивидуальных смыслов, отражающих особое мирови-

дение автора. Таким образом, концептуализация мира в художественном произведении отражает как универсальные законы мироустройства, так и индивидуально-авторские идеи, знания, представления.

Следует отметить, что метод концептуального моделирования предполагает проведение когнитивно-дискурсивного анализа, который позволяет подойти ко многим проблемам с новых позиций и увидеть рассматриваемые феномены в новых аспектах [Кубрякова 2006: 4]. В когнитивной лингвистике выделяют следующие этапы когнитивно-дискурсивного анализа:

1) Установление и выборка из художественного произведения языковых средств, репрезентирующих некоторый концепт. Определение лексем, составляющих ядро концепта, выделение устойчивых сочетания фразеологического характера, например метафор и эпитетов.

2) Семантическое описание языковых средств, итогом которого является максимально полный анализ словарных и контекстуальных значений единиц, вербализирующих концепт;

3) Когнитивная интерпретация результатов семантического описания: составление фрейма, выявление когнитивных признаков концепта [Попова, Стернин 2006: 141].

В свою очередь когнитивная интерпретация подразумевает выявление когнитивных признаков концепта и их последующее обобщение. Важным составляющим компонентом определения когнитивных признаков является когнитивная интерпретация метафор. Когнитивные метафоры определяются при этом как содержательные признаки, входящие в структуру концепта.

Далее целесообразным видится перейти собственно к практической части нашей статьи. В качестве материала для данной статьи мы выбрали за основу пять стихотворений испанского поэта Луиса Сернуды: «Si el hombre pudiera decir lo que ama», «Diré cómo nacisteis», «Los fantasmas del deseo», «Quisiera estar solo en el sur», «La sombra». На наш взгляд, выбранные стихотворения показывают поэтический мир с разных сторон и являются одними из самых знаковых в творчестве автора.

Луис Сернуда-и-Бидон считается одним из самых выдающихся поэтов Испании. Представляется, что Луис Сернуда заслуживает отдельного внимания к себе и своему творчеству, поскольку он, наряду с такими знаменитыми поэтами как Федерико Гарсиа Лорка, Рафаэль Альберти, был участником движения поколения 1927 года. Вместе с тем, в сравнении с другими членами этого движения, Сернуда не был таким

же известным, однако думается, что это не делает его творчество менее интересным. Луис Сернуда осуществил огромный вклад в поэтическое наследие Испании и всего мира. Его поэтический стиль сочетает в себе три направления: сюрреализм, романтизм и символизм.

Несмотря на то, что с изданием в 1958 г. общего сборника стихов Сернуды, «*La realidad y el deseo*», работы автора стали доступным для широкой аудитории, расширяя область своего влияния, поэзия этого автора так и не была переведена и издана на русском языке. Представляется, что это огромная потеря, поскольку поэтический путь самопознания Луиса Сернуды от подросткового возраста до старости, на наш взгляд, заслуживает особого внимания. Проследив путь поэта и эволюцию его жизненных взглядов, можно многое для себя открыть и познать. В связи с этим, многие иностранные критики дают положительную характеристику работам Луиса Сернуды.

Заметим, что главными чертами поэзии Сернуды являются построение стиха верлибром, особая мелодика, определенная композиционная симметрия. Чередование длинных и коротких строф с разными настроениями является наиболее характерной чертой его творчества, что очень важно отметить для сохранения авторского стиля при переводе. Все пять рассматриваемых стихотворений заключают в себе конфликт между реальностью и желаемым, между материальным и ментальным, поэтому любимыми художественными приемами поэта выступают метафора, антитеза и лексический повтор.

На основании семантического анализа лексем был составлен фрейм концепта MUNDO POÉTICO. Поскольку личность поэта сама по себе является частью реальности и особый интерес представляет его мировосприятие, был сделан выбор в пользу данной формулировки рассматриваемого концепта. Фрейм концепта MUNDO POÉTICO включает в себя два слота «**Realidad**» и «**Sueño**», что еще раз подчеркивает противостояние двух реальностей, в которых пребывает поэт, отражая главную особенность его мироощущения.

Слот «**Realidad**» был разделен на подслоты «*Obstáculos*» и «*Angustia*». Подслот «*Obstáculos*», представляющий все те ограничения реальности, которые не позволяют поэту жить свободно, согласно своим мечтам. Подслот «*Angustia*», в свою очередь, состоит из двух подслов, характеризующих реальность, обуславливающую страдания поэта - «*Soledad*» и «*Atributos de la tristeza*», как части реальности, приносящие беспокойство и меланхолию.

Слот «*Sueño*» включает в себя три подслота – «*Amor*», «*Juventud*» и «*Deseo*». Вербальные репрезентанты, относящиеся к данным подслотам, выражают основные желания поэта, его духовный мир. Подслот «*Amor*» был разделен на две категории – «*Posibilidades del amor*», определяющий те возможности, которые дает поэту любовь и «*Interpretación del amor*», дающий представление именно о поэтическом видении любви. Второй подслот «*Juventud*» представляет собой особое внимание поэта к молодости, как символу дружбы, свободы, вечности и счастья. Третий подслот, «*Deseo*», также содержит две составляющие: «*Descripción del deseo*» и «*Símbolos de la naturaleza*», что поможет нам интерпретировать духовный мир поэта. Желание, как главная часть поэтического мира, отражается именно в образах природы, а в словесной форме выражается через метафоры и эпитеты.

Особое место в лирике Луиса Сернуды занимает тема однополых отношений. Стихотворение «*Si el hombre pudiera decir lo que ama*» из сборника «*Los placeres prohibidos*» (1931), представляет собой протест сюрреализма против действительности, шаблонов и правил общества. Основной мотив данного произведения – это желание свободы любви, слова и возможности заявить о своих чувствах миру. Неприязнь общества заставляет поэта чувствовать себя в заточении, что выражается в произведении с помощью символов и метафор. Основное отличие этого стихотворения состоит в обильном использовании поэтом сослагательного наклонения, условных предложений и союза «*si*». Анафора, с которой начинается стих: «*si el hombre pudiera decir lo que ama, si el hombre pudiera levantar su amor por el cielo*», подчеркивает сильное желание недостижимого и погружает читателя в мир мечтаний поэта. На наш взгляд, лексический повтор слов *verdad* и *amor* определяет главную тему стихотворения и выражает громкое заявление поэтом о своем чувстве. Любовь для поэта – синоним правды, искреннее чувство. С помощью приема противопоставления «*que no se llama gloria, fortuna o ambición, sino amor o deseo*», автор еще раз отмечает то, что главное для него – это бескорыстная любовь и желание. Лексический повтор «*mi cuerpo y espíritu flotan en su cuerpo y espíritu*», показывает, что любовь для поэта – это единство душ.

Среди символов желания можно отметить море, которое, также, как и страсть может принимать разные формы, быть спокойным или бушевать: «*como leños perdidos que el mar anega o levanta*». Одиночество и заключение для автора выражаются в образе стен: «*si como muros que se derrumban*», и даже тела, от которого поэт может отказаться ра-

ди свободы: «*pudiera derrumbar su cuerpo*». Однако метафора «*estar preso en alguien*», наоборот, обозначается автором как единственная "свобода", которую он знает: «*libertad no conozco sino la libertad de estar preso en alguien*». Отсюда можно сделать вывод о двояком представлении поэта о свободе, что подтверждают контекстные антонимы: «*la única libertad que me exalta, la única libertad por que muero*». Таким образом, мы выделили основную тему произведения - желание свободы любви и выражения чувств, а также установили, какое представление имеет поэт об этих категориях.

Следующее стихотворение, выбранное нами для анализа, также было опубликовано в сборнике «*Los placeres prohibidos*» (1931). В произведении «*Diré cómo nacisteis*» поэт ведет своеобразный диалог со своими желаниями с помощью метафор, и именно благодаря данному средству раскрывается его внутренний мир и чувства. Таким образом мы получаем представление о том, как поэт видит реальность и свои желания. Основная тема стихотворения – конфликт между желанием и реальностью, и здесь эти два мира противостоят друг другу. В начале стихотворения поэт использует сравнение, чтобы описать момент осознания своих истинных желаний: «*Como nace un deseo sobre torres de espanto*». Этот момент является переломным в жизни поэта, поскольку он открывает правду о его истинной сущности. Реальность здесь представляется с помощью метафор *amenazadores barrotes, torres de espanto, hiel descolorida, corazas infraqueables, lanzas, la tempestad*. В соответствии со значением данных лексем, они были определены в подслот «*Obstáculos*», как символы того, что отделяет поэта от желаемой реальности. И наоборот, элементы природы, как мира, репрезентирующего мечтания поэта – *hojas lascivas, agua acariciadora, playa de seda, planetas terrenales, miembros de mármol, jugo de esponjas, flores de hierro*, – мы определили в подслот «*Símbolos de la naturaleza*». Далее поэт пишет о конкретных препятствиях и восстании против них. Ограничения представляются в виде законов, определенных правил социума: *límites de metal o papel, leyes hediondas, códigos*. Бунт против них практически невозможен, поскольку реальность настолько ограничивает поэта, что он сравнивает ее с непроходимым лесом или глубоким морем: «*Un bosque impenetrable que niega, un mar que traga adolescentes rebeldes*». Причем море здесь выражает как необъятное желание заявить о своих чувствах, так и социум, который "поглощает" личность, отрицая ее желания. Метафоры ограничений также представляются рядом контекстных синонимов *la ira, el ultraje, el oprobio y la muerte*,

представляющим собой градацию. Ряд данных лексем развивает некое чувство *ira*, имеющее значение «Sentimiento de indignación», далее следует *el ultraje*, означающее «Ajamiento, injuria o desprecio», третья стадия выражается как *el oprobio* (Ignominia, afrenta, deshonra) и как результат – *la muerte*. (Destrucción, aniquilamiento, ruina) [RAE: электронный ресурс]. Следовательно, по мнению поэта, гнев и ненависть неизбежно ведут к смерти, разрушению личности. Противопоставлением этому является обращение поэта к своим желаниям. Он пишет, что никакая горечь не сможет испортить вкус этих желаний: «Sabor que ninguna amargura contrame». Строфа заканчивается метафорой *cielos relampagueantes que aniquilan*, которая также означает, что желания поэта мимолетны, как молнии.

Следующее стихотворение, выбранное для анализа, «Los fantasmas del deseo», поэт посвятил Бернабе Фернандесу Канивеллу, испанскому поэту, который сопровождал Луиса Сернуду по пути в Париж в 1938 г. Основная идея стиха в том, что в любовных и дружеских отношениях нет ни любви, ни дружбы, а есть только непостоянное удовольствие. Это желание кажется чем-то личным, однако не является желанием только одного человека, ведь к нему стремятся все люди: нечестивые, невинные, влюбленные. Поэт видит призрачную природу желаний, а также то, что в их корне всегда лежит стремление к ненасытному удовольствию, и поэтому он пребывает в размышлениях о вечном. Выражением этой идеи является, антитеза, которая объединяет противоположные стороны: «que los vivos, los muertos, el placer y la pena, la soledad, la amistad/son tan dignos de mí, como de ellos yo lo soy». Прием антитезы также можно заметить в разном времени повествования. В конце стихотворения автор говорит уже в настоящем: «mis brazos, tierra, son ya más anchos, ágiles». Здесь мы видим как поэт возвращается к самому себе. Его символизирует образ земли, как то вечное, на что можно полагаться. Поэт пишет о том, что в гонке за желаниями, он не был знаком с тем, кто он есть на самом деле: «ignorando tu alentar, huracán o tumulto, idénticos en esta melancólica burbuja que yo soy».

Про любовь поэт пишет: «El amor no tiene esta o aquella forma, no puede detenerse en criatura alguna». Любовь для поэта - нечто неуловимое и призрачное, что нельзя удержать. Поэт сравнивает ее с песком, способным легко исчезнуть с порывом ветра: «como la arena, que al besarla los labios, finge otros labios, dúctiles al deseo». Таким образом поэт хочет сказать, что желание – это всего лишь призрачный образ, а по-настоящему важно то, что вечно. Также поэт считает, что любовью

в основном движет стремление к ненасытному удовольствию: «la caricia es mentira, el amor es mentira, la amistad es mentira». Однако это подразумевает лишь освобождение от привязанности к чувствам и возвращение к самому себе. Поэт осознает, что смысл жизни заключен внутри него, а не в гонке за призрачными желаниями: «no es en vosotros donde la vida está, sino en la tierra». Это осознание приносит поэту счастье и душевный покой: «este mundo divino que ahora es mío». Поэт понимает, что желания, с которыми он себя отождествлял, на самом деле только кажутся личными, на самом деле, это желания любого человека: «este deseo que aparenta ser mío y ni siquiera es mío, sino el deseo de todos». Земля же, как символ вечного, остается на месте, даже когда уходят чувства и отношения: «la caricia es mentira, el amor es mentira, la amistad es mentira. Tú sola quedas con el deseo».

Таким образом, анализ данного стихотворения позволил нам глубже проникнуть в значение языковых репрезентантов. Страсть выражена через такие лексемы, как *placer*, *sediento*, *ansia*, *afán*, *beso*, *labios tendidos*. Стоит отметить, что лексемы *ansia* и *afán* являются контекстными синонимами. Так, *ansia* имеет одно из значений «deseo vehementemente», а *afán* определяется как «deseo intenso», так что данные лексемы выражают градацию силы желания. Необходимо отметить, что лексемы *los vivos u los muertos*, *el placer u la pena*, *la soledad u la amistad* имеют диаметрально противоположное значение, поэтому при переводе этих лексем важно сохранить данную степень антонимии.

Продолжая рассматривать образ земли, следует отметить, что тема любви к роднине занимает особое место в творчестве Луиса Сернуды. Стихотворение «Quisiera estar solo en el sur» поэт написал в период своей юности, вдохновляясь джазом. Это стихотворение было написано во Франции, в то время, когда Сернуда преподавал в Тулузе, поэтому оно насквозь пропитано ностальгией и тоской по Испании. Так, главная тема стихотворения – это ностальгия по родной земле. Поэт говорит о юге Испании с особой любовью и нежностью, хотя, возможно, никогда туда не вернется: «Quizá mis lentos ojos no verán más el sur». Метафора *lentos ojos* позволяет нам понять, что автор, на тот момент чувствовал свое взросление и некую усталость. Поэт не дает описание пейзажа, но использует сюрреалистический образ (*de ligeros paisajes dormidos en el aire*), который составляют отдельные элементы (*la lluvia, la niebla, la oscuridad, la luz*). Однако природные явления юга, которые упоминает поэт, символичны и наделены явно человеческими чертами, поскольку именно человек интересует автора. о чем говорят

олицетворения: «un desierto que llora», «su niebla misma ríe», «el mar encamina sus deseos amargos».

Таким образом, родной юг Испании для поэта представляет собой потерянный рай, в котором всё прекрасно, что выражается с помощью метафор и приемов олицетворения. На наш взгляд, данное стихотворение является значимым в творчестве поэта, поскольку характеризует важный этап в его жизни и с новой стороны раскрывает конфликт желания и реальности.

Последнее стихотворение, выбранное нами для анализа, «La sombra», отражает тему молодости и ностальгии. Само название говорит о том, что юность, оставшаяся в прошлом, представляется поэту как тень. Поэт осознает, что он уже не молод, но продолжает вспоминать прошлые времена: «buscas tu juventud, como si fuera el cuerpo/ que al alba no encuentras». Таким образом, основная тема произведения - взросление, которое несет перемены в самосознании и является непривычным для поэта: «ausencia copocida, nueva siempre». С возрастом человек развивается, становится более мудрым и опытным («Hoy tú seas más de lo que era »), однако порой ностальгия заставляет его жить прошлым. С одной стороны, молодость вспоминается поэту как прекрасное время, с другой же как время, полное ошибок и боли: «olvidado que de su mocedad se alimentaba aquella pena aguda». То, что в молодости переживалось поэтом очень остро и сильно волновало его душу, сейчас же стало просто лёгким беспокойством: «es sólo un vago malestar». Поэт понимает, что привык к боли, стал менее чувствительным, но он также перестал ощущать все те эмоции и переживания, благодаря которым он чувствовал себя живым. Тень молодости, оставшаяся в памяти, дает понять поэту, что с течением времени он потерял нечто ценное: «dejando indiferente al otro que tú eres, sin pena, sin alivio».

Подводя итоги, можно сказать, что в данной статье была предпринята попытка рассмотреть поэтический дискурс в свете когнитивно-дискурсивного анализа. На основе отобранных стихотворений был создан фрейм концепта MUNDO POÉTICO, который явился ментально-образной моделью для последующего их перевода на русский язык. Также подчеркнем, что проведение когнитивно-дискурсивного анализа позволило нам глубже понять поэтическое мировидение Луиса Сернуды через языковые средства реализации концепта и семантические отношения между вербальными репрезентантами. Таким образом, можно заключить, что применение метода концептуального моделирования позволяет понять поэтическое мировоззрение и восстановить

авторскую картину мира, что существенно для адекватной интерпретации его произведений.

Список литературы

Александрович Н.В. Концептуальный анализ художественного текста как предварительный этап его перевода: материалы науч.-практ. конф., Ижевск, 2008. С. 175–182.

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.

Идиатуллина Л.Т. Проблема перевода поэзии в исследованиях современных ученых. URL: <http://docplayer.ru/25975565-Udk-882-problema-perevoda-poezii-v-issledovaniyah-sovremennyh-uchenyh-l-t-idiatullina.html> (дата обращения 02.12.17).

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода / М.Лозинский // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. С.91-106.

Макарова Л.С. Поэтический дискурс и перевод. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskiy-diskurs-i-perevod> (дата обращения 20.11.2017).

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. Мн.: ТетраСистемс, 2004 г. 256 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка/ Монография. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

Harris D. Luis Cernuda: a Study of the Poetry. Tamesis Books Ltd, Londres, 1973. Literary Criticism.188 p.

Juan Matas Caballero , José Enrique Martínez , José Manuel Trabado Cabado. Cuatro poetas del 27: Salinas, Lorca, Aleixandre y Cernuda, 2005, 281 p.

Luis Cernuda Poetry Criticism Ed. Michelle Lee, 2005. URL: <http://www.enotes.com/topics/luis-cernuda/critical-essays/cernuda-luis#critical-essays-cernuda-luis-introduction> (дата обращения: 16.10.17).

METHOD OF CONCEPTUAL MODELING AS A STAGE OF PRE-CONVENTIONAL ANALYSIS OF POETIC DISCOURSE

Arina M. Gorovaya

Student of Linguistics (Department of Linguistics and Translation), Bachelor's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. arinagorovaya@gmail.com

Maria A. Khrustaleva

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. cristalik1982@list.ru

The article deals with the poetic worldview of Luis Cernuda, presented by us in the form of the concept MUNDO POÉTICO. The method of conceptual modeling is one of the most effective in understanding poetry. This approach allows us to penetrate into the ideological-figurative world of the work, which is essential at the stage of the pre-translational analysis of the poem. The application of the conceptual modeling method allows us to understand the poetic worldview and restore the author's picture of the world, which is fundamentally important for an adequate interpretation of his works.

Keywords: Cernuda, concept, frame, poetry, conceptual modeling.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анастасия Александровна Дерезлазова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. dereglazova.a@inbox.ru

Светлана Филипповна Плясунова

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. germany.psu.ru

Влияние иноязычной лексики, в том числе и немецкой, в конце XX века и до сих пор не подлежит сомнению и занимает ключевое место относительно проникновения заимствований в русскую языковую систему. Немецкий язык на фоне других языков занимает одну из доминирующих позиций, поэтому изучение разноаспектных проблем, связанных с русско-немецким языковым контактированием для настоящего периода, с объективной точки зрения, является весьма актуальным. В статье ставится задача проанализировать проявление немецкоязычной заимствованной лексики в современном русском языке, в частности, в сфере публицистики.

Ключевые слова: заимствование, язык-донор, язык-акцептор, заимствованная немецкая лексика.

Предметом исследования являются лексические заимствования из немецкого языка в современной российской публицистике.

В качестве материала исследования были выбраны некоторые статьи изданий «Аргументы и факты» и «Правда».

Целью исследования является изучение немецкой лексики в составе современного русского языка.

Поставленная цель определяет следующий круг задач: изучение причин и путей проникновения заимствований в язык; изучение процесса освоения заимствованного слова принимающим языком; выяв-

ление состава немецкоязычной лексики в области публицистики в исследуемый период времени.

Займствование слов – естественная и необходимая составляющая развития любого языка, являющегося, по сути, живым организмом, для которого характерно постоянное изменение.

В словаре-справочнике лингвистических терминов лексические заимствования имеют такое определение «слова, заимствованные из других языков» [Розенталь, 2000]. Авторы словаря считают, что «...заимствование является естественным следствием установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова... Заимствование способствует обогащению словарного состава заимствующего языка... Однако злоупотребление иноязычными словами, неоправданное использование их без надобности приводит к засорению русского литературного языка» [Там же].

Можно выделить две крупные группы причин заимствований: экстралингвистические, то есть внешнеязыковые, и внутрилингвистические причины, обусловленные спецификой языка – акцептора.

К экстралингвистическим причинам относятся: исторические контакты народов, то есть возникновение межнациональных связей, следствием которого является неперенное взаимопроникновение в язык каких – либо слов, необходимость номинации новых предметов и понятий, новаторство нации в какой-либо отдельной сфере деятельности, мода – то, что появляется в моде, как правило, носит наименование на каком-либо европейском языке, а поскольку модой интересуются многие, то происходит распространение и в другие языки, экономия языковых средств, исторически обусловленное увеличение определённых социальных слоев, принимающих новое слово.

К внутрилингвистическим причинам относятся: отсутствие в родном языке эквивалентного слова для нового предмета или понятия, например, верфь – место постройки и ремонта судов (der Werft), шлюз – сооружение на реке для пропуска судов при разном уровне воды на пути их следования (der Schleuse), дрель – механизм для вращения сверла при сверлении малых отверстий (der Drill) и другие, а также тенденция к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота, например, бакенбарды – волосы, растущие от висков по щекам (der Backenbart), верстак – специальный рабочий стол для столярной, слесарной работы (der Werkstatt), курорт – местность с

природными лечебными средствами и санаториями (der Kurort) и другие.

Существуют различные способы проникновения заимствований в новый язык, которые характерны и для проникновения заимствований в русский язык. Особенно выделяются следующие пути: заимствование устным путём через разговорное общение между людьми, в котором слова усваиваются быстрее, легче, но при этом допускается неизбежное в таких случаях их искажение, видоизменение, к примеру, характерным является использование русским языком терминов горного дела, заимствованных из немецкого языка через общение горняков и шахтёров, откуда Keil стало кайло, заимствование письменным способом осуществляется посредством литературы и иностранной прессы. Заимствованные таким способом слова по звуковому воспроизведению и по значению ближе к источнику, вследствие чего они дольше остаются варваризмами в заимствующем языке, сохраняя некоторые черты чуждые его фонетике и грамматике. Например: ландшафт (die Landschaft), рюкзак (der Rucksack), шлагбаум (der Schlagbaum), плац (der Platz), траур (der Trauer) и другие.

В результате перемещения слов из чужих языков в русский язык происходят процессы освоения, лексические, грамматические, графические, фонетические.

К разряду лексического освоения относится и изменение первоначального значения слова. К примеру, der Anschlag означает покушение, посягательство, удар, упор, в то время как в русском варианте слово аншлаг означает объявление о том, что все билеты (на спектакль или концерт) проданы, или die Wabe, которое в немецком означает пчелиные соты, в русском обозначает вафли – в данном случае название явилось следствием внешнего сходства клетчатой структуры выпечки с пчелиными сотами. Однако не все заимствованные слова претерпевают изменения, иногда они используются в первоначальном виде, например: циферблат (Zifferblatt), дюны (Düne), торф (Torf) и другие.

Наряду с этим происходит грамматическая адаптация, которая связана с тем, насколько образ заимствованного слова соответствует морфологическим требованиям языка - акцептора. Некоторые слова, например, спорт (der Sport), грот (der Grotte), в силу приемлемости, родственности звучания легко вошли в русский язык, заняли место среди слов мужского рода второго склонения (ком, стол и т.п.).

Графическое освоение чужеродного слова представляет собой его передачу средствами русского алфавита, русскими буквами при написании: немецкие *der Stab, der Graf, der Kurort, die Linse, die Turbine* в русском – штаб, граф, курорт, линза, турбина.

Фонетическое освоение характеризуется тем, что принятие заимствованного слова в предложенном виде осуществлялось русским языком редко. Виной тому являлись различия в звуковом строе русских и иностранных слов, приводящие к корректировке принимаемых слов в соответствии с русскими фонетическими нормами, исчезновению неприемлемых для него звуков. Так в немецком «о» в безударном положении никогда не звучит как «а», например, бактериология – *der Bakteriologie*, форейтор – *der Vorreiter*, на русском языке произносятся как «бактериалогия», «фарейтар».

В ходе исследования было выделено 15 различных сфер жизнедеятельности, для которых использование немецкоязычной лексики является весьма актуальным:

1. Музыка, спорт, отдых (аншлаг – *der Anschlag*, балетмейстер – *der Ballettmeister*, гантель – *die Hantel*, гастроль – *die Gastrolle*, горн – *das Horn*, кегля – *der Kegel*, курорт – *der Kurort*, мольберт – *das Malbrett*, рейс – *die Reise*, Рюкзак – *der Rucksack*, субкультура – *die Subkultur*, труппа – *die Truppe*, туш – *die Tusche*, шайба – *die Scheibe*, штанга – *die Stange*, шлягер – *der Schlager*);

2. Военное дело (аксельбанты – *der Achselband*, брудершафт – *die Bruderschaft*, гауптвахта – *die Hauptwache*, геральдика – *die Heraldik*, граната – *die Granate*, диктат – *das Diktat*, егерь – *der Jäger*, китель – *der Kittel*, плац – *der Platz*, ракета – *die Rakete*, табель – *die Tabelle*, трасса – *die Trasse*, траур – *der Trauer*, фельдмаршал – *der Feldmarschall*, флаг – *die Flagge*, путч – *der Putsch*, шпион – *der Spion*, штаб – *der Stab*, штат – *der Staat*, штраф – *die Strafe*, штурм – *der Sturm*, эфес – *das Gefäß*);

3. История (бургомистр – *der Bürgermeister*, бюргер – *der Bürger*, герцог – *der Herzog*, гетман – *der Hetmann*, гильдия – *die Gilde*, граф – *der Graf*, камердинер – *der Kammerdiener*, гриф – *der Griff*, канцлер – *der Kanzler*, лозунг – *die Losung*, марка – *die Marke*, рейхстаг – *der Reichstag*, полиция – *die Polizei*, рыцарь – *der Ritter*, статс-секретарь – *der Staatssekretär*, цех – *die Zeche*);

4. Техника, инструменты (бор – *der Bohr*, бормашина – *die Bohrmaschine*, вентиль – *das Ventil*, дрель – *der Drell*, дроссель – *die Drossel*, капсель – *die Kapsel*, клапан – *die Klappe*, кран – *der Kran*,

кронштейн – der Kragstein, линза – die Linse, мотороллер – der Motorroller, рашпиль – die Raspel, турбина – die Turbine, шайба – die Scheibe, шина – die Schiene, штопор – der Stopper, зуммер – der Summer, муфта – die Muffe, шланг – die Schlangе, шлицы – der Schlitz, штихель – der Stichel);

5. Финансы (бухгалтер – der Buchhalter, вексель – der Wechsel, гаст-арбайтер – der Gastarbeiter, маклер – der Makler, штамп – die Stampfe, крах – der Krach, крона – die Krone, фрахт – die Fracht);

6. Море (борт – der Bord, бухта – die Bucht, кораллы – die Koralle, мачта – der Mast, шторм – der Sturm, шлюз – die Schleuse, шлюзовать – schleusen, шпиль – das Spill, юнга – der Junge);

7. Одежда, внешность (бакенбарды – der Backenbart, лацкан – das Lätzchen, муфта – die Muffe, плюш – der Plüsch, шлейф – die Schleife, шлица – der Schlitz, штоф – der Stoff);

8. Архитектура (аркатура – die Arkatur, панель – das Paneel, фанера – das Furnier, флигель – der Flügel, шпиль – der Spill, эркер – der Erker);

9. Мера веса, счета (корн – das Korn, карат – das Karat, марка – die Marke, талер – der Taler, табель – die Tabelle);

10. Шрифт, типография (абзац – der Absatz, кегль – der Kegel, лейт-мотив – das Leitmotiv, лозунг – die Losung, умлаут – der Umlaut, фальцевать – falzen, форзац – der Vorsatz, шрифт – die Schrift, эрзац – der Ersatz);

11. Мифология (валькирии – die Walküre, гном – der Gnom, полтергейст – der Poltergeist, эльфы – die Elfen);

12. Земля, природа, явления (дюны – die Düne, крона – die Krone, лавина – die Lawine, фен – der Föhn, ландшафт – die Landschaft, маары – das Maar, масштаб – der Maßstab, померанец – der Pomeranze, риф – der Riff, торф – der Torf, трасса – die Trasse);

13. Болезни, медицина (бинт – der Binde, капа – die Karpe, триппер – der Tripper, флюс – der Fluss, шина – der Schiene, шприц – die Spritze);

14. Минералы, горные породы, шахта (бленда – die Blende, гетит – das Goethit, грат – der Grat, кайло – der Keil, перламутр – die Perlmutter, цемент – das Zement, цинк – das Zinkit, шлак – die Schlacke);

15. Продукты питания (бутерброд – das Butterbrot, глазурь – die Glasur, глинтвейн – der Glühwein, паштет – die Pastete, шнапс – der Schnaps, шпинат – der Spinat, трюфель – die Trüffel, кольраби – der Kohlrabi, кресс-салат – die Kresse, марципан – der/das Marzipan, фенхель – der Fenchel, фрикаделька – die Frikadelle).

Как отмечалось ранее, в качестве примеров публицистической литературы были выбраны такие издания, как «Аргументы и факты» и «Правда». Поскольку целью настоящего исследования является период развития русского языка с 80-х годов XX века по настоящее время, акцентируется внимание на статьях названных изданий 1983, 1991, 1999, 2000, 2010, 2014, 2017, 2018 годов.

Для вычисления среднего процентного соотношения немецких заимствований в русском языке были выбраны такие публикации, как «Норма нашей жизни. Духовные потребности советской молодежи» («АиФ», декабрь 1983г.), «Горячая точка. Тбилиси: у Дома правительства и вокруг» («АиФ», декабрь 1991г.), «Каким будет завтра СНГ?» («Правда», март 1999г.), «XX век: что дали миру наши ученые» («АиФ», декабрь 2000г.), «Незаметные герои России» («АиФ», декабрь 2010г.), «Требовать от власти конкретных действий» («Правда», август 2014г.), «Таким мир запомнил 2017 год» («Правда», декабрь 2017г.), «От посла в Ватикане до писателя. Десять жизней разведчика Григулевича» («АиФ», январь 2018г.).

Каждая статья содержит иностранные заимствования, в том числе и немецкие, процент которых составляет от 0, 7% до 5%. В представленных примерах наибольший процент немецкоязычных заимствований содержится в публикации «Таким мир запомнил 2017 год». В качестве примеров немецкой заимствованной лексики, которую использует автор данной статьи, можно назвать такие слова, как партия (die Partie), концерт (das Konzert), информация (die Information), тема (das Thema) и др. Характерно, что самое высокое процентное соотношение имеет статья, описывающая политическую и экономическую жизнь разных стран за определенный период времени.

4,3 % немецких заимствований содержится в публикации «Каким будет завтра СНГ?», которая так же, как вышеупомянутая, тесно связана с темой политики и экономики. К примеру, можно назвать слова фон (der Fond), кризис (der Kreise), декларировать (deklarieren), политик (der Politiker) и другие.

Примечательно также, что 3, 5% немецкоязычных заимствованных слов, например, формировать (formieren), грунт (der Grund), принцип (das Prinzip), машина (die Maschine), температура (die Temperatur) содержится в статье «XX век: что дали миру наши учёные», посвященной научной деятельности российских ученых, получивших мировое признание.

Наименьшее процентное соотношение заимствованной немецкой лексики содержится в публикациях «Норма нашей жизни. Духовные потребности советской молодежи» – 1,9%, «Требовать от власти конкретных действий» – 3,2%, «От посла в Ватикане до писателя. Десять жизней разведчика Григулевича» – 1,1%, «Незаметные герои России» – 0,7%, «Горячая точка. Тбилиси: у Дома правительства и вокруг» – 1,9%. Авторы данных статей используют немало немецких заимствований, которые практически обрусели, и их трудно вычлениить. Например, процент (das Prozent), транспорт (der Transport), проспект (der Prospekt), пункт (der Punkt), регистрация (die Registrierung), генерал (der General), штаб (der Stab), полуостров (der Halbinsel) и другие.

Итак, нами были рассмотрены причины и пути проникновения заимствований в язык – акцептор. Можно отметить, что оба блока имеют равное значение в процессе заимствования и обуславливаются индивидуальными признаками самого языка – акцептора. Также было выяснено, каким образом происходит процесс освоения заимствований в грамматическом, фонетическом, графическом, лексическом аспекте. Помимо этого, в процессе исследования было определено процентное соотношение немецкой заимствованной лексики в составе определенных российских публицистических изданий последних трех десятилетий. Мы пришли к выводу, что заимствование слов – живой, развивающийся процесс, который происходит постоянно. Оно запрограммировано самой историей человеческого развития, географической, расовой, культурной разобщённостью. Тем не менее, оно не свидетельствует о бедности языка, напротив, обогащает его, указывая на силу и творческий потенциал принимающего языка.

Список литературы

- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель, АСТ, 2000. 624 с.
- Лёхин И.В.* Словарь иностранных слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 488 с.
- Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
- Крысин Л.П.* Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.
- Хауген Э.* Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. VI. М.: Прогресс, 1972. С. 344–382.
- Свиридова М.В.* Этимологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.

Rita Plos Diplomarbeit «Deutsche Entlehnungen im Russischen Etymologischen Wörterbuch von Max Vasmer» (Institut für Slawistik Begutachter: O. Univ.-Prof. Mag. Dr. Branko Tošović), 2014.

LEXICAL BORROWINGS FROM GERMAN IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Anastasiya A. Dereglazova

Student of Pedagogical education, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. dereglazova.a@inbox.ru

Svetlana F. Plyasunova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguodidactics

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. germany.psu.ru

The influence of foreign language vocabulary, including German, at the end of the XXth century and is still unquestionable and occupies a key place regarding the penetration of borrowings in the Russian language. German language occupies one of the dominant positions as the background of other languages, so the study of the diverse problems associated with the Russian-German language contact of today is relevant. The article aims to analyze German-language borrowed vocabulary in the modern Russian language, in particular, in the field of journalism.

Key words: borrowing, donor language, acceptor language, borrowed German vocabulary.

ТРАНСЛЯЦИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА АНГЛИЧАН В ПЕРЕВОДЕ

Юлия Александровна Епишина

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. yulka.yulaya@yandex.ru

Юрий Николаевич Пинягин

к. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

Целью статьи является описание способов передачи национального культурного пространства исходного лингвокультурного сообщества с помощью средств ПЯ. В ней описываются трансформации, которые применяет переводчик при трансляции национально-культурного пространства ИТ, стараясь использовать не только стандартные пути их решения, но и альтернативные.

Ключевые слова: трансляция, национально-культурное пространство, лингвокультурная специфика, концепт, реалии, безэквивалентная лексика.

В условиях глобализации особое значение отводится изучению самобытности национальных культур, которая определяется совокупностью правил, традиций и ценностей, присущих каждому этносу. Национальные особенности лингвокультурного сообщества находят отражение в языке, а также в сознании принадлежащих к нему индивидов, что представляет национальное культурное пространство, интерпретируемое в концепции В. В. Красных как «форма существования культуры в сознании человека». Развивая данное положение, В. В. Красных конкретизирует значение этого понятия следующим образом: «Национальное культурное пространство – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время ре-

альное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры» [Красных 1998: 100].

Обнаружение существования и характерных черт того или иного национального культурного пространства происходит в процессе межкультурной коммуникации. На наш взгляд, одним из важных средств межкультурной коммуникации служит перевод, так как в ходе переводческой деятельности осуществляется фиксация понимания смыслов, представленных на ИЯ, средствами ПЯ, что позволяет обеспечить взаимопонимание между разными культурами.

Нашей целью было изучение способов передачи национального культурного пространства исходного лингвокультурного сообщества с помощью средств ПЯ. Мы отслеживали, какие трансформации были выполнены переводчиком при трансляции национально-культурного пространства, представленного в ИТ, и попытались выявить возможные допущенные переводчиком неточности в переводе.

В качестве объекта исследования выступает одна из глав книги Кейт Фокс «Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour» под названием «Work to Rule» и ее перевод, выполненный И. П. Новоселецкой. В книге отражены многочисленные наблюдения автора за поведением англичан, которые в совокупности представляют собой целостное, всестороннее исследование, позволяющее читателю сформировать полноценное понимание такого феномена, как английская национальная самобытность. В этой главе К. Фокс раскрывает характерные нормы, обычаи, привычки англичан, связанные с их трудовой деятельностью.

В процессе перевода И. П. Новоселецкой были использованы различные переводческие приемы. Одним из них является транскрибирование имени собственного.

*«The humorist **George Mikes** claimed in 1960 that ‘All advertisements – particularly television advertisements – are utterly and hopelessly un-English». – «В 1960 г. юморист **Джордж Майкс** заявлял: «Все рекламы – особенно телевизионные – сделаны совершенно не по-английски».*

Вариант перевода имени *George Mikes* является достаточно спорным. Дело в том, что этот талантливый и наблюдательный писатель эмигрировал в Англию в 1930-х годах из Венгрии под фамилией Джорж Микеш, под которой до сих пор в России издаются его книги. Он одним из первых в европейской традиции дал сопоставительный анализ национально-культурного пространства британцев и европей-

цев в книге «Советы эмигранту: пособие для начинающих и совершенствующихся» («How to Be an Alien: A Handbook for Beginners and More Advanced Pupils»), которая имела ошеломительный успех. В этом случае вариант Джордж Майкс уводит эрудированного русскоязычного читателя от сложившегося прецедента имени писателя. В этом случае И.П. Новоселецкая могла и должна была бы сделать еще и сноску о нем, тогда был бы достигнут максимальный коммуникативный эффект иронии, который заложен в оригинале интеллектуалкой Кейт Фокс – оценка воздействия английской рекламы осуществляется эмигрантом.

Использование приема калькирования позволяет передать разговорную лексику в переводе, например:

«Even at the most academically-minded establishments, the over-earnest ‘swot’ or teacher’s pet – currently known as a ‘geek’, ‘nerd’, ‘suck’ or ‘boffin’ – will be unpopular and subject to ridicule». – «Даже в наиболее серьезных учебных заведениях **зубрилы** и **учительские любимчики** («**geek**» [**«дегенерат»**], «**nerd**» [**«тупица»**], «**suck**» [**«кретин»**], «**boffin**» [**«умник»**]) — на жаргоне современных школьников) не пользуются популярностью и подвергаются осмеянию».

Переводчица сохраняет эмоциональную окраску единиц оригинала. Более того, при трансляции сленговых выражений «зубрилы и учительские любимчики» И. П. Новоселецкая воспроизводит оригинальную форму лексических единиц, что позволяет читателю познакомиться с их исходным видом, а также дает пояснение, что данные лексемы закрепились в жаргоне современных школьников.

«There is a connection here with the Importance of Not Being Earnest rule, in that if you do not indulge in the customary convivial moaning about work, there is a danger that you will be seen as too keen and earnest, and labelled a ‘sad geek’, a sycophantic ‘suck’ or a self-important ‘pompous git’». – «Здесь просматривается связь с правилом «как важно не быть серьезным» — в том смысле, что, если вы, как это принято, вместе со всеми не жалуетесь на работу, есть опасность, что вас заподозрят в излишнем усердии».

Нами была обнаружена некая противоречивость в действиях переводчицы. Успешно справившись с передачей разговорной лексики в предыдущем примере, в данном случае она подвергла опущению целую часть фразы, где даны разговорные прозвища людей, характерные для английского национально-культурного пространства. Это могло быть обусловлено трудностями передачи разговорной лексики, но переводчица должна была сделать попытку передать эти лексемы, т.к.

они несут в себе национально-культурную специфику. Для этого следовало обратиться к словарю «The Oxford Dictionary of Modern Slang», где приводятся дефиниции этих лексических единиц: «*geek*» – «a foolish, undesirable or contemptible person», «*git*» – «a silly or contemptible person», «*suck*» – «to be disgusting» [Ayto 1992: 81, 83, 250]. Исходя из этого, нами был предложен такой вариант перевода этой фразы: «... а также вы рискуете получить не слишком приятные прозвища, такие как «придурок», «лизоблюд» или «выпендрейщик».

Согласно положениям когнитивной транслятологии, роль переводчика заключается в интерпретации смыслового кода, содержащегося в исходном тексте, поэтому справедливо утверждение, что в ходе своей деятельности переводящая личность осуществляет перевод не вербальных форм, а концептов, стоящих за ними [Фесенко 2002: 133]. Следует отметить, что разные лингвокультурные сообщества имеют собственные способы концептуализации, различия же заключаются в собственно концептуальных системах. В связи с этим успешность протекания акта перевода в значительной мере зависит от согласованности семантической информации, извлекаемой переводчиком, с вкладываемым автором в исходный текст содержанием. Однако нередко процесс актуализации интенциональных смыслов исходного текста затрудняется, и возникают зоны непонимания, которые, в свою очередь, препятствуют полноценной и точной трансляции национального культурного пространства [Фесенко 2002: 138–139].

«I mentioned earlier that we still suffer from vestigial traces of a prejudice against 'trade', left over from the days when the aristocracy and landed gentry ...». – «Выше я упоминала, что у нас еще бытует предубеждение против торговли, сохранившееся с тех времен, когда аристократия и нетитулованное **мелкопоместное дворянство** ...».

Национально-историческая реалья английского общества «*the landed gentry*» в Кембриджском словаре имеет такое определение: «*landed*» – «used to refer to people whose families have owned a lot of land for many generations», «*the gentry*» – «people of high social class, especially in the past» [Cambridge Dictionary URL]. Из этого следует, что представители данного класса занимали высокое положение в обществе и имели большие земельные владения. При переводе этой английской реалии И. П. Новоселецкая оказалась под влиянием реалии русского культурного пространства – «мелкопоместное дворянство». Однако она по своему значению совершенно не соответствует лексической единице оригинала, так как в российской истории представители

этой группы являлись наиболее бедной и малообразованной частью дворянского сословия и не имели большого влияния на происходившие в стране общественные, политические и социальные процессы. Таким образом, переводчица, не учитывая фоновой информации, допустила грубую ошибку.

Особую трудность для переводчика представляет вербализация концепта. Существование данной проблемы в значительной мере обуславливается национальной специфичностью концептов, наиболее ярким проявлением которой является наличие в концептосфере этносов уникальных, характерных только для них концептов. Идентификатором этих ментальных образов служит безэквивалентная лексика, определяемая Н. Л. Галеевой как «явление, при котором в языке перевода отсутствует полный и однозначный эквивалент данного слова или понятия» [Галеева 1997: 10].

*«Finally, we carry into the workplace all the familiar English rules of humour, embarrassment, inhibition, **privacy**, modesty, moaning, courtesy, fairness, etc. – most of which are also incompatible with productive and effective work».* – «Наконец, на рабочее место мы являемся с арсеналом всех традиционных английских правил юмора, смущения, скованности, **невмешательства в частную жизнь**, скромности, стенаний, вежливости, справедливости и т. д., большинство из которых несовместимы с продуктивным и эффективным трудом».

Лексическая единица ИТ «*privacy*» является безэквивалентной в ПЯ. Для ее трансляции переводчицей был применен описательный перевод, что позволило передать один из ключевых для национального культурного пространства англичан концептов, сохранив его исходную семантику.

*«This is sociable light entertainment, not heavy **kitchen-sink drama**».* – «Ритуал стенаний — это развлечение, а не "**драма на кухне**"⁸». (⁸«Драма на кухне» — бытовая пьеса о неприглядных сторонах жизни. — Прим. пер.)

Данный пример иллюстрирует использование И. П. Новоселецкой переводческого комментария с целью объяснения реалии, существующей в национально-культурном пространстве англичан. Согласно Оксфордскому словарю, словосочетание «*kitchen-sink*» выступает в качестве определения для видов искусства и имеет следующее значение: «characterized by great realism in the depiction of drab or sordid subjects» [Stevenson 2010: 963]. Однако переводчица не ограничилась словарным значением, а с помощью примечания показала типичность

таких бытовых ситуаций для англичан, что привело к гармоничности перевода.

Анализ показал, что коммуникативная задача ИТ, состоящая в знакомстве читателя с английскими правилами поведения, касающимися работы и проявляющимися в процессе трудовой деятельности, была выполнена, поэтому, в целом, перевод И. П. Новоселецкой можно считать адекватным. Тем не менее, специфика передачи английского национального культурного пространства в переводе привела к возникновению ряда ошибок, которые были обусловлены несовпадением культурных пространств ИЯ и ПЯ.

Список литературы

Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь: ТГУ, 1997. 80 с.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов, 2002. 227 с.

Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2008. 512 с.

Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder and Stoughton, 2005. 424 p.

Ayto J., Simpson J. A. The Oxford Dictionary of Modern Slang, Oxford University Press, 1992. 299 p.

Cambridge Dictionary | English Dictionary, Translations & Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 06.03.2018).

Stevenson A. Oxford Dictionary of English, 3rd Edition. OUP Oxford, 2010. 2069 p.

REPRODUCTION OF THE NATURAL CULTURAL BACKGROUND IN TRANSLATION

Yuliya A. Epishina

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies), Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. yulka.yulaya@yandex.ru

Yuriy N. Pinyagin

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the means of reproduction of the national cultural background in the process of translation from English into Russian. The target text introduces the initial concepts of a source language which are to be embedded into the cultural framework of the receiving language in such a way that the implicit meaning should be understood by the audience of the receiving culture.

Key words: translation, national cultural background, cross-cultural specificity, concept, discourse, cultural specificity.

ТОПОНИМЫ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ

Анна Павловна Маркова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. markova-anechka@yandex.ru

Юрий Николаевич Пинягин

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

В статье описывается динамика использования приемов перевода топонимов в советской художественной литературе. Каждый прием перевода обладает собственной сферой применения и имеет как достоинства, так и недостатки. В процессе перевода топонимов обращение к справочной литературе, изучение контекста и экстралингвистических аспектов является необходимым для создания полноценного и адекватного перевода.

Ключевые слова: топоним, прием перевода, безэквивалентная лексика, передача имен собственных.

Рост межъязыковых и межкультурных контактов, предполагающих использование географических названий, предопределил тему нашего исследования, посвященного рассмотрению способов передачи топонимов в переводах произведений художественной литературы. Цель работы состояла в установлении динамики использования и преобразования приемов перевода топонимов. Материалом для исследования стали произведения советской художественной литературы 1930–1970 годов и их переводы на английский язык.

В своем анализе мы опирались на определение термина «топоним» А.В. Маракуева, который считает топонимом «имя собственное, которое в соответствующем контексте с учетом места, времени, языка и

письменности служит для отличия одного какого-либо географического объекта от других географических объектов» [Маракуев 1954: 32].

Традиционными приемами передачи топонимов по причине наиболее точного отражения плана выражения названия средствами другого языка, являются переводческие транслитерация и транскрипция.

Транслитерация предполагает последовательную передачу графем или последовательности графем языка оригинала графемами или последовательностью графем языка перевода (*Екатеринбург* – *Ekaterinburg*). Такая передача предельно сохраняет форму названия, независимую от фонетических преобразований [Ермолович 2001:18]. Прием переводческой транскрипции является наиболее распространенным при переводе топонимов вследствие того, что его применение подчеркивает доминирующую номинативную функцию названия [Алексеева 2004:187]. Данный прием перевода применяется при условии сохранения фонетической формы топонима при передаче: как правило, при использовании приема транскрипции переводчик не ориентируется на правила произношения языка перевода, вследствие чего фонетическая форма топонима при передаче может искажаться, что способно повлиять на восприятие читателя (*Ярославль* [*jərosla:vlʹ*] – *Yaroslavl* [*ja:rəʊsləvlʹ*]).

Переводческая транскрипция предполагает последовательную передачу фонем (последовательности фонем) языка оригинала графемами (последовательностью графем), выражающими данные фонемы в языке перевода (*Thames* – *Темза*); использование данного приема может быть осложнено вследствие особенностей фонетики языка, не имеющих способов выражения в языке перевода (*Plymouth* [*pli:məθ*] – *Плимут* [*pli:mut*]). Вследствие проблематичности реализации данных приемов в чистом виде, в употребление входит практическая транскрипция, сочетающая аспекты двух приемов: прием практической транскрипции предполагает передачу фонетической формы названия с применением транслитерации в случае несоответствия внешней формы оригиналу (*Brixton* — *Брикстон*) [Ермолович 2001: 17–20].

Помимо этого, в переводе встречаются традиционные или условные формы названий, сформированные историческим путем и не связанные с оригинальной формой названия; такие топонимы зафиксированы в словарях и не нуждаются в дополнительном анализе (*China*, *Korea*, *Germany*). При условии единства алфавита имеет место использование официальной формы для перевода иноязычных топонимов, предполагающей передачу внешней формы названия без изменений

(*Кенигсберг – Königsberg* [англ.]). Для топонимов, сохраняющих сильную связь с объектом наименования, может употребляться калькирование для передачи изначального значения названия; данный прием предполагает последовательный перевод всех компонентов топонима (*Зимний дворец – Winter Palace*).

Прием перевода топонима определяется индивидуально в каждом случае в зависимости от природы топонима, характера связи названия с объектом или значения топонима для контекста. Здесь идет речь о возможном наличии подтекстных, контекстных или затекстных отношений, вложенных автором в лексические единицы [Верещагин 1983:160-166], а также об общем замысле автора, влияющем на выбор данных единиц [Верещагин 1983:166-168; Ермакова 2009:16].

В процессе анализа художественных произведений и их переводов обозначены следующие аспекты перевода топонимов, требующие более глубокой работы переводчика:

- Передача фоном в отдельных случаях требует использования дополнительных графем для увеличения степени эквивалентности фонетической формы; при этом в процессе перевода следует учитывать фонетические правила языка перевода во избежание неоднозначного восприятия слова читателем (Осинов-Гай – Ossinov-Gay, Ирғиз – Irghiz).

- Конкретизация топонима производится в случае неоднозначности значения топонима в тексте оригинала (Валдай – Valdai Hills) или в случае, когда часть семантики скрыта в самом топониме и не может быть выражена простой передачей названия (Брянщина – Bryansk region).

- Передача географических терминов необходима при адаптации текста для целевой аудитории, не обладающей знаниями географии и топонимики языка оригинала. Для повышения эффективности аналитической работы переводчика необходимо использование топонимических словарей и другой справочной литературы для определения характера термина. В одном случае использование термина может быть обусловлено традицией (Воробьевы горы – Sparrow Hills), в другом – реалией, в качестве которой выступает термин (Сухой лиман – Sukhoi Liman, Куяльницкий лиман – Kuyalnitsky Bay), в третьем – пониманием термина в качестве части названия (Большой/ Средний/ Малый фонтан – Bolshoi/Sredny/Maly Fontan).

- Передача коннотативного значения топонима производится в случае употребления топонима в качестве объекта, содержащего опре-

деленный признак или ряд признаков, а не в качестве географического названия; такое значение может придаваться топонимам в лирических и художественных произведениях (Русь – Russia).

- Передача иностранных топонимов в целом осуществляется путем использования официальной формы, то есть первоначального названия (завод Гена – Ghen factory, мукомольная фабрика Вайнштейна – the Weinstein flour-mill); использование иных приемов может ввести читателя в заблуждение (Румыния – Rumania)

- Передача топонимов стран бывшего СССР во многом обусловлена временем создания перевода, поскольку, в отличие от других иностранных топонимов, обращение к первоначальному названию при переводе приемлемо только в современных текстах; в советское время за литературную норму принималась норма русского языка (Харьков – Kharkov, сейчас – Kharkiv; Днепр – Dnepr, сейчас – Dnieper).

Преобладающим приемом перевода во всех исследованных произведениях является транслитерация, реже используемым – транскрипция. В гораздо меньшей степени применяются калькирование и традиционная форма перевода. Использование транслитерации обусловлено достаточно прочным соответствием между фонемой и графемой в русском языке, удобным для передачи на другом языке; транскрипция применяется в тех случаях, когда графические средства английского языка неспособны выразить те же фонемы, что и графические средства русского языка. Калькирование использовалось в тех случаях, когда сохранялась связь топонима с денотатом и существовала возможность дословного перевода топонима без потери его смысла; традиционная форма применялась для известных англоязычному обществу топонимов, которые имели официально закрепившиеся соответствия в английских словарях. Главным недостатком в переводе произведений является отсутствие у многих топонимов географических терминов. Необходимость их в тексте обусловлена различием грамматических признаков топонимов английского и русского языков, что может привести к затруднению в восприятии читателя, не обладающего специальными знаниями в области топонимики и грамматики русского языка.

Таким образом, для успешной передачи топонимов требуется тщательная работа с исходным текстом, соблюдение установленных норм перевода географических названий, изучение затекста и фоновой информации, введение в перевод дополнительной информации с целью увеличения информативности и облегчения восприятия его читателями.

Список литературы

Алексеева И.С. Введение в переводовведение. М: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.

Бушев А.Б. Калькирование как опция при переводе. Тверь: Тверской государственный университет, 2014. URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2014/02/24/bushev_a.b._kalkirovanie_kak_opciya_pri_perevode.pdf (дата обращения: 10.12.2017).

Васильев Б.Л. А зори здесь тихие. М: Эксмо, 2011. 768 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М: «Русский язык», 1983. 272 с.

Ермакова Ю.В. Функции собственных именований в художественном тексте (на материале лирики А.А. Ахматовой 1911 – 1920 гг.) / Грани познания. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2009. С. 16–19.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков культур. М.: Р.Валент, 2001. 199 с.

Катаев В.П. Белеет парус одинокий. М: Оникс, 2007. 368 с.

Катаев В.П. Время, вперед! Ленинград: Лениздат, 1980. 290 с.

Маракуев, А.М. Краткий очерк топонимики как географической дисциплины / А.М. Маракуев // Учен.записки Казах. ун-та: Сер. «Геология и география». Алма-Ата, 1954. Т. 18, Вып. 2. С. 29–72.

Фурманов Д.А. Чапаев. СПб: Лениздат, 2013. 384 с.

Furmanov D.A. Chapayev. Leningrad: Pechatny Dvor, 1934. 424 p.

Kataev V.P. A White Sail Gleams. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1954. 502 p.

Kataev V.P. Time, Forward! NY: Holt, Rinehart and Winston, 1961. 347 p.

Vasilyev B.L. The Dawns Here Are Quiet / Soviet War Stories. Moscow: Raduga Publishers, 1990. p.277–411.

REFLECTION OF RUSSIAN TOPONYMS IN TRANSLATIONS INTO ENGLISH

Anna P. Markova

Student of Linguistics, Bachelor's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. markova-anechka@yandex.ru

Yuriy N. Pinyagin

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

The article reflects the dynamics of usage of toponyms translation strategies of Soviet fiction into English. Each translation strategy has got its own application spheres as well as advantages and drawbacks. In the translation process the reference books usage, the context and extralinguistic information are necessary for the creation of an adequate translation.

Key words: toponym, translation strategy, culture-specific vocabulary, translation of proper names.

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЕВАНГЕЛЬСКОГО ТЕКСТА НА ДРЕВНИХ ГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКАХ (ГОТСКИЙ, ДРЕВНЕАНГЛИСКИЙ С ПЕРЕВОДОМ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)**

Ульяна Витальевна Морова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. uvmorova@yandex.ru

Анна Марковна Подгаец

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. annapodgaets@yandex.ru

Представленная работа посвящена исследованию трансформаций, возникающих при переводе Евангелия от Марка с готского на древнеанглийский и сравнении с современным английским языком с точки зрения лингвистического анализа. Исследование охватывает значимые аспекты грамматики, фонетики и лексики и проведено с использованием переводного метода, который состоит в сравнении текста Евангелия от Марка на всех трёх языках.

Ключевые слова: перевод, Евангелие от Марка, сравнительно-исторический анализ, древние германские языки.

Научное описание данных трансформаций при переводе евангельских текстов является филологической и лингвистической проблемой, а само исследование данной проблематики является актуальным, поскольку наибольшую лингвистическую ценность имеет исходный авторский текст любого произведения и его варианты на национальных языках.

В современной лингвистической традиции предметом анализа и исследования становится оригинальный древний, в нашем случае это греческий текст. И в каждом таком переводе Евангелия выявляются

основные проблемы, характерные для того или иного переводного евангельского текста. Ввиду принадлежности авторов текста к различным социальным и национально-языковым пластам, имеет место определенная специфика в способах отражения и осмысления реальной действительности. Изменение с течением времени восприятия предметов и явления также влечет за собой изменение семантики слов и смысловых отношений между лексемами, входящими в определенные лексико-семантические группы. В связи с этим, конкретный характер отражения каждым евангелистом внеязыковой действительности в семантических, лексических и даже стилистических аспектах в каждом Евангелии различны. В контексте определенного Евангелия слова и словосочетания могут приобретать дополнительное значение, чем впоследствии будет обусловлен выбор того или иного перевода.

Для эффективного сравнения и сопоставления евангельского текста на готском, древнеанглийском и современном английском языках были выявлены основные лексико-грамматические, морфологические и синтаксические различия трех текстов, произведена их систематизация.

Целью исследования являлось выявление наиболее адекватных переводческих соответствий и различий между грамматическими и фонетическими формами и лексическими единицами готского, древнеанглийского и современного английского переводов. Данная цель определяла решение таких задач, как выявление основных грамматических, фонетических и лексических различий отрывка евангельского текста на трех языках, сопоставляя и оценивая их на поверхностном и глубинном уровнях текста.

Используя такие приемы исследования, как сравнительно-исторический метод, метод контрастивного анализа, сопоставительный, типологический и описательный методы, были описаны общие и специфические черты каждого текста, систематизирована информация о трансформациях на каждом из уровней языка.

Материал исследования, Евангелие, как книга или собрание книг, в каждой из которых рассказывается о божественной природе, учении и земной жизни Иисуса Христа: рождении, чудесах, крестной смерти, воскресении и вознесении. Все книги, в том числе и Евангелие от Марка, написаны спустя годы после завершения земной жизни Иисуса Христа.

Но Евангелие от Марка – это вторая книга Нового Завета и второе из четырех канонических Евангелий, наиболее краткое из всех. Основ-

ной темой является жизнь и проповедь Иисуса Христа. Содержательно оно пересекается с Евангелием от Матфея, однако излагает некоторые события из жизни Иисуса более кратко и в другом порядке. Почти все дошедшие к нам свидетельства отцов Церкви сходятся на том, что Евангелие от Марка было написано в Риме и было обращено, в первую очередь, к римским христианам из язычников. В качестве исходного текста для анализа готского варианта использовался «Серебряный кодекс» (лат. *Codex Argenteus*). Это манускрипт перевода, сделанного епископом Вульфиллой и датируемого VI веком. Перевод Вульфиллы считается литературным, хорошо сохраняющим греческий порядок слов, независимо от правил готской грамматики. И это самый признанный точный перевод, который стремится всегда использовать то же самое готское слово для каждого греческого, аккуратно и последовательно.

Для анализа Евангелия на древнеанглийском языке использовался перевод *The Anglo-Saxon Version (Wessex dialect)*, так как именно этот диалект считался своего рода литературной нормой для родоплеменных диалектов древнеанглийского периода, хронологические рамки VII-XI века.

«Библия короля Якова» (англ. *King James Version*) – перевод Библии на английский язык, 1611 год, сделанная по заказу короля Англии Якова I, над которой десятки специалистов в течение 7 лет работали, изучая древнееврейские списки, был взят в качестве образца современного английского языка. Источником для данного перевода послужил греческий *Textus Receptus* (общепринятый текст Нового Завета на греческом языке, который не является классическим византийским текстом и иногда ошибочно называется “текстом большинства”).

С точки зрения сравнительно-исторического языкознания, данный анализ позволяет рассмотреть основные преемственные черты в каждом из языков и выделить изменения, определившие путь развития языков в последующие исторические периоды. С утверждением исторического взгляда на язык и внедрением метода компаративного анализа, стало возможным раскрывать исторические законы развития языка: как общие, объясняющие развитие языка в целом; так и частные, дающие историческое объяснение тем или иным фактам и явлениям конкретных языков.

В анализе описание трансформаций древнегерманских евангельских текстах на фонетическом уровне является начальным. Итак, большинство гласных и согласных готского и староанглийского язы-

ков соответствовали буквам латинского алфавита, то есть общеиндоевропейского предка, но со своими специфическими чертами. Так, в готской орфографии присутствует лигатуры *gw*, *hw* – *qab*, *hwile*, а межзубный звук в передается руническим знаком, что в древнеанглийском постепенно приобретает соответствующее начертание. В древнеанглийском еще сохраняются рунические знаки (такие как þ - «торн»), а так же появляются отличительные от готского отдельные лигатуры (палатализованная) – *Æfter*, *G* островного написания.

Гласные в древнеанглийского периода меняют свои качественные и количественные характеристики относительно готского. Можно отметить явления дифтонгизации (гот. *sibun* – др.-а. *seofen*) и монофтонгизации (гот. *taikns* – др.-а. *tacnen*), монофемные сочетания, а не собственно дифтонги в готском, которые совершенно изменяют свои характеристики по месту и ряду звука. Долгий звук [i:], передававшийся в готском диграфом (ei), в древнеанглийском отображается в письме одной буквой: (гот. *meinamma* [минама] – др.-а. *mine*). К характерным фонетическим процессам относятся так же палатальный умлаут (или фонетическая ассимиляция гласных) в древнеанглийском: (гот. *nimand* – др.-а. *nemed*).

На морфологическом уровне для готского и древнеанглийского языков, как и для всех германских языков, характерно чередование корневых гласных по аблауту. Древнее индоевропейское фонетическое явление аблаут стало организующим в германских языках для классификации спряжения сильных германских глаголов. В зависимости от чередования гласных и основы согласного все сильные глаголы отнесли к разным классам, то есть фоно-морфологическое явление как основа. Так, претеритом готского сильного глагола 5 класса *qīþan* («сказать») являлась форма *qab*, древнеанглийского глагола *secan* – форма *saide*. Кроме того, деление существительных по основам и склонение по падежам (например, готское сущ. *handus* («рука») – (основа *u*) образовывало В.п. в форме *handuns*, в древнеанглийском здесь соответствовали формы *handa* – *hande*). В древнеанглийском, как хронологически более позднем этапе, наблюдается постепенная омонимия и последующее слияние падежных форм в силу явления редукции и отпадения безударного окончаний, что и определило специфику современного английского языка, являющегося аналитическим по своему строю, в отличие от древнего состояния. В отличие от сильных глаголов, как древнеевропейского наследия, слабые глаголы считаются германской инновацией. Они образовывали прошедшее время с помо-

щью дентального суффикса: (формой претерита готского слабого глагола 1 класса *ataugjan* «показать(-ся)» является *ataugida*, древнеанглийский глагол *aetiewan*, имеющий то же значение («появляться»), также образует претерит с помощью дентального суффикса: *atewede*.

Анализируя данные тексты, следует сказать, что наблюдается определенная схожесть между готским и англосаксонским текстом, которая благодаря греческому переводу частично согласуется в морфологических категориях рода и времени. Все это указывает на генетическую преемственность и активные заимствования меж языками в то время, когда германцы получали свою письменность и развивали традицию. Тем не менее, гораздо меньше сходств грамматических мы наблюдаем между современным английским текстом и готским, несмотря на определенную преемственность. Стоит отметить, что во всех трёх переводах сохраняются союзы (гот. *jah* – др.а. - & (*амперсенд*; *логограмма*) - англ. *and*), как и другие служебные слова.

Интересно отметить и тот факт, что имена собственные в древнеанглийском варианте Евангелия от Марка приводятся со строчной буквы (*crist 18, magdalenisca marie 9*).

Оба периода развития древних германских языков характеризуются множеством лексических заимствований, но если в готском в основном из греческого, то в древнеанглийском – из латыни. К слову, в готском используется фонетическое отражение греческого слова «Евангелие» *εὐαγγέλιον* – *aiwaggeljon* (*добрая весть*), в древнеанглийском же – калькированный вариант: *godspel* (буквально «богом сказанное»).

Что касается современного английского перевода, то там главной задачей исследования, помимо передачи смысла, являлось и выделение лексического разнообразия. В качестве примера возьмем слово «утро». В то время как в готском и древнеанглийском ему соответствовали этимологически слова «*taurgin*» и «*morgen*», в современном английском используется совершенно другое словосочетание – «*risen early*». Принципиально важным решением переводчиков было свободное использование синонимов, что в сакральном тексте удивительно.

Стоит сказать, что готский и древнеанглийский переводы евангельского текста, на основе которых мы рассматривали соответствующие изменения, оказались достаточно разнородными во всех аспектах, что, вероятно, следует из несоответствия времени переводов и собственно их создателей. Готский перевод в большей мере впитал в себя специфику прагерманского состояния, специфику древнеанглийского определила его относительная изолированность.

Суммируя анализируемые особенности, можно сказать, что готский и древнеанглийский выступают ранними свидетельствами принятия христианства среди германских народов, что подчеркивает их значимость в распространении письменности германских народов в общекультурном аспекте.

Готский как письменный образец древнего прагерманского состояния представляет богатый материал для исследований и наблюдений генетических параллелей всех германских языков, а древнеанглийский выступает своего рода следующей ступенью в диахроническом процессе, проявляя свои особенности развития.

Сравнивая различные виды переводов, следует сказать, что авторы всех трех переводов обращались к старолатинскому и старогреческому языку, ставя себе за цель либо передать дословно, либо передать смысл библейского текста. Готская Библия ставила себе за цель точно передать старогреческий язык. Относительно староанглийской библии до сегодняшнего дня нет консенсуса, насколько точным является этот перевод с латинской Вульгаты, разные исследователи считают, что половина переведена с Вульгаты староирландского языка.

Что касается современной Библии короля Якова, то она ставит себе целью передать не только смысл, но и литературную красоту библейского текста, что видно при анализе.

Список литературы

Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. Введение в германскую филологию. М.: ГИС, 2000. 202 с.

Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2004. 432 с.

Десницкая А. В. Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М. Л.: ОГИЗ, 1938. 331 с.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании, пер. с франц., М.: Изд-во иностранной литературы, 1954. 97 с.

Мецгер Брюс. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения / пер. с англ. С. Бабкиной. Изд. 2-е. М.: Библийско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2004. 530 с.

Коссюр Ф. де. Труды по языкознанию, пер. с франц. М.: Прогресс, 1977. 696 с.

Anderson George K. The Literature of the Anglo-Saxons, revd. edn. Princeton: Princeton University Press, 1966. 444 p.

Haas M. The prehistory of languages. P. The Hague: Mouton, 1969. 119 p.

Whitney W. D. Language and the study of language, N. Y., 1867. 490 p.

**COMPARATIVE HISTORICAL ANALYSIS
OF THE GOSPEL TEXT
IN THE ANCIENT GERMANIC LANGUAGES (GOTHIC AND
OLD ENGLISH WITH ENGLISH TRANSLATIONS)**

Uliana V. Morova

Student of Linguistics, (Translation and Translation Studies), Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. uvmorova@yandex.ru

Anna M. Podgaets

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics, Translation and Interpretation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. annapodgaets@yandex.ru

The article is devoted to the study of transformations arising in the translation of the Gospel of Mark from Gothic into old English and comparison with modern English in terms of linguistic analysis. The study covers significant aspects of grammar, phonetics and vocabulary and is conducted using the translation method, that is comparing the text of the Gospel of Mark in all three languages.

Key words: translation, Gospel of Mark, comparative historical analysis, ancient Germanic languages.

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЕВАНГЕЛЬСКОГО ТЕКСТА
НА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ
(ГРЕЧЕСКИЙ И ЛАТИНСКИЙ С ПЕРЕВОДОМ НА РУССКИЙ
ЯЗЫК)**

Екатерина Анатольевна Торгашова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. tea@oproekte.ru

Анна Марковна Подгаец

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. annapodgaets@yandex.ru

Статья посвящена проблеме лингвокультурного анализа переводов евангельского текста в разные исторические эпохи. Формируется задача выявления фонетических, лексических и грамматических особенностей, а также сходств и различий в переводах с греческого на латинский и, впоследствии, русский языки. В исследовании был использован метод контрастивного анализа, позволяющий установить лингвистические трансформации на всех уровнях языковой структуры.

Ключевые слова: лингвистика, евангельский текст, анализ текста, контрастивный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, грамматические, лексические, фонетические особенности.

С давних времен священные тексты играли особо значимую роль в развитии языкознания. Культово-религиозная практика, ее потребности явились главным фактором в социальной истории многих языков и в становлении филологии как науки. Филология зародилась и развивалась в недрах многих религий как необходимое дополнение к Священному тексту, призванное обеспечить его точное воспроизведение и тем самым сохранение сакральности текста. В средние века язык канони-

ческих текстов считался «правильным» языком. В Европе для Библии такими языками являлись греческий и латинский языки. Широкое распространение Библии в Средневековье требовало создания новых списков текстов. Главная задача языкознания состояла в этих условиях в согласовании нового письменного текста со старым письменным текстом в пределах каждого «правильного» языка, устранении расхождений, возникающих в различных школах писцов. Как результат этого процесса выступает канонизация античной грамматики.

С другой стороны, для более эффективного проникновения в новые общества религиозного и культурно-идеологического учения в общественно-языковую практику вовлекаются «неправильные» языки. Поэтому другая задача языкознания обуславливалась естественным развитием письменности «неправильных» языков, в связи с переводом на них канонических текстов. Перевод канонических текстов на «неправильные» языки требовал создания, упорядочения и нормализации письменности, грамматического описания этих языков, что способствовало широкому развитию филологии.

Современная филология в союзе с богословием, а также с другими областями научного знания позволяет выявить новые смысловые пласты в содержании религиозных текстов, осуществить новые переводы Священных книг, представить религиозные тексты в различных формах для разных категорий слушателей. Таким образом, священные тексты остаются одним из актуальных объектов лингвистического рассмотрения.

В исследовании были обозначены задачи выявления основных грамматических, фонетических и лексических различий евангельского текста на греческом, латинском и русском языках, их сопоставление и анализ трех переводов Евангелия на поверхностном и глубинном уровнях текста. Решение этих задач предполагает использование контрастивного анализа текста для сопоставления и сравнения оригинала текста и его переводов на другие языки.

Специфика контрастивной лингвистики, которая получает интенсивное развитие в 70–80-ых гг. прошлого века, заключается в том, что она выделяется из сопоставительного языкознания благодаря особым методам сопоставления, а также своей ориентированностью на выход в практику преподавания языка. В то время, как сопоставительная лингвистика изучает одноименные явления или подсистемы в разных языках, контрастивная лингвистика изучает отдельные явления и единицы родного языка в сопоставлении со всеми возможными средствами пе-

редачи их в изучаемом языке. Целью контрастивной лексикологии является сопоставительное изучение переводных соответствий двух языков для выявления их сходств и различий. Теоретические положения и методология представлены в работах русских языковедов А. А. Потебни, Ф. Е. Корша, Е. Д. Поливанова, В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэ-на де Куртенэ, Л. В. Щербы.

Для проведения лингвистического анализа был взят отрывок из Евангелия от Марка (гл. 16, п. 9-20) в переводе с греческого на латинский (Вульгата) и русский языки (синодальный перевод). Выбор Евангелия от Марка, как древнего текста – основы анализа, обуславливается тем, что язык автора не был литературным, а скорее разговорным, существовавшим на время написания текста, то есть языком повседневного общения, своего рода койнэ. Для этого текста евангелиста Марка характерны только ему присущее использование греческих временных форм, особенно так называемого "исторического настоящего" (употреблено им более 150 раз); простые предложения, соединенные союзом "и"; частое использование слова "тотчас" (ευτις; толкование на 1:10); а также употребление "сильных" слов и выражений (например, в 1:12, где правильное было бы перевести не "ведет", а "гонит").

При анализе были выделены некоторые лингвистические особенности; на фонетическом уровне рассматривались также орфографические особенности с учётом исторической преемственности письма. Так, в греческом варианте и в латинском можно обнаружить наличие дифтонгов (au (αὐτοῖς, autem), eu (εὐκλήν; exeuntes), ei (ἀλείψουσιν; eicient)), хотя в греческом языке их число превалирует (ou, ai, oi, ui). В отличие от греческого, в латинском присутствуют также диграфы (ae в слове Praecedit, oe в слове introeuntes).

Межзубный звук в греческом передается через знак θ, который будет обозначен особой руной в германских языках (для звонкого и глухого варианта звука, впоследствии сочетания th в английском языке). В латинском языке не наблюдается подобного эффекта: сочетание th произносится как [т].

Далее в фонетическом строе мы видим существенные отличия между всеми тремя языками. Несмотря на это, в отрывке, выбранном для исследования, можно выделить следующие сходные по звучанию единицы: εὐαγγέλιον – evangelium – Евангелие, βαπτισθεῖς – baptizatus – креститься, δαίμονια – daemonia – бесов (демонов), Ἰησοῦς – Iesus – Господь, θεῶν – Dei – Бога, Μαρία Μαγδαληνή – Maria Magdalene –

Мария Магдалина, Μαρία ἡ τοῦ Ἰακώβου – Maria Iacobi – Мария Иаковлева, Σαλώμη – Salome – Саломия.

В своём большинстве совпадают по написанию и произношению имена собственные, а также ключевые религиозные понятия.

На грамматическом уровне анализ выделяет следующие особенности. Для существительных латинского, греческого и русского языка характерны грамматические категории: род, число, падеж. Существительные во всех трех языках склоняются и имеют определенные окончания. В латинском языке выделяют 5 склонений, в русском – 3, в греческом число склонений определяется числом склоняемых окончаний. Дополнительной особенностью для греческого существительного является наличие определенного или неопределенного артикля, определяющего род, число и падеж предмета. Во всех трех языках выделяется 3 рода, 6 падежей в русском и латинском языках и 5 в греческом.

На приведенных примерах и в целом по всему тексту видно, что некоторые категории существительного могут не совпадать, в остальном же слова подчиняются синтаксически одинаково. Местоимения, прилагательные и причастия будут работать по схожему принципу, подстраиваясь под грамматическую форму определяемого слова.

1) καὶ ἔλεγον πρὸς ἑαυτάς τίς ἀποκλίσσει ἡμῖν τὸν λίθον ἐκ τῆς θύρας τοῦ μνημείου.

Et dicebant ad invicem: «Quis revolvat nobis lapidem ab ostio monumenti?».

И говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба?

Слово камень в трех языках имеет следующую морфологическую характеристику:

τὸν λίθον винительный падеж, единственное число, мужской род;

Lapidem 5-е склонение, винительный падеж, единственное число, мужской род;

Камень 2-е склонение, винительный падеж, единственное число, мужской род.

2) ἐσταυρωμένον ἡγέρθη οὐκ ἔστιν ὧδε ἵδε ὁ τόπος ὅπου ἔθηκαν αὐτόν

Surrexit, non est hic; ecce locus, ubi posuerunt eum.

Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен.

Слово место в трех языках имеет следующую морфологическую характеристику:

ὁ τόλος именительный падеж, единственное число, мужской род.

Locus 2-е склонение, именительный падеж, единственное число, мужской род.

Место 2-е склонение, именительный падеж, единственное число, средний род.

Стоит заметить, что для русского варианта Евангелия от Марка характерны инфинитивные формы глаголов и формы прошедшего времени (говорить, воссел, возвестили); на греческом распространен аорист (ἐλίστευσαν, εἶπεν), на латинском – индикативная форма глагола наряду с конъюнктивом. Остальные части речи, служебные слова – союзы, предлоги, частицы – будут сохраняться неизменными во всех трех текстах.

На лексическом уровне можно утверждать, что в трех переводах лексика неоднородна, однако можно выделить ряд латинизмов в русском и греческом языках: *κεντυρίων* (*centurio*), *ξέστης* (ср. *sextarius*), *μόδιος* (*modius*), *τιθεῖναι τὰ γόνατα* (*genua ponere*) и др.

В рассмотренных переводах на трех языках можно утверждать, что тексты кодированы, то есть в рамках определенной культуры существуют свои коды, приписывающие текстам значения, которые проявляются в конкретной культурной традиции и языковой среде.

Сопоставляемые переводы оказались достаточно разнородными на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Причиной тому является большой временной промежуток между написанием текста и его переводами (оригинальный текст был написан до 70 г. I века н.э., латинский перевод (Вульгата) был сделан в IV веке, синодальный перевод – в XIX веке). Выбранные языки, на которые был переведен текст Евангелия от Марка, принадлежат к разным языковым ветвям (русский язык определяется в группе славянских языков, латинский – в романской группе, греческий – в эллинской группе). Поскольку эти языки входят в общую для всех семью – индоевропейскую – становится возможным их сопоставление с целью выявления разных ступеней развития языковых явлений и исходных форм.

Список литературы

- Апатова И.Ю.* Герменевтика Синодального перевода Библии. М. 2006. 112 с.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод /учебное пособие/ Л.С. Бархударов. М.: Высшая школа, 2010. 235 с.
- Журомский В. Р.* Подстрочный греческо-русский Новый Завет: второе незаконченное издание. Канада, 2007. 709 с.
- Кашкин В. Б.* Сопоставительная лингвистика: учебное пособие для вузов. Воронеж: 2007. 88 с.
- Лопухин А. П.* Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. СПб: Издательство «Эксмо», 2013 г. 640 с.
- Рунг Э. В., Габелко О. Л.* Древнегреческий язык: Учебное пособие. Казань: Казанский государственный университет, 2010 г. 164 с.
- Соболевский С. И.* Древнегреческий язык: учебник для вузов. СПб: Издательско-торговый дом «Летний сад». 616 с.
- Ярхо В. Н.* Латинский язык: учебник для студентов педагогических вузов. Москва: Высшая школа, 1998. 385 с.

CONTRASTIVE ANALYSIS OF THE GOSPEL TEXT IN ANCIENT INDO-EUROPEAN LANGUAGES (GREEK AND LATIN WITH RUSSIAN TRANSLATION)

Ekaterina A. Torgashova

Student of Linguistics, (Translation and Translation Studies), Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. tea@oproekte.ru

Anna M. Podgaets

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. annapodgaets@yandex.ru

The article is devoted to the problem of linguistic and cultural analysis of translations of the gospel text in different historical periods. There is an issue of revealing the phonetic, lexical and grammatical peculiarities, similarities and differences between original Greek text and its translations into Latin and Russian. In the research there was used a method of contrastive analysis, which allowed to establish linguistic transformations at all levels of the linguistic structure.

Key words: linguistics, Evangelic text, text analysis, contrastive analysis, comparative method, grammatical, lexical, phonetic peculiarities.

КОНЦЕПТ ARTESANÍA И ТРУДНОСТИ ЕГО ТРАНСЛЯЦИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Анастасия Вячеславовна Мясникова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. anast.miasnikova@mail.ru

Надежда Николаевна Меньшакова

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mnesperanza@mail.ru

Статья посвящена фреймовому анализу концепта ARTESANÍA, проводимому с целью создания наиболее успешного текста перевода научной статьи, в которой рассматривается развитие этого понятия и даётся его современная трактовка. В ходе дефиниционного и лингвокогнитивного анализа авторами выявляются ключевые характеристики рассматриваемого явления, что помогает глубже понять замысел исходного текста и максимально успешно репрезентировать представленный в нём концепт в тексте перевода.

Ключевые слова: концепт, фрейм, фреймовый анализ.

Понятие *artesanía* имеет множество переводов на русский язык, среди которых встречаются такие варианты как «ремесло», «рукоделие», «народное искусство», «народный промысел», «декоративно-прикладное искусство» и т.д. Проведённое нами исследование нацелено на изучение особенностей трансляции концепта ARTESANÍA на русский язык путём проведения фреймового анализа.

Материалом для исследования послужил текст научной статьи "*Entre arte y artesanía: elementos para pensar el oficio artesanal en la actualidad*" [Freitag 2014], написанной социологом Ванессой Фрейтаг, профессором университета г. Гуанахуато (Мексика) и текст выполненного нами перевода этой статьи. В исследовании применены методы синтеза и моделирования, использован дефиниционный, семантический и фреймовый анализ.

Центральным концептом в анализируемой нами научной статье выступает концепт ARTESANÍA, мыслимый в двух интерпретациях: традиционной и современной. Из них именно последняя выражает ключевую идею текста, поэтому в рамках данной статьи мы обратимся к анализу концепта ARTESANÍA только в его современной трактовке.

В данной работе мы основываемся на трактовке понятия «концепт», разработанной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным. Согласно этой трактовке, концепт представляет собой дискретное ментальное образование и является базовой единицей мыслительного кода человека [Попова, Стернин 2007: 24]. Для анализа выделенного нами концепта мы применяем метод фреймового анализа, впервые предложенный М. Минским. Согласно его теории, фреймы — особые структуры данных для понятийного представления стереотипных ситуаций. Фрейм можно представлять схематично, в виде сети, состоящей из узлов, связанных между собой. [Минский 1974]. Модель построения фреймовой структуры основана на фреймово-слотовой модели А.П. Чудинова [Чудинов 2001].

Итак, именем анализируемого концепта является понятие ARTESANÍA. Согласно словарю испанского языка RAE, *artesanía* трактуется как: 1) социальный класс, состоящий из ремесленников (*clase social constituida por los artesanos*); 2) ремесленное искусство и ремесленный труд (*arte u obra de los artesanos*). Основными выделенными фреймами являются: *obra artesanal* (ремесленное изделие), *artesano* (ремесленник), *mundo artesanal* (ремесленная среда) и *receptor* (реципиент). Рассмотрим наиболее репрезентативные фреймы, необходимые для понимания анализируемого нами концепта.

Обратимся к фрейму — *obra artesanal* (ремесленное изделие). В нём мы описываем черты, характерные для современных ремесленных изделий и выделяем для этого следующие слоты: *aplicación* (применение), *valor estético* (эстетическая ценность), *unicidad* (уникальность), *se expuesta en* (выставляется в) и *elaboración* (изготовление). Это позволит выделить основные характеристики, которыми обладает современное ремесленное изделие.

Рассмотрим наиболее репрезентативные слоты данного фрейма. Слот *aplicación* (применение), представлен контекстами «decorativa» (декоративное), «utilitaria» (утилитарное), «funcional» (функциональное) и «estética» (эстетическое). Ключевой характеристикой концепта ARTESANÍA служит подслот «*aplicación estética*» (применение в эстетических целях), которое, по мысли В. Фрейтаг, также свойственно

искусству. Это позволяет сделать вывод о том, что ремесло в настоящее время помимо сугубо прикладного и утилитарного значения приобретает ещё и эстетическую ценность, обычно свойственную искусству, и это должно быть учтено при переводе статьи на русский язык.

Следующий слот фрейма *obra artesanal – valor estético* (эстетическая ценность). Он представляет такие характеристики ремесленного изделия, как: «*gran riqueza estética*» (высокоэстетический), «*elaborado con sofisticación y virtuosismo*» (выполнен с невероятным изяществом и мастерством) и «*artístico*» (художественно-ценный). Это подтверждает предположение о близости современного ремесленного дела к искусству.

Другой слот фрейма *obra artesanal*, необходимый для понимания описываемого концепта – *se expuesta en* (выставляется в). Он важен, поскольку основным отличием «искусства» от «ремесла», согласно анализируемой нами статье, является именно то, где выставляются готовые работы: продукты ремесла в его привычном понимании не выставляются в специальных учреждениях и используются в быту. Произведения искусства выставляются в галереях, а современные ремесленные изделия – в музеях народного искусства.

При анализе второго фрейма анализируемого концепта мы обращаемся к человеку, который посвящает себя ремесленному делу – ремесленнику (*artesano*). В рамках данного фрейма мы выделили следующие слоты: *formación* (образование), *habilidades* (умения) и *características personales* (личные качества). Обратимся к первому из них.

Слот *formación* (образование) представлен подслотом «*de generación en generación*» (из поколения в поколение). Следовательно, среди современных ремесленников знания об их искусстве по-прежнему принято передавать из поколения в поколение.

Среди подслотов, репрезентирующих слот *habilidades* (умения), представлены: «*entendimiento práctico*» (практическое мышление), «*combinaba la cabeza y la mano*» (сочетал в себе умственные и физические способности) и «*más artístico*» (более творческий).

Слот *características personales* (личные качества) ремесленника представлен подслотами «*paciencia*» (терпеливый), «*disciplina*» (дисциплинированный), «*postura individualista*» (индивидуальная авторская позиция) и «*gracia*» (чувство прекрасного). Здесь большую значимость имеет последний подслот, который представляет качество, характерное только для современного ремесленника.

Трудности трансляции концепта ARTESANÍA на русский язык заключаются в его многозначности, а также, как удалось выяснить в ходе исследования, – в большом количестве синонимичных ему понятий в русском языке. Проанализировав семантику всех понятий, входящих в один синонимический ряд с ARTESANÍA, мы остановились на «ремесле» как наиболее репрезентативном варианте его перевода на русский язык. Обратившись к двум словарям синонимов, мы выявили также следующие синонимичные понятия: 1) дело, занятие [Абрамов 1999]; 2) мастерство, промысел, рукоделие, народный промысел [Александрова 2001].

Толковый словарь С. И. Ожегова предлагает следующее толкование слову «ремесло»: 1) профессиональное занятие; изготовление изделий ручным, кустарным способом; 2) вообще профессия, занятие (разг.) [Ожегов, Шведова 1949–1992].

Затем нами был проведен анализ синонимичных понятий. В ходе анализа понятия «народный промысел» было установлено, что оно называет определённое занятие, ремесло или производство, в первую очередь, как источник для добывания средств существования [Ушаков 1935–1940]. В понятии «ремесло» же на первый план выходит именно «изготовление изделий ручным, кустарным способом». К тому же, понятие «народный промысел» является более широким, чем «ремесло» и может относиться также к занятию охотой, добыче птицы, рыбы и т.п., что совсем не предполагает ручной труд как таковой [Ожегов, Шведова 1949–1992]. Понятие «рукоделие также не репрезентирует анализируемый концепт в полной мере, поскольку означает «ручной труд, преимущественно женский» [Ушаков 1935–1940]. Ещё одним, довольно близким к оригиналу по смыслу переводом имени ключевого концепта может выступить понятие «народное искусство» или «народное творчество». Однако в анализируемой нами статье данные понятия чётко разводятся автором. Под понятие «ремесло» попадают только пластические предметы (посуда, одежда, украшения), в то время как понятие «народное искусство» охватывает более широкую область действительности, включая в себя народные традиции, песни, танцы, легенды, сказания и т.п. [Freitag 2014].

Может показаться, что концепт ARTESANÍA в современном понимании наиболее близок понятию «декоративно-прикладное искусство». Согласно Художественной Энциклопедии, декоративно-прикладное искусство – раздел декоративного искусства, посвященный созданию художественных изделий, предназначенных главным

образом для быта. Данное понятие также не подходит для репрезентации концепта ARTESANÍA. Во-первых, оно используется для обозначения уже сложившейся сферы искусства. Во-вторых, в нем акцентируется внимание на использовании изделий в быту, в то время как изделия современного ремесленного искусства постепенно утрачивают данную функцию.

Итак, построив модель структуры концепта и проведя дефиниционный анализ, мы остановились на таком варианте перевода понятия *artesanía* как «ремесленное искусство». Такой вариант перевода мы и считаем наиболее удачным для репрезентации имени концепта ARTESANÍA в его современном понимании: он отражает сближение двух анализируемых понятий, а также обладает определённой новизной, что, на наш взгляд, соответствует характеру зарождающегося явления.

Список литературы

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 431 с.

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык, 2001. 568 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний. URL: https://royallib.com/book/minskiy_marvin/freymi_dlya_predstavleniya_znaniy.html (дата обращения: 22.02.2018).

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. 226 с.

Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство: в 2 т. / под ред. *В.М. Полевой*. М.: Советская энциклопедия. Т.1. 1986. 447 с. Т.2. 1986. 432 с.

Большой Энциклопедический словарь (под ред. А. М. Прохорова). URL: <https://www.vedu.ru/bigenCdic/> (дата обращения: 26.02.2018)

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1949–1992. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt (дата обращения: 02.03.2018).

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 01.03.2018).

Freitag V. Entre arte y artesanía: elementos para pensar el oficio artesanal en la actualidad. URL: <http://www.redalyc.org/html/874/87432695007/> (дата обращения: 20.12.2017).

Real Academia Española. URL: <http://dle.rae.es> (дата обращения: 27.02.2018).

THE CONCEPT “ARTESANÍA” AND DIFFICULTIES OF ITS RE- PRESENTATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Anastasia V. Myasnikova

Student of Linguistics. Bachelor's degree course, Faculty of Modern Foreign
Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. a.myasnikova@mail.ru

Nadezhda N. Menshakova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and
Translation

Perm State University

614990, Russia, Bukirev str., 15. mnesperanza@mail.ru

The article is dedicated to the analysis of the ARTESANÍA concept by means of frame structural organization. The purpose of the analysis is a more successful translation of the chosen scientific article that describes the development of the mentioned concept and its modern definition. Using definitional and lingvo-cognitive analysis, the authors reveal key characteristics of the concept under consideration. It provides them with a better understanding of the source text and an opportunity to find the most appropriate representation of its main concept.

Key words: concept, frame, frame system.

ТРАНСЛЯЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Евгения Симоновна Яковлева

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. gina.yakovleva@mail.ru

Юрий Николаевич Пинягин

к. филол. н. доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

Статья посвящена анализу трансляции типологических свойств искусствоведческого дискурса как комплексного коммуникативного явления. В фокусе рассмотрения находится авторский искусствоведческий текст, характеризующийся наличием сложных смысловых структур, которые рассматриваются в контексте переводческого осмысления типологических свойств искусствоведческого дискурса.

Ключевые слова: дискурс, искусствоведческий дискурс, авторский текст, лингвокультурная специфика, концепт, переводческая рефлексия, трансляция.

Понятие дискурса претерпело значительные изменения на протяжении нескольких десятилетий, что связано с комплексным характером данного феномена. Нидерландский лингвист Т. А. ван Дейк определяет дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [ван Дейк 2000: 8]. В. Е. Чернявская выделяет два уровня понимания сути дискурса: «дискурс, в одном случае, обозначает отдельное конкретное коммуникативное событие, в другом, - подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определённых коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» [Чернявская

2009: 147]. Это означает, что исследование дискурса находится в тесной связи с исследованием текста как составной части дискурса. «Собственно дискурсивный анализ начинается с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и др. факторов» [Чернявская 2009: 150].

Статья посвящена анализу способов трансляции типологических свойств искусствоведческого дискурса на материале перевода главы «American Painting: A Survey» из монографии М. Брауна «American Painting».

Актуальность исследования заключается в том, что в фокусе рассмотрения находится искусствоведческий дискурс как сложное коммуникативное образование, характеризующееся многообразием типологических свойств, отраженных в искусствоведческом тексте и принципиально отличающих его от других типов дискурса. Наряду с этим вскрывается сложность искусствоведческого текста, характеризующегося наличием в нем авторского начала [Алексеева 2001: 225; Борботько 2011: 25], и являющемся частью данного дискурса, что обуславливает необходимость построения комплексной стратегии перевода с целью адекватной трансляции его типологических свойств. Согласно Т. А. Фесенко, переводческие стратегии «не бывают чисто когнитивными или интуитивными, но представляют собой когнитивно-интуитивные «сцепления»» [Фесенко 2001: 61].

Объектом искусствоведения является искусство, включающее в себя не только результаты творческого процесса, но и жанры, стили, идеи, концепты, смыслы, которые варьируются от культуры к культуре, от индивида к индивиду, и, соответственно, по-разному отражены в ИЯ и ПЯ. Такой широкий диапазон информации, содержащейся в искусствоведческом тексте, может быть сведен в три блока: когнитивный, эмоциональный и эстетический.

Автором искусствоведческого текста является, как правило, специалист-искусствовед, поэтому реципиент является получателем в первую очередь когнитивной информации. Автор оригинального текста – Милтон Вульф Браун (Milton W. Brown), искусствовед и педагог из Нью-Йорка, которому принадлежат многочисленные статьи, лекции, дневниковые записи, а также монографии, посвященные американскому искусству. В исследуемой главе прослеживается лексическое богатство искусствоведческого дискурса как целостного образования. Когнитивная информация представлена в тексте широкой палитрой

лексических средств. Тематика дискурса обусловила насыщенность текста специализированной лексикой в виде искусствоведческих терминов «*luminism*», «*surrealism*», «*avant-garde*», именами собственными «*Winslow Homer*», «*Philip Pearlstein*», «*Jackson Pollock*», названиями музеев и выставок «*The International Exhibition of Modern Art*», «*Armory Show*», «*Whitney Museum of American Art*», названиями творческих объединений «*The Ten*», «*Ashcan School*», «*New York realists*» и т.д.

Искусство не оторвано от действительности, оно является ее отражением, а значит, в тексте может прослеживаться тесная связь искусства с другими областями знаний, прежде всего с историей, которая, в свою очередь, характеризуется разветвленностью и многогранностью. Исторический дискурс и его составляющие находят яркое отражение в искусствоведческом дискурсе, значительно расширяя и усложняя его содержание. М. Браун знакомит читателя с ключевыми вехами в истории американского искусства на фоне исторических событий, предоставляя возможность окунуться в его атмосферу. В связи с этим в тексте встречаются многочисленные исторические реалии и национально-культурные концепты, например, «*frontier*» («фронтир»; зона постепенного освоения земель на Западе США), «*lost generation*» («потерянное поколение» молодежи Европы и Америки в результате мировых войн), «*muckrakers*» («разгребатели грязи»; писатели и журналисты, разоблачающие неблагоприятные явления в жизни страны) и др., которые нашли отражение в американском искусстве, а значит, являются неотъемлемой частью искусствоведческого дискурса, поэтому их перевод необходимо сопровождать переводческими комментариями для наиболее полного понимания контекста читателями.

Кроме того, широкая палитра лексических единиц, имеющих непосредственное отношение к искусству и истории, дополняется рядом географических реалий, также несущих в себе определенные пласты информации: «*Catskill mountains*», «*the West*», «*Greenwich Village*» и т.д.

В ходе анализа ИТ нами было отмечено частое использование автором иноязычных лексических единиц - «*terribilita*», «*trope l'oeil*», «*chateaux*», что коррелирует, с одной стороны, со спецификой искусствоведческого дискурса, а с другой стороны, со стилем автора.

Как эмоциональная, так и эстетическая информация в искусствоведческом тексте являются особыми маркерами авторского начала, сигнализирующими о рефлексии со стороны автора ИТ, что является одной из уникальных особенностей искусствоведческого дискурса.

Неподдельный интерес к искусству, в частности к живописи, позволил М. Брауну сформировать глубокие знания в этой области не только как искусствоведа, но и как художника [Smithsonian Archives of American Art, 2010: 2]. Обладая чувством прекрасного, автор стремится поделиться им с читателем. Текст насыщен авторскими интерпретациями, где под пристальным вниманием автора оказываются эпохи, направления в искусстве, художественные стили. Особенно выразительны комментарии автора относительно творческих стилей художников разных эпох. В качестве одного из ярких примеров стоит привести следующий отрывок:

*«Unlike Pollock, he [Willem de Kooning] remained **loyal** to the brush, postulating painting as a **dramatic** existentialist act of daring and commitment, full of **unresolved** contradictions, driven by angst, generating an art that is necessarily **restless, complex, infinitely dense, ambiguous, and above all fluid**. He combined **intensity and finesse, muscular brushwork and refined calligraphy, tortured forms and delicate, even pretty, color**».*

Очевидно, что автор привносит свое видение в описание стиля художника и скульптора В. де Кунинга, используя высокую лексику, градацию и контрасты коннотаций лексических единиц для создания особого динамического эффекта. Экспрессивные маркеры важны для восприятия текста реципиентом и должны быть сохранены переводчиком с учетом собственных установок, сформировавшихся вследствие пребывания в иной национально-культурной и языковой среде, что предполагает наличие рефлексии со стороны переводчика. Поэтому «порождение гармоничного текста перевода является результатом гармонизации гетерогенных смыслов, как эксплицитных, так и имплицитных, с их последующей синергией, осуществляемой в поле переводчика» [Кушникова, Силантьева 2010: 72]. Для создания гармоничного ПТ, необходимо использовать подходящие языковые средства ПЯ, что, на наш взгляд, удалось сделать в следующем варианте перевода:

*«В отличие от Поллока, де Кунинг **сохранил верность** кисти, провозглашая живопись **драматическим** экзистенциальным актом отваги и верности, полным **неразрешенных** противоречий, движимым тревогой, создающей искусство **неугомонное, сложное, глубокое, многозначительное** и, прежде всего, **пластичное**. Ему удалось соединить **энергию и утонченность, решительные мазки кистью и изящную каллиграфию, искаженные формы и деликатные, даже приятные, цвета**».*

Комплексный характер искусствоведческого текста выражен также и в наличии в нем многочисленных концептов и аллюзий, например:

«The “noble redman” of James Fenimore Cooper found a place in the primordial forests of Thomas Cole...».

Здесь прослеживается отсылка к литературному дискурсу, поскольку речь идет о концепте «благородного индейца», являющего собой целый пласт литературного типа, и, в частности, аллюзии к конкретному персонажу американского писателя Ф. Купера по имени Чингачгук – мудрого и храброго воина, «последнего из могижан». Так, создается очередной смысловой слой искусствоведческого текста, который не должен быть упущен в процессе перевода:

«Благородный индеец» Джеймса Фенимора Купера обосновался среди девственных лесов на полотнах Томаса Коула...».

Контекст искусствоведческого дискурса наделяет общеупотребительные слова новым содержанием и новым смыслом, что необходимо учитывать при переводе во избежание искажения смысла, заложенного автором ИТ, например:

«Sargent in his watercolors and Chase in his later Long Island Landscapes had not only shown an awareness of Impressionism but adapted much of its vocabulary».

В данном отрывке привычный смысл существительного «*vocabulary*» – «словарь», в пространстве искусствоведческого дискурса, меняется и приобретает несколько иной оттенок. При переводе данного фрагмента необходимо передать его содержание в соответствии со спецификой дискурса путем распредмечивания, которое «достигается через усмотрение смыслов, восстанавливаемых на основании формы средств текстопостроения» [Богин 2001: 21], например:

«Акварельные полотна Сарджента и поздние Лонг-Айлендские пейзажи Чейза не только показали, что художники знали об импрессионизме, но и переняли часть его художественного языка».

В рамках рассмотренного примера также можно говорить о разнице в понимании и языковом выражении концепта «*vocabulary*» в искусствоведческом дискурсе ИЯ и ПЯ. Языковое выражение дискурса в ИЯ и ПЯ характеризуется разными установками автора оригинала и переводчика, связанными с культурными особенностями. Разница в языковом выражении касается также и имен собственных в американском дискурсе, где распространенным вариантом является обращение по фамилии, и в дискурсе ПЯ, где имеет место стремление привести полное

имя человека, что находит отражение в процессе перевода как результат переводческой рефлексии:

*«George Inness had discovered **Corot, Rousseau, and the Barbizon school.** - Джордж Иннес познакомился с творчеством французских художников **Жана Батиста Камиля Коро, Теодора Руссо и барбизонской школы.**».*

Таким образом, перевод искусствоведческого текста представляет собой комплексный процесс передачи его содержания с учетом трансляции типологических свойств искусствоведческого дискурса. Переводчику необходимо избрать соответствующую стратегию, которая позволила бы гармонично транслировать содержащиеся в искусствоведческом тексте смыслы, заложенные автором. Это может быть достигнуто переводчиком путем комплексной фокусировки на трансляцию авторских смыслов и интерпретаций, а также поиском варианта перевода, соответствующего принимающей культурной и языковой среде, поскольку «лингвоментальная модель процесса перевода обретает свое существование в результате кодировки ментальных операций с когнитивными структурами в границах вербальных систем определенных лингвокультурных сообществ» [Фесенко 2001: 61-62].

Список литературы

Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2001. 288 с.

Богин Г.И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.

Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 4-е. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Кушина Л. В., Силантьева М. С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. №6. С. 71–75.

Фесенко Т. А. Лингвоментальная модель процесса перевода // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 20. С. 58–62.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

Brown M. W. One Hundred Masterpieces of American Painting from Public Collections of Washington, D. C. Smithsonian Institution Press, Washington, D. C. 1983. P. 17–38.

Smithsonian Archives of American Art. A Finding Aid to the Milton Wolf Brown Papers, 1908–1998, in the Archives of American Art, 2010. 28 p. URL: <https://www.aaa.si.edu/files/resources/finding-aids/pdf/browmilt.pdf> (дата обращения: 18.02.2018).

TRANSLATION OF THE TYPOLOGICAL PROPERTIES OF ART DISCOURSE

Eugenia S. Yakovleva

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies), Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. gina.yakovleva@mail.ru

Yuriy N. Pinyagin

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of art criticism as a complex communicative phenomenon with special typological properties. The focus of the review is the author's art history text, characterized by the presence of complex semantic structures, and the specificity of its translation in the context of the interpretation of the typological properties of art criticism discourse.

Key words: discourse, art discourse, author's text, cultural specifics, concept, translation reflection, translation.

Раздел 7.
Проблемы перевода
художественного и научного текста

УДК 811.111'25

**ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАРКА
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
(НА ПРИМЕРЕ БИБЛИИ КОРОЛЯ ЯКОВА)**

Оксана Михайловна Алтынцева

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика» («Иностранный язык и межкультурная коммуникация») Пермский государственный национальный исследовательский университет 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. altynceva.oksana@gmail.com

Александр Юрьевич Братухин

д. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермский государственный национальный исследовательский университет 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. bratuchko@yandex.ru

В статье рассматривается проблема употребления заимствованных слов в Евангелии от Марка из Библии короля Якова. На основании анализа текста были найдены и классифицированы лексемы, переведенные на английский язык при помощи транслитерации, выявлены основные причины употребления заимствований и сделаны выводы об особенностях данного перевода Библии.

Ключевые слова: Библия короля Якова, реалия, заимствование, транслитерация, сопоставительный анализ.

Библия короля Якова (англ. King James Version), представляет собой англоязычный «авторизованный» королём Яковом I перевод, завершённый в 1611 году. Необходимость в его создании возникла в 1604 году, когда созванная Яковом I Хэмптон-Кортская конференция (Hampton Court Conference) признала недостатки существовавших до этого переводов Библии и приняла решение начать работу над новой версией, взяв за основу ранее существовавшую Епископскую Библию (Bishop's Bible) [Kenyon 1898: 229]. Сохранились указания короля, данные специальной комиссии ученых, работавших над переводом.

Основной его концепцией стало сохранение старых церковных терминов, однако несущественные комментарии должны были быть удалены за исключением объяснений еврейских и греческих терминов. В случае же расхождений текстов Епископской Библии, Вульгаты и Септуагинты, предпочтение следовало отдавать греческому тексту, а имена собственные переводить согласно устоявшейся английской традиции (напр. *Matthew* вместо *Matthaeus*) [Daniell, 2003: 439]. Эти указания были соблюдены, в чем можно убедиться, ознакомившись с текстом авторизованной версии.

Исследование именно этого перевода Библии на английский язык представляет особый интерес, поскольку данная версия является наиболее точной и влиятельной, остающейся такой на протяжении уже четырех столетий. Интересным вопросом при ее изучении с точки зрения переводческой науки является то, каким образом передается безэквивалентная лексика. В данном исследовании для анализа была взята новозаветная часть Библии, а именно Евангелие от Марка, поскольку в нем встречаются реалии как Древнего Израиля, так и Древней Греции и Рима.

В ходе анализа текста Евангелия было выявлено 95 лексических единиц, заимствованных из арамейского, латинского и древнегреческого языков. 68 из них представляют собой имена собственные, 27 – нарицательные.

В тексте английской Библии можно встретить много слов греческого происхождения, однако далеко не все они были транслитерированы именно для этого перевода. Греческие заимствования стали появляться в английском языке еще со времен первых контактов британских племен с римлянами. Впоследствии многие греческие термины пришли в английский язык посредством латинского, а затем французского.

При изучении имен собственных становится видно, что многие из них на момент перевода уже вошли в английский язык, например *Mary*, *Jerusalem*. Будучи изначально заимствованными из арамейского или древнееврейского (посредством греческого, латинского, французского), они приобрели характерные английские окончания, их использование в речи на тот момент становится повсеместным и простирается за пределы Священного писания. Такое написание имен и названий сохраняется по сей день.

Что касается менее распространенных имен собственных, в частности топонимов и прозвищ, их написание в большей степени соответствует латинскому способу передачи греческих слов, что видно из характерных диграфов (ae, ph, th) и буквы «у» в словах (напр. *Alphaeus*, *Cyrenian*). Вероятнее всего, основное влияние на перевод этих слов

оказал латинский вариант Библии, где данные термины уже были транслитерированы с греческого при помощи латиницы. Об этом же свидетельствуют и латинские окончания некоторых еврейских или греческих имен (*Jairus*, *Timaeus*). Однако не все топонимы и имена в точности повторяют латинское написание. В случаях, когда в более ранних переводах слово оканчивалось на сочетание букв «-аее» (напр. *Galilaeae*), переводчики убирают из диграфа «ае» букву «а», оставляя слова в том виде, в котором мы привыкли их видеть в современном английском языке – *Galilee*. Возможно, в данном случае переводчики стремились упростить написание, при помощи исключения латинских диграфов.

В отношении имен нарицательных, как правило, транслитерация используется гораздо реже и в основном в тех случаях, когда объект характерен для одной языковой культуры и нехарактерен для другой (напр. транслитерация греческого слова «σανδάλια» (обувь, состоящая из подошвы, прикрепляемой к ноге ремешками) на английский – «sandals»). К этой категории слов можно отнести названия денежных единиц (*denarius*, *quadrants*), предметов быта (*alabaster*), должностей (*centurion*). Помимо культурных реалий, Библия вводит в английский язык христианские термины: *baptize*, *Satan*, *angel* и т.д. Отдельную категорию представляют собой слова, не относящиеся к реалиям других культур, но, тем не менее, заимствованные из греческого, иногда даже вытеснявшие непосредственно английские слова. К этой категории можно отнести слова *prophet*, *paralytic*, *blasphemies*, *parables*, *hypocrites*, *sponge* и т.д. Примером замены английских слов греческими является история слова *parable* (притча), которое заменило древнеанглийское *bispell*, и слова *prophet*, вытеснившего в христианском контексте другие слова, имевшие значение «пророк» (напр. *witga*). Данное явление может быть связано с тем, что некоторые исконные английские слова были связаны в сознании англичан с язычеством и колдовством: *witga*, *seer* – предсказатель, прорицатель, кудесник. Вследствие этого возникла необходимость использования другого слова, имеющего христианскую коннотацию и отличающего Ветхозаветных пророков от языческих провидцев, что и позволило лексеме греческого происхождения *prophet* укрепиться в английском языке.

Согласно этимологическому словарю Дугласа Харпера (Douglas Harper), все приведенные имена нарицательные входили в английский язык постепенно, через разные источники и в разное время. Так, например, появление слова *synagogue* датируется концом XII в., *prophet* – XIII в., *alabaster* – XIV в., а *denarius* – XVI веком. Будучи заимствованными еще в период древнеанглийского языка, некоторые из них

впоследствии изменяли свою форму, приближаясь к французскому варианту (*apostle* от др. англ. *apostol*, *angel* от *engel*). В Библии короля Якова мы наблюдаем слова уже в современном виде, так, как они пишутся сейчас. Это значит, что осуществляя перевод, составители данной версии не были вынуждены самостоятельно искать эквиваленты. Необходимые им слова они заимствовали в Епископской Библии и других, менее известных переводах.

При сравнении Библии короля Якова с более современными переводами, в частности с Good News Bible, выявляются определенные особенности в использовании заимствований. С одной стороны, в новых версиях уменьшается количество греческих и латинских слов (напр. *leper* заменено на *a man suffering from a dreaded skin disease*), что может быть связано с их устареванием, а составители стремились сделать текст более доступным для понимания современному читателю. Однако с другой стороны, по этой же причине в тех местах, где первоначально употреблялись лексемы германского происхождения (*wilderness*, *righteous*), в Библии 1966 года используются слова, восходящие к латинскому языку (*dessert*, *respectful*). В первую очередь это связано с изменением самого английского языка: некоторые слова устаревают, становятся менее понятными или редко используемыми в повседневной речи, что приводит к их замене более актуальными и понятными.

Еще одним примером подобной замены английского слова латинским является наименование Святого Духа, упоминаемого в Библии короля Якова как *Holy Ghost*, что не отменяет периодическое использование слова *Spirit* в тексте Евангелия. При этом в современных английских текстах можно встретить исключительно *Holy Spirit*. Данный факт может объясняться различием в английской христианской терминологии XVII и XX веков, поскольку подобное именование (*Holy Ghost*) встречается также в Епископской Библии, на основе которой был сделан перевод. Тем не менее, не все термины были переведены в соответствии с предыдущей версией Библии. Так, имя Христа, варьирующееся от перевода к переводу, в Епископской Библии выглядит как *Iesu*, а Иерусалим называется *Hierusalem*, что почти в точности соответствует латинскому написанию, в то время как в Библии 1611 года Иисус – *Jesus*, а столица Древнего Израиля – *Jerusalem*.

Таким образом, транслитерация в Библии короля Якова используется в качестве способа перевода в трех случаях: при передаче имен собственных, не вошедших ранее в английский обиход, при переводе большей части христианской терминологии, а также евангельских реалий. В последних двух случаях корректнее говорить об использовании

заимствований, уже вошедших в английский язык на момент перевода, нежели о непосредственной транслитерации. Выбор в пользу латинских или английских слов совершался переводчиками, в большей степени, под влиянием устоявшейся церковной традиции и авторитетной на тот момент Епископской Библии, однако с некоторыми изменениями.

Список литературы

Пахотин А. И. Англо-русский, русско-английский словарь исключений, заимствований и «трудных» слов английского языка. М.: Карева, 2003. 128 с.

Daniell D. The Bible in English: its history and influence. Yale University Press, 2003, 962 p.

Harper D. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (last accessed: 20.03.2018).

Kenyon F. G. Our Bible and the Ancient Manuscripts, Эдинбург, 1898. 389 с.

Official King James Bible Online: Authorized King James Version (KJV). URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org> (дата обращения 31.03.2018).

Study Bible Online: Bishop's Bible. URL: <https://studybible.info/Bishops/Mark> (дата обращения 31.03.2018).

Study Bible Online: Good News Bible. URL: <https://www.biblestudytools.com/gnt/mark/> (дата обращения 31.03.2018).

**TRANSLITERATION IN THE ENGLISH TRANSLATION
OF GOSPEL OF MARK
(ON THE EXAMPLE OF KING JAMES VERSION)**

Oksana M. Altyntceva

Student of Linguistics (Foreign Languages and Intercultural Communication), Bachelor's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str. 15. altynceva.oksana@gmail.com

Alexander Yu. Bratukhin

Doctor of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str. 15. bratucho@yandex.ru

The article studies the problem of the borrowing words usage in Gospel of Mark from King James Bible. Based on the analysis of the text, the lexemes translated into English through transliteration were found out and classified, the main reasons of the derivation usage were distinguished, and the conclusion about peculiarities of the translation was drawn.

Key words: King James Version, realia, derivation, transliteration, comparative analysis.

**ТРАНСЛЯЦИЯ ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ
В ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗА
И.А.БУНИНА «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ»
НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК**

Алёна Игоревна Гилёва

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика»

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. alenagileva@outlook.com

Наталья Владимировна Хорошева

к. филол. н., доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. romanphil@rambler.ru

В статье исследованы звуковые образы рассказа И.А.Бунина «Антоновские яблоки» и способы их трансляции в переводе на французский язык К.Ошар. Чувственность образов ранней прозы И.А.Бунина чрезвычайно важна для ее поэтичности, отсюда внимание автора к разнообразным звукам. Однако в переводе звуковые образы, созданные автором, претерпевают существенные изменения: зачастую они нейтрализованы, видоизменены или имеют иной смысловой объем.

Ключевые слова: образность, звуковой образ, художественный перевод, русская литература, французский язык.

Перевод художественной литературы представляет собой сложный процесс, требующий использования языковых и неязыковых ресурсов для оказания эмоционального воздействия, равного тому, что производит оригинал. В наибольшей степени это касается адекватности передачи авторских образов исходного текста. В результате перевода важно сохранить исходный образ, не перегружая его лишними деталями, но и не опуская те, которые создают идейную законченность текста. При этом художественный перевод основывается на оригинале, но одновременно с этим обладает независимостью, поскольку начинает принадлежать культуре переводящего языка.

В исследовании мы исходим из понимания художественного образа как системы конкретно-чувственных средств, воплощающей собой

собственно художественное содержание, то есть художественно освоенную характерность реальной действительности [Волков 1995: 75].

Проза И.А.Бунина является очень лиричной, образной, неслучайно автор начинал свою литературную деятельность с публикации стихов, которые, однако, не были высоко оценены, в отличие от более поздней прозы. Характерной чертой ранней бунинской прозы является умение передать драматичность течения жизни через детали, воспринимаемые чувственно, он наполняет свои произведения красками, запахами, звуками и формами. Его рассказы являются продолжением поэтических поисков и кажутся напрямую вытекающими из первых литературных опытов. Особенно эта характеристика применима к ранним произведениям писателя, хотя на протяжении всей жизни И.А.Бунин сам определял себя больше как поэта, нежели прозаика: «Я, вероятно, рожден стихотворцем... Для меня главное - найти звук. Как только я его нашел - все остальное дается само собой» [Пушешников 1950]. Образы в творчестве И.А. Бунина можно определить как синэстетичные, поскольку в себе они соединяют и звуковые, и зрительные впечатления, комплексно оказывающие воздействие на читателя.

Рассказ «Антоновские яблоки» (1898-1900) представляет собой небольшую зарисовку ностальгических воспоминаний автора о ранней погожей осени, о сборе урожая яблок в саду, о былой деревенской жизни и воспринимается читателями как светлое, музыкальное и очень образное произведение, где рассказчик по сути является лирическим героем. Обилие в рассказе художественных образов, имеющих чувственную природу, представляет богатый материал для исследования.

В частности, нами были рассмотрены 17 контекстов, в которых реализованы 24 звуковых образа, а также переводческие решения К.Ошар (Claire Hauchard) при их передаче на французский язык.

Система звуковых образов получает развитие на протяжении всего произведения. В начале репрезентированы более приятные, мягкие звуки, которые по мере развития действий превращаются в резкие, неприятные и тяжелые.

Рассказ начинается с описания обычной жизни дворянства в его расцвете, герой произведения вспоминает счастливое и беззаботное детство. Все цвета, запахи и звуки вокруг него наполнены безмятежностью и спокойствием: «И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук сыпавших в меры и кадушки яблок». (*Dans les profondeurs du verger, le silence frais du matin n'est brisé que par le babil repu des merles sur les sorbiers aux baies de corail, par la clameur des travail-*

leurs et le choc sourd des pommes que l'on déverse dans les boisseaux et les barils.)

В переводе К.Ошар *сытое квохтание дроздов* передано как *le babil repu des merles*, где *babil* – «des sons mal articulés mais agréables ou harmonieux». В переводе меняется оттенок звука, воспроизводимого птицами, поскольку квохтание представляет собой резкие, короткие, повторяющиеся звуки, чаще всего домашней птицы, в то время как в переводе мы имеем единицу, обозначающую недискретный звук птицы, скорее щебет. Простое *голоса* переведено как *la clameur des travailleurs*, где *clameur* – «cris violents». Переводчик конкретизирует образ, уточняя источник звука, тем самым разрушая поэтичность звукового образа. *Гулкий стук* в переводе передано как *choc sourd* – «глухой удар». Меняется качество звука – он воспринимается как менее интенсивный, нерезонирующий, приглушенный, в итоге – создаётся другое впечатление от образа.

Другим интересным с точки зрения анализа звуковых образов в рассказе является следующий контекст: *Шурша по сухой листве*, как слепой, *доберешься до шалаша*. (*Et me voici tâtonnant comme un aveugle jusqu'à la cabane, dans un bruissement de feuilles mortes*). В тексте И.А.Булгина образ, безусловно, создается приемом аллитерации: *шурша по сухой листве, как слепой, доберешься до шалаша*. В переводе данный прием отсутствует, французский текст тем самым нейтрализует этот лирический звуковой образ, необходимый для более полной передачи внутреннего состояния героя и его окружения.

Одним из ярких образов в рассказе является колокольный звон: ... *под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашнюю рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками*. (...*sous une volée de cloches qui carillonnent au village, graves et mélodieuses, on se débarbouille au tonneau, on met une chemise de chanvre, un pantalon propre et de solides bottes ferrées*.) *Благовест* – это православный колокольный звон перед началом богослужения, одним большим колоколом (в отличие от перезвона или трезвона), поэтому русскому читателю понятен эпитет *густой*, создающий образ торжественного, размеренного, вибрирующего звука в воздухе. Французское *une volée de cloches qui carillonnent au village* значительно искажает этот образ, представляя его скорее как трезвон нескольких колокольчиков.

Звуковые образы очень важны в сцене охоты: *Он фыркает, просится на рысь, шумно шуршит копытами по глубоким и легким коврам черной осыпавшейся листвы, и каждый звук гулко раздается в пустом, сыром и свежем лесу*. (*Il s'ébroue, demande à partir au trot en faisant*

bryamment froufrouter sous ses sabots l'épais et souple tapis brun des feuilles mortes. Dans la fraîcheur moite de la forêt déserte, chaque bruit se détache distinctement). Если бунинская аллитерация *шумно шуршит копытами* довольно удачно передается ономастопеей *froufrouter*, то выражение *каждый звук гулко раздаётся* (гулко – «громко, с гудящим отзвуком или резонансом») в переводе К. Ошар передано как *chaque bruit se détache distinctement*, где *se détacher* – *se séparer par un court silence*, а *distinctement* – *d'une manière nettement séparée*. Иными словами, во французском тексте подчеркивается отчетливость отдельных звуков, в то время как исходный текст больше говорит о наличии эха в тишине. Образ осеннего леса становится более плоским, менее поэтичным в переводе.

Подобную нейтрализацию наблюдаем мы и в следующем фрагменте: — *Береги-и! — завопил кто-то отчаянным голосом на весь лес. («Taïaut... Taïaut!» Une voix pressante monte de la forêt.) Завопил кто-то отчаянным голосом* – сильный образ, поскольку прилагательное *отчаянный* подхватывает смысл ранее использованного глагола *завопить* – «начать издавать вопли, громко и неистово кричать». Французский перевод передаёт его в менее интенсивной степени, поскольку переводчик использует лишь эпитет *pressant*.

Сцена молотбы также представлена в рассказе И.А.Бунина прежде всего через звуковые образы: «— С богом! — говорит подавальщик, и первый пук старновки, пущенный на пробу, *с жужжаньем и визгом пролетает* в барабан и растрепанным веером возносится из-под него кверху. *А барабан гудит все настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий приятный шум молотбы.* («C'est parti! Que Dieu nous bénisse!» Le dépicqueur vient de donner le coup d'envoi; on essaie une première gerbe de blé, qui *s'engouffre* dans le tambour de la batteuse et en ressort comme un éventail ébouriffé. *Le tambour ronfle, prend sa vitesse de régime. Le travail bat son plein et bientôt, dans ce brouhaha, s'orchestre la symphonie bien réglée du battage.*) Переводчик опускает такую деталь, как *с жужжанием и треском*, что лишает образ звуковой стороны, однако довольно точно передает выражение *гудит все настойчивее* как *ronfle, prend sa vitesse de régime*, подчеркивая монотонность производимого звука. Вместе с тем, *приятный шум молотбы* К. Ошар переводит, вводя неожиданную метафору, которая представляет этот звуковой образ несколько более сложным, чем в рассказе: *dans ce brouhaha, s'orchestre la symphonie bien réglée du battage*.

Проведенное исследование показывает, что в большинстве случаев в переводе К.Ошар функции звуковых образов, созданных автором,

претерпевают существенные изменения: зачастую они нейтрализованы, видоизменены или имеют иной смысловой объем, что приводит к недостаточно адекватной интерпретации поэтичности прозы великого русского писателя иноязычным читателем.

Список литературы

Бунин И.А. Стихотворения. Рассказы. Повести. М.: Художественная литература, 1973. 528 с.

Волков И.Ф. Теория литературы: учеб. пособие для студентов и преподавателей. М.: Просвещение; Владос, 1995. 256 с.

Пушешников Н.А. Отрывки из дневника//В большой семье: проза. Стихи. Лит. критика. Смоленск, 1960. С. 238-283.

Bounine I. Les pommes Antonov : nouvelles. Édition des Syrtes, Paris, 2001. 155 p.

Makine A. La prose d'Ivan Bunin : la poétique de la nostalgie// Revue des études slaves, 1992. P.711–712.

CONVEYING OF SOUND IMAGES IN THE TRANSLATION OF I.A. BUNIN'S "ANTONOV APPLES" INTO FRENCH

Alena I. Gileva

Student of Linguistics, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. alenagileva@outlook.com

Natalia V. Khorosheva

Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of Department of Linguistics and Translation
Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. romanphil@rambler.ru

The article focuses on the sound images in Ivan Bunin's short story «Antonov Apples» and the means of conveying them in the French translation by C. Hauchard. The sensual aspect of the early Bunin's imagery is crucial for its poeticality, hence the author's attention to a variety of sounds. However, translators often drastically alter the initial sound images, destroying, modifying them, or giving them a different semantic value.

Key words: imagery, sound image, literary translation, Russian literature, French language.

УДК 811.133.1'37: 81'25

**ТРАНСЛЯЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ ПОВЕСТИ
И.С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»
В ПЕРЕВОДЕ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК**

Наталья Андреевна Глухова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика».

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. uazikmoi97@gmail.com

Наталья Владимировна Хорошева

к. филол. н., доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. romanphil@rambler.ru

Исследование посвящено изучению системы женских образов повести И.С. Тургенева «Первая любовь» и трудностям ее трансляции. В статье рассматривается значение женских образов в творчестве данного русского писателя и изучаются средства передачи образной системы произведения при переводе на французский язык.

Ключевые слова: образ, художественный перевод, художественная литература, французский язык.

Как известно, главной проблемой художественного перевода признается передача смысловой целостности произведения, а также достижение равнозначного художественного эффекта текстов оригинала и перевода у реципиента.

Освоение реального мира автором происходит путем создания им собственной системы художественных образов, которые будут составлять уникальность произведения. Передача образной системы произведения является одной из целей художественного перевода. Все это определяет актуальность исследования образности и ее трансляции в художественном переводе.

Объектом нашего исследования является представление о художественном образе как о системе конкретно-чувственных средств, воплощающих собой художественное содержание произведения [Волков 1995: 72]. Предмет исследования – система женских образов повести

И.С.Тургенева «Первая любовь» и ее трансляция в переводе на французский язык, осуществленном М.-Р.Гофманом.

При анализе перевода мы исходим из следующего: транслируемый образ не должен быть перегружен дополнительной информацией; в переводе не должны быть упущены детали, которые формируют идейно-смысловую законченность образа; личные предпочтения переводчика не должны оказывать существенное влияние на образную произведения в переводе, так как сохранение авторской индивидуальности – это важная часть художественного перевода.

Прежде, чем перейти к сопоставительному анализу женских образов ИТ и ПТ повести «Первая любовь», стоит остановиться на женских образах в творчестве И.С. Тургенева. Высокая значимость женских персонажей у этого великого русского писателя несомненна. Автор как бы заглядывал в самые глубины женского сердца и создавал трогательные образы любящих девушек. Поэтому многие женские образы в произведениях И.С. Тургенева раскрываются перед читателем именно через любовное чувство. Женский образ вполне может стоять выше мужского в его произведениях. Писатель отдает предпочтения молодым, юным созданиям, полным жизни. Этих девушек объединяет желание любить и быть счастливыми, ради этого великого и прекрасного чувства они способны на многое, даже на самопожертвование.

Женщина в художественном мире И.С. Тургенева – это проявление природы, а потому она чиста. Поступки тургеньевской девушки не вписываются в привычные рамки: она импульсивна и непредсказуема. Характеры героинь раскрываются в моменты наибольшего художественного напряжения. Но главной чертой все же остается женственность. Женщина – это признанный идеал. Главная героиня обязательно красива, достаточно умна и мечтательна. Это натуры, лишенные какой-либо фальши, лицемерия, сильные духом и готовые к любым трудностям. Такие девушки являются воплощением всего прекрасного не только в глазах И.С. Тургенева, но и в глазах читателя, ведь они являются воплощением признанных временем идеалов красоты, поведения, моральных устоев.

Повесть «Первая любовь» – это произведение, которое было создано, чтобы воспеть всю прелесть и красоту первых волнений души. В произведении мы наблюдаем три основных женских образа: образ юной княжны Зинаиды Засекиной – главного женского персонажа произведения, образ матери героя-повествователя и образ матери Зинаиды – княгини Засекиной.

Женские образы в повести в основном описываются посредством использования различных средств художественной выразительности –

эпитетов, синонимов-уточнителей, глагольных конструкций, эмоционально-оценочных фрагментов, а также сравнительных конструкции и олицетворений. Главную героиню И.С.Тургенев описывает как с внутренней стороны жизни, так и с внешней: детали портрета, веяния души, поведение и окружающая ее обстановка.

Внешнее представление о героине складывается за счет использования образов-деталей, портретных характеристик, представленных преимущественно в виде перечисления эпитетов: *стройный стан и шейка (cette taille svelte, ce petit cou), красивые руки (ces jolies mains), слегка растрепанные белокурые волосы под белым платочком (ces cheveux blonds légèrement ébouriffés sous le fichu blanc)*. В последнем примере аффективность номинации *платочек* не реализована в переводе, однако далее это же слово переведено как *un petit fichu blanc*. В примере *эти ресницы, и нежную щеку (ces cils et cette joue veloutée)* мы наблюдаем, как переводчик привносит конкретно-чувственные детали, воссоздавая образ юной девушки (нежная щека – *joue veloutée*, т.е. бархатистая).

Красота, привлекательность этой девушки неоспоримы. В глазах читателей – это образ полный света, тепла, энергии и жизни: *огромные серые глаза на подвижном, оживленном лице (grands yeux gris, sur un visage mobile), всё это лицо вдруг задрожало, засмеялось (un visage mobile qu'agita tout à coup un léger tremblement, et le rire, d'abord contenu, fusa, sonore), глаза ее тихо светились (une douce lumière brillait au fond de ses prunelles)*.

Также присутствуют сравнительные обороты: *лицо улыбалось, точно сквозь дымку (elle me souriait, comme à travers un léger nuage)*; олицетворения: *Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебежали то и дело по ее глазам и губам (Les sentiments les plus divers, aussi rapides et légers que l'ombre des nuages par un jour de soleil et de vent, passaient sans cesse dans ses yeux et sur ses lèvres)*. Метафоры: *веяло таким светлым умом (elle rayonnait une telle intelligence)*.

Образ Зинаиды раскрывается преимущественно в ее поступках, отношениях с окружающими, так как изображению внутренних переживаний героини автор уделяет мало места. Цепочка глаголов *дурачила, баловала и мучила* передает все своеобразие поведения главной героини: *à me tourner en bourrique, à me faire goûter les pires supplices – превратить меня в глупца (осла), заставить меня испытать худшие муки*.

Интенсификатор *si* неоднократно применяется в переводе для сохранения эмоционального воздействия на читателя: *до того была*

бледна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость (*si pâle, si amèrement triste, si profondément lasse*).

Некоторые средства в переводе претерпевают не только структурные изменения, но также и получают смысловое развитие: *вертеть ими по своей прихоти* (*obligeait à agir comme des marionnettes et selon son humeur du moment*)

Образу княжны Засекиной И. С. Тургенев противопоставляет образ матери героя-повествователя и образ матери Зинаиды – княгини Засекиной. При этом образы героинь статичны, читатель не видит какой-либо перспективы развития персонажей. Представлены незначительные портретные характеристики, описания среды, в которой живут героини. Автор не скрывает своего негативного отношения к ним. Описание женщин также выражается в использовании эпитетов, глагольных форм, сравнительных конструкций: *простоволосая* (*nu-tête*), *с пестрой гарусной косынкой* (*un fichu bariolé, en poil de chameau*), *дремлющий* (женский) *голос* (*épillée*), *неблагообразная фигура* (*silhouette malpropre*).

Эпитет *обтерханные горничные передан* в ПТ как *la malpropreté de la bonne*, что несколько стирает коннотативные смыслы ИТ.

Уменьшительно-ласкательный суффикс (-ушк-) в слове *матушка*, несущий в себе также аффективное значение, репрезентирован в переводе сухо – *ma mère*.

Некоторые предложения и фрагменты претерпевают структурные изменения, отдельные детали опускаются, стилистическая маркированность текста нейтрализуется: *Матушка нездорова, не желает кушать и заперлась у себя в спальне* (*Ma mère, souffrante, s'était enfermée à clef dans sa chambre*).

Приведенные фрагменты анализа ИТ и ПТ позволяют сделать вывод о том, что переводчик М.-Р.Гофман, несмотря на некоторую вольность в интерпретации отдельных деталей образа, в целом успешно передал художественный мир И.С.Тургенева в переводе. В основном его переводческие решения оправданны. Женские образы предстают в переводе на французский язык очень близкими к произведению И.С.Тургенева.

В целом исследование природы женских образов, а также то, какими способами возможно передать их в переводе, является важной составляющей понимания полноты картины мира художественного произведения, классической русской литературы в частности.

Список литературы

Волков И.Ф. Теория литературы: учеб. пособие для студентов и преподавателей. М.: Просвещение; Владос, 1995. 256 с.

Тургенев И.С. Первая любовь: повести. Новосибирск: Западно-Сибирское изд-во, 1983. 304 с.

Ivan Tourgeniev. Premier amour: Nouvelles et poems en prose. La Bibliothèque électronique du Québec. Collection À tous les vents, Volume 603 : version 1.0. URL: <http://beq.ebooksgratuits.com/vents/Tourgueniev-amour.pdf> (last accessed: 02.04.2018).

CONVEYING OF THE IMAGES OF WOMEN IN THE FRENCH TRANSLATION OF “FIRST LOVE” BY I.S. TURGENEV

Natalia A. Glukhova

Student of Linguistics. Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. uazikmoi97@gmail.com

Natalia V. Khorosheva

Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. romanphil@rambler.ru

The research focuses on the system of female imagery in I.S. Turgenev's "First love" and evaluates the way it is conveyed in translation. The article examines the role of female characters in Turgenev's literary works and studies the means of translating of the imagery into French.

Key words: image, literary translation, fiction, French language.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ-СЛОВСОЧЕТАНИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ИЗДАНИЙ

Татьяна Алексеевна Казакова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика» («Перевод и переводоведение»),

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. tatianakzv@gmail.com

Дарья Владимировна Пересторонина

доцент кафедры лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. daria-perestoronina@yandex.ru

В данной статье рассматриваются особенности перевода терминов-словосочетаний научно-популярных изданий. Авторы приводят определение научно-популярного текста, раскрывают особенности научно-популярных изданий и выявляют способы перевода терминов-словосочетаний.

Ключевые слова: научно-популярный текст, терминология, термины-словосочетания, перевод.

В современном мире востребованность научно-популярных текстов, несомненно, растет, т.к. потребность в знаниях увеличивается. Однако неспециалисту характерная для ученых литература может показаться слишком сложной для понимания, а научно-популярные книги, статьи и журналы помогают преодолеть разрыв между научным сообществом и широкой аудиторией. Для того чтобы читать такие сугубо научные книги нужны определенные знания, в том числе и соответствующее образование, тогда как научно-популярный текст доступен любому читателю, и именно этим объясняется колоссальный в последнее время рост распространенности научно-популярных изданий: журналов, книг, электронных ресурсов и т.п.

Актуальность исследования научно-популярных текстов высока, т.к. научно-популярные издания являются одними из самых востребованных изданий в современном мире. Современный темп жизни пред-

полагает у человека наличие обширного объема знаний в различных областях науки, а так же его осведомление в области последних исследований. Для получения базы знаний о каком-либо научном явлении хорошо подходит изучение научно-популярных изданий, поскольку информация в них изложена максимально доступно для любого человека.

Объектом исследования статьи являются термины-словосочетания научно-популярного текста.

Предметом исследования выступает специфика перевода терминов-словосочетаний научно-популярных изданий.

Материалом для написания статьи послужила глава «How to build a universe» из книги Билла Брайсона «A Short History of Nearly Everything» [Bryson 2003]. Книга была опубликована в 2003 г. и уже в 2005 г. стала бестселлером в Великобритании.

Словарь The Free Dictionary определяет научно-популярный стиль, как стиль, направленный на интерпретацию научного знания для широкой аудитории. [Free Dictionary URL]. Основная особенность научно-популярного текста заключается в совмещении научного и художественного стилей. С научным стилем такой текст объединяет цель написания, которая состоит в том, чтобы донести научное знание, а с художественным стилем – манера изложения [Жеребило 2010]. Американские ученые G. Whiteman и N. Phillips отмечают, что научно-популярный стиль изображает «реальность», то, что существует в действительности [Whiteman, Phillips 2006], несмотря на то, что манера изложения научно-популярного текста художественная, читателю представляется настоящее знание, существующее в мире.

Научно-популярному тексту присуще обилие терминов, но в меньшей степени, чем научному тексту [Буре, Быстрых 2003]. В.М. Лейчик после проведения анализа различных определений слова «термин» приходит к выводу, что «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2009: 31].

Термины подразделяются на термины-слова и термины-словосочетания и имеют свои особенности перевода. В данной статье будут анализироваться термины-словосочетания, т.к. именно перевод таких терминов представляет определенную трудность в переводоведении.

«Перевод терминов-словосочетаний начинают с перевода существительного, которое является основным компонентом, и потом последовательно переводят каждую смысловую группу, чаще всего слева

направо» [Пронина 1973: 22]. В смысловом отношении термины-словосочетания по-прежнему являются цельными лексическими единицами.

Как правило, при переводе терминов, состоящих из одного слова, с английского языка на русский язык возникает единичное соответствие, значит, перевод выполняется при помощи эквивалентов. В состав термина-словосочетания часто входят простые термины, именно поэтому одним из самых распространенных способов перевода компонентов будет являться подбор эквивалента.

Рассмотрим первый пример перевода термина-словосочетания «*cosmic background radiation*», представленный в оригинале и в переводе: «...if you looked deep enough into space you should find some **cosmic background radiation** left over from the Big Bang» - «...если заглянуть достаточно глубоко в космос, то можно обнаружить некое **фоновое космическое излучение**, оставшееся от Большого Взрыва». Слова «*cosmic*» и «*radiation*» представляют собой термины, которые в данном предложении переводятся как «космический» и «радиация», соответственно. Однако у термина «*radiation*» есть еще несколько синонимичных значений, как «излучение», «лучеиспускание» и «распространение влияния» [Мюллер 2013: 674], но такие варианты перевода не соответствуют смыслу анализируемого нами текста. Существительное «*background*» в большинстве случаев является общей лексикой и переводится как «фон», «происхождение», «подоплека» и «квалификация» [Мюллер 2013: 78], но в тексте перевода данное слово транслируется как прилагательное «*фоновый*», что соответствует ситуации и словосочетанию. Таким образом, термин-словосочетание «*cosmic background radiation*» переводится в предложении как «*фоновое космическое излучение*».

Рассмотрим другой способ перевода терминов-словосочетаний с английского языка на русский, а именно, перевод при помощи родительного падежа: «By doing a lot of math and watching carefully what goes on in **particle accelerators**, scientists believe they can look back to 10^{43} seconds after the moment of creation...» - «Произведя уйму расчетов о тщательных наблюдениях на **ускорителях элементарных частиц**, ученые считают, что могут заглянуть во время спустя всего 10^{43} секунды с момента творения...». В данном предложении перевод словосочетания «*particle accelerators*» непосредственно является примером перевода при помощи родительного падежа. Отдельные компоненты данного термина-словосочетания – это однозначные термины, переводящиеся эквивалентами. Существительное «*acceleration*» означает «ускорение» [Мюллер 2013: 16], а в тексте оригинала использует-

ся существительное «*accelerator*», слово, производное от «*acceleration*» с суффиксом деятеля «-ог» и, соответственно, переводится как «*ускоритель*». Слово «*particle*» в общем значении транслируется как «*частица*» [Мюллер 2013: 606]. Согласно «Большому толковому словарю» С.А. Кузнецова, частица – это «простейшая, элементарная часть материи» [Кузнецов 2000: 1468], поэтому в специальном значении «*particle*» может употребляться как «*элементарная частица*». Как цельная единица, данный термин-словосочетание переводится на русский язык таким образом, что существительное, стоявшее в английской конструкции на втором месте (в данном случае это существительное «*accelerator*») выходит на первое место в словосочетании на русском языке; а другое, сопутствующее ему существительное, помещается на второе место и употребляется в родительном падеже, т.к. такая конструкция является характерной для русского языка. В результате мы получаем в переводе термин-словосочетание «*ускоритель элементарных частиц*».

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что самым распространенным способом перевода компонентов терминов-словосочетаний является подбор эквивалента. Это происходит из-за того, что научно-популярный текст направлен на широкую аудиторию, и, соответственно, термины встречаются, как правило, общеупотребительные, понятные большому количеству человек. Часто подобные общеупотребительные термины при переводе имеют эквивалент. Однако перевод терминов-словосочетаний как целостной лексической единицы имеет ряд особенностей, например, часто встречается перевод при помощи родительного падежа, где компоненты термина-словосочетания обязательно должны быть связаны между собой по смыслу и грамматически. Перевод при помощи подбора эквивалента и родительного падежа является наиболее распространенным способом перевода терминов-словосочетаний.

Список литературы

Брайсон Б. Краткая история почти всего на свете / Билл Брайсон [пер. с англ. В.П. Михайлова]. М.: Гелеос, 2007. 672 с.

Буре Н.А., Быстрых М.В., Вишнякова С.А. и др. Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений. / Под ред. В. В. Химика, Л. Б. Волковой // СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2003. 272 с.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Мюллер В.К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300 000 слов и выражений. М.: Эксмо, 2013. 1328 с.

Пронина Р.Ф. Перевод английской научно-технической литературы. М.: Высшая школа; Издание 2-е, 1973. 200 с.

Bryson B. A Short History of Nearly Everything. New York : Broadway Books, 2003. 544 p.

Whiteman G., Phillips N. The Role of Narrative Fiction and Semi-Fiction in Organizational Studies. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=981296 (дата обращения: 02.03.2018 г.).

The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://encyclopedia.thefreedictionary.com/popular+science> (дата обращения: 02.03.2018).

SPECIFICITY OF TERM-PHRASES TRANSLATION IN POPULAR SCIENTIFIC TEXTS

Tatyana A. Kazakova

Student of Linguistics, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. tatianakzv@gmail.com

Daria V. Perestoronina

Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation;
Perm State University;
614990, Russia, Bukirev str., 15. daria-perestoronina@yandex.ru

The article states peculiarities of term-phrase's translation in popular scientific texts. The authors of the article give a definition of a popular scientific text, emphasize its peculiarities and highlight methods of term-phrases transferring.

Key words: popular scientific text, terminology, term-phrase, translation.

МЕТАФОРА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА И ЕЁ ПЕРЕВОД

Анастасия Михайловна Куншина

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. nastya.kunshina@gmail.com

Марианна Наумовна Литвинова

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет;
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. marialit55@gmail.com

Исследование посвящено метафорике научно-популярного подстиля и проблеме перевода метафор в текстах данного типа. Анализ метафор оригинала и их переводческих соответствий показал большое разнообразие примененных переводчиком стратегий перевода метафор, что обусловлено их типом и функциями.

Ключевые слова: метафора, научно-популярный подстиль, Гипотеза когнитивного перевода, способ перевода, метафорический термин, клишированная метафора, авторская метафора.

В современной лингвистике метафора имеет огромное значение, т. к. без использования метафор не обходится ни одна коммуникация, в том числе и научная. Изучение метафор в научно-популярных текстах дает возможность понять, какую роль играют метафоры в популяризации научного знания, а также каким образом переводчик решает проблему выбора переводческих соответствий при передаче смысла оригинального научно-популярного текста. В статье рассматриваются специфика функционирования метафор в текстах научно-популярного подстиля, типы метафор и переводческие стратегии при передаче метафор с английского языка на русский. Актуальность данного исследования определяется увеличением в последние годы доли научно-популярной литературы в мировом книжном фонде и необходимостью решать проблему её адекватного перевода [Арутюнова 1990: 5–6].

Помимо особенностей, присущих собственно научному стилю (информативность, логичность, точность и объективность и вытекающие из этих особенностей ясность и понятность [Комиссаров 1990: 110]), научно-популярный подстиль обладает такими характерными чертами, как доступность, конкретность, иллюстративность, живость и увлекательность изложения, эмоциональность слога [Позднякова 1995: 5]. Основной целью научно-популярного подстиля является распространение научного знания среди общественности, дешифровка информации, недоступной для понимания среднестатистического реципиента. В отличие от научного стиля, авторы научно-популярного подстиля ориентируются на широкий круг читателей и строят свой текст, сокращая труднодоступный материал. [Болсуновская 2015: 3414]

Экспрессивность – важная черта научно-популярного подстиля, выступающая его стилиобразующим признаком. Функции научно-популярного текста обуславливают регулярное использование ряда специфических экспрессивных средств, которые не вступают в противоречие со стиливыми чертами научной речи. Одним из таких средств выступает метафора. [Гришечкина 2009: 104] Её роль в научно-популярных текстах нельзя переоценить. Она обеспечивает повышение доступности и наглядности научной информации для реципиента, поскольку метафоры позволяют представить сложные технические явления наглядно путем сопоставления с известными каждому человеку окружающими его вещами [Хомутова, Петров 2014: 46]. Очень часто метафоры являются средством создания новых понятий и терминов в науке. Такие «термины-метафоры», которые, обладая высокой образностью и информативностью, позволяют более экономно передавать мысль, способствуют наглядности научного изложения, придают значимость высказыванию. [Позднякова 1995: 7-8]

Целью нашего исследования выступает изучение способов перевода метафоры в текстах научно-популярного подстиля.

Одной из задач данного исследования было проверить предположение о том, что перевод метафор обуславливается типом и свойствами метафор.

Материалом исследования послужила статья Майкла Мойера «Wormholes May Save Physics from Black Hole Infernos» [Moyer 2013] и её перевод на русский язык «Кротовые норы могут спасти физику от кошмара черных дыр» [Мойер 2013].

Прежде чем проводить анализ метафорики оригинала статьи и его перевода, был сделан предпереводческий анализ как первый и

исключительно важный этап в переводческой деятельности. Доминирующая в тексте когнитивная информация выражена тремя метафорическими терминами. Не менее важная для научно-популярного подстиля эмоциональная информация выражена шестью клишированными и пятью индивидуальными метафорами. В общей сложности было обнаружено 14 метафорических словоупотреблений и метафорических контекстов в оригинале (величиной от предложения до абзаца), которые соответствуют аналогичному количеству контекстов перевода.

Метафорические термины отвечают критерию терминологичности (т. е. применяются в специальной области употребления) и обладают свойствами любого термина, такими как дефинитивность, однозначность в любом контексте, системность и т. д. [Кожина 2016: 544–545]

Клишированные метафоры — это метафоры, которые используются повсеместно и потеряли свою новизну и оригинальность, но при этом сохранили способность к более ясному, понятному изложению мыслей автора. [Алексеева 2004: 253]

Авторские метафоры – это те метафоры, которые непосредственно связаны с языковым творчеством автора, отличаются оригинальностью, неповторимостью и новизной, в отличие от клишированных метафор. [Алексеева 2004: 254]

Для исследования перевода выявленных метафор мы использовали Гипотезу когнитивного перевода (The Cognitive Translation Hypothesis) Нили Мандельблита [Mandelblit 1995: 482-495], согласно которой иногда, чтобы адекватно перевести метафору и передать замысел автора, необходимо прибегнуть к лексическому и концептуальному сдвигу между концептуальными моделями исходного и переводящего языков. В рамках этой теории выделяются два сценария развития событий:

1) The Similar Mapping Condition, или ситуация аналогичного метафорического проецирования, когда при переводе исходная метафора и ее перевод основаны на одинаковой концептуальной модели, то есть не происходит концептуального сдвига. Такое проецирование может происходить с аналогичным лексическим выражением, когда переведенная метафора в точности копирует оригинальную, или с другим лексическим выражением.

2) The Different Mapping Condition, или ситуация иного метафорического проецирования, которая применяется в случае концептуального сдвига.

Исследование примененных переводчиком стратегий доказало, что специфику перевода метафор в научно-популярном тексте определяют тип, свойства и функции метафор.

Перевод **метафорических терминов** произошёл без концептуальных сдвигов, т.е. по ситуации аналогичного метафорического проецирования: две метафоры переведены аналогичными лексическими средствами и одна — с использованием иных средств. Приведем два примера:

(1) *They're allowed as possible solutions to Einstein's equations for general relativity—indeed, Einstein and his colleague Nathan Rosen first discovered wormholes, which is why they're also called **Einstein-Rosen bridges**.*

*Их рассматривают в качестве возможных решений уравнений общей теории относительности Эйнштейна: именно Эйнштейн и его коллега Натан Розен (Nathan Rosen) открыли кротовые норы, поэтому их иногда называют **мостами Эйнштейна-Розена**.*

Метафорическая модель в обоих случаях: УЧАСТОК В КОСМОСЕ – МОСТ. Переводчик применил стратегию аналогичного метафорического проецирования с аналогичным лексическим выражением (SMC – same wording).

(2) ***Wormholes** May Save Physics From Black Hole Infernos.*

***Кротовые норы** могут спасти физику от кошмара черных дыр.*

Метафорическая модель в обоих случаях: УЧАСТОК В КОСМОСЕ – НОРА, СОЗДАННАЯ ЖИВЫМ СУЩЕСТВОМ. В английском варианте используется образ «червоточины», т.е. канала в яблоке, проделанного червем, а в русском варианте используется образ «норы крота». Данный случай представляет собой ситуацию аналогичного метафорического проецирования с другим лексическим выражением (SMC – different wording).

Большинство **авторских метафор** было переведено согласно ситуации иного метафорического проецирования (3 из 5), остальные метафорические словоупотребления были переведены без концептуальных сдвигов и с использованием аналогичных лексических средств. Обратим внимание на несколько примеров:

(3) *Unfortunately, the laws of quantum mechanics forbid promiscuous entanglements—a particle can be entangled with its **twin**, or the rest of the radiation coming out of the black hole, but not both.*

*К сожалению, законы квантовой механики отрицают существование промискуитетных сцеплений, то есть частица может быть спутана либо со своим **близнецом**, либо со всеми*

остальными частицами излучения, исходящего из черной дыры, но не с обоими сразу.

Метафорическая модель, представленная в оригинале и переводе: ПОХОЖАЯ ЧАСТИЦА — БЛИЗНЕЦ.

Мы снова встречаем ситуацию аналогичного метафорического проецирования с аналогичным лексическим выражением.

(4) *Wormholes may save physics from black hole **infernos**.*

Кротовые норы могут спасти физику от кошмара черных дыр.

В исходном предложении фигурирует следующая метафорическая модель: ПРОБЛЕМА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, ГДЕ ОЧЕНЬ СТРАШНО. При интерпретации переводчик использует иную модель метафоры, более близкую для русского реципиента: ПРОБЛЕМА – ЭТО СТРАШНЫЙ СОН. В результате ситуация: иное метафорическое проецирование. Несмотря на концептуальный сдвиг, при переводе сохраняется концепт «СТРАШНОЕ» как фактор, объединяющий две разные метафорические модели.

Перевод **клишированных метафор**, которые представляют собой шесть метафорических употреблений, выявляет большое разнообразие стратегий: Одна метафора переведена по сценарию аналогичного метафорического проецирования с аналогичным лексическим выражением, еще одна — с иным лексическим выражением, три — с полным концептуальным сдвигом и один случай представляет собой совмещение аналогичного метафорического проецирования с аналогичным лексическим выражением и ситуации иного метафорического проецирования. Приведем примеры перевода клишированных метафор:

(5) *These are **the questions consuming** some of the world's foremost theoretical particle **physicists** as they argue about potential solutions to what has become known as the “black hole firewall” problem—perhaps the most important paradox in physics since Stephen Hawking proposed his first black hole information paradox nearly four decades ago. **The questions consume physicists.***

The questions consume physicists.

Над этими вопросами бьются несколько наиболее выдающихся теоретиков в области физики элементарных частиц, которые пытаются найти решение проблемы «файрвола черной дыры» - вероятно, самого главного парадокса физики с того момента, когда почти 40 лет назад Стивен Хокинг (Stephen Hawking) предложил свой парадокс исчезновения информации в черной дыре. Теоретики в области физики бьются над вопросами.

Теоретики в области физики бьются над вопросами.

В исходном тексте содержится метафорическая модель ВОПРОС – ЭТО ПОГЛОЩАЮЩИЙ ОРГАНИЗМ. Переводчик был вынужден произвести концептуальный сдвиг, в результате чего в переводе появилась модель ПОИСК РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ – ЭТО БОРЬБА, таким образом, ситуация представляет собой иное метафорическое проецирование (DMC).

(6) *Eventually black holes lose so many particles that they shrink and die, having spewed their mass out into the cosmos in a **stream of Hawking radiation**.*

*В конечном итоге черные дыры теряют так много частиц, что они уменьшаются и исчезают, выплескивая свою массу в космос в **потоке, называемом излучением Хокинга**.*

В обоих случаях автор и переводчик использовали следующую метафорическую модель: РАДИАЦИЯ – ЭТО ПОТОК. Ситуация: аналогичное метафорическое проецирование с аналогичным лексическим выражением.

Самым популярным у переводчика данной статьи способом перевода метафор оказался способ иного метафорического проецирования (таким образом были переведены шесть метафор), то есть чаще всего переводчику было необходимо прибегать к поиску других метафорических моделей, чтобы передать смысл, заложенный в оригинале, либо же проводить полную демегафоризацию. Пять метафор были переведены аналогичными лексическими средствами, две метафоры претерпели лексическую трансформацию при сохранении модели, и одно метафорическое употребление совмещает в себе две стратегии (SMC – same wording и DMC).

Таким образом, чтобы передать смысл, заложенный в оригинале, переводчику было необходимо прибегать к поиску других метафорических моделей или совсем лишать высказывания метафоричности.

С другой стороны, ситуация аналогичного метафорического проецирования встречается так же часто, что говорит о стремлении переводчика наиболее точно передать содержание оригинала и о близости английского и русского языков в научной и культурной сферах.

Список литературы

Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. Филол. и лингв. Фак. Вышш. Учеб. Заведений. Спб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004. 352 с.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.

Болсуновская Л. М., Найдина Д. С. Способы выражения позиции автора в научном и научно-популярном дискурсах. Фундаментальные исследования. 2015. Филологические науки № 2. Нац. иссл. Томский политех. ун-т. Томск. С. 3413–3416.

Гришечкина Г. Ю. Некоторые особенности синтаксиса в научно-популярном тексте // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. №3. С.103–109.

Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред.: М.Н. Кожина. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016 С. 544–549.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>, свободный. Загл. с экрана.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Мойер М. Кротовые норы могут спасти физику от кошмара черных дыр. URL: <http://inosmi.ru/world/20130827/212313825.html> (дата обращения: 26.03.2018).

Позднякова Н. В. Метафора в научно-популярном стиле: автореф. дисс. к-та филол. наук. Белгород, 1995. 14 с.

Хомутова Т. Н., Петров С. Г. Функционирование лексических средств художественной выразительности в научно-популярном тексте (на примере метафоры) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. №4. С. 45–52

Mandelblit N. The cognitive view of metaphor and its implications for translation theory // Translation and Meaning, Part 3. Maastricht: Universitaire Press, 1995. P. 483–495.

Moyer M. Wormholes may save physics from black hole infernos. URL: <https://blogs.scientificamerican.com/observations/wormholes-may-save-physics-from-black-hole-infernos/> (дата обращения: 26.03.2018).

THE METAPHOR OF THE POPULAR SCIENCE TEXT AND ITS TRANSLATION

Anastasia M. Kunshina

Student of Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, «Linguistics»
(«Translation and Translation studies»)

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str, 15. nastya.kunshina@gmail.com

Marianna N. Litvinova

PhD, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str, 15. marialit55@gmail.com

This study focuses on metaphors of the science popular substyle and the problem of translation of science popular metaphors. The analysis of metaphors in the original text and their translations has revealed a great diversity of translation strategies, which is based on the type and functions of metaphors.

Ключевые слова: metaphor, science popular substyle, the Cognitive Translation Hypothesis, metaphoric term, conventional metaphor, original metaphor.

**РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ В.
НАБОКОВА: АВТОПЕРЕВОД И ПЕРЕВОД
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ «ДРУГИЕ БЕРЕГА»,
«ПАМЯТЬ, ГОВОРИ!» И «SPEAK, MEMORY!»)**

Дмитрий Даниилович Курушин

студент факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. dmitry.kurushin@gmail.com

Юрий Николаевич Пинягин

к. филол. н. доцент кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

Статья посвящена сопоставительному анализу российских реалий в произведениях «Другие берега», «Speak, memory!» В. Набокова и переводу последнего, выполненного С. Ильиным, «Память, говори!» В фокусе рассмотрения находится именование российских реалий и их перевод с английского языка на русский. В анализе также используется русская версия воспоминаний Набокова, которая рассматривается авторами как исходный текст. Основное внимание уделено сопоставлению именований реалий в русском переводе С. Ильина и в русскоязычной версии автобиографии В. Набокова.

Ключевые слова: перевод, автоперевод, реалия, мемуары, переводческое соответствие, исходный текст, текст перевода.

В современной науке о переводе одним из ключевых понятий является понятие реалии. Данный термин служит для обозначения национально-специфического объекта или явления. Им же обозначаются слова / словосочетания, служащие для обозначения такого объекта. Основные проблемы перевода реалий связаны с отсутствием в языке перевода обозначаемой реалией объекта и отсутствием межъязыкового соответствия в языке перевода. Совершенно очевидно, что для передачи в тексте перевода реалии из исходного текста переводчик обязан понять ее содержание и найти способ ее обозначения в языке перевода.

Несовпадение систем языков и, соответственно, языковых картин мира в значительной мере ограничивает возможность создания адекватного перевода. Это обстоятельство делает реалию значимым объектом переводческих исследований. Теоретической основой нашей работы стали труды М.Л. Алексеевой [Алексеева 2008, 2010], Л.М. Алексеевой [Алексеева 2010], С. И. Влахова, С. П. Флорина [2006] и др.

Материалом для проведенного нами исследования послужили две версии автобиографической прозы Владимира Набокова (русская – «Другие берега» и английская – «Speak, memory!»), а также перевод последней на русский язык, выполненный Сергеем Ильиным. Интерес к данному материалу возник вследствие своеобразной беспрецедентности данных текстов: «Speak, memory!» является авторским переводом русскоязычного текста, а «Память, говори!» является переводом англоязычной версии Набокова.

В. Набоков вошел в историю мировой литературы как писатель-билингв, переводчик чужих и своих текстов, теоретик перевода и автор наполненных точными и живописными деталями воспоминаний. Как известно, любые мемуары связаны с реалиями, окружавшими автора, и в тексте Набокова встречаются самые разные реалии: относящиеся к дворянскому быту, дореволюционной России, географические и культурные, этнографические и языковые. Ранее на материале первых трех глав автобиографического произведения Набокова нами были проанализированы способы передачи реалий самим автором, а в настоящей работе нам показалось интересным сравнить, как к этой задаче подошел профессиональный переводчик, который выполнил своего рода «обратный перевод», вновь превратив английский текст в русский. Возникает вопрос, насколько необходимым был новый перевод при наличии «Других берегов»? Данная статья представляет собой попытку ответить на этот вопрос.

На момент создания русскоязычного перевода «Память, говори!» (1999) автор оригинала уже ушел из жизни (1977). Поэтому непосредственные консультации С. Ильина с В. Набоковым были невозможны. С.Б. Ильин (1948–2017), как известно, был одним из лучших переводчиков англоязычной прозы. Он перевел практически все англоязычные произведения В.Набокова, был, можно сказать, своего рода набоковедом. Однако, если говорить о переводе автобиографии писателя, то тут нужно отметить, что он не владел тем, что было у Набокова – а именно, набоковской памятью, «которая должна сама говорить». У Набокова-переводчика было существенное преимущество – он хорошо представлял себе тот мир, о котором писал, и знал читателей, для которых он создавал две версии своих воспоминаний — англоязычную и

русскоязычную. С. Ильин такого преимущества не имел. Беспрецедентность переводческой ситуации (перевод на русский язык текста, который уже был самым автором создан на этом языке) и обусловила наш интерес к сопоставлению трех текстов – двух написанных самим В. Набоковым, и одного, созданного переводчиком. Конкретный анализ был направлен на перевод реалий, на выбор переводческих соответствий в автопереводе и переводе, Точкой отсчета для сопоставления был взят русскоязычный текст «Другие берега», и выборка реалий осуществлялась именно на основе этого текста. Перевод выявленных нами реалий в версии С. Ильина позволяет говорить о трех видах совпадения / несовпадения варианта, предложенного переводчиком, с «исходным» русским вариантом писателя. (ниже будут использованы следующие сокращения: «Другие берега» – ДБ, «Speak, memory!» – SM и «Память, говори!» – ПГ):

1) Перевод практически идентичен исходному тексту:

*Любимейшим ее занятием было хождение по грибы (ДБ) – One of her greatest pleasures was the very **Russian sport of hodie' po gribi** (looking for mushrooms) (SM). – В летнюю пору любимейшим ее занятием было хождение по грибы (ПГ).*

*При этом втором крещении... (ДБ) – As if subjected to a second **baptism...** (SM) – Словно подвергнутый второму крещению... (ПГ)*

*...во время бегства отца из захваченного большевиками Петербурга (ДБ) ...my father's flight from **Bolshevik-held St. Petersburg**... (SM) – Во время бегства отца из захваченного большевиками Петербурга... ПГ)*

Представляется, что совпадения вариантов перевода с исходным русским текстом совершенно закономерны, поэтому они не нуждаются в комментариях.

2) Перевод отличается от версии Набокова:

*Я мирился с унижительным соседством романисток, (ДБ) – I have mentally endured the degrading company of **the Victorian Lady novelists**... (SM) – Я мирился с унижительным соседством **викторианских романисток**... (ПГ)*

*...никуда не входившая пупочка (материнское слово для всякой кругловатой вещицы) (ДБ) – hitherto **unplaceabe piece** would snugly fill a gap in the mottled backround... (SM) – ...никуда не входившая **штучка** вдруг приходилась к крапчатому крапу... (ПГ)*

*С помощью взрослого домочадца (ДБ) – With the help of the **grown-up person** (SM) – С помощью кого-либо **взрослого**... (ПГ)*

... мой дядя **Руковишников** как-то ездил... (ДБ) – A crowd of patriots and my **uncle Ruka** soned the German Embassy... (SM) – Толпа патриотов, и мой дядя **Рука** с ними... (ПГ)

С точки зрения переводческого анализа вторая группа несомненно интереснее. Возникает вопрос: почему в некоторых случаях С. Ильин не использует вариант В. Набокова? Иногда решение переводчика объяснимо и понятно, как, например, в случае с «пупочкой», словом уже вышедшим из употребления, и ставшим в переводе «штучкой» – термин сохраняет уменьшительно-ласкательную окраску, но при этом является понятным для современного читателя. Однако решение переводчика заменить набоковского «домочадца» на «взрослого» представляется странным, поскольку в русской культуре это разные понятия. Русское слово «домочадец» является устаревшим и эмоционально окрашенным, сама структура слова (дом + чадо) создает определенную коннотацию. По нашему мнению, в данном случае лучше было бы оставить вариант Набокова «домочадец». Причина же появления английского «grown-up person» объяснима, так как в английской лингвокультуре отсутствует аналог русского понятия и, соответственно, нет и эквивалентного соответствия.

3) Перевод близок к исходному тексту, но в него добавлены пояснения переводчика:

... в английских журналах... (ДБ) – ... in a British publication, «Boy's Own Paper»... (SM) – Глуповатый гувернер попытался объяснить мне логарифмы, а в одном из журналов (в английском, “Boy's Own Paper”) (ПГ)

...теперь шестидесятилетней – липою подъем в деревню **Грязно** (ДБ) – ...the road that sloped up towards the Village of **Gryazno** (accepted on the ultima)... (SM) – ...и отмеченный липою подъем в деревню **Грязно** (ударение на последнем слове)... (ПГ)

Когда же он потчевал меня цитатами из «Долой оружие!» благонамеренной, но бездарной Берты Зуттнер... (ДБ) – ...he would produce the then popular **pacifist book Doloy Oruzhie!** (a translation of Bertha von Sutter's *Die Waffen Nieder!*)... (SM) – ...вытаскивая популярную в ту пору **нацифистскую книгу “Долой Оружье!”** (перевод “*Die Waffen Nieder!*” Берты фон Зуттнер) (ПГ)

На наш взгляд, это очень хороший современный прием, который сегодня широко используется при переводе текстов другой культуры. И хотя в данном случае речь идет о русской культуре и в оригинале, и в переводе, но аудитория уже изменилась, как изменилась и эпоха. Комментарии переводчика позволяют современному читателю понять те реалии, о которых идет речь в автобиографии писателя, жившего в

иной России. К таким неизвестным современному читателю реалиям относятся название и автор книги «Долой Оружье», топоним «Грязно». Особенно интересным нам показалась судьба имени дяди Набокова. В «Других берегах» он был упомянут как «дядя Руковишников», в «Speak, Memory!» фамилия сокращена, и появляется «uncle Ruka» и, соответственно, в переводе это «дядя Рука», но С. Ильин объясняет, что это домашнее прозвище брата матери писателя.

Из приведенных примеров видно, что перевод Ильина ближе к англоязычному тексту Набокова, чем к русскоязычному. Итак, на вопрос, поставленный нами (нужен ли перевод Ильина при существовании «Других берегов»), мы можем дать положительный ответ. Проведенный анализ свидетельствует, что «Другие берега» и русскоязычный перевод «Память, говори!» дополняют, а не исключают друг друга. Нам показалось очень интересным посмотреть и сопоставить то, как видел и именвал реалии сам Набоков и как они представлены в современном переводе. Анализируя версию Сергея Ильина, также стоит помнить, что и «Speak, memory!» – это не совсем перевод «Других берегов». Это новый текст, предназначенный для англоязычной аудитории. А Сергей Ильин создал перевод «Speak, memory!» для русской аудитории. И это перевод в прямом смысле этого слова, в то время как сам Набоков считал «Speak, memory!» английской версией русских воспоминаний, но не переводом в прямом смысле этого слова: «This re-Englishin of a Russian re-version of what had been an English re-telling of Russian memories in the first place...» (Nabokov, V. «Speak, Memory!» : An Autobiography Revisited. London : Penguin Books, 1998. стр. 10)

Список литературы

Алексеева М. Л. Теория и практика перевода: реалии : Учебное пособие. Екатеринбург : ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2008. 205 с.

Алексеева М. Л. Перевод реалий и реалии перевода : особенности передачи русских реалий в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2010. 225 с.

Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1(7). С. 45–51.

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин. М. : «Р.Валент», 2006. 448 с.

Источники

Набоков В.В. Другие берега // Набоков В.В. Собрание сочинений в четырех томах. Том IV. М. : Правда, 1990. С. 133–304.

Nabokov V. «Speak, Memory!» : An Autobiography Revisited. London : Penguin Books, 1998.

Набоков В. В. «Память, говори!» (пер. С. Ильин). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=90025&p=1> (дата обращения: 30.03.2018).

**RUSSIAN REALIA IN THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE BY V. N
ABOKOV: TRANSLATION AND SELF-TRANSLATION
(BASED ON THE TEXTS "DRUGIE BEREGA",
" SPEAK, MEMORY!" AND " PAMAYT', GOVORI!")**

Dmitry D. Kurushin

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies), Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str.,15. dmitry.kurushin@gmail.com

Yuriy N. Pinyagin

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. yu.pinyagin2011@yandex.ru

The article is devoted to the comparative analysis of Russian realia in the novels "Drugie Berega", "Speak, Memory!" by V. Nabokov and the translation of the latter by S. Ilyin, "Pamayt', govori!" The focus of the review is the naming of Russian realia and their translations from English into Russian. The analysis also is based on the Russian version of Nabokov's memoirs, which the authors consider as the source text. The main attention is paid to the comparison of the namings of realia in the S. Ilyin's Russian translation and in the Russian version of V. Nabokov's autobiography.

Key words: translation, self-translation, realia, memoirs, translation equivalence, source text, target text.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ СОНЕТА 88 В. ШЕКСПИРА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Алина Раисовна Миннихметова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. perm.alina@mail.ru

Наталья Валерьевна Шутёмова

д. филол. н., профессор кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. lingconf14@mail.ru

В связи с традиционной проблемой художественного перевода, заключающейся в передаче целостности оригинала как единства его формы и содержания, в статье рассматриваются типологические свойства поэтического текста, подлежащие трансляции при переводе. Сопряжение выявленных свойств духовности, образности и художественной формы определяется понятием поэтичности как сущности поэтического текста. В статье исследуется, как типологические свойства сонета 88 В. Шекспира репрезентированы при переводе.

Ключевые слова: художественный перевод, поэтический текст, типологические свойства, поэтичность, сонет 88 В. Шекспира.

Художественный перевод, одним из видов которого является поэтический перевод, Н. В. Шутёмова рассматривает как творческую деятельность по созданию культурных ценностей, направленную на репрезентацию ценностей переводимой художественной литературы в принимающей культуре [Шутёмова 2011: 5].

Одной из важных проблем художественного перевода является проблема непереводимости. По мнению М. Л. Лозинского, перевод иностранной поэзии представляет невыполнимую задачу, так как текст перевода никогда не сможет обладать воздействующей силой, равной оригиналу ввиду несоизмеримости двух языков [Лозинский 1987: 92]. В практике поэтического перевода также обсуждается вопрос о том, зависит ли качество перевода от того, кем он осуществляется: перево-

дчиком или поэтом. Необходимо отметить, что при переводе стихотворного текста и переводчику, и поэту нужно познать совокупность общих и частных характеристик оригинала, которые, однако, в силу сложной организованности поэтического текста передать в полной мере невозможно. Одним из наиболее важных вопросов художественного перевода является поиск сущностного свойства оригинала и его репрезентация в принимающей культуре.

В теории и практике поэтического перевода данное свойство называется поэтичностью, которая в концепции Н. В. Шутёмовой рассматривается как единство идейности, эмотивности, образности и художественной формы поэтического текста [Шутёмова 2011: 24]. Использование термина «поэтичность» представляется возможным вследствие его «прозрачной» внутренней формы, указывающей, с одной стороны, на принадлежность рассматриваемого свойства к определённому типу текста, с другой — на сущностный статус данного свойства, являющегося качеством, определяющим отличие поэтического текста от других типов текста [Шутёмова 2012: 11]. Для освоения и трансляции поэтичности оригинала переводчику необходимо освоить и передать типологические свойства ИТ. Рассмотрим подробнее названные свойства поэтического текста.

Духовность, представляющая собой идейно-эмотивное единство, является глубинным, базовым свойством текста. Духовность, понимаемая как интеллектуально-эмоциональное единство, возникает в процессе художественного познания системы «человек-мир». Искусством анализируется ценностный аспект этой системы. Рождающиеся у художника мысли, идеи и чувства представляют собой фундамент любого художественного произведения, в том числе и поэтического. Следующим свойством поэтического текста является свойство *образности*. Духовность как идейно-эмотивное единство реализуется в системе образов в воображении автора и с помощью естественного языка воплощается в материальной вербальной художественной форме. *Художественная языковая форма*, в отличие от свойств духовности и образности, характеризует поверхностный уровень поэтического текста и включает в себя языковой и структурный аспекты. Для рассмотрения переводческих трудностей, связанных с освоением и трансляцией поэтичности оригинала, обратимся к сопоставительному анализу сонета 88 и его переводов на русский язык. Наиболее известными являются переводы М. И. Чайковского, С. Я. Маршака и А. М. Финкеля.

Сонет 88 В. Шекспира, впервые опубликованный в 1609 году, согласно А. А. Аниксту, принадлежит к группе сонетов, посвящённых другу поэта [Аникст 1957–1960: 34]. Идейно-эмотивную основу сонета

составляет мысль о жертвенной и безграничной любви как высшем проявлении чувств лирического героя к другу. Лирический герой готов быть жертвой неправоты, терпеть несправедливость ради того, чтобы любимый человек чувствовал себя правым. Образ лирического героя и его друга является ключевым в произведении. Идеино-эмотивная основа и образность рассматриваются в художественной форме сонета шекспировского образца, для которого характерны три катрена и заключительное двустишие. Сонет написан пятистопным ямбом, во втором катрене В. Шекспир применяет женскую рифму, в остальных катренах и двустишии — мужскую. Все рассматриваемые переводы выполнены в шекспировской форме сонета. Однако рифмический рисунок оригинала не соблюдается. В переводах учтён лишь куплет с мужской рифмой, в катренах мужская рифма сменяется женской.

Необходимо отметить, что большинство исследователей творчества В. Шекспира полагает, что сонет посвящён другу, однако в переводах С. Я. Маршака и А. М. Финкеля, замечая категорию женского рода («оказалась», «рада»), читатель интерпретирует сонет иначе, считая, что он посвящён возлюбленной лирического героя. Однако у М. И. Чайковского категория мужского рода отражает мнение исследователей («прав»).

Следует подчеркнуть, что в отличие от перевода М. И. Чайковского, в переводах С. Я. Маршака и А. М. Финкеля передан образ борьбы, войны лирического героя с самим собой: «в борьбе», «честь победы», «на себя пойду войной». Однако мысль о необходимой защите добродетели друга, даже если он клеветает, не транслирована ни в одном из переводов. Кроме того, М. И. Чайковский в сонете использует эпитет «вероломный», что противоречит слову «virtuous» — «добродетельный, целомудренный», а следовательно, и всему образу друга в целом.

Необходимо заметить, что если автором оригинала использовано слово «story» в значении неправдивого рассказа о пороках и слабостях лирического героя, то в переводах М. И. Чайковского и А. М. Финкеля пороки и слабости отражены как то, с чем герой согласен. Отсюда нарушение оригинальной идеи, заключающейся в защите правоты друга, даже если он не прав. И лишь С. Я. Маршак в данном случае использует слово «повесть» для выражения идеи сонета В. Шекспира. Кроме того, в отличие от остальных рассматриваемых переводов, в переводе А. М. Финкеля объективирован замысел оригинала, заключающийся в победе друга при расставании с лирическим героем: «И ты, меня унизив и прогнав, // Себя покроешь славою высокой».

Стоит обратить внимание на то, что оригинальная идея заключается в защите правоты друга, даже если он не прав. Однако М. И. Чайковский и А. М. Финкель не затронули глубинный истинный смысл оригинала. Наиболее близок к оригинальному замыслу стал перевод С. Я. Маршака с использованием противопоставления таких понятий как «правота - неправота».

Необходимо также отметить, что во всех рассматриваемых переводах употребляются знаки восклицания, которые отсутствуют в ИТ, что ведёт к нарушению его эмотивности. Однако все переводчики используют полисиндетон, реализующийся в повторе союза «и» с целью передачи выразительности, нарастания драматизма.

Сопоставляя сонет 88 с его русскими переводами, мы можем отметить, что перевод С. Я. Маршака наиболее близок оригиналу, так как поэт передаёт идейно-эмотивное содержание подлинника и объективирует его в свойственных оригиналу образах. Тем не менее, диссонанс данного перевода обусловлен частичной нерепрезентативностью идей автора оригинала, а также изменением ритмической организации шекспировского сонета.

Проведённое исследование показало, что нарушение целостности оригинала при переводе проявляется в изменении и редукции идей, образов и ритмической организации шекспировского сонета. Таким образом, сущность оригинала передаётся в русскую культуру не в полной мере, а редуцированно и модифицированно.

Список литературы

Аникст А. А. Шекспир У. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1957–1960.

Лозинский М. Л. Искусство стихотворного перевода / М. Лозинский // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. 91–106 с.

Маршак С. Я. Стихи о любви. URL: <http://www.stihi-rus.ru/World/Shekspir/88.htm> (дата обращения: 21.12.2017).

Финкель А. М. Сонет 88. URL: http://www.shekspir.info/sonetyi/sonetyi_per_a_m_finkel/sonet_88-i1101.html (дата обращения: 21.12.2017).

Чайковский М. И. Сонеты. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_sonnets19.txt (дата обращения: 21.12.2017).

Шутёмова Н. В. Практикум по переводу (поэтический перевод): учебное пособие / Н. В. Шутёмова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2011. 116 с.

Шутёмова Н. В. Теоретические основы поэтического перевода: монография / Н. В. Шутёмова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2011. 153 с.

Шутёмова Н. В. Типология текста в поэтическом переводе: монография / Н. В. Шутёмова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2012. 153 с.

Shakespeare W. Sonnet 88. URL: http://nfs.sparknotes.com/sonnets/sonnet_88.html (дата обращения: 21.12.2017).

THE REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SONNET 88 BY WILLIAM SHAKESPEAR IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Alina R. Miniakhmetova

Student of Linguistics, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. perm.alina@mail.ru

Natalia V. Shutemova

Doctor of Philology, Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Bukirev str., 15. lingconf14@mail.ru

Regarding the traditional problem of the literary translation connected with the representation of the integrity of the source text as the unity of its form and content, the article studies the typological traits of the poetic text which are subject to translation. The poetic text features include the poetic idea, image and the form of literary text. The integration of them is nominated by the term “poeticity” meaning the essential quality of the poetic text. Based on the material of sonnet 88 by William Shakespeare and its Russian translations, the authors of the article study how typological characteristics of the sonnet are represented in translation.

Key words: the literary translation, the poetic text, typological characteristics, poeticity, sonnet 88 by W. Shakespeare.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В РОССИИ

Мария Владиславовна Пигалева

студентка магистратуры филологического факультета, ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. pigaleva-m@yandex.ru

Ольга Игоревна Графова

старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. grafova.olly@gmail.com

В статье предпринимается попытка проследить развитие переводческой мысли в области поэтического перевода. Автор обращает внимание на особенности передачи стихотворного произведения на русском языке на разных исторических этапах, а также упоминает переводчиков и литературных деятелей, познакомивших российского читателя с шедеврами мировой литературы.

Ключевые слова: поэтический перевод, переводчик, поэт, мировая литература.

Развитие теории перевода характеризуется неравномерностью исследования разных типов перевода. В 80-х гг. XX в. большое количество работ было посвящено проблемам художественного перевода, а десятилетие спустя распространенным объектом исследования стала общая теория [Алексеева, Шутёмова 2012: 4]. Среди различных видов переводов художественный перевод занимает особое место. Его специфика заключается в том, что при работе с иностранным текстом на переводчика возлагается задача не только максимально точно воспроизвести оригинал, передав основные образы и стилистические приемы, но и сделать перевод таким же эстетически ценным, воссоздав дух подлинника. Задача кажется особенно сложной при выполнении поэтического перевода, где переводчик ограничен формой стихотворения: количеством строк, ритмом, рифмой. К сожалению, многие исследования в области поэтического перевода ограничиваются либо анализом текста перевода с приведением примеров удач-

ных/неудачных переводческих решений (работа К.И. Чуковского «Высокое искусство», статьи и исследования И.А. Кашкина) или же к теоретическому обоснованию характеристик качественного поэтического перевода (работы Н.В. Шутёмовой). На наш взгляд, обращение к истории так же имеет важное значение для развития теории перевода, так как диахронический подход помогает проследить движение переводческой мысли. В данной статье мы обратимся к поэтическому переводу и определим, какие приоритеты стояли перед переводчиками поэтических произведений на разных исторических этапах.

История поэтического перевода закономерно связана с развитием художественной литературы. Для того чтобы проследить за сменой переводческих тенденций, нам необходимо обратиться к историко-литературной периодизации. В книге «Наука о переводе» Л.Л. Нелюбин и Г.Т. Хухуни выделяют 5 этапов в развитии российского перевода: 1) Переводы Киевской Руси; 2) Переводческая деятельность в Московской Руси; 3) Переводы в петровскую эпоху и классицизм; 4) Перевод и переводческая мысль XIX столетия; 5) Теория и практика перевода в России и Советском Союзе в XX в [Нелюбин, Хухуни 2006: 13]. Обращаясь к истории поэтического перевода, мы будем опираться на вышеуказанную периодизацию как наиболее исчерпывающую. Однако в связи с долгой культурной изолированностью России и отсутствии переводов сочинений развлекательного характера вплоть до XVII в., мы не рассматриваем переводческую деятельность во времена Киевской Руси (X–XIII вв.).

Когда в России появляются первые поэтические переводы? Существует несколько мнений. По одной из версий, выдвигаемой Л.Л. Нелюбиным и Г.Т. Хухуни, самый первый стихотворный перевод был выполнен князем И.А. Хворостининым в начале XVII в. с украинского языка и носил «антиеретическую направленность» [Нелюбин, Хухуни 2003: 25]. Существуют и другие свидетельства возникновения поэтического перевода именно в XVII в.: перевод стихотворных вставок в прозаических произведениях того времени, передача стихами лечебника «Управление здравием», а также перевод с немецкого языка пьесы «Артаксерксово действие». Это произведение было написано немецким пастором Иоганном Грегори по заказу царя Алексея Михайловича в 1672 г. и считается первой пьесой русского театра. «Искусство поэтического перевода начало формироваться в России в середине XVIII в. и, развиваясь на протяжении двух столетий, достигло высокого совершенства,» – писал советский филолог Е.Г. Эткинд во вступительной статье к двухтомнику «Мастера русского поэтического перевода» 1968 г [Эткинд 1968: 5]. Такая разница в несколько десятков лет

обусловлена как разными подходами к ремеслу переводчика, так и спросом на перевод художественных произведений: известно, что во времена правления Петра Великого (1682–1725 гг.) на долю художественных переводов приходилось всего 4% печатной продукции, в то время как основные усилия переводчиков были направлены на передачу иноязычной терминологии и, в конечном счете, формирование нового литературного языка, который опирался бы на русскую основу: «новое содержание <...> требовало и новых форм выражения» [Нелюбин, Хухуни 2006: 209]. С 30-х гг. XVIII в. перевод специальной литературы отходит на второй план, и возрастает спрос на художественные переводы: стихотворные и прозаические.

Поэтический перевод XVIII века характеризуется значительным изменением подлинника и прозаической передачей стихотворений. Это было обусловлено утверждением принципов классицизма, согласно которым переводчиками следовало стремиться не к передаче индивидуального стиля автора, а к заложенному идеалу. Для того времени существовали только различия между жанрами: между одой и элегией, идиллией и басней. Стилистические различия произведений разных авторов не принимались во внимание, как не принималось во внимание и само имя зарубежного автора. Кроме того, для эпохи классицизма были характерны переводческие состязания, когда одно и то же произведение переводилось разными людьми. В данном случае ценилось не проявление творческой стороны переводчика, а степень приближенности перевода к продиктованному авторскому идеалу, существующему вне контекста. Наиболее известный пример переводческого состязания XVII века – состязание между В.К. Тредиаковским, М.В. Ломоносовым и А.П. Сумароковым в переводе 145 псалмов.

Расцвет поэтического перевода приходится на первую половину XIX в. М.П. Алексеев пишет: «Общий признак этого периода – уверенность и мастерство передачи. <...> Мы имеем от этого времени даже настоящие шедевры переводческого искусства: не существенно при этом, что несколько раз меняются самые принципы перевода – но вопрос о том, каков должен быть хороший перевод, горячо дебатруется в печати, появляются капитальные критические разборы отдельных переводов и, во всяком случае, техника переводческого искусства совершенствуется» [цит. по: Нелюбин, Хухуни 2006: 241]. По словам Эткинда, именно благодаря деятельности поэтов-переводчиков в русскую литературу того времени проникают иностранные стиховые формы. Из французской поэзии приходит александрийский стих, которым переводятся такие жанры, как эпопея, сатира, послание и даже элегия [Эткинд 1968: 7]. Пятистопным ямбом, открытым переводчи-

ком А.Х. Востоковым (1781–1864) звучат зарубежные произведения Шекспира, Марло, Байрона, Гете; позже этим же пятистопным ямбом зазвучат великие русские стихотворные пьесы XIX в. – «Борис Годунов» А.С. Пушкина, «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» А.Н. Островского. В это время поэтически осваивает зарубежные произведения великий русский поэт В.А. Жуковский, который выступает в качестве теоретика художественного перевода. Именно ему принадлежит крылатая фраза «переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах – соперник», отражающая точку зрения поэта о необходимости оригинального подхода к переводу. В то же время, в начале 20-х в переводе наблюдаются буквалистские тенденции, т.е. стремление к точному переводу в целях сохранения «духа подлинника». Они нашли отражения в работах М.П. Вронченко (1802–1855), переведившего Байрона, Гёте, Шекспира и других авторов. Вронченко был первым, кто перевел на русский язык «Гамлета», и в предисловии к трагедии он обосновал свой перевод следующим образом: «Переводя почти всегда стих в стих, часто слово в слово, допуская выражения малоупотребительные, я старался доставить моим соотечественникам сколько возможно точнейшую копию Гамлета Шекспирова, но для сего должно было сохранить красоты, почти неподражаемые – а в сем-то именно нельзя и ручаться» (цит. по: [Нелюбин, Хухуни 2006: 262]). К сожалению, перевод и сама деятельность Вронченко, не являвшегося профессиональным переводчиком, вызвали множество критических замечаний. Отмечая трудолюбие Вронченко, Тургенев пишет, что тот «не поэт... даже не стихотворец; ему недоступно то, что составляет тайную гармонию стиха» [там же].

Говоря о переводчиках второй половины XIX века, также нельзя не упомянуть переводчика английской литературы А.В. Дружинина (1824–1864). Как и Вронченко, Дружинин переводил произведения Шекспира, и свою программу перевода он изложил следующим образом: «Решась на поэтический перевод «Короля Лира», мы оставили всякое преувеличенное благоговение к букве оригинала.<...> Поставив себя в независимое положение относительно буквы Шекспирова текста, мы, однако же, не дали себе воли распоряжаться с нею по прихоти нашей. Твердо решась не искажать Шекспирова слога ни для звучности стиха, ни для щегольства языком, ни для картинности слога нашего, мы с тем большей смелостью поступали там, где буква подлинника никак не могла сойтись с буквой русского перевода» [Цит. по: Нелюбин, Хухуни 2006: 287]. Однако позже Дружинин отказывается от адаптации метафор для русского читателя и уже в трагедии «Ричард III» он переводит многие «чересчур метафорические отрывки» без вся-

кого смягчения, что свидетельствует об эволюции взглядов на поэтический перевод и сознательное ограничение вольности по отношению к поэтическому тексту.

Перевод второй половины XIX в. развивался в нескольких направлениях: политическом, общественно-просветительском, поэтически-просветительском и просто поэтическом. Представители политического направления перевода (Д. Минаев, В. Курочкин) использовали произведения зарубежных авторов в качестве орудия для пропаганды своих революционных идей: так, про В. Курочкина, признанного лучшим переводчиком стихотворных произведений Беранже, Эткинд пишет, что он «видел в стихотворение орудие общественной борьбы, а в переводимом иноземном песеннике – политического союзника» [Эткинд 1968: 59]. Общественно-просветительское направление представлено профессиональными переводчиками (Н. В. Берг, М. Михайлов и др.), а также литературными деятелями (поэт-переводчик Н.В. Гербель), которые видели свою цель в ознакомлении читателей со всем разнообразием иноязычной литературы и наполнить русскую литературу новыми художественными формами. Особого внимания заслуживает вклад Н.В. Гербеля в развитие русской литературы. В «Памяти Николая Васильевича Гербеля» Н. Невзоров пишет: «Всем, кто так или иначе способствует пониманию и знакомству с мировыми гениями, русское общество должно быть благодарно. Николаю Васильевичу Гербелю в этом деле принадлежит едва ли не первое место после Василия Андреевича Жуковского, по крайней мере по богатству собранных и изданных им переводов» [Невзоров 1883: 5]. Как литератор Гербель выполнил стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», издал книгу «Русские поэты в биографиях и образцах» (1870 г.), а как издатель выпустил несколько собраний произведений зарубежных классиков – Шекспира, Шиллера, Байрона – в разных переводах. К поэтам-просветителям принадлежали А. А. Фет и А. Майков, которые старались продемонстрировать красоту иностранной поэзии за счет «внешней близости к подлиннику», что в определенной мере способствовало чрезмерному буквализму и даже к несогласованности частей предложения перевода. Упоминая переводческие неудачи Фета, К.И. Чуковский говорит о шероховатости и тяжеловесности его переводов, а также о том, что «Фет-переводчик совершенно не похож на того сильного мастера, каким мы привыкли любить его в лирике» [Чуковский 2008: 96]. Представителей последнего, поэтического, направления (А. Толстой, Апухтин А.Н.), отличало, как и представителей политического направления, выражение в тексте перевода собствен-

ных мыслей, что было особенно заметно в сопоставлении переводческих работ поэтов с их оригинальным творчеством.

Начало XX века знаменуется Серебряным веком отечественной литературы. В это время перевод поэзии вышел на качественно новый уровень, поскольку над иностранным текстом трудились настоящие мастера слова: К.Д. Бальмонт (1867–1942), первый познакомивший русского читателя с поэмой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (Бальмонт перевел как «Носящий барсовую шкуру»); И.Ф. Анненский (1855–1909), работавший с древнегреческими произведениями; В.И. Иванов (1866–1949), переводивший лирику Сапфо и Алкея. Иванов обращал особое внимание на передачу ритмики оригинала с учетом одинакового числа строк, что порой вызывало упреки в чрезмерной архаизации текста и непривычно сложном синтаксисе. К проблемам художественного перевода обращается и основоположник русского символизма В.Я. Брюсов (1873–1924), который стремился к созданию «независимого» от «среднего» читателя перевода: «Перевод, примененный к пониманию «среднего читателя» текущего десятилетия, несомненно устаревает через 20–30 лет. Переводить для «современного читателя» – значит, делать работу, годную лишь на короткое время».[Цит. по: Нелюбин, Хухуни 2006: 314].

Развитие переводческой мысли в Советской России традиционно связывается с деятельностью А.М. Горького. В 1919 году писатель добился создания специального государственного издательства «Всемирная литература», целью которого являлось ознакомление советского читателя с памятниками мировой литературы. Издательство просуществовало до 1927 года, но оставило очень яркий след в истории советского перевода – оно выпустило сборник «Принципы художественного перевода», ставший едва ли не первой русской книгой по теории перевода. Над его созданием работали такие известные литераторы как Ф.Б. Батюшков, К.И. Чуковский и Н.С. Гумилев. В статье «Переводы стихотворные» автор Гумилев обращает особое внимание на роль стихотворной формы при передаче поэтического произведения, а также на перевод звукописи и территориальных особенностей речи персонажей.

Поэтические переводы 1930-х гг. и послевоенного времени отличаются высокой степенью идеологизированности. Переводы произведений Шекспира, Овидия, Вергилия подвергались идеологической трактовке, приводящей порой к совершенно абсурдным ситуациям – так, в 1946 г. перевод «Божественной комедии» М. Л. Лозинским получил Сталинскую премию за перевод «Божественной комедии» Данте, поскольку произведение было признано «прогрессивным для своего времени» (и это несмотря на то, что «Божественная комедия» на-

полнена религиозным созерцанием). С другой стороны, в это время над поэтическими переводами трудились корифеи русской литературы: А.А. Ахматова, Б.Л. Пастернак, Н.А. Заболоцкий и другие. Для многих из них переводы были единственным способом публикации, и созданные ими поэтические переводы стали литературной классикой: так, например, трагедии Шекспира и «Фауст» Гёте в переложении Пастернака до сих пор признаются лучшими. С 50-х гг. началось расширение круга переводимых авторов, и переводческая деятельность интенсифицировалась.

Если говорить о развитии переводческой мысли середины и конца XX в., посвященных как художественному переводу, так и поэтическому в частности, необходимо упомянуть о создании сборников «Мастерство перевода», «Тетради переводчика», а также о попытке И.А. Кашкина (1899–1963) сформулировать основные принципы литературоведческой теории перевода. В статье «Вопросы перевода» Кашкин пишет: «Приходится разобратся, в чем, собственно, состоит задача переводчика. На наш взгляд, прежде всего в том, чтобы не утратить лица автора, сохранив честное лицо честного и вдумчивого истолкователя авторской воли. В том, чтобы не ослабить силы, яркости, образности подлинника, а если он легкий и прост, не отяжелить его» [Кашкин]. В статье «Традиция и эпигонство» Кашкин подвергает критике принцип «функционального подобия» Г.Шенгели, выдвинутого переводчиком во время работы с текстами Байрона. Автор высмеивает слепую подчиненность рифме, лексическую неразборчивость («языковую смесь» из неологизмов, блатной лексики, «обветшавшей символистской лексики» и др.). Кашкин призывал переводчиков художественной литературы теоретически осмысливать текст и применять предварительный языковедческий анализ, который «должен вскрыть литературные закономерности, которые определяют собой выбор языковых средств, а далее все явственнее вступают в силу чисто литературные критерии (стиль эпохи, стиль литературной школы, индивидуально-художественный стиль автора, особенности данного произведения)» [Кашкин]. В настоящее время подобный языковедческий анализ входит в герменевтическое рассмотрение поэтического текста, которое обращается не только к характерным средствам изобразительности, но и лингвокультурным особенностям текста, а также к особенностям жизненного пути автора, отраженным в произведении.

Теория поэтического перевода значительно отстает от практики. Процесс передачи поэтического произведения невозможно отследить, но можно рассмотреть, как менялись взгляды переводчиков на приоритетные задачи перевода. В период классицизма пытались передать

идею и жанровые особенности, в настоящее время переводчики видят свою цель в воспроизведении «духа подлинника». Внимательное изучение истории развития переводческой мысли в области поэтического перевода позволит не только по-новому взглянуть на те или иные переводческие решения, но и вывести из забвения имена переводчиков, подаривших русскому читателю произведения зарубежных авторов и внесших значительный вклад в развитие русской литературы.

Список литературы

Артаксерксково действие – Большая Российская энциклопедия в 30 т. URL: <https://biograf.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/616531> (дата обращения: 15.09.2018)

Алексеева Л.М., Шутёмова Н.В. Типология перевода: монография / Л.М.Алексеева, Н.В.Шутёмова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т – Пермь, 2012. 198 с.

Кашкин И.А. Для читателя-современника (Статьи и исследования). URL: <http://www.rulit.me/books/dlya-chitatelya-sovremennika-stati-i-issledovaniya-read-39100-124.html> (дата обращения: 15.09.2018).

Невзоров Н.К. Памяти Николая Васильевича Гербея. 1883 г. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003614630#?page=3> (дата обращения – 15.09.2018)

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История и теория перевода в России:учебник. М: изд-во МГОУ, 2003. 140 с.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней) : учеб. пособие /Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. М.: Изд-во «Флинта», 2006. 416 с

Чуковский К.И. Высокое искусство. СПб, изд-во «Азбука-классика», 2008. 448 с.

Эткинд Е.Г. Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода. Кн.1. Изд-во «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1968. 528 с.

PERIODS OF POETIC TRANSLATIONS' DEVELOPMENT IN RUSSIA

Marija V. Pigaleva

Student of Philology, Master's degree course, Faculty of Philology
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. pigaleva-m@yandex.ru

Olga I. Grafova

Senior Lecturer in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. grafova.olly@gmail.com

In the article an attempt is made to trace the development of translation thought in the sphere of poetic translation. The author draws attention to the features of poetic work's translation in Russian at various historical stages and also mentions translators and literary figures who introduced masterpieces of world literature to Russian readers.

Key words: poetic translation, translator, poet, world literature.

**ТРАНСЛЯЦИЯ ОБРАЗНОСТИ РАССКАЗА
Г. СВИФТА «ХИМИЯ» (G. SWIFT «CHEMISTRY»)
В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Ольга Витальевна Санникова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. sannikova379@gmail.com

Катерина Юрьевна Гладкова

преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. katerina_g_1@mail.ru

Статья посвящена проблеме трансляции образности в художественном переводе. Мы анализируем способы языковой репрезентации ключевых образов в рассказе Г. Свифта «Химия» (G. Swift «Chemistry») и в его переводе на русский язык. Нами были использованы методы контекстуального, семантического, стилистического и сопоставительного анализа. В ходе исследования мы приходим к выводу, что в переводе наблюдаются некоторые изменения образности оригинала, однако, в целом, структура образов оригинала не нарушается.

Ключевые слова: художественный образ, образность, художественный перевод, рассказ, Г. Свифт.

Одной из наиболее сложных проблем художественного перевода является проблема трансляции образности произведения. Трудность передачи образности отмечают многие современные языковеды [Алексеев, 2009; Борисова, 2010; Бузунова, 2006].

Вместе с тем, исследователи подчеркивают, что трансляция образности является необходимым условием перевода. Так, согласно Н. В. Шутёмовой, образность, как и идейность, эмотивность, художественная форма, является важнейшим свойством художественного текста, которое подлежит репрезентации при переводе [Шутёмова 2015: 48].

Необходимость передачи художественных образов оригинала в процессе перевода обусловлена тем, что автор художественного произведения отражает действительность и воздействует на читателя именно с помощью образов. Художественные образы позволяют автору вести диалог с читателем, они помогают выразить «идейно-эмоциональное отношение автора к предмету» [Чернец 2004: 28]. Через созданную автором систему образов происходит выражение главных идей произведения, следовательно, от качества их передачи при переводе зависит понимание читателем смысла оригинала.

В данной статье проблема трансляции образности изучается на материале рассказа Г. Свифта «Химия» (G. Swift «Chemistry») и его перевода на русский язык, выполненном В. Бабковым.

Прежде чем мы перейдем к анализу способов языковой репрезентации образности в ИТ и ПТ, обратимся к биографии и особенностям творчества автора исследуемого произведения.

Г. Свифт – британский писатель, который родился в 1949 году. Его относят к писателям постмодернистской эпохи, однако в его творчестве наблюдается переплетение элементов реализма, модернизма и постмодернизма, что отмечает, например, Д. Ли: «Though his work is often ascribed to the postmodern idiom, it more readily resembles a form of self-conscious social realism shot through with serious psychological investigation and more than a gesture towards the *Bildungsroman*»¹ [Lea 2005: 5].

Рассказ «Химия» («Chemistry») входит в сборник рассказов «Уроки плавания и другие истории» («Learning to Swim: And Other Stories», 1982). В рассказе речь идет о семье, которая состоит из трех поколений, проживающих вместе: деда-вдовца, его дочери-вдовы и его внука. Семья живет в гармонии и покое до тех пор, пока дочь деда не приводит в семью нового мужчину Ральфа, из-за которого происходит разрушение семейной идиллии.

На наш взгляд, образная система рассказа построена на проблеме связи поколений. В рассказе имеет место противопоставление персонажей, которые бережно относятся к прошлому, и персонажей, которые нарушают связь с прошлым. Так, дед и рассказчик (внук) осознают важность сохранения прошлого, и связь поколений имеет для них большое значение. Им противопоставлен Ральф, чужой в семье человек, который нарушает эту связь.

В статье мы обратимся к анализу способов языковой репрезентации образов деда и Ральфа в ИТ и ПТ – героев, чей конфликт в рассказе является сюжетообразующим.

Перейдем к анализу образа одного из главных персонажей рассказа – деда.

Основной чертой, формирующей образ деда, является схожесть с животным, что мы можем наблюдать, например, в следующем контексте:

*«...he would still go out to the shed in the garden to conduct his chemical experiments, over which he **hummed** and **chuckled** gratefully to himself»* [Hewitt 2009: 151].

*«...он, как и раньше, ходил ставить свои химические опыты в сарай, где **напевал** что-то и довольно **посмеивался себе под нос** во время работы»* [Свифт: эл.рес.].

Сравнение деда с животным в ИТ происходит при помощи глаголов *«hummed»*, *«chuckled»*, которые являются звукоподражательными. С помощью данных глаголов передаются неразборчивые звуки, воспроизводимые дедом, напоминающие жужжание пчелы и кудахтанье курицы. В ПТ мы так же, как в ИТ, наблюдаем изображение деда, издающего неразборчивые звуки, что передается при помощи фразеологизма *«под нос»*. Однако в ПТ используются глаголы *«напевал»* и *«посмеивался»*, которые не являются звукоподражательными и не вызывают ассоциацию со звуками животного мира, что позволяет говорить о том, что данная черта образа недостаточно репрезентирована в ПТ.

Кроме того, схожесть деда с животным мы наблюдаем в следующем примере:

*«... I knew that Grandfather had shuffled back to the house and slipped in, **like a stray cat**, at the back door»* [Hewitt 2009: 157].

*«...это означало, что сейчас дед прошаркает к дому и проскользнет в него с заднего хода, **как бездомная кошка**»* [Свифт: эл.рес.].

В ИТ дед сравнивается с бродячей кошкой (*«like a stray cat»*), что без изменений сохраняется в ПТ (*«как бездомная кошка»*). С помощью данного сравнения выражается, что дед опасается заходить в дом, так как в собственном доме он чувствует себя чужим и никому не нужным, одиноким человеком.

В рассказе используется еще одно сравнение деда с животным, что проявляется в следующем контексте:

*«In his slumber – his hair dishevelled, mouth open – he looked **like some torpid, captive animal** that has lost even the will to eat»* [Hewitt 2009: 157].

*«Во сне – с взъерошенными волосами, открытым ртом – он **походил на какое-то обессилившее в неволе животное**, которое даже потеряло охоту к еде»* [Свифт: эл.рес.].

Мы наблюдаем, что в ИТ и ПТ дед изображается как плененное животное, что передается в ИТ при помощи прилагательных «*torpid*», «*captive*», содержащих сему «отсутствие активности» и «отсутствие свободы». В ПТ так же, как в ИТ, присутствуют слова, содержащие сему «отсутствие активности» («*обессилевшее*») и сему «отсутствие свободы» («*неволе*»), что позволяет говорить о сохранении образа.

В результате анализа образа деда мы можем заключить, что он формируется в ИТ на лексическом уровне при помощи глаголов действия, изображающих поведение персонажа, и сравнений, а также на фонетическом уровне при помощи приёма звукоподражания. В ПТ образ формируется на лексическом уровне при помощи фразеологизма, глаголов действия, изображающих поведение деда, сравнений, однако на фонетическом уровне такая черта образа, как схожесть с животным, не репрезентирована.

Далее перейдем к анализу образа Ральфа, который выступает как персонаж-антагонист по отношению к деду и его внуку.

Ральф, нарушая семейную гармонию, чувствует свою власть в чужом доме, его образ в рассказе раскрывается как образ властелина. Его властность находит выражение в следующем контексте:

«*The house where Ralph now **lorded** it...*» [Hewitt 2009: 154].

«*Дом, где теперь **правил** Ральф...*» [Свифт: эл. рес.].

В ИТ высокое положение Ральфа выражается глаголом «*lorded*», содержащим отрицательную оценку и выражающим презрительное отношение рассказчика к изображаемому герою, который ведет себя самовластно. В ПТ идея властности Ральфа выражена при помощи глагола «*правил*». Мы наблюдаем, что в ПТ сохраняется сема «власть», однако изменяется эмоциональная окраска слова, происходит ослабление отрицательной оценки и, следовательно, образ Ральфа как надменного властителя в данном контексте выражен более слабо.

Властность Ральфа также проявляется в следующем примере:

«*The drink made Mother go soft and heavy and blurred and it made Ralph **gain in authority***» [Hewitt 2009: 156].

«*От выпитого мать становилась вялой, грузной и податливой, и это позволяло Ральфу **забирать над ней все большую власть***» [Свифт: эл. рес.].

В ИТ мы наблюдаем изображение силы влияния Ральфа, его возможность подчинять себе мать, что передается фразой «*gain in authority*». В ПТ, как и в ИТ, мы наблюдаем могущество Ральфа, его возрастающее влияние, что выражается фразой «*забирать над ней все большую власть*». Следовательно, образ властелина в данном контексте сохраняется.

Ральф изображается не только как властелин, но и как зверь, хищник, тогда как другие члены семьи – его жертвы. Образ Ральфа как зверя раскрывается в самом его имени: сочетание звуков [г], [л], [ф] напоминает лай собаки, таким образом, можно говорить о том, что автором используется прием звукоподражания.

Образ зверя дополняет манера общения Ральфа, что мы можем наблюдать в следующем примере:

«*Then as we ate supper Ralph suddenly **barked**...*» [Hewitt 2009:149]. «*Потом, когда мы ужинали, Ральф вдруг **рвкнул**...*» [Свифт: эл. рес.].

Манера общения Ральфа изображается при помощи экспрессивных глаголов: «*barked*» в ИТ, «*рвкнул*» в ПТ. Оба глагола употребляются в метафорическом значении, с помощью них передаются агрессивные животные звуки, издаваемые Ральфом. Следовательно, данная черта образа в приведенном контексте достаточно репрезентирована в ПТ.

Кроме вышеперечисленного, формированию образа зверя способствует описание характерной для Ральфа манеры есть, которая выражается в ИТ фразой «*ate heartily*» [Hewitt 2009: 152]. Данная фраза характеризует особое пристрастие Ральфа к еде, его склонность к употреблению большого количества еды. В ПТ мы наблюдаем фразу «*ел до отвала*» [Свифт: эл. рес.]. При помощи фразеологизма «*до отвала*» в ПТ изображается способность Ральфа поглощать огромное количество еды, что соответствует оригиналу. Таким образом, в ИТ и ПТ мы наблюдаем образ Ральфа как человека прожорливого, ненасытного.

Дикий нрав, агрессивность Ральфа также можно проиллюстрировать с помощью следующего примера:

«*...I thought Ralph would be capable of **jumping** to his feet, **reaching** across the table, **seizing** Grandfather by the throat and **choking** him*» [Hewitt 2009: 152].

«*...иногда мне казалось, что Ральф вот-вот **вскочит** на ноги, **перегнет** через стол, **схватит** деда за горло и **задушит** его*» [Свифт: эл.рес.].

В ИТ мы наблюдаем однородные члены предложения, выраженные одинаковыми глагольными формами «*jumping*», «*reaching*», «*seizing*», «*choking*», которые создают динамичность, усиливают напряжение, ярко изображая повадки Ральфа. В ПТ мы так же, как в ИТ, наблюдаем употребление однородных членов, которые представлены четырьмя глаголами в одной временной форме: «*вскочит*», «*перегнется*», «*схватит*», «*задушит*». Как и в ИТ, однородные члены в ПТ выражают ряд стремительных нападающих действий, характеризующих нрав Ральфа.

Единственным человеком, который может держать под контролем поведение Ральфа, является мать, что может быть проиллюстрировано следующим предложением:

«*But Mother somehow kept him in check*» [Hewitt 2009: 152].

«*Но мать умела держать его в узде*» [Свифт: эл. рес.].

Мы наблюдаем в ИТ употребление английской идиомы «*kept in check*», что передается в ПТ с помощью фразеологизма «*держат в узде*». Заметим, что значения совпадают, однако в ПТ образ Ральфа как животного выражен более ярко, так как происхождение используемого в ПТ фразеологизма «*держат в узде*» связано с управлением животным – узда является частью сбруи, служащей для управления лошады.

Анализ образа Ральфа показывает, что в ИТ образ формируется на фонетическом уровне с помощью звукоподражания, на лексическом уровне при помощи метафоры, идиом, экспрессивных глаголов, на синтаксическом уровне при помощи ряда однородных членов. В ПТ образ создается при помощи звукоподражания на фонетическом уровне, метафоры, фразеологизмов, экспрессивных глаголов на лексическом уровне и однородных членов на синтаксическом уровне.

Таким образом, мы можем проследить, что в структуре образов противоположных друг другу персонажей деда и Ральфа ярко выражается такая черта, как схожесть с животным. Однако если дед изображается в рассказе как запуганное, плененное, слабое животное, то Ральф как сильный зверь, хищник и властелин.

Проведенный нами анализ образов и способов их языковой репрезентации в ИТ и ПТ позволяет заключить, что образность в ИТ и ПТ создается на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка. Мы можем сделать вывод о том, что в ПТ используются, в целом, те же способы создания образности, что и в ИТ.

В результате анализа нами были выявлены как случаи неполной передачи образности оригинала в переводе, так и более яркое выражение оригинального образа, однако, в целом, структура образов оригинала в переводе не нарушается.

Примечание

¹«Несмотря на то, что ему часто приписывают постмодернистскую манеру письма, его произведения, скорее, можно отнести к социальному реализму с углубленным психологическим исследованием, они близки по жанру к роману воспитания» [пер. наш. – О. В., К. Ю.].

Список литературы

Алексеев С. А. Передача структуры образов художественного текста в переводе: на материале англо-русских переводов: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2009. 24 с.

Борисова Е. Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопозитика – перевод: автореф. дис. ... док. филол. наук, Самара, 2010. 42 с.

Бузунова Э. Б. Передача образной коннотации при переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 2006. 24 с.

Свифт Г. Химия. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/grem_svift/himiya.html#0 (дата обращения: 21.10.17).

Чернец Л. В. Введение в литературоведение: Учеб.пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш.школа, 2004. 680 с.

Шутёмова Н. В. Понятие доминанты в типологии перевода [Текст] / Н. В. Шутёмова // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3 (31). С. 46–51.

Hewitt K. Contemporary British Stories: An Anthology for Russian Readers. Oxford: Perspective Publications Ltd, 2009. 231 p.

Lea D. Graham Swift. Manchester: Manchester University Press, 2005. 228 p.

**TRANSLATION OF IMAGERY OF «CHEMISTRY»
BY G. SWIFT IN RUSSIAN**

Olga V. Sannikova

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies),
Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. sannikova379@gmail.com

Katerina Yu. Gladkova

Teacher in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. katerina_g_l@mail.ru

The article focuses on the problem of imagery in translation. We are analyzing the means of linguistic representation of key images in the short story «Chemistry» by G. Swift and in its Russian translation. We use the methods of contextual analysis, semantic analysis, stylistic analysis and comparative analysis. The results of research show several changes of original imagery in Russian translation, but, in general, it is revealed that the structure of original images is not deformed.

Key words: artistic image, imagery, literary translation, short story, G. Swift.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ТЕРМИНЫ-СЛОВСОЧЕТАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Елизавета Юрьевна Шаад

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика» («Перевод и переводоведение»),

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. elizavetashaad@gmail.com

Дарья Владимировна Пересторонина

доцент кафедры лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. daria-perestoronina@yandex.ru

В статье устанавливается понятие терминологии научно – технического текста, а также приводится ее классификация. Сравнительный анализ исходного и целевого текстов позволил авторам статьи выделить особенности трансляции терминов-словосочетаний научно-технических текстов и приемы их перевода.

Ключевые слова: научно-технический текст, научно-техническая терминология, термины-словосочетания, перевод.

Развитие науки и техники в XX в. послужило толчком для увеличения роли номинации научно-технических понятий. В XXI в. востребованность научно-технических терминов и интерес к их изучению не только не ослабился, а напротив, возрос, т.к. все большее количество современных ученых разрабатывают темы, связанные с научно-технической терминологией.

Актуальность статьи обуславливается тем, что в связи с ростом процесса глобализации, увеличивается потребность в переводе научно-технических текстов, т.к. они способствуют обмену специальными знаниями между культурами. Вместе с этим наблюдается высокий темп развития научно-технической терминологии, что является причиной появления новых терминов и трудностей их перевода.

В связи с этим, объектом нашего исследования являются термины-словосочетания научно-технического текста.

Предметом исследования выступают особенности перевода научно-технических терминов-словосочетаний с английского языка на русский язык.

Материалом исследования послужил раздел 10.2 главы «Lighting» из книги «Plant Engineer's Handbook» Р.К. Мобли. Данная книга предназначена для инженеров различных специальностей, специалистов по техническому обслуживанию, менеджеров и руководителей производства и включает в себя большое количество научно-технической терминологии.

Проблема определения термина и терминологии научно-технического текста в целом рассматривается учеными уже на протяжении ста лет, что обуславливает обилие и разнообразие определений. Так, ряд российских ученых, таких как В.П. Даниленко [Даниленко 1977], Б.Н. Головин [Головин 1987], К.А. Мякшин [Мякшин 2009] определяют термины, опираясь на их лексические особенности, и отмечают, что «термины — это особые слова или словосочетания, которые в отличие от остальных номинативных единиц характеризуются моносемантической, точностью, системностью, контекстуальной независимостью и эмоциональной нейтральностью» [Мякшин 2009: 109]. Другие отечественные ученые, определяя термины, опираются на их специальное предназначение и сферу функционирования. Так, например, В.Н. Комиссаров утверждает, что «терминами называются слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки или техники» [Комиссаров 1990: 110]. Мы будем придерживаться точки зрения Л.Л. Нелюбина о том, что, несмотря на существование разных подходов к определению термина, главная суть всех известных определений в том, что «термин — это слово или словосочетание, принятое для точного выражения специального понятия или обозначения специального предмета в той или иной области знаний» [Нелюбин 2009: 99].

Учеными неоднократно предпринимались попытки классификации терминологии научно-технических текстов. Опираясь на теорию Б.Н. Головина о дифференциации терминов по их формальной структуре, термины рассматриваются нами как составляющие двух групп: термины-слова и термины-словосочетания, где термины-слова имеют внутреннее членение на простые термины, сложные термины и аббревиа-

туры, а термины-словосочетания подразделяются на предложные термины-словосочетания и беспредложные термины-словосочетания [Головин 1987].

Термины-словосочетания или многокомпонентные термины – это двух- или более компонентные термины, образованные по определенной модели синтаксическим или лексическим способом [Мезина 2011]. Как правило, понимание и последующий перевод терминов, где внутрикомпонентная связь выражена грамматическими средствами, обычно предложениями, не представляет трудностей. Например: *An elliptical outer bulb is internally coated with phosphor.* – *Эллиптическая внешняя колба изнутри покрыва люминофором.* В данном предложении предлог «with» с достаточной точностью определяет конкретное содержание словосочетания «with phosphor», а именно отражает материальную основу (phosphor – люминофор) определяющего компонента словосочетания (bulb – колба), что позволяет переводчику дословно перевести вышеуказанное предложение.

Часто ядром терминов-словосочетаний являются имена существительные в сочетании с другими частями речи. Так, беспредложная группа терминов-словосочетаний, которая некоторыми исследователями (С.В. Гринев-Гриневиц [Гринев-Гриневиц 2008], В.А. Судовцев [Судовцев 1989]) описывается как группа, представляющая особую трудность, частотной и продуктивной моделью словосочетания представляет схему «N+N» (сущ.+сущ.). Например: *Ballast circuit using leakage reactance transformer <...>.* – *Применяется балластная схема, использующая трансформатор с повышенным магнитным рассеянием, <...>.* Как правило, вышеописанная схема термина-словосочетания переводится на русский язык при помощи конструкции «Adj+N» (прил.+сущ.). Таким образом, процесс трансляции термина предполагает перевод вспомогательного компонента «ballast» при помощи приема транспозиции, в результате в языке перевода вместо предположительно возможного, но не в полной мере благозвучного и адекватного перевода типа «балласт-схема», применяется выражение «балластная схема».

Следующей моделью построения терминов-словосочетаний является схема «Adj+N» (прил.+сущ.) и, с точки зрения структуры построения термина-словосочетания, не представляет сложностей. Однако стоит рассмотреть некоторые несвободные словосочетания, в которых определенные составляющие компоненты могут быть не терминами, а

словами из общенаучной или общеупотребительной лексики. Для наглядности мы рассмотрим несвободные термины-словосочетания в сравнении со свободными терминами-словосочетаниями. Так, следующий пример представляет группу свободных многокомпонентных терминов модели «Adj+N», которая характеризуется тем, что каждый компонент такого словосочетания может быть использован в различных контекстах в пределах одной сферы без кардинального изменения значения: *Operating circuit: Ballast circuit* <...> **electronic igniter and ballast**. – *Схема управления: Применяется* <...> **схема электронного стартера и балластный дроссель**. В этом предложении мы можем выделить 2 компонента: «electronic» и «igniter». Для контекстов электротехнической сферы данные понятия будут иметь значения «электронный» и «запальная свеча, стартер» соответственно, поэтому их перевод сравнительно легок. Также, здесь следует отметить использование приема добавления: перед словосочетанием «электронного стартера» добавлено существительное «схема».

Следующий пример отражает группу несвободных многокомпонентных терминов модели «Adj+N»: **Average life: 8000 hours for 2D 16 W**. – **Средний срок службы: 8000 часов для 2D мощностью 16 Вт**. Из двух компонентов термина-словосочетания в качестве термина можно выделить прилагательное «average», которое в совокупности с общеупотребительным словом «life» образует своего рода научно-технический фразеологизм: «средний срок службы». Данное выражение используется для того, чтобы показать среднюю продолжительность работы прибора, соответственно на русский язык это выражение переводится полным эквивалентным словосочетанием «средний срок службы».

Таким образом, мы приходим к выводу, что предложные термины-словосочетания не представляют трудности и переводятся согласно следующим схемам: «сущ.+сущ. в род. падеже», «прил.+сущ.», при этом иногда изменяются структурные и морфемные формы исходного термина. Беспредложные термины-словосочетания, в связи со своим типом образования, представляют большую трудность, поэтому, помимо вышеописанных схем, они также переводятся путем поиска контекстуального соответствия и методом транспозиции и добавления.

Список литературы

Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.

Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 304 с.

Даниленко В.П. Русская терминология (опыт лингвистического описания) / В.П. Даниленко. М.: Наука, 1977. 136 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Мезина Е.В. Теория и практика научно-технического перевода оригинальной английской литературы по специальности для студентов вторых и третьих курсов Института Информационных Технологий и Коммуникаций. Астрахань: АГТУ, 2011. 105 с.

Мобли. Р.К. Справочник инженера промышленного предприятия: Перевод с англ. в двух томах, Т.1 / гл. ред. перевода Г.З. Виноградова. М.: ЗАО «Преминум Инжиниринг», 2007. 838 с.

Мякшин К.А. Разнообразие подходов к определению понятия "термин" / Мякшин К.А. Тамбов: Грамота, 2009. No 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 109-111.

Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода. М.: Изд-во Флинта, 2009. 216 с.

Судовцев В.А. Научно-техническая информация и перевод: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1989. 231 с.

Mobley R.K. Plant Engineer's Handbook. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2001. 2400 p.

TECHNICAL–SCIENTIFIC TERMINOLOGY: TERM-PHRASES AND FEATURES OF THEIR TRANSLATION

Elizaveta Y. Shaad

Student of Linguistics, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures,
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. elizavetashaad@gmail.com

Daria V. Perestoronina

Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. daria-perestoronina@yandex.ru

The article introduces the definition of terminology of a technical-scientific text and its classification. Comparative analysis of a source text and a target text enables authors of the article to highlight the features and methods of the technical-scientific term-phrases transferring.

Key words: technical-scientific text, technical-scientific terminology, term-phrases, translation.

Раздел 8.

Киноперевод и новые средства коммуникации, популяризации и глобализации

УДК 81'26

ПЕРЕДАЧА СРЕДСТВ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА В ПЕРЕВОДЕ

Юлия Дмитриевна Басова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. julybasova@gmail.com

Марианна Наумовна Литвинова

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода Пермский
государственный национальный исследовательский университет 614990,
Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. marialit55@gmail.com

Данное исследование посвящено проблеме передачи средств популяризации научно-популярного текста в переводе с английского на русский язык. Анализ показал, что чем больше и сложнее использовано средств популяризации в научно-популярной статье, тем доступней и привлекательней она становится для реципиента. Однако вместе с усложнением средств популяризации усложняется их передача в тексте перевода.

Ключевые слова: научно-популярный текст, приемы популяризации, предпереводческий анализ, приемы эмоционализации.

На сегодняшний день наука развивается стремительными темпами и в настоящее время объем научных знаний удваивается каждые 10–15 лет, что влечет за собой настоящий информационный взрыв. Роль информации в жизни человека и общества значительно выросла.

Количество научных открытий в разных сферах ежедневно увеличивается, но научные знания доступны далеко не каждому человеку. В условиях научного прогресса общество нуждается в популяризации научных знаний (передаче научной информации в компактной доступной форме). В связи с этим повышается интерес к научно-популярному

жанру как к прагматически ориентированному способу вербализации научного знания.

Одной из существенных особенностей научно-популярного текста является то, что он функционирует одновременно с научными текстами, поэтому параметр «научности» в научно-популярном тексте является его неотъемлемой частью. Понятие научности текста обуславливает тактику переводческой деятельности – правильно понять концепт (максимально компрессированное знание), на который «работает» весь научный текст. [Алексеева 2012: 7].

При создании научно-популярного текста автор, прежде всего, должен выявить и осмыслить основные концепты научного текста, являющиеся компонентами научного «сюжета» (смысловыми опорами текста) и имеющие как языковой, так и внеязыковой характер [Ефремова 2012: 45]. Авторы научно-популярных текстов сталкиваются с проблемой передачи научного знания неподготовленному читателю. Поэтому задача автора заключается в ознакомлении читателя-неспециалиста с научными данными посредством использования определенных приемов популярной обработки знаний.

Обобщая работы И.С. Алексеевой [Алексеева 2004], Г.Ю. Гришечкиной [Гришечкина 2008, 2010], М.Н. Кожинной [Кожина 2002], В.Ю. Рубацкой [Рубацкая 2007], Е.В. Сухой [Сухая 2012], посвященные изучению научно-популярных текстов, предлагаем следующий перечень приемов популяризации:

- 1) Прием эмоционализации. Он представлен такими средствами как сравнение, метафора, эпитет, юмор, олицетворения, перифразы;
- 2) Специальные приемы, создающие эффект сближения автора с читателем. Они включают в себя такие средства популяризации как диалогичность, включение адресата и адресанта в единое коммуникативное поле, средства субъективной модальности, риторические вопросы, прием иллюстрирования, разговорный стиль речи, использование императивной формы глагола;
- 3) Прием опоры на авторитет;
- 4) Использование вставок ненаучного содержания.

Цель нашего исследования состоит в изучении способов передачи средств популяризации научно-популярного текста на английском языке в переводе на русский язык.

Данное исследование призвано проверить предположение о том, что использование разнообразных средств популяризации, которые делают научно-популярную статью более доступной и привлекатель-

ной для читателя, делает задачу их передачи в тексте перевода более сложной.

Материалом исследования послужила статья «Dig it» Роберта Данна, биолога, писателя, профессора кафедры биологических наук Университета штата Северная Каролина, опубликованная в журнале «Natural History» от 12 февраля 2006 года, который посвящен естественным наукам [эл. ресурс]. Основой статьи послужили материалы интервью с Питером Николсоном, который поделился своими исследованиями жизни подземных животных. Работа адресована разновозрастному кругу читателей, интересующихся областью биологических открытий, поэтому в тексте преобладает использование общедоступной лексики, понятной для широкого круга читателей.

Прежде чем проводить анализ передачи средств популяризации оригинала статьи в переводе, был подготовлен предпереводческий анализ как первый и исключительно важный этап в переводческой деятельности.

Для статьи характерна необычная форма изложения. История мальчика, Питера Николсона, - это внешнее обрамление статьи. Главное содержание - это информация об особенностях жизни существ в почвенной среде обитания. Прежде чем добраться до главного содержания, автор намеренно погружает нас в историю маленького исследователя, используя различные приемы популяризации.

Первый прием с которым мы встретились – это прием сближения с читателем.

Использование императивной формы глагола в заголовке статьи преднамеренно захватывает наше внимание. (1) Дословно «Dig it» переводится как «*Копай это*», но в данном случае мы прибегли к опущению «it», поскольку здесь местоимение выполняет функцию формального дополнения. «*Копай!*» – глагол в повелительном наклонении передает обращение к читателю и исходный смысл заголовка.

В статье «Dig it» журналист описывает необычный подземный мир, именно поэтому в ней содержится большое количество эмоционально-оценочных средств. Одной из сложностей перевода для нас представляла метафора «*the messy ether of soil*».

(2) «*But if narrower bodies are easier to shove through the messy ether of soil...*». «*Но если узкому телу легче пробираться сквозь всё, что намешано в составе почвы...*».

Для раскрытия смысла мы обратились к словарям и убедились, что в русском языке слово эфир не имеет переносного значения, поэтому в процессе перевода первоначальные варианты «почвенный эфир» и «эфир почвы» были отвергнуты. К сожалению, яркая и необычная метафора была потеряна. Данный пример мы перевели как «состав почвы».

Для описания деятельности Питера Николсона используется метафора «*foray*».

(3) «*Peter made many other forays underground, at times even coming face-to-face with the wombats*». «Питер совершил еще много других **опасных путешествий** под землю, иногда даже встречаясь лицом к лицу с вомбатами».

Главный герой любил подземный мир, для него посещение этой среды было захватывающим, но и не всегда безопасным путешествием. Поскольку слово «*foray*» имеет значение по словарю – «короткий набег», а набег может быть опасным, мы решили перевести «*foray*» как «опасное путешествие», сохранив при этом образ и авторскую иронию.

В следующем примере произошла замена образа исходного текста в переводе.

Изначально мы пытались сохранить образ и получили следующий дословный вариант перевода: «*Темный пейзаж почвы*».

(4) «*The dark landscape of soil is populated with many miniature, elongate writhing beasts—mole crickets, sand gropers, and many kinds of tunneling larvae*». «**В мрачном подземелье** обитают миниатюрные ползающие зверьки, медведки, двухвостки и разные другие виды ползучих личинок».

Однако при редактировании перевода, мы пришли к выводу, что в таком случае теряется оценочность исходного текста. Для того, чтобы сохранить метафору как средство популяризации дословный перевод «*темный пейзаж почвы*» был заменен на «*мрачное подземелье*». Хотя образ был несколько изменен, мы передали одно из значений слова «*dark – frightening or unpleasant*». Также в нашем варианте перевода изменилась синтаксическая структура предложения, пассивный залог мы заменили на активный.

Одним из средств популяризации в переводимой нами статье является юмор.

(5) «*But there must also be advantages to being underground, even if it is only to escape the **lumbering creatures above***». «Но должны быть и преимущества нахождения под землёй, даже если это только спасение от **неуклюжих созданий наверху**».

Здесь автор иронизирует над всеми живыми существами, которые живут над землей. Изначально мы перевели «*lumbering creatures above*» как «*шумно передвигающиеся создания сверху*». Однако для передачи оценочности и юмора автора был выбран вариант «*неуклюжие создания наверху*».

История мальчика Питера Николсона сквозной нитью пронизывает весь текст, делая более привлекательным научное содержание. В конце статьи автор проводит аналогию между историей Питера и путешествиями героини известного произведения Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

В нашей работе были проанализированы 67 контекстов, содержащих в себе разнообразные средства популяризации.

При переводе специальных средств, создающих эффект сближения с читателем, нам удалось воспроизвести функцию активизации внимания читателя. Успешность передачи обусловлена тем, что русскоязычные авторы научно-популярных текстов используют схожие приемы сближения автора с читателем, что и английские авторы-популяризаторы.

Приемы эмоционализации вызвали наибольшую трудность для передачи. Часть средств удалось успешно передать в тексте перевода, а некоторая часть была опущена (в частности метафоры). Сложность перевода образных средств связана с тем, что задачей переводчика является сохранение прагматического воздействия тропов на реципиента, однако не существует единого универсального способа воспроизведения стилистически маркированных единиц при переводе.

В ходе сопоставительного анализа оригинала статьи и выполненного нами перевода был сделан вывод, что предложенная нами рабочая классификация средств популяризации является достаточно условной, поскольку между приемами популяризации нет четких границ и в некоторых контекстах содержится сразу несколько приемов популяризации.

Преодолевая трудности перевода научно-популярной статьи, связанные со спецификой взаимодействия научности и популяризации в одном типе текста мы стремились сохранить баланс между средствами

передачи научной информации и теми приемами популяризации, которые помогают читателю перевода воспринять этот текст подобно тому, как его воспринимает получатель оригинала.

Список источников

Алексеева И.С. Введение в переводоведение/ Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений . Санкт-Петербург: СПбГУ, 2004. 352 с .

Алексеева Л.М., Шутёмова Н.В. Типология перевода// монография/ Л.М. Алексеева, Н.В. Шутёмова; Пермь: Гос.нац. иссл. Ун-т- Пермь, 2012. 198 с.

Гришечкина Г.Ю.: Средства популяризации в научно-популярном тексте/ Актуальные направления современной лингвистики. Пермь: ПГНИУ, 2008 С. 92-94 .

Гришечкина Г. Ю. Научно-популярная лингвистическая литература: аспекты изучения в русле функциональной стилистики// Вопросы когнитивной лингвистики. N 4. Орёл: ОГУ, 2010. С. 130–136.

Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды / Перм. Ун-т, ПСИ, ПССГК, 2002 . 475 с.

Рубацкая В.Ю. Содержательно-смысловые средства популяризации научного знания в англоязычном газетном тексте // Личность-слово-социум – 2007. Могилев: Могилевск. Гос. Унт-т им. А.А. Кулешова, 2007. С. 52–57.

Сухая Е.В. Дискурсивные стратегии популяризации научного знания // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Вып. 6 (639). Серия "Языкознание". М: МГЛУ, 2012. С. 212–219 .

Natural history: «Dig it» URL: http://www.naturalhistorymag.com/htmlsite/master.html?http://www.naturalhistorymag.com/htmlsite/1206/1206_feature.html (дата обращения 12.11.2017).

POPULARIZATION MEANS OF POPULAR SCIENTIFIC TEXT IN TRANSLATION

Julia D. Basova

Student of Linguistics, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Perm, Bukirev str., 15. julybasova@gmail.com

Marianna N. Litvinova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Perm, Bukirev str., 15. marialit55@gmail.com

The article is devoted to the problem of rendering popularization means of the popular scientific text in translation from English into Russian. The analysis showed that using various means of popularization in the popular scientific article makes the text more accessible and attractive for the recipient. However, this variety makes the translator's task more complicated.

Key words: popular scientific text, means of popularization, pre-translation analysis, methods of emotionalization.

**ДИСКУРС КУЛИНАРНОГО ТЕЛЕШОУ КАК ОБЪЕКТ
АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА
(на материале закадрового перевода французской телепередачи
«Objectif Top Chef»)**

Ксения Александровна Бушуева

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика».

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Buks.1996@mail.ru

Наталья Владимировна Хорошева

к. филол.н., доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. romanphil@rambler.ru

В статье рассматривается дискурсивная специфика кулинарного шоу на французском языке в аспекте аудиовизуального перевода. Авторы приходят к выводу о том, что к дискурсивным чертам данного текста можно отнести сочетание его терминологической насыщенности и рекреативный характер. Это выражается в том, что шоу размывает границы между профессионалом и любителем, а перевод должен передать эти черты средствами другого языка.

Ключевые слова: дискурс, гастрономический дискурс, аудиовизуальный перевод, французский язык.

В последнее время в работах ученых объектом внимания становится не только национально-маркированный процесс приготовления и потребления пищи в каждой культуре, но и социокультурные знаки, который он транслирует. Несмотря на возрастающее количество научных работ по данной теме [Буркова 2004, Головницкая 2008, Земскова 2009, Олянич 2003, Ундрицова 2015 и др.], многие аспекты гастрономического дискурса до сих пор остаются неосвещенными.

Среди множества разновидностей гастрономического дискурса особого внимания заслуживают кулинарные телепередачи. Данный жанр в первую очередь направлен на обучение зрителя кулинарному мастерству, а также на расширение его кругозора в целом. Р. Вraith сравнивает кулинарные шоу с продуктами медиaprостранства, кото-

рые имеют закодированные значения, помогающие формировать идентичность аудитории, образ жизни и отношение к культуре потребления [Redmon 2009].

Кулинарное шоу представляет собой самостоятельный телевизионный жанр, проявляя характеристики рекреативного медиадискурса, и, будучи достаточно диверсифицированным, ставит, помимо прочих, актуальные задачи аудиовизуального перевода.

Материалом для изучения, анализа и перевода послужило французское кулинарное телешоу «Objectif Top Chef» (выпуск от 14 ноября 2014 г., продолжительностью около 30 минут). Телешоу носит гедонистический характер, выполняя рекреативную функцию, так как задача развлекательного характера направлена на обеспечение приятного и полезного досуга. Эстетическая функция передачи выражается в оформлении блюд, которые прежде всего рассчитаны для подачи в ресторанах высокой кухни. Познавательную функцию демонстрирует ведущий в своих исторических и культурных отступлениях, рассказывая о том или ином блюде телезрителям. Комментарийно-оценочная функция заключается в комментарии, оценке и анализе ведущего приготовленных блюд участниками конкурса.

Гастрономический медиадискурс рассматриваемой телепередачи представляется довольно сложным для восприятия зрителей, которые являются иноязычными представителями. Для адекватной трансляции многих элементов данного дискурса на русский язык необходимо прибегнуть к адаптации, к различным трансформациям и перераспределениям смысла, которые должны обеспечить соответствующее восприятие текста русскоязычным зрителем.

Передача насыщена самыми различными гастрономическими деталями и описаниями, отсылающими нас к традициям, нормам, привычкам, которые определяют данную сферу. Как обязательный атрибут кулинарного шоу присутствует описание приготовления блюд участниками телепередачи, названия ингредиентов и утвари, которые используют участники для приготовления тех или иных блюд.

Все эти многочисленные и подробные номинации, иными словами, плотный гастрономический дискурс, является средством выражения главной идеи передачи – показать уровень профессионализма участников.

Речевой чертой текста передачи является простота речи как ведущего, так и участников, что позволяет привлечь совершенно разную публику и облегчить восприятие информации. Шеф-повар практически не использует в речи сложные конструкции, прибегает к синтаксическому параллелизму и множественным повторам (*c'est une bonne*

idée, en tous cas c'est intéressant, c'est bon, ta petite chips aussi c'est bonne idée, c'était une bonne idée de le faire comme ça), а также использует элементы разговорной речи.

Характерной чертой материалов «Objectif Top Chef» является партиципаторность: в основу содержательной структуры текста положен диалог между шеф-поваром и обычным участником во время приготовления блюд. Шоу размывает границы между профессионалом и любителем, способствуя массовизации креативных гастрономических практик.

В первую очередь затруднения вызвал перевод названий блюд и наименований исходного набора продуктов, который использовали участники для воплощения своих идей в приготовлении тех или иных блюд. Все встречающиеся в телепередаче названия блюд и наименования ингредиентов можно условно разделили на три группы.

К первой группе отнесены названия блюд, перевод которых допускал прием калькирования (*les endives au jambon* – *эндивий с ветчиной*, *une crème de laitue* – *крем-салам*, *le jus de ratatouille* – *подлива для рататутя*, *un flan de volaille en forme de boudin* – *флан из птицы в форме колбаски*, *une mousseline de volaille* – *муслин из цыпленка* и др.)

Наименования блюд, которые были отнесены ко второй группе в нашей классификации, потребовали дополнительной переводческой рефлексии. В русскоязычной традиции нет эквивалентов для названий этих блюд, однако переводить их с помощью транскрипции или транслитерации также нельзя. Чтобы добиться адекватного перевода наименований блюд данной группы, необходимо воспользоваться приемами переводческого дополнения и перифраза. Приведем подобные примеры.

Alors c'est quoi, l'idée? C'est de travailler une technique. Le cœur coulant. Alors il faut savoir que le cœur coulant, on le travaille dans un dessert. Vous, aujourd'hui vous allez faire façon salé.

Так в чем же идея? Владение техникой. Жидкая начинка. Вы знаете, что фондан - это десерт. Именно его сегодня вы будете делать, но только несладкий.

В первом случае употребления «*le cœur coulant*» мы предлагаем перевод словосочетанием, которое обозначает текстуру начинки блюда – «жидкая начинка». Во втором случае, благодаря контексту и визуальному ряду телепередачи, мы понимаем, что речь уже идет не о текстуре или составляющих блюда, а о десерте, который в кулинарной терминологии принято называть «фондан». Как правило, фондан - это сладкое блюдо, и русскоязычный реципиент может решить, что суть задания состоит как раз в приготовлении соленого десерта фондан. Но

это не так, поэтому принято решение в тексте перевода оставить «несладкий», тем самым показав, что участники должны сохранить технологию приготовления этого блюда, сделав начинку жидкой, а форму снаружи - в виде хрустящей корочки.

Son point fort c'est la technique, il m'a servi chez lui des ris de veau parfaitement cuits et son jus de ratatouille à l'heure du duel était incroyable.

Его сильная сторона – это техника. Дома он сервировал для меня блюдо с прекрасно приготовленной телятиной, а его подлива для рататутя во время последнего состязания была невероятной.

В данном случае при переводе названия блюда «*ris de veau*» мы используем прием генерализации, поскольку в русскоязычной культуре нет эквивалента названия этому блюду. В профессиональной терминологии это блюдо называют сладким (пикальным) мясом. Это кулинарное название желёз внутренней секреции телёнка, режы ягнёнка, иногда коровы или свины. К сладкому мясу относятя тимус, гланды, околушная, подъязычная, поджелудочная железы, блюда из которых считаються деликатесом. Для массовизации дискурса через стирание границ между профессионалами-поварами и дилетантами-зрителями мы переводим этот термин гиперонимом «телятина».

Таким образом, эстетика кулинарного шоу основана на сочетании профессионального гастрономического дискурса и экспрессивной массовизации, что с необходимостью нужно транслировать иноязычному зрителю в переводе.

Список литературы

Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 29 с.

Головницкая Н.П., Олянич А.В. Лингвокультура немецкой глоттонии: монография. Волгоград, 2008. 296 с.

Грубич К.В. Феномен пищи как предмет манипуляции кулинарных шоу. // Национальные культуры в межкультурной коммуникации. Киев, 2016. С. 109–115. Электронный ресурс: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/165261/1/Грубич.pdf> (дата обращения 06.06.18).

Земскова А.Ю. Лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса. Волгоград, 2009. 338 с.

Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков. Человек и дискурс. Москва, 2003. С.167–200.

Ундрицова М.В. Гастрономический дискурс: лингвокультурологические и переводческие аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2012. С. 53–56.

Redmon R. Wright You are What You Eat!?: Television Cooking Shows, Consumption, and Lifestyle Practices as Adult Learning // Kansas State University Libraries 2009 p 402-407 URL: <http://newprairiepress.org/cgi/viewcontent.cgi?article=3816&context=aerc>) (дата обращения: 3.05.2018).

**THE DISCOURSE OF A COOKERY SHOW AS THE OBJECT
OF AUDIO-VISUAL TRANSLATION
(on the material of the voice-over translation
of a French show «Objectif Top Chef»)**

Kseniia A. Bushueva

Student of Linguistics. Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. Buks.1996@mail.ru

Natalia V. Khorosheva

Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. romanphil@rambler.ru

The article deals with the discursive specifics of a cookery show in French in the aspect of audio-visual translation. The authors claim that among the discursive features of the named text is the combination of its terminological richness and recreational character. This is expressed by the fact that the show blurs the line between a professional and an amateur, which should be translated appropriately with the means of another language.

Key words: discourse, gastronomic discourse, audio-visual translation, French language.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА НАЦИИ

Максим Алексеевич Горанков

студент факультета современных иностранных языков и литератур («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. maksim.gorankov@gmail.com

Анита Вячеславовна Поликарпова

старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. bpkl@inbox.ru

В данной статье описывается концепция применения культурологического портрета нации для создания компьютерной игры. Автор подчеркивает важность использования культурологии и лингвистики в качестве основной идеи для сюжета, так как в процессе игры пользователь знакомится с ключевыми чертами нации.

Ключевые слова: разработка игр, программирование, культурологический портрет, лингвистика.

Мы привыкли воспринимать лингвистику как нечто данное, как производную всего, что происходит в этом мире и с людьми. Если изменения происходят в обществе, то это неизбежно сказывается на культуре, а значит на языке. Благодаря лингвистике, мы способны отследить тенденции изменения какой-то определенной группы людей, зафиксировать это и составить общую картину. Знания языка помогает нам лучше понять быт и жизнь целого народа. (здесь было бы идеально привести пример как язык отражает это, что-то типа что у северных народов есть 300 разновидностей снега, но этот пример такой избитый, что уже неинтересно).

Изучения поведения общество с лингвистической точки зрения весьма увлекательное и интересное занятие, однако, как упоминалось ранее, лингвистика и культура являются неким отражением всего, что происходит. А что если изменить эту концепцию? Что если язык ста-

нет некой отправной точкой для чего-то творческого? Что если взять уже существующие культурологические и лингвистические нормы и сделать из них целую концепцию? На эти вопросы можем найти ответы в индустрии видеоигр.

Данная отрасль стремительно набирает популярность и вес на рынке высоких технологий. Конечно, многие скептически относятся к индустрии видеоигр, так как многие считают её несерьёзной, однако взгляните на цифры: Согласно прогнозам J'son and Partners Consulting, объем мирового рынка игр к 2021 году составит почти \$130 млрд, демонстрируя средние ежегодные темпы роста в период 2016–2021 гг. на уровне 5,4%. Другое мнение: "Объем игрового рынка в текущем году (2017) составит \$88 млрд. К 2018-му эта цифра вырастет до \$110 млрд. Рост мобильного сегмента игровой индустрии будет самым значительным, утверждают аналитики Digi-Capital. Он будет увеличиваться на 15% ежегодно. В 2015-м на его долю приходится \$29 млрд. К 2018 его объем вырастет до \$45 млрд". А теперь обратимся к другой статистике.

Данные цифры говорят нам о том, что стоит относиться к игровой индустрии как к серьёзному сегменту на рынке, который стремительно развивается с каждым годом, а профессия разработчика игр уже не кажется такой «детской» и несерьёзной. Помимо ключевой работы написания кода, важным аспектом любой игры является составляющая внутриигрового мира. Создание целой вселенной или крошечного мира – процесс творческий, именно поэтому с 2011 года компьютерные игры официально признаны в США отдельным видом искусства, а как и в любом виде искусство, вдохновение можно черпать из любых источников, и лингвистика и культурология здесь не являются исключением.

Целью данной работы является демонстрация того, как культурологической портрет может стать основным материалом для создания сюжета, концепции и архитектуры игрового приложения, а так же показать, что данная концепция применима не только к нации Испании, но и к любой другой. При дальнейшем абстрагировании, данные наработки и методы могут использоваться в создании любой творческой работы. Эта концепция актуальна в парадигме обучения и ознакомления пользователя с культурой, обычаями, бытом, национальными чертами. Данный процесс идёт через пассивное взаимодействие с миром, игроку достаточно просто играть, быть погруженным в игровой мир. Подобных проектов на рынке видеоигр нет. Поэтому, я считаю, что концепция использования культурологического портрета в качестве

базы для создания игры может стать коммерчески успешным проектом.

Безусловно, нельзя говорить о культурологическом портрете как о явлении сугубо психологическом, социальном или национальном. Стоит так же включать в это понятие исторический, временной, географический и прочие аспекты, но для понимания изложенной концепции достаточно культурологической парадигмы. Сюда войдут такие понятия как: традиции, быт, праздники, характер и, конечно же, язык. Данная информация поможет составить культурологический портрет, который мы используем как каркас для нашей игры. Для портрета имеет значение соответствие оригиналу, то есть отражение объективной реальности, что связано с не фрагментарным, а целостным рассмотрением объектов. Поэтому для того, чтобы составить правильный портрет стоит получать информацию «из первых рук», а именно из общения с носителями, не стоит так же обделять вниманием стереотипы, но работать с ними нужно осторожно, так как не все из них являются достоверным источником. В наше время есть огромное количество ресурсов, позволяющих познакомиться с культурой нации – на youtube можно посмотреть документальные фильмы, интервью и подобные видеоматериалы, на facebook можно пообщаться с носителем языка, уточнить какие-то аспекты, либо вовсе попросить рассказать о жизни нации. Собрав все части воедино, мы получаем культурологический портрет, построенный на реальных фактах и событиях.

Перейдём к практической части нашей работы. Зная о каких-то бытовых привычках, мы можем описать день главного персонажа. Например, мы знаем, что испанцы начинают свой день где-то в районе полудня, а утром они, соответственно, спят – значит, если игрок выйдет на улицу утром, он никого не увидит, а индикатор его настроения и сил будет низок, так как в данное время персонаж привык заниматься иными вещами.

Существует такое понятие, как Сиеста. Это что-то наподобие обеденного перерыва, только длиннее и более массово. В это время в игре недоступны магазины, НПС, можно пообщаться с полицией, так как они не занимаются своими обязанностями в это время.

Другим примером является лингвистическая составляющая: испанский язык довольно обширен в плане ругательств и разговорной лексики. Здесь предлагается организовать целый геймплэй: в разговорах с некоторыми персонажами возможны употребления «крепких» выражений, которые стоит предварительно выучить в книге или у бармена (существует известное мнение, что стоит заплатить бармену небольшую сумму, и он научит языку куда лучше, чем любой учитель).

Любовь к еде, а именно к закускам «тапас», легла в основу сюжета игры. Здесь используется некоторая гипербола, сравнивая «тапас» с наркотиками: готовка и распространение данной закуски карается законом, собираются подпольные группировки, которые борются за право стать единственными дилерами в регионе.

В игре отражены типичные привычки и манеры испанцев, которые легко угадываются в диалогах и поведении персонажей. Игрок изучает культуру и быт не только через погружение в атмосферу, но и через юмор, местами даже жестокий – что является ещё одной ключевой чертой испанского народа.

В нашей жизни компьютерные технологии всё чаще играют ключевую роль: в образовании, в преподавании, в обработке информации, а так же в индустрии развлечений. Культурологии и лингвистике следует искать междисциплинарное единство с различными отраслями. В таком случае, продукт совместной деятельности будет иметь значимый научный и практический следы в жизни человечества. Концепция разработки игры на базе культурологического портрета лишь один из примеров успешного взаимодействия нескольких дисциплин.

Список литературы

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Лебон Г. Психология масс. СПб.: Макет, 1995. URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lebon/index.php (дата обращения: 20.02.2018).

Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Сборник материалов конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, Институт философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. 27 июня – 1 июля 2005 г. /под ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., ИФРАН, 2006. 275 с.

**THE DESIGN
OF COMPUTER GAMES ARCHITECTURE
BASED ON THE CULTURAL PORTRAIT OF THE NATION**

Maksim A. Gorankov

Student of Translation and Translation Studies, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. maksim.gorankov@gmail.com

Anita V. Polikarpova

Senior lecturer in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. bpkl@inbox.ru

This article describes the concept of using the cultural portrait of the nation to create a computer game. The author emphasizes the importance of using Culturology and Linguistics as the main idea for the plot, as in the process of the game the user gets acquainted with the key features of the nation.

Key words: game development, programming, cultural portrait, linguistics.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале статьи Г.С.Наварро
«Los orígenes inesperados del universo»)

Елена Игоревна Дудина

студентка факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь ул. Букирева, 15. 1elenadudina@gmail.com

Людмила Анатольевна Красноборова

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь ул. Букирева, 15. lokr@yandex.ru

В статье рассматривается понятие прагматики текста, представлены особенности прагматического аспекта научно-популярного текста. Рассматриваются языковые средства передачи прагматического потенциала научно-популярной статьи об открытиях в области космологии, опубликованной в современном испаноязычном журнале.

Ключевые слова: прагматика текста, научно-популярный под-
стиль, прагматический потенциал текста.

На сегодняшний день важной проблемой остается качество чтения и понимания текста. Тексты, имеющие большой прагматический потенциал, способствуют более качественному усвоению реципиентом информации, что позволяет ему успешно оперировать ею в дальнейшем.

Прагматика (от греч. *πρᾶξις* – дело, действие) – область исследований в языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Она рассматривает аспекты, связанные с восприятием участниками коммуникативного процесса речевых произведений, с их трактовкой и пониманием. Взаимодействие речевого акта и контекста составляет основной стержень прагматических исследований, а формулирование правил этого взаимодействия – ее главную задачу. В случае изучения научно-популярных текстов вопросы прагматики и язы-

кового воздействия звучат особенно ярко, ведь именно этот аспект играет решающую роль в успешном усвоении информации и восприятии текстов.

Считаем целесообразным вслед за М.Н. Кожиной, И.И. Барановым, А.И. Горшковым, М.П. Сенкевичем относить научно-популярные произведения к научно-популярному подстилю научного функционального стиля. В рамках данного подхода научно-популярный подстиль определяется как гибридное образование, которое принадлежит к пограничной области научного регистра и сочетает в себе черты таких функциональных стилей, как публицистический, художественный и разговорный [Сухая 2011: 3].

Главной задачей научно-популярного текста является передача научных знаний широкой аудитории неспециалистов, в рамках которой специфический научный язык «переводится» на общедоступный, понятный каждому читателю. В отличие от научной картины мира, научно-популярная картина мира представляет науку не как логически стройную и полную систему знаний, а как сведения лишь о некоторых объектах окружающей действительности или как общие положения, взятые из этой системы и приспособленные непосредственно к житейскому опыту человека [Муранова 2009: 9].

Прагматика научно-популярного текста настолько же важна, как и его информативность. В научно-популярных текстах функция сообщения и функция воздействия переплетаются и постоянно взаимодействуют, позволяя тексту доносить до читателя содержащуюся в нем информацию оптимальным образом [Крижановская 2000].

На лексическом уровне прагматическое воздействие создается за счет разнообразных компонентов, среди которых встречаются языковые средства образности (метафора, олицетворение, сравнение, эпитет, метонимия и т.д.), эмоционально-оценочная лексика, фразеологизмы, модальные слова, императивные конструкции, авторские неологизмы и так далее.

На синтаксическом уровне прагматическая функция находит свое воплощение в вопросительных предложениях, вопросно-ответных комплексах, восклицательных предложениях, инверсии, повторах, парцелляции.

Стилистическая вариативность языка – сочетание черт публицистического, художественного, разговорного стилей – создает определенное прагматическое воздействие на читателя [Ужахова 2003: 65].

Приведенные выше средства формирования прагматического аспекта реализуются в современных научно-популярных текстах на испанском языке, примером чего является статья «Los orígenes

inesperados del universo» из журнала «Fronteras de la ciencia» (№1, июль 2017 г.). Автор материала – Гектор Сокас Наварро, ученый, исследователь Канарского института астрофизики, занимающийся вопросами космологии.

На синтаксическом уровне прагматика реализуется разнообразными способами, например, в использовании вопросительных предложений, в частности риторических вопросов, например: «¿Cómo empecé? ¿Cómo acabará? ¿Qué había antes? ¿Qué habrá después? ¿Existen otros?» или «¿Por qué el universo es como es y no de otra forma?» Такие риторические вопросы способны подтолкнуть читателя к размышлению, вызвать любопытство. Использование такого приема помогает поддерживать активный интерес реципиента к тексту на протяжении всего повествования.

Автор статьи использует вопросно-ответные комплексы: «¿Cómo empecé todo? Una pregunta sencilla y muchas posibles respuestas. Cuánto más y mejor conocemos el universo, más teorías y modelos son propuestos para explicar sus orígenes». В данном случае в тексте проявляется принцип диалогизации, который позволяет автору наладить связь с читателем, выступить в роли его партнера по взаимодействию. Функциональная направленность приема заключается в попытке установить с реципиентом контакт, вывести его на воображаемый диалог, беседу, активизировать его внимание.

Для эмоционального воздействия на адресата на синтаксическом уровне текста активно используются восклицательные предложения: «Paradójicamente, los cálculos <...> arrojan una cifra que es superior en ¡120 órdenes de magnitud!» Такое восклицательное предложение усиливает эмоциональную вовлеченность читателя в проблему.

Известно, что построение повествовательного предложения в испанском языке подчинено установленному правилу, согласно которому порядок слов характеризуется как прямой. В предложении «Unos años más tarde quedó demostrada observacionalmente la expansión del universo, acabando con el prejuicio dominante del cosmos estático» порядок слов нарушен: мы видим инверсию подлежащего «la expansión» и сказуемого «quedó demostrada». Это, безусловно, оказывает воздействие на восприятие предложения носителем языка, читающего статью. Инверсия, являясь одним из средств выражения актуального членения предложения, способствует выделению ремы. В предшествующем контексте речь ведется об упорном нежелании физиков отказываться от концепции статической Вселенной, в этой же фразе за счет порядка слов подчеркивается факт долгожданного опровержения этой идеи.

Особенно ярко и разнообразно прагматический аспект текста «Los orígenes inesperados del Universo» проявляется на лексическом уровне.

В статье активно используются эпитеты, например: «*descubrimientos sorprendentes*», «*misteriosa inflación*», «*número gigantesco*», «*pensamiento escalofiante*».

Представленный научно-популярный текст содержит фразеологизмы, например, «*estar al filo de la navaja*» – ходить по лезвию ножа в следующем предложении: «*...estamos al filo de la navaja de la existencia, si la energía oscura fuera mucho mayor no estaríamos aquí*». Автор использует фразеологизм «*devanarse los sesos*», что дословно переводится с испанского языка как «наматывать, накручивать мозги», соответствующий фразеологизму в русской культуре – ломать голову над чем-либо: «*Los físicos teóricos se devanan los sesos intentando encontrar la ansiada teoría del todo*».

Интерес представляет использование метафор в тексте, например: «*De una sopa casi completamente homogénea, la gravedad fue amplificando las minúsculas variaciones de densidad*», где первоначальная структура Вселенной сравнивается с супом, похлебкой с почти однородной структурой – «*sopa casi completamente homogénea*». Приведем ещё один пример употребления метафоры в рассматриваемом научно-популярном тексте: «*Las pequeñísimas irregularidades que vemos en el fondo cósmico son las semillas de todo lo que se formó después*». Слово «*las semillas*» ‘семена, зерно’ употреблено в переносном значении для указания на то, из чего зарождались космические объекты. Указанные метафоры образованы путем переноса по сходству: в первом случае по сходству в структуре – консистенция супа и Вселенной, во втором – по сходству в функциях: семена ассоциируются с зарождением жизни. Метафоры позволяют более экономно и в то же время ярко формулировать мысль, способствуя распространению научного знания в среде неспециалистов.

Текст содержит примеры олицетворения, например: «*planetas que pueblan el cosmos*». В следующем предложении «*La física actual vive en un estado de esquizofrenia científica entre dos teorías tremendamente sólidas*» автор использует обозначение тяжелого психического заболевания человека – шизофрении (*esquizofrenia*) – для описания сложной двойственной ситуации в современной физике: наличия взаимоисключающих положений в общей теории относительности и квантовой физике.

Сравнения выступают как описательно-выразительное средство, способствующее созданию яркой, запоминающейся картины: «*una forma plegada como el asa de una taza de té*». Использование ассоциаций

с предметами, которые окружают человека в быту, активно используется в тексте. Например: «*el universo observable pasó de ser más pequeño que un átomo a tener el tamaño de un melon*», где размеры Вселенной на самых первых ее порах объясняются через наглядный пример – обыкновенную дыню.

В представленном научно-популярном тексте присутствует эмоционально-оценочная лексика, например: «...*nuestras teorías <...> se resquebrajan hasta desmoronarse cuando intentamos aproximarnos al origen del cosmos*». Глагол «*resquebrajarse*» означает «раскалываться», а «*desmoronarse*» – «рассыпаться», оба глагола применены к слову «теории» и передают чувство глубокого отчаяния. Таким образом, предложение может быть переведено как «...наши теории разбиваются в пух и прах, когда мы пытаемся приблизиться к разгадке проблемы происхождения космоса».

Наличие метафор, сравнений, фразеологизмов, эпитетов, олицетворения оживляет текст, рождает в сознании читателя новые яркие и неожиданные образы, тем самым еще больше увлекая его научными идеями, преподнесенными в захватывающей форме.

Активное использование автором научно-популярной статьи указанных выше языковых средств является ярким средством выражения ее прагматической составляющей и объясняется тем, что познавательная деятельность, изначально основанная на рациональной, понятийно-логической основе, получает свое оформление в виде знания, которое возможно транслировать широкой аудитории. Такая передача научного знания осуществляется в совокупности с эмоционально-волевой активностью исследователя, с подключением его образного мышления.

Список литературы

Крижановская Е.М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: дисс...к.филол.н. 10.02.01. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2000. 260 с.

Муранова О.С. Языковая картина мира в тексте научно-популярной статьи: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 Санкт-Петербург, 2009. 24 с.

Сухая Е.В. Жанровые аспекты популярных произведений о науке // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. -Вып. 9 / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел: ФГБОУ ВПО "ОГИ-ИК", ООО "Горизонт", 2011. С. 189–197.

Ужахова Т.О. Коммуникативно-прагматические особенности построения текстов в научно-популярных журналах. оммуникативно-

прагматические особенности построения текстов статей в научно-популярных журналах: дис. ... канд. филол. ... М., 2003. 170с.

Источник материала

Наварро Г.С. «Los orígenes inesperados del universo» // *Fronteras de la ciencia*. №1. Барселона, 2017. С. 14–25.

PRAGMATIC ASPECT OF POPULAR SCIENCE TEXT IN MODERN SPANISH LANGUAGE

(based on «Los orígenes inesperados del universo» by H.S. Navarro)

Elena I. Dudina

Student of Linguistics, Faculty of Foreign Languages and Literatures,
Perm State University
614990, Russia, Perm Bukirev str., 15. 1elenadudina@gmail.com

Ludmila A. Krasnoborova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. lokr@yandex.ru

The article deals with the concept of pragmatics of the text, presents the features of the pragmatic aspect of the popular science text. The language means of transferring the pragmatic potential of the popular science article about discoveries in the field of cosmology, published in the modern Spanish-language journal, are considered.

Key words: text pragmatics, style of popular scientific prose, pragmatic potential of the text.

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТРАЖЕНИЯ
КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ
В ПРЕССЕ ПЕТРОГРАДА 1917–1918 гг.**

Анастасия Станиславовна Словикова

бакалавр исторического факультета, «История» («Отечественная история»)
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская линия 5. sas2303@mail.ru

Екатерина Леонидовна Словикова

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода, доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул.Букирева, 15. slowikowa@mail.ru

Статья посвящена вопросу изучения освещения криминогенной ситуации в прессе Петрограда 1917–1918 гг. В ходе исследования выявлены тематические закономерности трансляции конкретных криминальных событий этого времени, отражающие виды совершаемых преступлений в данный период времени.

Ключевые слова: газетный стиль, криминогенная ситуация, криминальная заметка, тема, хроника.

Современный этап развития науки характеризуется системными исследованиями, получившими всеобщее признание в силу их зачастую междисциплинарного характера. Данный подход используется в предлагаемой работе для изучения исторических особенностей криминогенной ситуации в Петрограде 1917–1918 гг. и их трансляции в прессе.

Газетный стиль, общеизвестно, имеет своей целью освещения разного рода событий, происходящих в мире и стране, для широкого круга читателей [Давыдова 2013: 30] и отражает изменения в обществе и читательской аудитории. Первая мировая война сильно повлияла на структуру российского общества. Много людей становились преступниками, при этом криминализировались абсолютно разные слои населения. В первую очередь криминализация задела дезертирующих с фронтов, не достигших совершеннолетия и беженцев вследствие воен-

ных действий. Именно эти слои населения из-за экономических и психологических причин легче нарушали общественный порядок.

В конце 1917 года было отчетливо видно, что кризис внутренней политики Временного правительства достиг апогея. Временное правительство было не способно остановить преступное движение, охватывающее всю страну. Географические границы работы охватывают Петроград, так как в то время он являлся столицей российской империи, и из-за сосредоточения в городе большого количества преступников, именно там отчетливо выражены последствия внешних и внутренних потрясений того времени¹. Целью работы было изучить криминальную обстановку, виды совершаемых преступлений в Петрограде за период 1917–1918 годов, рассмотреть социальный состав уголовного мира города исходя из тематической составляющей криминальных сообщений.

Анализ отражаемых в статьях видов преступлений в рубрике «Хроника» периодических изданий «Петроградский листок», «Петроградская правда» 1917–1918 гг. позволил выделить следующие особенности.

Во-первых, данные сообщения о преступлениях были не чем-то особенным, а повседневным явлением, что можно заключить из того, что размещались они зачастую в рубрике «Хроника» и носили описательный характер.

Во-вторых, вся тематика статей делится на два направления: преступления, совершаемые по идеологическим соображениям и преступления, совершенные по другим причинам.

В-третьих, на чем мы остановимся подробнее в этой статье, все криминальные заметки можно развести по следующим темам.

Захват жилых объектов с ограблением, в том числе профессиональные налеты и захваты, с целью похищения особо ценных вещей.

Например: «Н. Шебуев в дневнике писал, что все захваты частных квартир сперва балерины Кшесинской, затем дома Дурново, затем дворца Лейхтенбергского и дома страхового общества «Россия», (последний еще не был захвачен, но план его найден в руках анархистов), – все это, с его точки зрения анархиста, казалось ему крупнейшими тактическими ошибками. Он также упоминает, что почти одновременно узнал по телефону о разгроме антикварного магазина на Караванной и о занятии дворца герцога Лейхтенбергского. У антиквара унесли самые ценные вещи. Миниатюры. Китайских божков, купленных им у адмирала Нилова. Отмечается тот факт, что хозяйничал специалист. Выбраны действительно драгоценные вещи. Среди китайских божков

были золотые и бронзовые. Не специалисту трудно отличить золотого божка от бронзового, однако громители, грабители отличили. Во дворце герцога Лейхтенбергского говорят, что анархисты выбрали самые ценные вещи из гардероба и надели на себя, из картин тоже исчезли лучшие, в особенности миниатюры, которые наиболее портативны» [Петроградский листок. 1917. 2 мая.].

Фальшивомонетничество.

Например: «Следственной Комиссией при Петроградской Совете по борьбе с пьянством и погромами 2 января была раскрыта обширная шайка фальшивомонетчиков. Найдена хорошо оборудованная типография для печатания фальшивых денежных знаков. Было арестовано около 10 человек. Фальшивомонетчиками выпущено на сумму около 20.000 рублей денежных знаков двадцати копеечного достоинства» [Петроградская правда. 1918. 2 января.].

Антиправительственные действия.

В сведениях о происшествиях за 7 июля описывается наблюдение следующих случаев: Комиссариат третий Рождественский получил сведения, что в казармах четвертого Кавалерийского полка содержатся под арестом С.Н. Зикс и А.И. Гертик в связи с уничтожением толпой экземпляров газеты «Правда». Дежурный офицер полка объяснил, что арест произведен по требованию бюро контрразведки. Наблюдался случай стрельбы в окна, и в 12 часов ночи в разных местах происходила стрельба. В разных районах за стрельбу и за очное оскорбление военного министра было задержано несколько лиц [РГИА Ф. 1284 Оп. 185 Д. 63а Л. 86].

Организация подпольных предприятий, притонов.

Оригинальное «учреждение» под вывеской «Института красоты» обосновалось в квартире, снятой госпожой Волковой. В ночь на воскресенье в управление милиции было срочно сообщено, что в «институте» происходит дебош, что посетители-офицеры бьют и рубят мебель и угрожают жизни других обывателей. Ввиду этого, на место происшествия немедленно же прибыли представители милиции. В квартире в этот момент оказался племянник министра юстиций и представителя Государственного Совета, поручик Щегловитов, прапорщик Дел, одна артистка, жена «врача», а также несколько других дам и кавалеров [Петроградский листок. 1917. 2 мая.].

Незаконная торговля оружием.

Например, «В доме № 15, по средней Подъяческой при обыске у портного Измайлова, обнаружено много оружия, винтовки, револьверы, пулемет с лентой и 250 патронов. Измайлов был арестован» [Петроградская правда. 1918. 18 июня.].

Среди наиболее частотных тем нами отмечены наряду с выше приведенными:

1. розыск людей;
2. опознание тел;
3. постановочное нападение;
4. грабежи, совершаемые группой лиц (крестьянами, солдатами, уголовниками и т.д.).

Резюмируя вышесказанное, отметим, что отражение криминальной ситуации в Питере 1917–1918 гг. в прессе того времени имеет свои тематические особенности, важные для понимания данного исторического периода. В качестве перспективы исследования можно отметить возможность изучения стилистических, синтаксических и семантических особенностей криминальных заметок Петрограда 1917–1918 гг.

Примечания

¹Научным консультантом по вопросам истории выступал Ратьковский И. С., к. ист. н., доцент кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет

Список литературы

Давыдова И. В. Языковые выразительные средства передачи сообщений криминальной хроники (на материале английской газеты The Daily Mail)// Вестник ЧелГУ. № 10 (301). Филология. Искусствоведение. Вып. 76. Челябинск: из-во ЧелГ, 2013. С.30-33

Использованные архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1284 – Департамент общих дел МВД.

Периодические издания:

Петроградская правда. 1918.

Петроградский листок.1917.

**ON THE ISSUE OF THE PECULIARITIES
OF THE REFLECTION THE CRIME SITUATION IN PETROGRAD
IN NEWSPAPER 1917–1918**

Anastasia S. Slovikova

Student of Faculty of History, Department of Modern and Contemporary History of Russia

Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint-Petersburg, Mendeleevskaya line str., 5. sas2303@mail.ru

Ekaterina L. Slovikova

Candidate of Philology. PhD, Assistant Professor in the Department of Linguistics and Translation, Department of Linguodidactics

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukireva str., 15. slowikowa@mail.ru

The article is devoted to the study of the coverage of the crime situation in the press of Petrograd 1917-1918. During the study .the identified thematic patterns of translation of certain criminal events that time, reflecting the types of crimes committed in a given period of time.

Keywords: newspaper style, criminal situation, criminal note, topic, chronicle.

**АРГОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ)**

Анжедика Дмитриевна Умрилова

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур («Филология и коомуникация»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь ул. Букирева, 15. anzhelika_umrilova@mail.ru

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

Целью данной статьи является выявление некоторых лексических особенностей молодежного языка на примере современных художественных фильмов на французском языке. В статье рассматриваются арготические лексические единицы в речи персонажей фильмов о молодежи.

Ключевые слова: язык молодежи; аргю; верлан.

Предметом данной статьи являются лексические единицы, принадлежащие французскому аргю, отобранные методом сплошной выборки в диалогах двух современных французских художественных фильмов о молодежи «Новичок» («Le Nouveau») и «Последний француз». Первый фильм вышел в 2015 г., это драматическая комедия, повествующая о трудностях интеграции двенадцатилетнего подростка Бенуа в новом классе. Главными героями фильма являются одноклассники (Джошуа, Константин, Аглаэ, Шарль и др.), происходящие из семей среднего класса. Второй фильм, короткометражная комедия «Последний француз» («Le dernier des céfrans»), вышел на экраны в 2015 г. и получил премию «Сезар». Его герои живут в пригороде, кроме главного героя Реми, остальные персонажи (Бум, Нассэ, Редуан и Мусса) – выходцы из иммигрантов.

Проанализируем особенности употребления выделенных специфических единиц молодежного языка, к которым мы относим арготизмы и их разновидность – верлан.

В диалогах фильмов были обнаружены следующие единицы.

Нассэ: Le 9, c'est une pompe de **crevard**?

Бум: Même **charclo** les mettrait pas.

В диалоге друзья обсуждают кроссовки, одну модель Нассэ характеризует как кроссовки, которые купил бы только скряга, не готовый раскошелиться на хорошую обувь. Согласно нескольким словарям, рассматриваемое слово **crevard** (m) принадлежит к арготическому пласту лексики.

Crevard (m)			
Larousse	Французско-русский словарь арг, просторечия и фамильяризов 2012	Multitran	Abby Lingvo
Veau abattu pour la boucherie à l'âge de quelques jours.	1) fam. Разг. Обжора, 2) заморыш, доходяга 3) fam. умирающий 4) arg Ничтожество; разг. Подонок, жлоб. 5) arg разг. Голодран ец, - ка; нищий 6) arg разг. Жадина, жмот 7) arg (petit crevard) попрошайка 8) arg человек, подрабатывающий извозом 9) arg milit пилот, набирающий лётные часы.	арго. 1. скряга (часто употребляется молодежью в качестве ругательства, неодобрения чьего-л. поведения или действия; прост. жмот; скупердяй; 2. подлец; мразь 3. сукин сын прост. старуха с косой	1) хиллак m дохла-тина m, f 2) нена-сытная утроба, прорва

В этом же диалоге Бум прибегает к использованию верланизированного существительного **clochard**, m (бродяга), принадлежащего разговорному регистру. Таким образом еще больше усиливается пренебрежение к человеку, который предпочтёт выбрать немодную обувь.

Заслуживает особого внимания лексическая единица **meuf** (f), верланизированное существительное от **femme**, f (женщина), которое было зафиксировано в различных коммуникативных ситуациях в анализируемых фильмах. Словари [10, 2, 4, 13, 15] относят представленную единицу к арготическому пласту лексики.

Meuf (f)				
Larousse	Французско-русский словарь арг, просторечия и фамильяризов 2012	Multitran	Abby Lingvo	Le Grand Robert (2016)
Argot. Femme, fille.	(от femme) arg 1) женщина; девушка; разг. баба, груб. тёлка 2) любовница	арго. чикса, тёлка, деваха, кобыла, краля верл. тёлка; тётка ; баба; гёрла ; чувиха	f арго жен- щина	ÉTYM. 1981; verlan de femme. Argot familier. meuf [mœf] n. f. 1 Femme, jeune fille. → Nana. 2 Épouse, compagne.

Лексическая единица **meuf (f)** употребляется в речи героев обоих фильмов, несмотря на разницу в возрасте и социальном положении героев. В фильме «Новичок» оно произносится лишь героями, которые не отличаются хорошей культурой поведения, например, Шарлем, формальным лидером группы, пользующимся популярностью благодаря своей развязности, и сестра Джошуа, которая готова избить кого-либо, если это нужно для дела.

Процитируем несколько примеров из фильма «Новичок»:

Шарль: Ça manque de **meufs** dans cette élection. Le nouveau, il devrait se présenter.

(на собрании класса по поводу избрания членов совета класса).

Сестра Джошуа: Elle est où, **la meuf**?

Джошуа: Quelle meuf?

Сестра Джошуа: **La meuf** que je dois taper.

Бенуа: Tu dois pas la taper.

(диалог при обсуждении плана действий, где сестра Джошуа должна была сыграть свою роль по просьбе брата).

Данная лексическая единица также входит в устойчивое сочетание «faire sa meuf», которое не отражено ни в одном академическом словаре. Его значение удалось обнаружить только в электронном неакадемическом словаре [7], который определяет его как синоним арготического глагола frimer, то есть «пускать пыль в глаза, строить из себя бог весть что».

В диалоге ниже, состоявшимся во дворе коллежа, представлено функционирование данного выражения. Популярная девочка Астрид, на вопрос о дате ее вечеринки, сохраняет интригу. Шарль, обращаясь уже к своей компании, говорит, что Астрид «выпендривается». Друг Шарля при этом поддерживает его.

Шарль: Astride! Astride! C'est quand ta soirée?

Астрид: Mystère!

Шарль: Elle **fait sa meuf**.

Друг Шарля: Arrête de **faire ta meuf**!

Не получив приглашения, Шарль и его друг достаточно остро реагируют, и прибегают к употреблению исходного выражения в императиве:

Астрид: Arrêtez de faire mecs étonnés.

Подруга Астрид: Je veux pas dire, mais quand c'est vous, c'est le bordel.

Шарль: Si tu veux pas dire, ferme ta gueule.

Друг Шарля : **Faites vos meufs**, on vient pas. Vous allez kiffer.

Важно отметить, что в диалоге фильма «Новичок» такие нейтральные синонимы слова *meuf* (f), как *femme* (f), *fille* (f) в молодежной речи зафиксированы не были.

В фильме «Последний француз» рассматриваемая лексическая единица *meuf* (f) встречается часто. Например, Мусса, оправдывая свою частую смену подруг, рассуждает об отношениях с женщинами в разговоре с друзьями. С целью избежать тавтологии в одном высказывании, наряду с существительным *meuf* (f) он использует общеупотребительное слово *femme* (f) «женщина», которое в данном контексте звучит возвышенно.

Мусса: Chaque **meuf** que tu rencontres pourrait être la femme de ta vie.

Рассмотрим контексты употребления следующей ЛЕ: *bâtard* (m).

В фильме «Новичок» на вечеринке у Бенуа, после того, как Грег предупредил, что ему нужно встать на следующий день пораньше, и пошёл спать, Бенуа и Джошуа прокрались к нему в комнату и стали подшучивать над ним. Во время этого веселья Бенуа выкрикивает: «Oh, les bâtards!»

В своей первичной номинации *bâtard* (m) означает «внебрачный ребёнок». Также это слово имеет пейоративное значение, относящееся к арготическому регистру, «подонки, придурки». Однако в данном контексте Бенуа не стремится оскорбить своих друзей, то есть арготизм выполняет людическую функцию.

В фильме «Последний француз» *bâtard* (m) используется с той же целью. В диалоге ниже Нассэ подшучивает над немного устаревшим спортивным костюмом Бума. Мусса и Редуан поддерживают Нассэ, смеясь. Бум отвечает довольно спокойно, улыбаясь.

Нассэ: T'es resté québlo en 92? Jogging vintage, 501 brut, runnings à l'ancienne. Sors de là, Marty McFly! C'est Retour vers le futur?

Бум: Bande de bâtards.

Среди арготизмов встречается немало слов, заимствованных из других языков.

Обратимся к следующим случаям. Глагол «*bader*», производный от английского прилагательного «*bad*», ассимилирован во французском молодежном языке, принадлежа к пласту арготической лексики [13]. Данный глагол зафиксирован французскими академическими словарями как регионализм: употребляется на юге Франции в значениях «прогуливаться», «остановиться, разинув рот». Однако, в последние годы у него появился омоним, функционирующий в речи молодежи. Таким образом, в следующем высказывании он выступает в значении «беспокоиться, переживать».

Нассэ: Non, quand tu dis aux gens que t'as un cancer, ils **badent**.

Следующее существительное, *seum* (m), заимствовано из арабского языка «*sèmm*» (яд, злоба, желочь). В диалоге между Нассэ и Бумом слово *seum* (m) (1) гнев, злость, 2) разочарование, 3) высококачественный гашиш) встречается дважды. Электронный ресурс L'internaute предлагает только устойчивое выражение *avoir le seum*, определяя его как «быть в состоянии разочарования, гнева, отвращения». Авторы данного электронного ресурса указывают, что это выражение недавно появилось в речи молодого поколения. Однако, в приведенном диалоге данный арготизм функционирует как самостоятельное существительное:

Нассэ: Des nouvelles de Pêche?

Бум: Non.

Нассэ: Toujours vénère?

Бум: Il faut. Toi aussi?

Нассэ: Ouais, toujours. **Le seum**, tu l'as ou tu le quittes.

Бум: Et ta saloperie ?

Нассэ: Stabilisé. Opération dans quelques jours et c'est réglé.

Бум: Je sais pas comment tu fais. Ça me mettrait grave **le seum**.

Приведённый далее диалог происходит в неформальной обстановке на улице между друзьями компании Реми.

Нассэ: Rémy, ça te fait quoi?

Реми: Ça me fait quoi?
 Нассэ: D'être le dernier.
 Реми: Le dernier quoi? Vous avez quoi, vous pétez les
 plombes? Le dernier?
 Мусса: Cela affiche.
 Редуан: Le dernier **céfran** de la cité.
 Нассэ: Aië, **psartek**, mon pote.

Обратим внимание на следующие лексические единицы: psartek, céfran (m).

Существительное céfran (m) присутствует в названии фильма, это верланизированное Français → céfran. Данная ЛЕ принадлежит арготическому пласту лексики, однако его значение не содержит дополнительной стилистической окраски, имея значения: 1) n француз, французенка; 2) adj французский; 3) (m) французский язык; 4) (f) Франция. Что касается слова «psartek», оно выступает эмоционально-экспрессивным синонимом слова «bravo», широко употребляется в речи молодежи. Оно произошло от арабского слова «bsahtek», означающее «за твоё здоровье» [5], молодые люди забыли его смысл и используют «psartek», не соотнося его с первоначальным значением. Чаще представленное междометие употребляется при ситуациях поздравления, одобрения, похвалы («молодец», «респект»)[8].

Psarhtek (Psartek, bsartek)			
Blazz.fr	Французско-русский словарь арготического и фамильяризма 2012	Wiktionnaire	Keskiladi
Bsahtek en arabe. Un mot que les anciens utilisent pour te dire «à ta santé» et que les jeunes prononcent sans en connaître le sens. Parce que ça sonne mieux que «félicitations» sans doute. «Psartek les chaussures. Franchement elles taquinent»	Arg, intrj, разг. класе!	(Argot) Bravo.	"C'est bien / respect " en langue arabe. Beaucoup employé par les jeunes.

Указанная выше черта французского молодежного арготического, а именно заимствование из других языков, в частности, арабского, обсуждается даже персонажами фильма «Последний француз». Во время пикника

молодые люди рассуждают о языке, на котором они общаются. Нассэ объясняет, на каком этапе жизни происходит смешение языков: арабского и французского:

Нассэ: Il a raison, pour que ça accroche dans les cours d'école, faut que la mayonnaise prenne. Par exemple : wesh-wesh. C'est le mélange du discours. Français mélangé à l'arabe. Tu vois?

Бум: Asmeuk, sheitan, baltringue...

Представленный выше диалог иллюстрирует, что язык молодых людей городских окраин является результатом смешения арабского и французского языков, пополняя арго и его вариант верлан. Так, asmeuk – это верланизированное слово от comme ça [11]. Sheitan – это ругательство, арабского происхождения «дьявол» [7]. Значение baltringue содержит в себе пейоративную оценку и используется для оскорбления. Некоторые словари относят это слово к арго, а также, например, толковый словарь французского языка Le Grand Robert, к разговорной лексике.

Baltringue			
Larousse	Французско-русский словарь арго, просторечия и фамильяризов 2012	Internaute	Le Grand Robert (2016)
-	Arg 1. (m) ou (f) 1) безотцовщина, 2) разг. ничтожество, придурак, 3) трус, разг. слабак, 4) жарг. фраер, лох, 5) человек, который строит из себя матёрого бандита, 6) притворщик, 7) осведомитель, разг. стукач, дятел, 8) гомосексуалист, 9) рабочий, ставящий шапито (в цирке), 10) беспородная собака, разг. дворник; 2. Adj неудачный, незавершённый.	Sens 1 Argot Incapable, nul. Sens 2 Péjoratif Personne qui monte et démonte le chapiteau (au cirque).	- Fam. et péj. Individu subalterne. — Personne incompétente, inutile. → Blaireau, boloss, bouffon, tocарd. Par ext. Personne peureuse; lâche.

Что касается wesh (или wech), упомянутого в диалоге Нассэ, данная ЛЕ полисемантична и является арготизмом по признанию большинства словарей. Wesh происходит из алжирского варианта арабского язы-

ка, вопросительного наречия «как» (wesh rak? – как дела?), где появилось примерно в 1983 г. в речи, главным образом, молодежи. Во Францию слово проникло через хип-хоп культуру в 90-е годы и обозначает сегодня как молодежный сленг французских пригородов, так и тех, кто на нем говорит. В 2009 г. слово вошло в словарь Le Petit Robert в значении вопросительных наречий «как», «что», а также обозначения молодежного сленга.

Wesh			
Larousse	Французско-русский словарь арг, просторечия и фамильяризов (2012)	Le Grand Robert (2016)	Internaute
-	arg 1. interj 1) привет!; 2) эй; 3) вот это да!, супер! 4) что? как? 5) чёрт. 2. adv да; конечно. 3. adj классный, 4. n парень, девушка. разг. шпана.	Langage des jeunes. Comment? Quoi? Wech wech? que se passe-t-il? — Parler wech wech, comme les jeunes des banlieues. REM. On trouve aussi les graphies wesh, ouech.	Argot Salut ou provocation appartenant au vocabulaire des jeunes. "Wesh" est dérivé de l'arabe "wesh rak" (comment vas-tu ?).

Его функционирование в речи мы наблюдали в фильме «Новичок». Решив отомстить Шарлю за издевательства, Джошуа в кругу друзей, звонит папе Шарля, чтобы подставить его, будто бы он хотел купить наркотики. Для создания образа наркодилера, Джошуа постоянно произносит wesh, выступающие здесь как междометие «чёрт!»:

Джошуа: **Wesh.** Pour la livraison de 40 grammes, **wesh.**

Данный фрагмент свидетельствует о том, что арготизм wesh принадлежит речи молодежи, близких, в том числе, к криминальным кругам.

Однако другой персонаж этого фильма сестра Джошуа, впервые, встретившись с Джоанной и не поняв ее реплику «как дела?», произнесенную по-шведски, отвечает, так же употребляя данное арготическое междометие:

Сестра Джошуа: On est en France, **wesh. Wesh.**

Её жесты и мимика, присутствие арготизмов в её речи свидетельствуют о том, она хочет продемонстрировать своё лидерство в своей компании подростков.

В итоге можно констатировать, что в речи молодежи используется большое количество арготизмов, в том числе верлан, выполняющие экспрессивную, людическую функции, а также социальную, теряя в некоторой степени конспиративную, или криптологическую, функцию. Однако, сравнение употребления арготизмов в двух фильмах, где герои относятся к различным возрастным и социальным категориям, показало, что данные пласты лексики используются представителями, как правило, низкого социального статуса или/ и проживающими во французских пригородах, так как в диалогах подростков из благополучных семей их употребление зафиксировано в меньшей степени (верланизированные *récho* ← *choper*, *meuf*, *f* ← *femme*, *f*). Присутствие верлана в речи подростков объясняется, в том числе, и тем, что некоторые слова, благодаря их распространению средствами массовой информации, массой культурой, потеряв свою кодирующую функцию, став известными широким кругам, перешли в статус разговорной лексики (например, такие, как *meuf*, *keum*, *keuf*).

Употребление лексики сниженного регистра с уничижительным оттенком, используемой в речи представителей молодёжи низкого социального статуса, также неформальными лидерами, которые, как правило, не отличаются высокой культуры поведения и воспитанностью, является нормой общения, не воспринимается как оскорбление в ситуации общения на равных, не вызывая негативной реакции собеседников (*bâtard*, *m*, *enfoiré*, *m*).

Список литературы

Merle P. Le Français qui se cause // Хорошева Н.В. Artologie française. Хрестоматия по спецкурсу французской социальной диалектологии / Сост. Хорошева Н.В.; Пермь. ун-т. Пермь, 2006. 259 с.

Гринёва Е.Ф. Словарь разговорной лексики французского языка. Ростов-на-Дону: Феникс; Москва: Цитадель-трейд, 2006. 637 с.

Гринёва Е.Ф. Французско-русский словарь аргю, просторечия и фамильяризов. М.: Издательство Нестор Академик, 2012. 1168 с.

Abby Lingvo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lingvolive.com> (дата обращения: 30.05.2017).

Blazz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blazz.fr/> (дата обращения: 30.05.2017).

Centre national de ressources textuelles et lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr> (дата обращения: 15.05.2017).

Dico des mots [Электронный ресурс]. URL: <http://dico-des-mots.com/> (дата обращения: 30.05.2017).

Keskiladi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.keskiladi.com> (дата обращения: 30.05.2017).

L'internaute [Электронный ресурс]. URL: [http://www.linternaute.com / dictionnaire/fr/](http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/) (дата обращения: 30.05.2017).

Larousse [Электронный ресурс]. URL: <http://larousse.fr/> (дата обращения: 30.05.2017).

Le dernier des céfrans [Электронный ресурс]. URL: <http://www.allocine.fr/film/fichefilm-238032/palmares/> (дата обращения: 02.03.2017).

Le Dictionnaire de la Zone [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionnairedelazone.fr> (дата обращения: 15.05.2017).

Le Grand Robert [Электронный ресурс]. URL: <http://gr.bvdep.com/robert.asp> (дата обращения: 30.05.2017).

Le Nouveau [Электронный ресурс]. URL: http://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=229881.html (дата обращения: 22.02.2017).

Multitran [Электронный ресурс]. URL: <http://www.multitran.ru/> (дата обращения: 15.05.2017).

Pourquoi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pourquoi.com/> (дата обращения: 30.05.2017).

Wikitionnaire [Электронный ресурс]. URL: <https://fr.wiktionary.org> (дата обращения: 30.05.2017).

ARGOTIC LEXEMES OF THE YOUTH LANGUAGE (THE CASE OF THE FRENCH FEATURE FILMS)

Anzhelika D. Umrilova

Student of Philology and Communication, Master's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. anzhelika_umrilova@mail.ru

Svetlana L. Mishlanova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguodidactics

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. mishlanovas@mail.ru

This paper aims to reveal the certain lexical peculiarities of the youth language illustrated by the scenes of the French feature films about the youth. The argotic lexemes are examined in the young people speech.

Key words: the youth language, argot, verlan.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Мария Евгеньевна Чуркина

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. m_churkina290@mail.ru

Дарья Владимировна Пересторонина

доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. daria-perestoronina@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу особенностей перевода молодежного сленга на русский язык. На материале перевода разными киностудиями американского сериала проанализированы особенности перевода сленговых единиц.

Ключевые слова: сленг, молодежный сленг, киноиндустрия, перевод.

В современном мире сленг активно проникает во все слои общества и является неотъемлемой частью любого языка и культуры. В связи с тем, что сленг отображает специфику уникальной современной жизни каждой культуры, современные лингвисты вынуждены обращаться к изучению сленговых лексических единиц. Перевод, как языковое явление, является достаточно сложным процессом, а при переводе нестандартных единиц, в частности сленговых, процесс становится еще более сложным, поскольку сленг динамичен и находится в стадии постоянного развития.

Объектом исследования статьи является молодежный сленг.

Предметом исследования выступает перевод молодежных сленговых единиц американского сериала.

Материалом для написания статьи послужили сленговые единицы из молодёжного американского сериала «Life in pieces» («Жизнь в деталях»).

Сленг – это одно из самых любопытных явлений, изучаемых современной лингвистикой. «С одной стороны, данный феномен воспри-

нимается как нечто “иностранное”, несвойственное языку, неприемлемое для цивилизованного и воспитанного человека. А с другой, в современной действительности огромное количество лексикологов и языковедов воспринимают сленг совершенно объективно и, более того, считают его неотъемлемой составляющей языка» [Богдашов, Жутовская 2017: 348].

В отечественной лингвистической практике почти вплоть до последней трети XX столетия сленг рассматривался только как нечто отрицательное, не заслуживающее какого-либо научного описания [Амосова 1963], и относились к нему не иначе как к «уродливому наросту на живом теле английского языка» [Амосова 1963: 144], не уделяя этому «наросту» особого внимания. В настоящее время лингвисты рассматривают сленг как неофициальную разговорную речь. О.С. Ахманова даёт две дефиниции термина сленг: «1. Разговорный вариант профессиональной речи»; 2. Элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще речь людей, не имеющих отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску» [Ахманова 1966: 409]. Следовательно, значение понятия сленг близко к понятиям «разговорной речи» и «просторечия», однако специфическим является социальная маркировка.

В последнее время сленг энергично проникает в повседневную, книжную речь и в киноиндустрию. Наиболее часто сленговые единицы встречаются в молодежных фильмах/сериалах и рассматриваются подростками как неотъемлемая составляющая киноиндустрии.

Рассмотрим конкретные случаи перевода молодёжного сленга на русский язык в американском сериале «Life in pieces» («Жизнь в деталях»). Для анализа возьмём переводы студий озвучивания «Fox», «Ozz», «IdeaFilm» и «BaibaKo». Мнения аудитории при выборе лучшей студии расходятся, поскольку кого-то привлекает скорость перевода, особенно когда становится известна дата выхода нового сезона и не терпится начать просмотр; других интересует качество перевода; третьи оценивают базу уже переведённых сериалов.

Сериал начинается с фразы «*I can't believe we finally went out*», которую произносит молодая девушка во время прогулки с молодым человеком; они держатся за руку, что означает, что они пара. В данном контексте у них, скорее всего, свидание.

Оригинал	«Fox»	«Ozz»	«IdeaFilm»	«BaibaKo»
<i>I can't believe we finally went out.</i>	<i>Наконец мы выбрались на свидание!</i>	<i>Наконец-то у нас свидание!</i>	<i>Не могу поверить, что свидание состоялось!</i>	<i>Поверить не могу, что у нас свидание!</i>

Если переводить дословно выражение *«I can't believe we finally went out»*, то оно будет звучать, примерно, следующим образом: *«Не могу поверить, что мы наконец-то вышли/встретились/выбрались»*. При анализе переводов киностудий, отмечается наличие слово *«свидание»* во всех переводах, тогда как в оригинале это слово отсутствует, а присутствует – глагол *«went out»*. Таким образом, прослеживается «погруженность» в контекст сериала, в цельный сюжет фильма, элементы которого взаимосвязаны. Фраза оригинального высказывания начинается с выражения *«I can't believe»* и несет в себе эмоциональную окраску. Девушка очень рада тому факту, что, несмотря на плотный рабочий график, им удалось найти время на прогулку. В переводах киностудий «IdeaFilm» (*Не могу поверить, что свидание состоялось!*) и «BaibaKo» (*Поверить не могу, что у нас свидание!*) эмоциональность сохраняется, в то время как в переводе киностудий «Fox» (*Наконец мы выбрались на свидание!*) и «Ozz» (*Наконец-то у нас свидание!*) эта эмоциональность снижена. Кроме того, передача эмоциональности в переводе всех киностудий сохраняется за счет постановки «восклицательного знака» в конце предложения.

В другом эпизоде произносится вопросительное предложение: *«Would you mind giving us some privacy, please, Chad?»* вопросительным тоном и с соответствующей мимикой, которая сопровождает реплику.

Оригинал	«Fox»	«Ozz»	«IdeaFilm»	«BaibaKo»
<i>Would you mind giving us some privacy, please, Chad?</i>	<i>Мы бы очень хотели побыть одни, Чад.</i>	<i>Ничего, что мы хотим побыть наедине, Чад?</i>	<i>Не позволишь нам побыть наедине, Чад?</i>	<i>Ты не мог бы оставить нас одних, Чад?</i>

В переводе киностудии «Fox» (*Мы бы очень хотели побыть одни, Чад*) фраза передана утвердительным предложением, что создаёт

трудности в понимании мимики актёров во время просмотра кадра, когда задается вопрос. Перевод киностудии «BaibaKo» (*Ты не мог бы оставить нас одних, Чад?*) ближе всего к оригиналу по грамматической структуре. Однако и остальные киностудии «Ozz» (*Ничего, что мы хотим побыть наедине, Чад?*) и «IdeaFilm» (*Не позволишь нам побыть наедине, Чад?*) в переводе сохранили семантику высказывания, немного изменив структуру.

Рассмотрим еще один пример с репликой: «Wow! You guys already got a banter».

Оригинал	«Fox»	«Ozz»	«IdeaFilm»	«BaibaKo»
Wow! You guys already got a banter.	Обалдеть, как вы мило припираетесь.	Ухты, уже перешучиваетесь.	Класс, да между вами связь.	Ого, вы уже и шуточки шутите.

В словаре Urban Dictionary представлено три определения слова «banter»: 1. «Supple term used to describe activities or chat that is playful, intelligent and original. Banter is something you either posse or lack, there is no middle ground»; 2. «The magnificent art of using word play, opinions, exaggeration, irony, sarcasm, and other comedic themes to (playfully) humiliate, make fun of, and laugh at your friends»; 3. «A word used to describe the teasing and mistaking which occurs between mates, usually harmless» [<https://www.urbandictionary.com>]. Из этих определений следует, что киностудия «IdeaFilm» (*Класс, да между вами связь*) интерпретирует высказывание, не используя глагол «подтрунивать/подшучивать», а вместо этого вкладывает свою мысль, упуская изначальный смысл. Все остальные киностудии сохраняют значение «шутливости»: «Fox» (*Обалдеть, как вы мило припираетесь*), «Ozz» (*Ухты, уже перешучиваетесь*), «BaibaKo» (*Ого, вы уже и шуточки шутите*). Интересно проследить за переводом междометия «wow», которое в словаре Urban Dictionary определяется как «an exclamation of surprise» [<https://www.urbandictionary.com>]. Переводы, предложенные киностудиями, весьма разнообразны: «Fox» (*Обалдеть!*), «Ozz» (*Ухты!*), «IdeaFilm» (*Класс!*), «BaibaKo» (*Ого!*). Такое явление называется недифференцированностью значения, когда «в одном языке есть два или несколько слов с одним значением, а в другом языке только одно» [Бархударов 1975: 167].

Проведенный анализ примеров позволяет говорить о том, что при переводе молодежных сленговых единиц особое внимание следует

обратить на современность той или иной единицы; на временной фактор, поскольку сленг динамичен и подвержен постоянным изменениям; на контекст, благодаря которому возможен точный перевод сленговой единицы. Подбор русского соответствия сленговой единице является непростой задачей, а иногда даже невозможной, поэтому обычно приходится либо искать аналогичный сленгизм в русском языке, который обладает такой же эмоциональностью, либо использовать описательный прием перевода, т.е. путем толкования и разъяснения значения.

Список литературы

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. 208 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов, М.: Изд-во ЛГУ, 1966. 607с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 239 с.

Богдашов Д.В., Жутовская Н.М. Особенности американского сленга и способы его перевода // Царскосельские чтения. 2017 С. 348-352.

Urban Dictionary URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 11.03.2018).

SPECIFICITY OF YOUTH SLANG TRANSLATION INTO RUSSIAN LANGUAGE

Maria E. Churkina

Student of Linguistics, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukireva str., 15; m_churkina290@mail.ru

Daria V. Perestoronina

Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukireva str., 15. daria-perestoronina@yandex.ru

The article is dedicated to the analysis of the translation features of the youth slang into Russian language. On a case study of the American serial the peculiarities of the slang units' translation by different film studios are analyzed.

Key words: slang, youth slang, cinematography, translation.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И РОЛЬ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОЭМЕ К. Э. ДАФФИ «QUEEN KONG»

Влада Вячеславовна Яркова

бакалавр факультета современных иностранных языков и литератур, «Лингвистика»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. yarkovavlada1998@gmail.com

Катерина Юрьевна Гладкова

преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. katerina_g_l@mail.ru

В статье рассматривается роль гендерных стереотипов в поэме К. Э. Даффи «Queen Kong». Целью статьи является выявление и анализ гендерных стереотипов в поэме, которая входит в сборник «The World's Wife». Автор статьи изучает понятие гендера и его производных в их взаимосвязи, анализирует особенности языка поэмы, что помогает ему лучше осознать идеи гендерных исследований и тенденции развития современного общества.

Ключевые слова: Даффи, поэма, гендер, гендерные роли, гендерные стереотипы.

Проблема осознания роли гендера в обществе давно привлекает внимание учёных-исследователей. Благодаря значительным сдвигам в понимании термина «гендер» за последние десятилетия данная тема стала актуальной для изучения в различных научных сферах, в том числе лингвистике и переводоведении. Проблема гендерных исследований нашла отклик в научных работах таких учёных-лингвистов, как А. В. Кириллина (1999, 2005), Н. Б. Мечковская (1996, 2017), Е. А. Земская (1993), О. В. Пермякова (2007) и М. В. Гаранович (2011).

Целью статьи является изучение роли гендера и его производных явлений в англоязычном поэтическом тексте, в поэме К. Э. Даффи «Queen Kong».

Перед тем, как перейти к непосредственному анализу поэмы, стоит определить ключевые понятия исследования. Современная социальная

наука различает понятия «пол» и «гендер». Опираясь на словарь гендерных терминов, мы можем убедиться в том, что понятие «пол» обозначает анатомо-физические особенности между мужчиной и женщиной, а понятие «гендер» учитывает именно сам процесс становления «половой» роли человека в обществе [Словарь гендерных терминов: эл. рес.]. Так под понятием «гендер» стоит понимать совокупность социально-культурных норм, которые предписываются каждому человеку в зависимости от его пола тем обществом, в котором он живёт.

Также стоит отметить, что понятие «гендер» воспринимается в рамках той или иной культуры по-разному. Другими словами, именно та культура, в которой социализируется тот или иной человек, определяет психологические качества, модели поведения, виды деятельности у мужчин и женщин, то есть их гендерные роли. Вследствие развития гендерных ролей в обществе возникают и определённые гендерные стереотипы, под которыми принято считать типичные или шаблонные представления о моделях поведения человека в зависимости от его пола [Словарь гендерных терминов: эл. рес.].

Гендерные стереотипы охватывают многие сферы жизнедеятельности человека, в том числе такие виды искусства, как литература. В частности, данные социологические явления нашли своё место и в современной поэзии, тем самым дополняя образы самого автора и обогащая язык поэтического текста.

Так на сегодняшний день К. Э. Даффи является одной из самых ярких представительниц англоязычной поэзии, которая с помощью различных лингвостилистических средств искусно разрушает стереотипы широкого круга читателей о гендерных ролях в обществе.

Её сборник «The World's Wife» («Жена мира») [пер. мой - В. В. Я.] опубликованный в 1999 году, является прекрасным примером олицетворения гендерной социолингвистики в современной литературе. Даже само название сборника уже намекает читателю на основную перспективу поэзии Даффи. Как и большинство стихотворений, включенных в это издание, название имеет ироничное значение: слово «мир» отображает то, что принято считать важным, исторически, научно и культурно релевантным, как например описание «мужского» взгляда на мифологические и легендарные события. Поэтесса же, обращая внимание на тот факт, что традиционно реальная и известная всем история складывается из поступков, совершённых мужчинами, знакомит читателя уже с «женским» взглядом на ту же самую историю [Peukert 2003: 2].

Не упуская из виду такие эмоции и чувства, как гнев, страх или отчаяние, Даффи в значительной степени использует ироничную и насмешливую манеру письма, которая показывает, что некоторые достижения и опыт мужчины могут являться или уже являются совершенно смешными и даже нелепыми [Ганин: эл. ресурс.].

Истории Даффи определённо направлены на женскую аудиторию, создавая таким образом некую связь между автором и женщиной-читателем, с помощью которой они могут обмениваться опытом, изучать другую часть истории и в то же время искать ответ на вопрос о том, что определяет женственность в целом [Peukert 2003: 2].

Итак, обращаясь непосредственно к поэме «Queen Kong», которая была выбрана для изучения, мы должны отметить, что это стихотворение является феминистским твистом, «женским» вариантом популярной истории Кинг-Конга, так как Даффи использует «разворот» ролей, превращая Кинг-Конга в Квин-Конга, которая, в свою очередь, влюбляется в мужчину, а не в женщину.

В последующем анализе поэмы «Queen Kong» мы предлагаем рассмотреть поэтический текст через призму трёх образов: образ женщины, образ сильной и гигантской обезьяны (гориллы) и образ мужчины. С развитием сюжетной линии образ женщины и образ гориллы сильно влияют друг на друга, что позволяет создать образ женщины-обезьяны, который уже оказывает воздействие на раскрытие образа мужчины.

В первую очередь рассмотрим образ женщины. Буквально с первых строк стихотворения у читателя складывается впечатление неформального и живого разговора в компании подружек («I remember peering...»). Благодаря частому использованию формальных слов («I digress.», «I was discreet...») и упоминанию некоторых фуд-трендов в тексте («To this day I'm especially fond of pastrami on rye.») язык становится более утончённым и возвышенным. Данные особенности языка помогают читателю понять, что перед ним представительница именно состоятельного и образованного слоя общества («To this day I'm especially fond of pastrami on rye.», «I digress.», «I was discreet...»). Более того, Даффи характеризует женщину как довольно независимую, уверенную в себе («And after that, I decided to get him back.», самодостаточную, самовлюблённую («...over his lovely head a blown-up photograph of myself.», избалованную прелестями общества потребления («Next day, I shopped. Clothes for my main, mainly...»). Однако автор не забывает и про чувства главной героини, которая полна любви и нежности к своему возлюбленному («For me, it was absolutely love at

first sight.», «I swore in my huge heart to follow him then to the ends of the earth.»).

Далее заметим, что одновременно с образом женщины развивается образ гориллы, силу и размер которой Даффи ярко описывает с помощью очевидных метафор, показывая ограниченность и беспомощность современных технологий человечества («...to the helicopters over the river, dragonflies.», «Big metal bird. Didn't he know I could swat his plane from these skies like a gnat?»). Также данный образ связан с местом обитания гориллы, образы джунглей, описание которых уже работает в симбиозе с образом женщины и её переживаниями из-за разлуки с возлюбленным («The parrots clacked their migraine chant. The swinging monkeys whinged.», «I bled with a fat, red moon rolled on the jungle roof.»).

Наконец перейдём к описанию образа мужчины, возлюбленного Квинг-Конга. Первое, что сразу бросается читателю в глаза, – это частое использование притяжательное местоимения по отношению к мужчине, что, с одной стороны, говорит нам о том, что мужчина не принадлежит самому себе, зависит от женщины, а с другой указывает на нежные чувства Квинг-Конга по отношению к возлюбленному («My little man.», «He'd arrived, my man, with...», «He was mine.»). При этом данная особенность языка ловко разрушает гендерный стереотип о полной свободе мужского общества. К тому же, Квинг-Конга практически не заботит эмоциональное состояние мужчины, она, скорее, описывает его физические характеристики («...he was small, but perfectly formed and gorgeous.»), а через простые сравнения («...shaking him like a doll...»), развёрнутые метафоры («I wear him now around my neck, perfect, preserved, with tiny emeralds for eyes.») и «вкусные» ассоциации с едой («...I'd gently pick at his shirt and his trows, peel him, put the tip of my tongue to the grape of his flesh.», «I picked him, like a chocolate from the top layer of a box ...») образ мужчины больше напоминает образ неодушевлённого предмета, нежели образ сильной и независимой личности, как в большинстве случаев говорит нам общество. Следовательно, лингвостилистические средства, используемые в поэтическом тексте, полностью разрушают гендерный стереотип о доминантной роли мужчины.

Таким образом, на основе данного анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, К. Э. Даффи блестяще использует известный всем сюжет Кинг-Конга для описания «женского взгляда» на саму ситуацию, и тем самым разрушает типичные представления людей о гендерных ролях в обществе, где доминирует мужчина. Во-вторых, с по-

мощью лингвостилистических средств и знакомого сюжета поэтесса доступно объясняет широкому кругу читателей такие понятия, как «гендер», «гендерные роли», «гендерные стереотипы». В-третьих, на примере поэмы «Queen Kong» мы без труда можем отследить тенденцию развития современного общества в целом.

Список литературы

Duffy C. A. The World's Wife. URL: <https://genius.com/Carol-ann-duffy-queen-kong-annotated> (дата обращения 03.04.2018).

Peukert A. «What's a Man Without a Woman ...? » - Gender Constructions in Carol Ann Duffy's «The World's Wife» // Term Paper (Advanced seminar). 2003. P. 2.

Ганин В. Н. «Женский» взгляд на «мужскую» историю в цикле К. Э. Даффи «The World's Wife». URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Ganin/> (дата обращения: 03.04.2018)

Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения: 03.04.2018).

THE CONCEPT AND ROLE OF GENDER STEREOTYPES IN C. A. DUFFY'S POEM *QUEEN KONG*

Vlada V. Iarkova

Student of Linguistics, Bachelor's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. yarkovavlada1998@gmail.com

Katerina Yu. Gladkova

Teacher in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Bukirev str., 15. katerina_g_l@mail.ru

The article studies the role of gender stereotypes in C. A. Duffy's poem *Queen Kong*. The aim of the article is to study the concept of gender and its derivatives as well as the influence of gender on the reader's understanding of the poem. The author of the article analyses features of the poem's language using the dictionary of gender terms and a number of other sources that helps to better understand the ideas of gender studies and the development trends of modern society.

Key words: Duffy, poem, gender, gender roles, gender stereotypes.

Раздел 9.
Когнитивная и дискурсивная лингвистика

УДК 81'276.1

**ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГОНЗО-
ЖУРНАЛИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Софья Вячеславовна Гриббе

студентка отделения иностранных языков, «Лингвистика»
Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой
коммуникации
660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 82А. gribbe.sofia@gmail.com

Ольга Аркадьевна Прохорова

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных
направлений
Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой
коммуникации
660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 82А. olgaprokhорова@mail.ru

Статья посвящена анализу функционирования инвективной лексики в английском языке в произведениях жанра гонзо-журналистики. Материалом исследования послужил роман американского писателя Хантера С. Томпсона «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» (Hunter S. Thompson «Fear and Loathing in Las Vegas. A Savage Journey to the Heart of the American Dream»). В данной работе рассматриваются основные языковые способы актуализации инвектив, а также приводится типологизация инвективных смыслов.

Ключевые слова: инвектива, типологизация, роман, гонзо-журналистика, Томпсон.

В последние десятилетия лингвисты уделяют все больше и больше внимания пласту инвективной лексики, который, несмотря на свою табуированность и высокую экспрессивно-негативную окраску, является неотъемлемой частью любого языка. В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет функционирование инвективной лексики в художественных произведениях на английском языке. Материалом данного исследования послужил известный роман американского писателя, основателя жанра гонзо-журналистики,

Хантера С. Томпсона «Страх и ненависть в Лас Вегасе» («Fear and Loathing in Las Vegas. A Savage Journey to the Heart of the American Dream»).

Гонзо-журналистика как жанр зародилась около 40 лет назад, и пока представляет собой малоизученную и малораспространенную сферу литературной деятельности. Действие произведений гонзо-журналистики отличается непредсказуемыми сюжетными поворотами, отчего данный жанр и получил название «гонзо», что на американском сленге означает «чокнутый, сумасшедший, безбашенный». Стилистические особенности жанра включают в себя экспрессивно-окрашенную лексику, нецензурные и бранные выражения, жаргонные выражения, образные средства языка, а также юмор, сарказм и иронические высказывания [Казанцев 2016: 127]. Таким образом, многообразие инвектив является одной из ключевых особенностей представленного жанра, которое значительно выделяет его среди других.

В данной статье под инвективой мы понимаем «любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [Жельвис 2001: 12].

Анализ художественного англоязычного текста позволил нам выделить следующие семантико-тематические группы инвективной лексики, характерные для жанра гонзо-журналистики.

1. Ксенофобия. Инвективные обозначения расовой принадлежности подразумевают расистские замечания, отражающие негативное отношение автора к собеседнику, чья национальная принадлежность отлична от национальности говорящего.

Действие романа «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» разворачивается на юге США рядом с границей с Мексикой, а один из главных героев романа является латиноамериканцем, вследствие чего автор счел нужным вставить несколько оскорбительных замечаний в сторону расовой принадлежности того или иного персонажа.

Например, оскорбление может быть направлено в сторону латиноамериканца от «белого» человека:

«*Where's your friend?*» – «*What friend?*» – «*The big spic*» [Thompson 1998: 103]. «*Spic*» в американском сленге выражает чрезвычайно презрительное отношение к любому испаноязычному человеку. Изначально, это слово было аббревиатурой от «*Spanish Person In Custody*», которая использовалась американскими полицейскими по отношению к задержанным латиноамериканцам, не владеющим английским языком [Urban Dictionary].

Персонаж латиноамериканского происхождения также не остается в долгу и использует оскорбительное выражение в адрес своего друга:

«That's right – laugh about it!» he yelled. «You goddamn honkies are all the same» [Thompson 1998: 31].

2. Ментальная и физическая недееспособность. Данная семантико-тематическая группа содержит лексику, которая характеризует психически нездорового человека, что может быть вызвано неподобающим или вызывающим поведением персонажа, повышенной агрессивностью или склонностью к авантюризму.

В романе используются следующие лексико-семантические единицы: *nut, crazy, waterhead*.

«Nobody would dare go out on the track with a person that crazy» [Thompson 1998: 22].

«I've gone as far as I can with this waterhead» [Thompson 1998: 34].

Лексема *«waterhead»* относится к гидроцефалии – заболеванию, признаком которой является нарушением нормального развития мозга из-за накопления в нем жидкости. Людям, страдающим этим заболеванием, характерна отсталость в умственном и физическом развитии.

«These guys are nuts... these kids are nuts» [Thompson 1998: 88]. В англоязычном субстандарте орех зачастую используется как метафора головы, отчего возникло выражение *«to be off one's nut»*, а позже было сокращено до *«nuts»* [Online Etymology Dictionary].

3. Богохульства. В романе множество религиозных высказываний были использованы для описания негативного отношения говорящего к ситуации в целом и в тексте играли роль междометий, например, *«God hell!», «God damn!», «Jesus god almighty», «Oh Lord!», «Hell», «Sweet Jesus», «Great Jesus», «Holy Jesus», «Mother of God!», «Good God!»*. В современном мире, где большинство людей уже не отличаются той набожностью, что была присуща обществу несколько веков назад, указанные выше лексемы потеряли свой инвективный смысл. Однако, согласно третьей заповеди «Не поминай имени Господа Бога твоего всуе», любое упоминание Бога в разговоре считается грехом, что делает фразу богохульством.

4. Зоонимы с негативной коннотацией. В романах гонзо-журналистики наиболее употребимым зоонимом, несущим негативную коннотацию, является лексема «свинья». Образ свиньи в англоязычном субстандарте олицетворяет мерзкого, грязного, подлого человека [Багана, Михайлова 2011: 91]. Сравнение актуализировалось с помощью лексем *«pig»* и *«swine»*.

«Have you made a deal with these pigs?» [Thompson 1998: 22].

«Don't take any guff from these swine», I yelled» [Thompson 1998: 91].

Также в качестве оскорбительного сравнения были использованы и другие зоонимы.

«That dirty toad bastard» [Thompson 1998: 31]. Жаба (toad) олицетворяет противного, уродливого человека, следовательно, сравнение с ней говорит об отвращении говорящего к оппоненту.

«If you want a good chase», I shouted, «you should get after that skunk from CBS News up ahead in the big black jeep. He's the man responsible for The Selling Of The Pentagon» [Thompson 1998: 25]. Из-за защитной реакции скунса (skunk) на опасность это животное заслужило нелюбовь человека и получило ассоциацию с противным, вонючим, мерзким человеком.

«There was no way to cope with it. I stood up and gathered my luggage. It was important, I felt, to get out of town immediately. My attorney seemed to finally grasp this. «Wait!» he shouted. «You can't leave me alone in this snake pit! This room is in my name» [Thompson 1998: 26]. Сравнение места со змеиной ямой (snake pit) говорит о крайнем нежелании персонажа дольше находиться в этом месте.

В реалиях американской культуры курица является наиболее распространенным животным для олицетворения человеческой трусости [Московцев, Шевченко 2012: 139]. Мы выявили две инвективные единицы, которые так или иначе связаны с этой птицей.

«Pardon me, lady, but I think there's some kind of ignorant chicken-sucker in this car who needs his face cut open» [Thompson 1998: 32].

«Alright, you chickenshit wimps!» [Thompson 1998: 14].

5. Сексуальный подтекст. Сексуальный элемент инвективных выражений также занимает значительную часть оскорбительной лексики любого языка, так как данная тема является довольно щепетильной в любой культуре. Сексуальный подтекст репрезентируется следующими лексическими единицами: queer, faggot, pansy, которые в основном используются по отношению к мужчине в целях оскорбить его мужское достоинство, выразить сомнения по поводу его сексуальной ориентации или просто сравнить с женщиной.

«You cheap honky faggots», he snarled. «Which one of you wants to get cut?» [Thompson 1998: 32].

«Alright, you chickenshit wimps! You pansies! When this goddamn light flips green, I'm gonna stomp down on this thing and blow every one of you gutless punks off the road!» [Thompson 1998: 14].

Таким образом, в данной статье была предпринята попытка провести типологизацию инвектив, характерных для жанра гонзо-

журналистики. В результате анализа были определены 5 семантико-тематических групп. Дальнейшее изучение требует более детального анализа других произведений данного жанра.

Список литературы

Багана Ж., Михайлова Ю.С. Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2011. №24 (119). Вып. 12. С. 84–93.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.

Казанцев В.А. Особенности гонзо-журналистики // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. Вып. 8–3. С. 127–129.

Московцев Н.Г., Шевченко С.В. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный словарь американского сленга без купюр. С.-П.: ООО Издательство «Питер», 2012. 376 с.

Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 02.03.2018).

Thompson Hunter S. Fear and Loathing in Las Vegas. A Savage Journey to the Heart of the American Dream. LV: Knopf Doubleday Publishing Group, 1998. P. 112.

Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 02.03.2018).

INVECTIVE WORDS IN THE GENRE OF GONZO JOURNALISM (ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE)

Sofya V. Gribbe

Student of Linguistics, Master's degree course, Faculty of Foreign Languages
Siberian Federal University, the School of Philology and Language Communication
660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny avenue, 82A. gribbe.sofia@gmail.com

Olga A. Prokhorova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Foreign Languages for Humanities
Siberian Federal University, the School of Philology and Language Communication
660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny avenue, 82A. olgaprokhova@mail.ru

The research is dedicated to the analysis of invective words used in the genre of gonzo journalism in the English language. «Fear and Loathing in Las Vegas. A Savage Journey to the Heart of the American Dream» by Hunter S. Thompson constitutes the subject of the research. The article reveals the main linguistic ways of representation of the invective words and its taxonomy.

Key words: invective, taxonomy, novel, gonzo journalism, Thompson.

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ ОЦЕНОЧНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ
ИНФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА
США БАРАКА ОБАМЫ)**

Лада Владимировна Долгих

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»),
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ladavladi@list.ru

Дарья Владимировна Пересторонина

доцент кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. daria-perestoronina@yandex.ru

В данной статье рассматриваются способы передачи оценочно-эмоциональной информации политического текста. Авторы статьи обращались к теории политического текста и его особенностям, представили характеристику инаугурационной речи президента, рассмотрели такие понятия как «оценка», «эмоциональность» и их взаимосвязь. Сравнительный анализ оригинала и перевода позволил выделить особенности передачи оценочно-эмоциональной информации инаугурационной речи.

Ключевые слова: политический текст, инаугурационная речь, оценка, эмоциональность, оценочно-эмоциональная информация.

В настоящее время в связи с возрастающим интересом к публичной речи, особое внимание уделяется исследованию политической сферы. Необходимость изучения инаугурационной речи, определение основных способов передачи оценочно-эмоциональной составляющей и изучение влияния понятий «оценка» и «эмоциональность» на аудиторию – определяют актуальность данной статьи.

Объектом исследования статьи выступает оценочно-эмоциональная информация как типологическое свойство инаугурационной речи.

Предметом исследования являются особенности передачи оценочно-эмоциональной информации инаугурационной речи.

В качестве материала исследования была выбрана инаугурационная речь президента США Барака Обамы, произнесённая 21 января 2009 года и ее перевод, выполненный М.Н. Просвиряковой.

Согласно определению Т.В. Устюговой, «политический текст – это коммуникативно-направленная структура, организованная по законам и правилам политической коммуникации, имеющая открытые границы, встроенная в коммуникативное пространство социально-политической деятельности» [URL]. «Политическому тексту присущи все характеристики текста как такового, а его особенность состоит лишь в том, что он ограничен определенной сферой (сферой политики) и определенной тематикой (политической)» [Репина 2012: 22].

Важной составляющей в структуре политического текста является инаугурационное обращение новоизбранного президента; оно обозначено единственным адресантом, строго относится к определенному событию и имеет важную юридическую силу. «Инаугурация (от лат. *inauguro* «посвящаю») (инаугурация) – это торжественная процедура вступления в должность главы государства» [Современный энциклопедический словарь 1997: 459]. Американские учёные К. Campbell и К. Jamieson отмечают, что инаугурационная речь является главной составляющей торжественной церемонии, в ней соединяется прошлое и будущее нации через призму настоящего, воздается должное всем традиционным ценностям данного народа, используется литературный язык и прием гротеска, направленный на акцентирование того, что уже было известно аудитории [Campbell, Jamieson 1986].

Как разновидность политического текста, инаугурационная речь обладает определенными функциями. Е.И. Шейгал выделяет 4 функции: 1) интегративную, в которой провозглашается единство нации; 2) инспиративную, предназначенную для воодушевления нации на предстоящие дела; 3) декларативную, целью которой является провозглашение новоизбранным президентами принципов правления; 4) перформативную, которая предполагает от президента понимание того, какая ответственность теперь стоит перед ним [Шейгал 2002]. Все эти функции взаимосвязаны и представлены в инаугурационной речи.

Инаугурационная речь, политическая коммуникация в целом, определяет своей целью не только передачу информации, но также и передачу оценки рассматриваемого события, эмоциональное отношение. Многие ученые связывают понятия «оценка» и

«эмоциональность». Так, например, Н.Б. Мечковская говорит о том, что «если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется эмоциональная, или экспрессивная функция речи» [Мечковская 2000: 15]. Противоположная точка зрения на понятия «оценка» и «эмоциональность» заключается в том, что необязательно слияние воедино оценки и эмоциональности к предмету, о котором идет речь [Вольф 2002, Телия 1991]. С точки зрения Н.А. Лукьяновой, которую мы разделяем, оценка – это «отраженное сознанием, выраженное с помощью определенной эмоции мнение субъекта, его оценка определенной реалии или ситуации» [Лукьянова 2015: 193].

Существует множество приемов использования оценочности и эмоциональности в инаугурационной речи. Одним из наиболее частотных приемов достижения результата является метафора, которая применяется для того, чтобы удержать внимание аудитории. В политическом тексте метафора выполняет еще одну немаловажную функцию – она помогает объяснить политические явления более простым языком [Празян 2009]. В инаугурационной речи Б. Обамы было прослежено неоднократное использование данного приема, а именно: *«network of violence and hatred»* – «цепь насилия и ненависти»; *«...expanded by the blood of generation»* – «...написанная кровью поколений»; *«...feed hungry minds...»* – «...дать свободу изголодавшимся по ней...». Такой метафорический прием, несомненно, оказывает огромное влияние на подсознание аудитории, тем самым, преобразовывая политическую картину мира слушающего и одновременно выражая свою позицию по данной теме.

Следующим приемом, который играет большую роль в создании политического текста и инаугурационной речи в частности, является инверсия. В инаугурационной речи Б. Обамы использование данного приема можно проследить в следующих примерах: *«for us, the packed their few worldly possessions...»* – «во имя нас они, собрав свое нехитрое имущество, ...»; *«for us, they toiled in sweatshops and settled in the West...»* – «для нас они выполняли изнуряющую работу на потогонном производстве и обустроивали Запад...». В данных предложениях прием инверсии был использован с целью акцентирования внимания аудитории на наиболее важных моментах и с целью повышения эмоциональной характеристики высказывания.

Интересен прием антитезы, встречающийся в речи Б. Обамы. «Антитеза – это стилистическая фигура, усиливающая выразительность за счет столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий, одна из ее стилистических функций –

контраст» [Арнольд 2002: 51]. В ниже представленных примерах явно прослеживается контраст слов, который достигается за счет противопоставления: «*hope and fear*»- «*надежда – страху*»; «*unity of purpose over conflict and discord*» - «*единство цели – конфликтам и разногласиям*». Прием антитезы в данных примерах использован для того, чтобы показать наличие дилеммы/проблемы, но, несмотря на это, уже выбран правильный курс действий, который и будет основополагающим в дальнейшей работе президента.

Повторы в речи Б. Обамы частотны и встречаются в следующих примерах: «*all are equal*», «*all are free*», «*and all deserves a chance*». Создается ритм речи, который передает живые и реальные эмоции, направленные на донесение принципов, представлений президента. В данных словосочетаниях это проявляется в перечислении качеств, которые присущи народу Америки, а именно: «*мы все равны*», «*мы все свободны*», «*мы все заслуживаем шанс*».

Сопоставительный анализ инаугурационной речи Б.Обамы позволяет сделать вывод о том, что способы, с помощью которых можно передать оценочно-эмоциональную информацию политического текста, достаточно обширны. Стоит отметить, что рассмотренные приемы (метафора, инверсия, антитеза, повтор) играют одну из самых важных ролей в политических текстах для передачи оценочности и эмоциональности. Тем самым речь становится живой, многогранной и красочной, что является важной особенностью инаугурационной речи.

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Вып. 9: Филология, 2015. С. 183–201.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М.: Аспект пресс, 2000. 207 с.

Празян Н.О. Роль метафоры в организации текста (на материале английского политического дискурса) // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. Вып. 37., 2009. С. 132–137.

Просвирякова М.Н. Перевод инаугурационной речи Барака Обамы URL: <http://www.psj.ru/press/detail.php?ID=14800> (дата обращения: 27.02.2018).

Репина Е.А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат: Монография / под ред. В.П. Белянина. М.: ИНФРА-М, 2012. 91 с.

Телия В.Н. и др. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания // отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. 214 с.

Устюгова Т.В. Феномен политического текста. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007. URL: <http://jurnal.org/articles/2007/polit14.html> (дата обращения: 27.02.2018).

Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. Саратов, 2002. № 3. С. 205–214.

Современный энциклопедический словарь. М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1997. 1399 с.

Campbell K.K., Jamieson K.H. Inaugurating the Presidency // Form, Genre and the Study of Political Discourse. Columbia (S. Car.), 1986. P. 203–206.

Obama B. President Barack Obama's inaugural address. URL: <http://study-english.info/obama2009inauguration.php> (дата обращения: 02.03.2018).

SPECIFICITY OF REPRESENTING EVALUATING-EMOTIONAL INFORMATION OF A POLITICAL TEXT (ON THE MATERIAL OF BARACK OBAMA'S INAUGURAL SPEECH)

Lada V. Dolgikh

Student of Linguistics, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. ladavladi@list.ru

Daria V. Perestoronina

Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. daria-perestironina@yandex.ru

The article considers some methods of transferring evaluating-emotional information of a political text. The authors of the article address to the political text theory and its distinctive features, consider characteristics of president's inaugural speech, analyze such definitions as «evaluating category», «emotional category» and their connection. Comparative analysis of a source text and a target text enables the authors of the article to highlight the features of evaluating-emotional information of inaugural speech.

Key words: political text, inaugural speech, evaluation category, emotional category, evaluating-emotional information.

ЭЛЕМЕНТЫ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ФИДЕЛЯ КАСТРО С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДА

Александр Сергеевич Герцен

студент факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. sascha.gertsen@yandex.ru

Мария Алексеевна Хрусталева

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный, национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. cristalik1982@list.ru

Статья посвящена анализу речи Фиделя Кастро, с позиции когнитивно-дискурсивного подхода в рамках политического дискурса. Материалом исследования послужил текст выступления кубинского лидера в Гаване в 1959 г. В качестве ключевого концепта рассматривается концепт REVOLUCIÓN, представлен фрейм концепта в виде слотов и заполняющих эти слоты вербальных репрезентантов. Делается вывод о характере семантической связи между компонентами слота, а их дефиниционный анализ наряду с интерпретационным анализом языковой реализации концепта позволяют проследить состояние идеологии Кубы на начальном этапе социализма.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, политический дискурс, концепт, фрейм, слот, вербальный репрезентант.

Фидель Кастро Рус (1926–2016) – вожьд Кубинской революции 1959 г., премьер-министр в 1959–1976 гг., с 1965 г. – 1-й секретарь Компартии Кубы, с 1976 г. – также президент Республики. Его речи представляют научный интерес для лингвистики, поскольку Фидель Кастро известен как великий оратор, способный вдохновить народ на важные свершения [Большая иллюстрированная энциклопедия: 2010].

В данной статье рассматривается выступление Фиделя Кастро в Гаване 1959 г. [Fidel. Soldado de las ideas: электронный ресурс] с позиции когнитивно-дискурсивного подхода.

Как известно, когнитивная лингвистика – направление современного языкознания, которое «исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, Стернин 2007:9].

Центральным понятием в когнитивной лингвистике является понятие концепта. Оно не имеет четкого определения, но трактуется как ментальное образование, которое отражает представление человека о мире, на которое оказал влияние пережитый опыт, культура и особенности языковой картины мира [Маслова 2006].

Понятие фрейма вводится Ч. Филлмором в 1988 г., и с того времени начинается пристальное изучение структуры концептов. Заметим, что фрейм понимается нами как определенная структура знания, которая схематично позволяет представить концепт. Через обращение к языковой реализации концепта появляется возможность понять мысли и идеи, заложенные автором текста, а также предвидеть дальнейшую стратегию речи. Компоненты фрейма или слоты заполняются вербальными репрезентантами, а рассредоточение лексем по слотам фрейма позволяет выполнить семантический анализ каждого компонента и проследить характер семантической связи между ними. Иными словами, «материал, распределенный по слотам, легко поддается семантическому анализу» [Мишланова, Хрусталева 2009:39].

Отметим, что тема, которую затрагивает команданте – победа Кубинской революции над режимом Ф. Батисты, а значит, в качестве доминирующего концепта целесообразным представляется выделить концепт REVOLUCIÓN. Обращаясь к рассмотрению структуры концепта, то есть построению фрейма, заметим, что имеется два слота первого уровня: «*revolucionarios*» и «*enemigos de la Revolución*».

Что касается слота «*revolucionarios*», то «*el pueblo*», «*la paz*», «*las fuerzas revolucionarias*» – слоты второго уровня, на который он делится.

Начнем с того, что подслот «*el pueblo*» обозначает в данном контексте совокупность большей части людей Кубы, которая показана как противоположность «тирании» Батисты. В словаре «Diccionario esencial lengua española» даются следующие дефиниции данного термина, актуализирующиеся в этом случае:

1. Conjunto de personas que viven en un lugar, región o país. 2. Conjunto de personas que forman una comunidad y están unidas por una misma raza, religión, idioma o cultura. 3. Conjunto de los habitantes de un país en relación con sus gobernantes [Diccionario Esencial Lengua Española 2006].

На основании анализа данных дефиниций представляется возможным сделать вывод о том, что в противовес притесняющему режиму, встает недовольный народ Кубы, представляющий собой «*conjunto*» (общность), который Фидель изображает освободившимся и окончательно победившим. Лексемы, вербализующие слот второго уровня «*el pueblo*»: *compatriotas, compañeros, la patria, la opinión pública, los trabajadores, la prensa, la nación, el civismo*. Это свидетельствует о патриотической пропаганде, так как именно к революционерам, а не к их противникам, относятся лексемы *compatriotas, la patria, la nación, civismo*.

Вторым подслотом в слоте «*revolucionarios*» является «*la paz*»: «Tiene hoy el pueblo la paz como la quería: una paz sin dictadura, una paz sin crimen, una paz sin censura, una paz sin persecución» [Fidel. Soldado de las ideas: электронный ресурс]. Его вербальные репрезентанты в тексте следующие: *la alegría, tranquilidad, felicidad, libertades, derechos*.

Примечательно, что лексемы *libertad* и *derecho* употреблены во множественном числе, что говорит об их конкретном, а не абстрактном значении, т. е. права и свободы на что-либо возможны в полной мере только с наступлением мира. Рассмотрим дефиниции репрезентанта *libertad*:

1. Facultad de las personas para actuar según su propio deseo en el seno de una sociedad organizada y dentro de los límites de reglas definidas. 2. Derecho que tienen las personas para hacer una cosa sin que intervenga una autoridad. 3. Permiso para hacer una cosa [Diccionario Esencial Lengua Española 2006].

Как видим, во второй дефиниции наблюдается синонимия с лексемой «*derecho*».

Третий слот второго уровня в слоте «*revolucionarios*» - «*las fuerzas revolucionarias*». Интересны и многочисленны его вербальные репрезентанты: *la verdad, la moral, la honradez, los líderes, los intereses de la patria, la lucha, la táctica, la estrategia, sacrificio, el comandante, el Ejército Rebelde, Radio Rebelde, la rebeldía, idealistas, Camilo Cienfuegos, Ernesto Guevara, Efigenio Ameijeiras, Raúl, combatientes, veterano, armas*.

Лексема *idealistas* вызывает у нас особый интерес, если речь идет об искреннем чувстве патриотизма у кубинцев. Рассмотрим термин *idealismo* в словаре:

1. Tendencia a considerar el mundo y la vida de acuerdo con unos modelos de armonía y perfección ideal que no se corresponden con la realidad.
2. En filosofía, sistema que considera la idea como el elemento más importante de la realidad [Diccionario Esencial Lengua Española 2006].

Как видим, обе дефиниции лишь частично отражают суть того, о чем говорит Ф. Кастро. С его точки зрения, *idealistas* - те, кто ценит больше всего *la verdad, la moral, la honradez, los intereses de la patria*, так как эти лексемы тоже наполняют слот «*las fuerzas revolucionarias*», и у которых наблюдается тенденция к самопожертвованию (*sacrificio*) из патриотических побуждений. Вместе с тем они живут и действуют в нашей реальности и не обязательно следуют философии идеализма, тем более что впоследствии Куба приняла материалистический марксизм как основное философское учение.

Стоит обратить внимание на то, что слот «*enemigos de la Revolución*» делится на слоты второго уровня «*la tiranía*» и «*la dictadura*».

Если посмотреть дефиниции, можно увидеть, что «*la tiranía*» имеет следующие значения:

1. Dominación ilegal.
2. Dominación injusta o despótica y caprichosa.
3. Opresión, violencia.
4. Poder o influencia irresistible de algunas cosas [Diccionario Esencial Lengua Española 2006].

Согласно логике высказывания, первым делом победившие революционеры должны уничтожить тиранию и не привести страну к новой тирании. При этом ясно то, что лексемы подслота «*тирания*» в данном случае имеют четко выраженную негативную коннотацию, и под ней понимается не просто абсолютная единоличная власть, а именно жестокое ущемление прав граждан. Эти лексемы следующие: *la mentira, injusticia, horrores*.

Лексема *horrores* в данном случае представляет наибольший интерес для исследователей:

1. Miedo muy intenso.
2. Sentimiento intenso de rechazo y repugnancia.
3. Acto cruel, violento o sangriento [Diccionario Esencial Lengua Española 2006].

По значению подслоты «*la tiranía*» и «*la dictadura*» близки, но все-таки имеют немного различный смысл. Если под тиранией понимается именно угнетение народа в принципе, то под диктатурой – власть определенного лица, которое лишает народ свободы. Вот дефиниции, из которых первая наиболее точно отражает суть сказанного:

1. Sistema político en que una sola persona o una institución gobierna con poder total, sin someterse a leyes ni a limitaciones. 2. País con sistema político. 3. Tiempo que dura este sistema [Diccionario Esencial Lengua Española 2006].

Что касается слота второго уровня «*la dictadura*», то его лексемы – *general, coronel, soldados, oficiales, tanques, cañones, regimientos, fuerza, dictadores, Machado, Batista*. *Dictadores* – лексема общего значения, тогда как *Machado* и *Batista* – лексемы, обозначающие конкретных диктаторов. Отметим, что Фульхенсио Батиста как проигравший в гражданской войне показан неудачливым политиком. Здесь Ф. Кастро пытается показать, что Батиста не действовал в интересах народа, тогда как сам он обещает проводить политику именно в его интересах.

Примечательно то, что Фидель Кастро, понимая, что кубинцы рады победе революции, акцентирует свое внимание именно на заслугах «*revolucionarios*», а не на неудачах «*enemigos de la Revolución*», поэтому лексемы подслотов «*tiranía*» и «*dictadura*» – довольно показательны для слота «*enemigos de la Revolución*». Мы можем понять, что в 1959 г. большинство восприняло победу Кастро над Батистой как победу добра над злом, и в данном случае кубинский лидер пытается это подтвердить, рассказывая о заслугах восставших.

Таким образом, принимая во внимание не только методы когнитивной лингвистики, но и особенности политического дискурса, здесь мы делаем вывод, что для слушателей команданте намеренно противопоставляет два мира: старый, который должен был уйти и новый, который еще не появился. Этот новый мир должен оказаться идеальным для народа Кубы и во всем соответствовать его ценностям и отвечать его интересам, что говорит об определенной пропаганде патриотизма и революционных идей посредством противопоставления строго детерминированных автором лексем с положительной и отрицательной коннотацией.

Мы можем сделать вывод, что в данном выступлении фрейм концепта REVOLUCIÓN делится на слоты, составляющие лексемы которых связаны так или иначе со сторонами конфликта внутри Кубы. Весь фрейм наполнен, казалось бы, довольно абстрактными понятиями, но на деле выходит, что они имеют прямое отношение именно к Кубе того времени и к конкретной революции и направлены на пропаганду патриотизма.

Список литературы

Большая иллюстрированная энциклопедия. В 32 томах. Т. 12. Б 79 КАЛ-КИД-М.: АСТ: Астрель; 2010. 501, [3] с.: ил.

Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? URL: <http://philology.ru/linguistics2/maslova-08.htm> (дата обращения: 17.11.2017).

Мишиланова С. Л., Хрусталева М. А. Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии: монография. Пермь: Перм. гос. ун-т. 2009. 200 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика URL:http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Kognitivnaja_lingvistika_2007.pdf (дата обращения: 16.10.2017).

Речь Фиделя Кастро в Гаване 1959: URL: <http://www.fidelcastro.cu/es/discursos/discurso-pronunciado-su-llegada-la-habana-en-ciudad-libertad> (дата обращения: 09.10.2017).

Diccionario Esencial Lengua Española. Vox. Barcelona 62-2006, 896 p.
**ELEMENTS OF FIDEL CASTRO'S PATRIOTIC PROPAGANDA
FROM THE POINT OF VIEW OF COGNITIVE-DISCURSIVE
APPROACH**

Alexandr S. Gertsen

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies),
Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. sascha.gertsen@yandex.ru

Mariya A. Khruslaleva

Candidate of Philology, Associate Professor
in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. cristalik1982@list.ru

The article analyses Fidel Castro's speech from the point of view of cognitive-discursive approach within the framework of political discourse. The research is based on the text the Cuban leader's speech in Havana in 1959. As a key concept examines the concept of REVOLUCIÓN, the frame of concept is presented in the form of slots and the slots are filled of the verbal representatives. The conclusion about the essence of the semantic connection between the components of the slot is made, and their definition analysis along with the interpretation analysis of the language implementation of the concept let us observe the state of the ideology of Cuba at the initial stage of socialism.

Key words: cognitive linguistics, political discourse, concept, frame, slot, verbal representative.

ОБРАЗ «GRAS» ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Мария Павловна Завгороднева

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур,
«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет.
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. maria-deutsch@yandex.ru

В настоящей статье в рамках лингвокультурологического подхода исследуется природно-ландшафтный код культуры в немецких фразеологизмах на примере лексемы «Gras». Основная цель данного исследования заключается в выявлении культурных смыслов указанной выше единицы в составе фразеологизмов.

Ключевые слова: код культуры, фразеологизм, природно-ландшафтный код, язык.

Объектом анализа в статье является лингвокультурный потенциал фразеологических единиц немецкого языка, содержащих компонент «Gras». Предметом исследования определяется специфика отражения природно-ландшафтного кода во фразеологическом фонде немецкого языка. Цель статьи заключается в разработке методики лингвокультурного анализа единиц, относящихся к природно-ландшафтному коду.

«Gras» определяется словарями как: 1) *Pflanze mit einem durch Knoten gegliederten Halm, langen, schmalen Blättern und besonders als Ähren oder Rispen ausgebildeten Blütenständen mit unscheinbaren Blüten.* 2) *Gesamtheit von Gräsern, grasähnlichen Pflanzen als Pflanzendecke; Rasen* [19].

3) *Angehöriges einer weltweit verbreiteten Familie von einkeimblättrigen, meist krautigen Pflanzen: Gramineae, Poaceae.* 4) *längliche Pflanze auf Wiesen mit unscheinbaren Blüten* [Wahrig-Burfeind 2011: 640].

В этимологии немецкой лексемы «Gras» прослеживается следующее.

Ср.-в.-нем., др.-в.-нем. *gras*, готск. *gras*, шведск. *gräs*, англ. *grass* восходят к индоевропейскому корню **ghre* «*keimen, wachsen, grünen*» и «*hervorstecken*»

Общегерманское существительное *gras* имело первоначальное значение *der frischer Wuchs* (молодые побеги), *das sprießende Grün* (растущая зелень) (Перевод – М.П.) [Auberle, Klosa 2007: 299].

Ср.-в.-нем. *gras*, др.-в.-нем. *gras*, др. саксон. *gras*, восходят к германскому корню **grasa* «Gras, Kraut», в готск. *gras*, др. сканд. *gras*, др. англ. *græs*, Родственно лат. *grāmen* (от **grasmen*) «(Gras)Stengel», также может быть родственно гр. *grao* «*ich fresse*», *grastis* «Futterkraut, Grünfutter» (Перевод – М.П.) [Kluge 1999: 335].

Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами «Gras» в немецком языке позволил нам выделить следующие образы фразеологизмов и паремий.

1) Смерть:

Ins Gras beißen («умереть»); *unter dem Grase liegen* («покоиться в могиле»); *schon das Gras von unten sehen / betrachten / wachsen hören* («покоиться в могиле»).

Единица «*ins Gras beißen*» происходит из военного жаргона. Её образ основывается на представлении о том, что умирающие в агонии кусали землю или траву для подавления боли. Первый пример употребления единицы зафиксирован в «Илиаде» Гомера «*Zwei Krieger ... knirschten den Staub mit den Zähnen, von meiner Lanze gebändigt*» («Илиада», 2, 418) и в «Энеиде» Вергилия («Энеида» 11, 118).

В других европейских языках данная единица трансформировалась в «*in den Staub* (bzw. *die Erde*) *beißen*» (досл. «кусать пыль или землю») в значении «*sterben*». Например, в английском «*To bite the dust*», во французском «*mordre la poussière*», в испанском «*morder la tierra*». Предположительно, в немецкой фразеологической единице сохранилось существительное «Gras», т.к. ранее оно имело значение «*Erdboden*» (Перевод. – М.П.) [Mangold 2013: 125].

Jetzt, wo seine Schulden endlich bezahlt sind, muss er ins Gras beißen. Das Schicksal ist doch grausam! Das kann man doch anders sehen, wäre er vorher gestorben, hätten seine Kinder keine Zukunft gehabt. [Schemann, Knight 1995: 344]

Mutter Courage: wenn er ein Soldat wird, muss er ins Gras beißen, das ist klar. (B. Brecht «Mutter Courage und ihre Kinder») [Шекасюк 2013: 268]

2) Забвение:

Darüber ist Gras gewachsen («это давно быльем поросло»); *über etw. wächst Gras* («это давно быльем поросло»); *über etw. Gras wachsen lassen / lassen wir Gras über die Sache wachsen* («забыть», «не говорить», «не вспоминать о чем – л.»).

Фразеологические единицы «*über etw. Gras wachsen lassen / lassen*

wir Gras über die Sache wachsen» появляются в немецком языке в XVI веке. Их образ строится на том факте, что требуется много времени, чтобы место, где что-то закопано, заросло травой. Когда это место зарастает, его сложно найти.

Изначально данные единицы использовались в буквальном значении в сельском хозяйстве и при погребении, так как после похорон заброшенные могилы быстро зарастают травой (Перевод – М.П.) [Mangold 2013: 73].

Über die unleidige Geschichte ist doch längst Gras gewachsen. Die alten Kamellen werden wir doch jetzt nicht wieder ausgraben! Wo niemand mehr daran denkt! [Schemann, Knight 2013: 344]

Es wächst noch kein Gras über der Spiegel-Aktion der Bundesanwaltschaft in der Nacht vom 26. auf den 27. Oktober 1962 (Spiegel 6, 1966, 22) [Drosdowski, Scholze-Stubenrecht 2015: 289].

Manchmal ist es nicht gut, Gras über die Sache wachsen zu lassen. (Film «Besser geht's nicht») [Шекасюк 2013: 268].

Ich würde da jetzt gar nichts tun. Denn was du auch machst, es ist immer falsch. Ich würde über die Sache Gras wachsen lassen. Und du wirst sehen: nach spätestens zwei, drei Monaten spricht kein Mensch mehr davon [Schemann, Knight 2013: 344].

3) Грубость, невоспитанность:

Wachsen wie das Gras im Winter («не расти, не развиваться»); *wo j-n hinhaut/ hinschlägt/ hintritt, da wächst kein Gras mehr* (досл. «после того как кто-то пройдет, там больше не растёт трава»)

Mein Gott, ich hatte gesagt, er sollte ein paar Nägel für die Bilder in die Wand schlagen, nicht die Wand zertrümmern.- Das hättest du doch ahnen können, Albert. Du weißt doch: wo der Junge hinschlägt, da wächst kein Gras mehr [Schemann, Knight 2013: 344].

4) Осторожность, прозорливость, внимательность:

Gras wachsen hören («быть чрезвычайно осторожным», «всё предвидеть»); *j-d tut so, als hörte er das Gras wachsen; j-d meint, er hört das Gras wachsen.*

Первый пример использования фразеологической единицы «*Gras wachsen hören*» зафиксирован в «Младшей Эдде» (XIII век), в которой страж богов Хеймдалль описывается следующим образом: «*Er kann auch hören, dass das Gras auf der Erde und die Wolle auf den Schafen wächst, sowie überhaupt alles, was einen Laut von sich gibt.*» (Он слышит всё. Он слышит как растёт трава, как растёт шерсть у овец, слышит всё, что издаёт хоть какой-нибудь звук.) (Перевод – М.П.) [Drosdowski, Scholze-Stubenrecht 2015: 297].

В немецком языке данная единица встречается впервые в 1488 году в Нюрнбергской хронике «*Der was als witzig, dass er sach das Gras wachsen, und het von Salomon geerbt als seine Weisheit und von Aristoteles alle Subtilligkeit*».

Изначально данная фразеологическая единица имела иронический оттенок и использовалась для описания слишком умного человека. Только в XVII веке у фразеологизма появилось значение, связанное с интуицией и хорошей информированностью.

Также фразеологическая единица встречается в сказке братьев Grimm «*Sechse kommen durch die Welt*» («Вшестером целый свет обойдём»), в которой главные герои борются со злым королём. Один из них мог вертеть своим дыханием мельницы, второй быстро бегал, а третий слышал, как растёт трава (*Перевод.* – М.П.) [Mangold 2013: 131].

Wenn man das Kind zum ersten Mal zu betreuen hat, soll einer hören Gras wachsen (RTL II – Programm «Die dümmsten Chefs der Welt»).

Natürlich vertuschen sie das jetzt noch, nur keine Unruhe in der Belegschaft! Aber Vorwinkel hat lange Ohren, der hört das Gras wachsen (W. Steinberg «Pferdewechsel») [Шекасюк 2013: 268].

5) Тщательность, основательность:

Wenn man alles abgegrast hat («когда всё тщательно осмотрено.).

Данная единица берёт своё происхождение из пастбищного хозяйства. Та основательность, с которой овцы объедают траву, ассоциируется с тщательностью при поиске (*Перевод.* – М.П.) [Mangold 2013: 131].

Nachdem wir unser Gebiet mit der Feuerungsanlage abgegrast haben, wird uns die Aufgabe gestellt, eine kombinierte Werkzeugmaschine für Schreinermeister zu verkaufen (DWDS, Reklame-Praxis, 1928, Nr. 9, Bd. 4).

Wer selbst schon alle guten Anschriften, besonders aber die Fürsorgeanstalten und Unterstützungsvereine abgegrast hat, geht auf die Suche nach neu auftauchenden Kollegen und verkauft, natürlich wieder gegen halbpant, seine Adressen *Berliner Tageblatt* (DWDS, Morgen-Ausgabe, 05.03.1929).

Zwei S.S.-Männer ließen sich vom Portier die Haustüre aufschließen und kletterten dann durch den Speicher über das Dach auf unseren Balkon, drückten die Küchentüre ein und standen plötzlich in der Wohnung, wo sie das Feld erneut abgrasten [DWDS, Langhoff, Wolfgang: Die Moorsoldaten, Stuttgart: Verl. Neuer Weg 1978 [1935], S. 74].

Владение единицами культурного кода способствует успешному акту коммуникации, обеспечивая большую адекватность как

монокультурной, так и межкультурной коммуникации. С овладением единицами кодов культуры оказываются напрямую связаны вопросы формирования коммуникативной компетенции учащихся, в частности, формирование лингвокультурной компетенции.

Список литературы

Mangold R.. Deutsche Redewendungen und was dahintersteckt. Stuttgart, Zürich, Wien: Verlag Das Beste GmbH, 2013. 125 s.

Словари

Шекасюк Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. М.: Книжный дом «Либроком» 2013. 268 с.

Auberle A., Klosa A. Duden das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 957 S.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1999, 921 S.

Schemann H., Knight P. German – English dictionary of idioms. New York, 2013, 1252 S.

Deutsches Wörterbuch Текст. / Wahrig. Herausgegebenen von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Wissen Media Verlag GmbH, Gütersloh/München (vormals Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH), 2011. 1730 S.

Электронные ресурсы

DUDEN: DUDEN-online-Wörterbuch. URL: [http:// www.duden.de/](http://www.duden.de/) (дата обращения: 18.07.2018).

DWDS: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения: 18.07.2018).

THE SYMBOL OF «GRASS» IN THE PHRASEOLOGY OF THE GERMAN LANGUAGE

Maria P. Zavgorodneva

Student of Pedagogical Education, Master's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. maria-deutsch@yandex.ru

The article examines the special features of a lexical item of the natural-landscape code «Grass» the German culture. The main goal of the research is identification of cultural meanings of this lexical item in German phraseologisms. The code of culture is treated in this case as mental images, which are connected with nature or landscape or separate natural -landscape units.

Key words: phraseologism, verbal code of culture, natural landscape code of culture.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОЛЬФАКТОРНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ПАРФЮМЕРНОМ ДИСКУРСЕ

Сабина Амир кызы Касумова

студентка факультета современных иностранных языков и литературы,
«Лингвистика»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. kasumova-sabina@mail.ru

Наталья Владимировна Хорошева

к. филол. н., доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. romanphil@rambler.ru

Исследование посвящено рассмотрению концептуализации ольфакторности – категории, связанной с восприятием запахов, – во французском и русском парфюмерном дискурсах в сравнительном аспекте на материале парфюмерного Интернет-сайта. Основным средством концептуализации являются ольфакторные метафоры, которые были выявлены и рассмотрены по их принадлежности к области-источнику (домену).

Ключевые слова: ольфакторность, метафора, парфюмерный дискурс, концептуализация.

Исследования ольфакторного концепта и средств его вербализации в профессиональном дискурсе представляют научный интерес, так как они вписываются в актуальную проблематику изучения процессов смыслопорождения в современной лингвистике, а также позволяют глубже осмыслить специфику этих процессов в конкретной лингвокультуре. Это тем более интересно, что предметная область исследования – парфюмерия – лежит на пересечении материальной сферы и сферы невербализуемого, эмоционально-аффективного.

Объектом нашего исследования является категория ольфакторности как свойство предмета, относящееся к запаху и значимое для его восприятия. Предмет исследования – средства концептуализации ольфакторности, прежде всего ольфакторные метафоры, во французском и русском парфюмерном дискурсе,

«способствующие корреляции реальных ощущений и их воплощения в художественном слове» [Зыховская 2016: 16].

Материалом данного исследования являются 12 публикаций сайта www.fragrantica на французском и русском языках соответственно. К исследованию были привлечены более 5,5 тыс. словоупотреблений одором – языковых знаков, вербализующих ольфакторные значения, из которых были выявлены около 2 тыс. словоупотреблений метафорических единиц, репрезентирующих ольфакторное восприятие на французском языке, и более 1,5 тыс. – на русском.

Теоретическую базу исследования составили работы различных российских и зарубежных исследователей в области теории ольфакторного восприятия, теории дискурса, профессионально-ориентированного и парфюмерного дискурса, теории метафоры и концептуальной метафоры [Бельская 2010, Зыховская 2016, Косицкая 2016, Костяев 2012, Риндисбахер 2010, Hoffman 1987 и др.]

Известно, что существует огромное количество запахов, которые, однако, чаще всего не имеют прямой номинации даже в специальном парфюмерном дискурсе. В научной литературе отмечается, что для выражения ольфакторных категорий во многих языках отсутствует система разнообразных средств номинации одором, что является весомым фактором для обращения к концептуальной метафоре как одному из основных средств репрезентации ольфакторности. Как отмечается, «метафорические обозначения для объективного описания запахов применяются в три с половиной раза чаще, чем прилагательные» [Мамцева 2015: 105].

При рассмотрении концептуализации ольфакторности во французском и русском парфюмерном дискурсе мы обозначили основным средством концептуализации в дискурсе концептуальные метафоры, которые были нами выявлены и сгруппированы по их принадлежности к области-источнику (домену).

Концептуальные метафоры, согласно своему домену, соотносятся с крупными понятийными сферами первого уровня: «Человек», «Природа», «Физическое», а также нами выделена отдельно группа «Процессы». В свою очередь в каждой сфере есть подгруппы, так, группа концептуальных доменов «Человек» в свою очередь делится на подгруппы «Психическое», «Чувственное», «Телесное», «Искусство», «Артефакты».

Например, выявлены концептуальные метафоры, принадлежащие к домену «Психическое»: *cette élégance de bon ton toute en sobriété; une sensation de force émane du parfum; lui donnant tout son sel, tout son caractère; un parfum léger et insouciant; une touche d'espièglerie au par-*

fum и др.; легкохарактерный и очень симпатичный аромат; добавляют композиции несколько хулиганское настроение; яркий характер этой композиции и др. Подобные одоремы репрезентируют аромат как живое существо, наделенное «характером», изменчивым «настроением» и «поведением».

Концептуальные метафоры, принадлежащие к домену «Чувственное», многочисленны и разнообразны, апеллируя к восприятию различных органов чувств: *une envolée acidulée, mais non dénuée d'amertume*; *twiste du rouge velouté des pétales de roses*; *la sensualité, de l'éclat*; *une facette gustative très «pain chaud»*; *murmure de sa voix suave* и др.; такой оттенок ему придают бархатистые ноты розы; этот остренький, динамичный старт, не без легкой горечи; общая зеленая горчинка; искристыми тонами, кислогато-пряными, одновременно газированными и пикантными и др. Ассоциативно аромат, таким образом, можно не только обонять, но и осязать, ощущать на вкус, видеть и даже слышать (*sa voix suave*; звук его чист и прозрачен; когда «солнечная» часть цветка набирает голос).

Концептуальные метафоры, принадлежащие к домену «Телесное»: *le coeur floral du parfum*; *pour esquisser cette sensation de peau chauffée au soleil*; *la morsure du sel sur la peau* и др.; покрытая солью кожа; он яркий, цветаст и делает шаг в сторону сердца аромата; Bergamote Calabria – легкий, курносый девичий профиль; зубастые зеленые шипры и др.

Концептуальные метафоры, принадлежащие к домену «Искусство»: *la note pêche*; *une touche de jasmin*; *accord rose-patchouli*, *des notes lactées*, *des notes santalées*, *des notes crèmeuses*, *des notes ra-fraîchissantes*; *les fleurs blanches s'affirment et font leur vocalises*, *leur «choeur» emplit l'espace*; *des tonalités pétillantes*; *un élégant fond chypré* и др.; цветочно-шипровый и кожанный аккорды; непредвиденная нота теплых хлебных отрубей; композиция начинается цитрусовыми оттенками и др. По нашим наблюдениям, среди наиболее востребованных областей-источников из сферы искусства выделяются живопись и музыка.

Концептуальные метафоры, принадлежащие к домену «Артефакты»: *la robe florale, chyprée et cuirée*; *le velours de la rose*, *un lit chypré nimbé de muscs* и др.; мы получили притягивающий внимание подвижный шлейф; добавляет композиции замшевой изысканности; облаченная в пудровую вуаль из амбретты и ириса роза и др.

Группа концептуальных метафор, отнесенных к домену «Природа», содержит такие подгруппы, как «Растения», «Животные» и «Стихии».

Например, обширно представлена, что вполне логично для парфюмерии, группа «Растения»: poudrées et fruitées; un parfum musqué, irisé et boisé; une note végétale; leur chypre mystérieux pour une fragrance; les effluves floraux verts chyprés; l'amertume du galbanum; un parfum boisé; des notes santalée и др.; мы находим пряно-древесно-шиповый паттерн первого парфюмерного издания марки, который обрамлен плотскими нюансами абсолюта розы; в результате противостояния розы и шипровой базы розово-пачулиевый аккорд в композиции слышен особенно хорошо и др.

Поэтические, очень выразительные метафоры представлены в группе домена «Стихии»: un souffle chic; un souffle racé; un souffle iodé; une brise lumineuse; l'odeur solaire; ce petit quelque chose de radieux et printanier, un souffle irradiant, aérien; Twilly est aussi radieux que raffiné; sa facette solaire; une touche lumineuse; comme un paysage légèrement ensoleillé; qui saisit un paysage où se côtoient le vent vivifiant, l'air iodé d'une mer parfois houleuse и др.; аромат пронизан йодным дыханием, светящимся цветочно-гесперидным ветром; включает в себя морские и йодные аккорды; композиция создает ощущение светотени, захватывающей пейзаж, где сосуществуют ветер, темная зелень трав, напитанный йодом воздух над беспокойным морем и покрытая солью кожа. Данные одоремы явно демонстрируют нам сближение парфюмерного и художественного типов дискурса.

Группа «Физическое» включает в себя метафоры, основанные на области-источнике, связанной с каким-либо физическим свойством предмета: «Цвет» (une puissante amertume verte; зеленый восковой нюанс), «Форма» (aux contours charnus; ось роза-пачули; засиял всеми гранями), «Состояние» (des notes crémeuses, «мыльные» мускусы), «Текстура» (un parfum à la fois sec; la texture de la peau épaisse de la bergamote; слегка приоткрывает свою плотскую, маслянистую сторону), «Размер» (une dimension chyprée; огромный мощный сладковатый белый букет), «Качество» (une senteur fraîche; чистый мускусный аккорд).

Наконец, группа «Процессы» представлена концептуальными метафорами, основанными на действии: eaux aux agrumes, conçues pour rafraîchir, remonter le moral et dynamiser; la fleur d'Osmanthus qui ajoute une touche sophistiquée de daim souple; un mariage magique qui vous transporte sur une île exotique; la fleur murmure и др.; благодаря гальбануму, который, как острая ипага, разрезает липкий плотный воздух; шиповые ароматы в жару могут утомить; парфюм дышит светом, воздухом и др.

В целом количественный анализ показал, что разница в представленности единиц в группах и подгруппах на французском и русском языках была статистически незначительной, что свидетельствует о сближении концептуальных картин мира, связанных с ольфакторностью, в двух изучаемых лингвокультурах.

Список литературы

Бельская Т.И. Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.05. М.: 2010. 27 с.

Зыховская Н.Л. Ольфакторий русской прозы XIX века: дисс. ... д.ф.н.: 10.01.01. Екатеринбург, 2016. 518 с.

Косицкая Ф.Л. Жанровая палитра французского парфюмерного дискурса // Вестник ТГПУ. 2016. № 6. С. 71–75.

Костяев А.И. Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 144 с.

Мамцева В.В. К вопросу о вербализации концепта «запах» в художественной литературе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-o-verbalizatsii-kontsepta-zapah-v-hudozhestvennoy-literature> (дата обращения: 14.10.17)

Риндисбахер Ханс Д. От запаха к слову: моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Кн. 2. С. 579–607.

Hoffman R.R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // Metaphor and Symbolic Activity, 1987. 152 p.

CONCEPTUALISATION OF OLFACTORINESS IN FRENCH AND RUSSIAN PERFUME DISCOURSE

Sabina A. kyzy Kasumova

Student of Linguistics. Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. kasumova-sabina@mail.ru

Natalia V. Khorosheva

Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. romanphil@rambler.ru

The research is a comparative study of conceptualisation of olfactoriness – the category connected with the perception of smell – in French and Russian perfume discourses (on the material of a web-site on perfume). As it appears from the study, among the most significant means of such conceptualization are the olfactory metaphors which were revealed and analysed considering the source domain they belong to.

Key words: olfactoriness, metaphor, perfume discourse, conceptualisation.

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА США
(НА ПРИМЕРЕ ПРЕЗИДЕНТА БАРАКА ОБАМЫ)**

Валерия Сергеевна Лезжова

студентка факультета гуманитарных наук, «Фундаментальная и прикладная лингвистика»

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –
Нижний Новгород

603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12.

mini.baekk@gmail.com

Нелли Николаевна Борышнева

к. филол. наук, доцент департамента литературы и межкультурной коммуникации

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» -
Нижний Новгород

603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, 25/12. nboryshne-

va@hse.ru

Введение в лингвистику языковой личности как отдельного понятия может говорить о том, что язык является отображением не социума в целом, а конкретной личности, выполняющей определенную роль и занимающей определенное место в этом мире. В статье рассматривается речевое поведение Барака Обамы в первый и второй сроки правления.

Ключевые слова: языковая личность, политический дискурс, Барак Обама.

Современных лингвистов все больше интересуют вопросы не о строе языка, а о том, как он связан с миром человека, как человек зависит от языка и от конкретной ситуации общения. Из-за подобного интереса появилась необходимость изучения языковой личности.

В отечественной лингвистике термин «языковая личность» впервые был использован В. В. Виноградовым в 1930 году, к которому он пришел во время работы с языком художественной литературы. Он пришел к выводу о взаимодействии языковой личности,

художественного образа и образа автора в произведении [Виноградов 1980: 120–146].

Существует несколько подходов к выделению уровней языковой личности. Один из них принадлежит Ю. Н. Караулову и был описан им в книге «Русский язык и языковая личность». Караулов выделяет три уровня:

1. Вербально-семантический (базируется на лексиконе изучаемого человека, системе грамматических знаний и используемых синтаксических конструкциях);

2. Лингвокогнитивный (складывается из ценностей в картине мира личности, отражающихся в стереотипах, концептах и прецедентных феноменах);

3. Мотивационный (цели и мотивы, являющиеся обоснованием для формирования текстов) [Караулов 2010: 84 - 245]

В ходе работы был проведен анализ речей Б. Обамы по трем уровням языковой личности и были получены следующие результаты:

Вербально-семантический уровень

Лексика, используемая президентом, имеет ряд особенностей. Зачастую превалируют слова юридической тематики – foreclosure, outrage, legislation, bail, moratorium, waive, testimony, protocols, eligible, что указывает на образование Б. Обамы и его опыт работы в сфере права.

Общая лексическая картина Б. Обамы представляется как очень формальная и правильная речь. Редко встречается неформальная лексика. Замечены единичные случаи использования таких лексем как gosh, buddy, fuzz, okey-dokey.

Президент часто прибегает к различным структурно-семантическим компонентам, так как они являются эффективными средствами аффективного выделения:

- Парцелляция – «What a glorious thing, Dr. King might say. And what a solemn debt we owe». (50th Anniversary of the Selma, 2015)

- Повтор – «I do want to make sure that _ I do want to make sure that we just understand something» (Presidential debates, 2012)

- Синтаксический параллелизм – «We will rebuild, we will recover, and the United States of America will emerge stronger than before» (Address to a Joint Session of Congress, 2009)

Лингво-когнитивный уровень

Президент не пренебрегает общенациональными ценностями и американской историей, представляя их в наилучшем свете. Среди

общенациональных концептов, в речи Б. Обамы чаще всего встречаются challenge, success и equality.

Также отображением общенациональных ценностей являются частые ссылки на имена важных политических деятелей США (Авраам Линкольна, Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин, Франклин Рузвельт), а также различные прецедентные тексты (декларация независимости США и конституция США).

Среди проявления индивидуальных ценностей и установок, часто фигурируют понятия-ориентиры, которые способны наилучшим образом повлиять на жизнь граждан и ситуацию в стране в целом. Самыми часто употребляемыми являются new jobs, health care, change и education.

Его индивидуальные ценности проявляется в сносках на книги или песни, имеющие особое значение для него. Он неоднократно ссылается на известных американских писателей, среди которых чаще всего фигурируют Мартин Лютер Кинг, Уильям Фолкнер и Френсис Скотт Фицджеральд, а также на своего любимого джазового музыканта – Джона Льюиса.

Мотивационный уровень

Как известно, функции политического дискурса направлены не на то, чтобы «описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию». [Демьянков 2003: 12]. Речь конкретного политического деятеля должна быть донесена до реципиентов для выполнения своей основной задачи – оказать необходимый эффект для того, чтобы достичь поставленной цели.

Главной целью любого политика в период предвыборных дебатов является завоевание власти. При вступлении в должность цель также крутится вокруг понятия власти и связана она уже с ее удержанием.

Глобальную цель президент достигает посредством введения понятия американской мечты и укреплением в сознании народа идей о ее воплощении в жизнь. Он также пытается донести, что для их достижения необходима всеобщая работа, поэтому политический лидер всячески пытается вдохновить граждан своей страны, используя концептуальные метафоры «American dream» и «Yes, we can».

Для Б. Обамы важно внедрение понятия равноправия. Это касается не только национальности, но и пола, религии и многих других показателей. Это осуществляется на лингвокогнитивном уровне в виде концепта equality, а на вербально-семантическом с помощью различных структурно-семантических особенностей:

- Повтор – “This was one of the tasks we set forth at the beginning of this campaign – to continue the long march of those who

came before us, a march for a more just, more equal, more free, more caring and more prosperous America.” (A more perfect union, 2008)

Подводя итог, можно сказать, что Б. Обама умело использует свою речь и сопутствующие ей экстралингвистические особенности для достижения своих целей. Он не только удачно использует языковые средства, но и активно вводит в свою речь различные прецедентные феномены, что позволяет ему справляться с двумя главными задачами, стоящими перед лидером страны.

Список литературы

Баранов А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Изд-во Знание, 1991. 63 с.

Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.

Воробьев В. В. Лингвокультурология: (Теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С.116–133.

Карасик В. И. Лингвистика текста и анализ дискурса: учеб. пособие. Архангельск: Волгоград: Перемена, 1994. 36 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Плотникова С. Н. Говорящий/пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность. Вестник Нижневартковского государственного университета, 2008. С. 92–98.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Leanne S. Say It Like Obama and Win. Gardners Books, 2010. 153 p.

FEATURES OF LANGUAGE PERSONALITY OF A POLITICAL LEADER OF THE UNITED STATES (BASED ON PRESIDENT BARACK OBAMA)

Valeriia S. Lezzhova

Student of Fundamental and Applied Linguistics, Bachelor's degree course, Faculty of Humanities

National Research University Higher School of Economics

603155, Russia, Nizhny Novgorod, Pecherskaya str., 25/12. mini.baekk@gmail.com

Nelly N. Boryshneva

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature and Intercultural Communication

National Research University Higher School of Economics

603155, Russia, Nizhny Novgorod, Pecherskaya str., 25/12. nboryshneva@hse.ru

The introduction of linguistic personality as an autonomous concept indicates that language is not a reflection of the society as a whole, but a reflection of specific person who plays a role and occupies a certain place in our world. The article discusses the language behavior of Barack Obama during the first and the second presidential terms.

Key words: language personality, political discourse, Barack Obama.

**СИНОНИМИЯ ПОНЯТИЯ
«ИРЛАНДСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XIX В.**

Татьяна Сергеевна Макарова

аспирант факультета современных языков и литератур, «Теория языка»
(«Иностранный язык и профессиональная коммуникация»)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. tataMk11@rambler.ru

В статье рассмотрена проблема вербализации понятия «ирландская политическая идентичность» синонимическими средствами языка в историческом политическом дискурсе XIX в. Когнитивно-дискурсивный подход к синонимии позволяет выявить контекстуальные синонимы, репрезентирующие понятие «ирландская политическая идентичность», являющиеся реалиями общественно-политической жизни Ирландии XIX в.

Ключевые слова: ирландская политическая идентичность, контекстуальные синонимы, исторический политический дискурс XIX в., репилеры.

В современной лингвистике за последнее время актуализировались вопросы, связанные со способом представления, классификации, номинации предметов действительности. Проблемой языковой номинации занимается такая область лингвистики, как семантика. Одним из языковых феноменов, связанных с вопросом значения языковой единицы, является явление синонимии. Под явлением синонимии мы понимаем языковой феномен, при котором наблюдается полное или частичное совпадение значений языковых единиц. Необходимо учитывать, что на сегодняшний день существует множество точек зрения на проблему синонимии (семантический, функциональный, стилистический, когнитивно-дискурсивный). Мы придерживаемся когнитивно-дискурсивного подхода к явлению синонимии. Он позволяет рассматривать семантику синонимов в качестве «когнитивных конструктов, формируемых на концептуальном уровне на основании контекста» [Мишланова, Хрусталева 2009: 14].

Синонимы могут также номинировать предметы и явления действительности, относящиеся к одной этнокультурной общности. Данные специфические предметы и явления окружающей действительности называют реалиями. Как справедливо заметила О. С. Ахманова, реалии- это «разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, овочязыковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке» [Ахманова 1966: 370]. Не менее важно мнение А.Д.Швейцера, представляющего реалии в качестве слов и словосочетаний, описывающих национальный язык, относящиеся к уникальным референтам, свойственным к одной лингвокультуре [Швейцер 1973: 251]. Наше исследование концентрирует внимание на изучении реалии, принадлежащей общественно-политической жизни в Ирландии XIX в.

Целью данной научной работы является изучение контекстуальных синонимов понятия «ирландская политическая идентичность», которая обнаруживается в политическом дискурсе XIX в. Под контекстуальными синонимами мы понимаем номинации, сгруппированные на основе общего семантического компонента, репрезентирующие понятие «ирландская политическая идентичность». В данной статье номинации представляют собой реалии общественно-политической жизни Ирландии XIX в., выраженные единым языковым конструктом, компонент значения которого соотносится с компонентом значения понятия «ирландская политическая идентичность».

В работе используется методика когнитивно-дискурсивного анализа, состоящая из семантико-компонентного, семантико-когнитивного метода, метода дефиниционного анализа, историко-описательного метода, метода количественного анализа.

Материалом исследования послужили 574 номинаций на английском языке, репрезентирующие понятие «ирландская политическая идентичность». Источником контекстуальных синонимов, вербализирующих понятие «ирландская политическая идентичность», послужили исторические записки Джона Митчелла, ирландского политического деятеля и участника национально-освободительного движения в Ирландии.

Анализ ирландского политического дискурса показал, что в Ирландии в XIX в. понятие «ирландская политическая идентичность» представляло собой сложный ментальный конструкт, основанный на отождествлении ирландцев с представителями общественно-

политического движения, ставящего цель независимость Ирландии. В XIX в. в Ирландии распространилось национально-освободительное движение, которое вылилось в создании множества политических организаций. Одной из них была созданная в 1840 г. Даниэлом О'Коннелом «Ассоциация Репилеров». По мнению представителей «Ассоциации Репилеров», вопрос независимости должен был решаться в рамках движения за отмену союза между Ирландией и Великобританией, заключенного в 1801 г. Необходимо отметить, что территориальное объединение Ирландии и Великобритании произошло в 1801 г., вследствие которого Ирландия утратила свою автономию и стала частью Великобритании. Заключенная уния между Ирландией и Великобританией повлекла за собой образование нового государства, названного Объединенное королевство Ирландия и Великобритания.

В XIX в. ирландцев, которые в XIX в. примкнули к движению за отмену унии, стали называть репилерами. Представители политической организации «Ассоциация Репилеров» выдвигали националистические идеи и стремились аннулировать унию между Ирландией и Великобританией, введенную в 1801 г. [Джексон 1949: 199]. С помощью отмены унии репилеры надеялись на восстановление ирландского автономного парламента, который был упразднен в 1801 г. [Афанасьев 1907: 184]. Главным методом борьбы была избрана тактика ненасильственного сопротивления, предусматривающая проведение массовых демонстраций, митингов, бойкотов, обструкции. Однако, Даффи, Дэвис, Диллон, входившие в «Ассоциацию Репилеров», применяли революционные методы борьбы в движении за отмену унии [Джексон 1949: 202–203].

Ирландский исторический политический дискурс XIX в. позволяет нам выделить следующие дефиниции, которые будут репрезентировать понятие «ирландская политическая идентичность»:

1. Ирландская политическая идентичность – это отмена унии, заключенной между Ирландией и Великобританией в 1801 г.;

2. Ирландская политическая идентичность – это восстановление ирландского автономного парламента;

3. Ирландская политическая идентичность – это использование политической тактики, основанной на методах ненасильственного сопротивления;

4. Ирландская политическая идентичность – это использование политической тактики, основанной на революционных методах борьбы.

Таким образом, значение понятия «ирландская политическая идентичность» в Ирландии XIX в. передавалось несколькими семантиками, такими как «отмена унии», «автономный парламент», «методы ненасильственного сопротивления», «революционные методы борьбы».

Проделанное нами исследование показало, что понятие «ирландская политическая идентичность» вербализируется посредством 574 контекстуальных синонимов, которые делятся на четыре группы. Первая была выявлена на основе общего семантического компонента «отмена унии» (80 номинаций). Вторая группа находит общий семантический компонент «автономный парламент» (7 номинаций). Третья группа контекстуальных синонимов определена на основе выделения единого семантического компонента «методы ненасильственного сопротивления» (458 номинаций), четвертая – семы «революционные методы борьбы» (29 номинаций).

Исходя из результатов, полученных нами в ходе исследования, мы можем сделать вывод о том, понятие «ирландская политическая идентичность» в Ирландии XIX в. репрезентировалось различными контекстуальными синонимами, представляющими собой реалии общественно-политической жизни.

Список литературы

- Афанасьев Г.* История Ирландии. СПб., 1907. 312 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. Издательство «Советская энциклопедия», Москва, 1966. <https://www.twirpx.com/file/541490/> (дата обращения: 10.02.2018).
- Джексон Т. А.* Борьба Ирландии за независимость. М., 1949. 366 с.
- Мишланова С. Л., Хрусталева М. А.* Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии. Пермь: Перм. гос. ун-т., 2009. 204 с.
- Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод.) М., Воениздат, 1973. 280 с. <https://www.twirpx.com/file/1312293/> (дата обращения: 10.02.2018).
- Mitchel J.* The Crusade of the Period: And Last Conquest of Ireland (perhaps). Lynch, Cole & Meehan, 1873. 332 p. URL: https://books.google.ru/books?id=3bDSAAAAMAAJ&pg=PA7&hl=ru&source=gbbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 27.12.15).

**SYNONYMY OF THE CONCEPT
« IRISH POLITICAL IDENTITY»
IN THE HISTORICAL POLITICAL DISCOURSE
OF THE XIX CENTURY**

Tatyana S. Makarova

Postgraduate Student of Language Theory (Foreign Language and Professional Communication), Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. tataMk11@rambler.ru

In the article the problem of verbalization of the concept «Irish political identity» by synonymous means of language in the historical political discourse of the XIX century is considered. The cognitive-discursive approach to synonymy allows us to identify contextual synonyms that represent the notion of «Irish political identity», which are realities of the political life of Ireland of the XIX century.

Key words: Irish political identity, contextual synonyms, historical political discourse of the 19th century, repealers.

**ЯЗЫК РЕВОЛЮЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ
КОНЦЕПТОВ «DROITS» и «CITOYEN» НА МАТЕРИАЛЕ
«ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
1789 ГОДА» («DECLARATION DES DROITS DE L'HOMME
ET DU CITOYEN DE 1789»)**

Александра Владимировна Матвеева

магистрант факультета гуманитарных наук, «Фундаментальная и прикладная лингвистика» («Политическая лингвистика»)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
603005, Россия, Нижний Новгород ул. Б. Печерская 25/12.

matveeva.sasha2012@yandex.ru

Кира Юрьевна Кашлявик

д. филол. н., профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации
факультета гуманитарных наук.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
603005, Россия, Нижний Новгород ул.Б.Печерская 25/12. kachlavi@rambler.ru

В статье проанализированы концепты «Droits» («Права») и «Citoyen» («Гражданин»), лежащие в основе одного из важнейших документов Великой французской революции 1789–1794 года – «Декларации прав человека и гражданина 1789 г.» («Déclaration des droits de l'Homme et du citoyen de 1789»). Теоретической опорой исследования выбран лингвокультурный анализ концептов по методу Ю.С. Степанова. Изложенные в статье тезисы являются частью исследования о языке Великой французской революции 1789–1794 года.

Ключевые слова: Франции, декларация, революция, права, гражданин, концепт, константа, язык, лингвокультурология, история.

Язык революционной эпохи – особый социальный инструмент, служащий для отстранения от прежних культурно-социальных норм и введения новых норм, орудие новой власти и основной механизм формирования нового мировоззрения.

Язык Великой французской революции 1789–1794 года ввёл в современную европейскую ментальность концепты «Droits» («Права») и «Citoyen» («Гражданин») [Déclaration des droits ...], ставшие константами¹ и закреплённые в одном из фундаментальных

документов эпохи – «Déclaration des droits de l'Homme et du citoyen de 1789» («Декларация прав человека и гражданина 1789 г.»). Этот документ лежит в основе современного французского конституционного права и законодательной системы других государств, в том числе и России.

Изучение языка Великой французской революции требует реконструкцию свертхтекста² основополагающих документов и исследования ментальности³ данной эпохи.

Одним из инструментов описания менталитета является концепт. Под концептом в данной статье, вслед за Ю.С. Степановым, подразумевается «основная ячейка культуры в ментальном мире человека; сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2004: 43].

При этом «в лингвокультурном концепте находит отражение как коллективный опыт народа (объективная, этническая ментальность; общезначимые признаки), так и индивидуальный опыт его отдельного представителя (субъективная ментальность; индивидуально значимые признаки). Концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции» [Серова 2007:16].

Согласно Ю.С. Степанову, для концепта характерно трехчастное строение:

1) внутренняя форма концепта, включающая в себя этимологический признак;

2) периферия концепта, состоящая из дополнительных пассивных признаков содержания концепта, актуальных лишь для некоторых социальных групп;

3) ядро концепта, то есть основной, актуальный слой концепта, в котором концепт включается, помимо духовной культуры в собственном смысле этого слова, еще и в структуры общения и в мыслительные категоризации, связанные именно с общением [Степанов 2004: 42–84].

Обратимся к анализу концепта «Droits» («Права»).

1. Внутренняя форма концепта «Droits» («Права»).

Этимология концепта «Droit» восходит к латинскому «directum» в значении «не кривой, ровный, под прямым углом», включает в себя базовые, оставшиеся неизменными, значения «истинный, честный, подлинный, точный» (1050 «juste, vrai, exact» dreit num (Alexis, éd. Chr. Storey, 215), «справедливый, честный, откровенный» (1100 « juste, honnête, franc » (Roland, éd. J. Bédier, 2441), «не отступающий от разума, от здравого смысла» (1130-40 « qui ne s'écarte pas de la raison,

de bon sens » dreite veie (Wace, Conception N.-D., éd. W. R. Ashford, 1088)) [Trésor de ...]. Для сравнения: в русском языке понятие «право» связано со словом «правый» и, вероятно, восходит к латинскому «probus» – «добрый, честный, порядочный» [Фасмер].

2. Периферия концепта «Droits» («Права»).

Для выделения пассивных признаков концепта, необходимо рассмотреть историческое его развитие.

Обратимся к более частному концепту «Droits de l'Homme» («Права Человека»), раскрывающемуся в тексте «Декларации» (частотность упоминаний:16) [Déclaration des droits ...], поскольку именно в нём происходит теоретическое осмысление потенциального правового поля нового государства. Данный концепт является составляющей более широкого концепта «Droits naturels» («Естественные/неотъемлемые права»), в который также включены «Liberté de l'Homme» («Свобода человека»). Эти концепты разрабатывали философы XVIII века, что было в духе того времени, времени провозглашения независимости США:

*Renoncer à sa **liberté**, c'est renoncer à sa qualité d'homme, **aux droits de l'humanité**, même à ses devoirs.* [Rousseau 1762:108].

*(Отказаться от своей **свободы** – значит отказаться от своей человечности, от **прав всего человечества**, и даже от своих обязанностей. – пер. автора)*

Текст «Декларации» устанавливает, разъясняет и моделирует легитимность данных концептов, которая будет раскрыта в статьях Конституции (Constitution française):

*Article 1 – Les hommes naissent et demeurent **libres et égaux en droits**. Les distinctions sociales ne peuvent être fondées que sur l'utilité commune. Article 2 – Le but de toute association politique est la conservation **des droits naturels** et imprescriptibles de l'homme. Ces droits sont la **liberté**, la propriété, la sûreté et la résistance à l'oppression* [Déclaration des droits ...].

*(Статья 1 – Люди рождаются и остаются **свободными и равными в правах**. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе. Статья 2 – Цель всякого политического союза – обеспечение **естественных и неотъемлемых прав человека**. Таковые – **свобода**, собственность, безопасность и сопротивление угнетению* [Декларация прав: 26–29]).

При этом в юридическое поле концепта «Homme» («Человек») в этот исторический период не входили права женщин, детей, инвалидов и этнических меньшинств. Только к концу XIX века, в периоде долгой борьбы феминистского сообщества, а затем обществ по защите детей и

инвалидов, а также в результате пересмотра прав национальных меньшинств в конце XX века, юридический концепт «Homme» расширил поле содержания:

*N'oubliez jamais qu'il suffira d'une crise politique, économique ou religieuse pour que **les droits des femmes** soient remis en question. Ces droits ne sont jamais acquis. Vous devrez rester vigilantes toute votre vie durant* [Simone de Beauvoir 1949: 231]. *(Никогда не забывайте, что достаточно одного политического, экономического или религиозного кризиса, чтобы **права женщин** были поставлены под сомнение. Эти права никогда не обеспечены навсегда. Вам следует всю жизнь оставаться бдительными. – пер. Е. Орлова.)*

На данный момент эти концепты составляют уже ядро конституционного права не только Франции, но международного публичного права, что постулирует Статья 2 «Всеобщей декларации прав человека» (La Déclaration universelle des droits de l'homme):

Chacun peut se prévaloir de tous les droits et de toutes les libertés proclamés dans la présente Déclaration, sans distinction aucune, notamment de race, de couleur, de sexe, de langue, de religion, d'opinion politique ou de toute autre opinion, d'origine nationale ou sociale, de fortune, de naissance ou de toute autre situation [Déclaration universelle ...].

(Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения [Всеобщая декларация ...].)

Таким образом, на периферии концепта «Droits» («Права») оказывается значение «права человека как права совершеннолетнего, работоспособного представителя мужского пола, являющегося французом по национальности». В современном мире данная пассивная характеристика больше не актуализируется.

3. Ядро концепта «Droits» («Права»).

На данном уровне репрезентации необходимо рассмотреть лексему слова «Droits», через которое может быть репрезентирован концепт, - «Droit» («Право»). На основе универсального энциклопедического словаря Grand Larousse encyclopédique можно выделить следующие базовые характеристики концепта «Droit»:

- *свод правил, регулирующий отношения членов одного общества, законность;*

- *наука, объектом которой является изучение этих правил;*

- признанные по закону или юридически каким-либо государственным органом полномочия действовать определённым образом или пользоваться определённым преимуществом;
- возможность действовать определённым образом с точки зрения морали;
- предоставленная каким-либо авторитетом возможность или разрешение действовать определённым образом, санкция;
- то, что даёт, считающиеся законными, власть, прерогативу, титул, авторитет;
- акциз, налог [Encyclopédie Larousse ...].

Во французском языке представление о праве материализовано в словах «droit, pouvoir, faculté». Для сравнения: в русском языке объективация понятия происходит через ряд «право – законодательство – полномочия» [Александрова 1969: 400].

По аналогии с концептом «Droits» («Права»), проанализируем второй важнейший для французской ментальности концепт – «Citoyen» («Гражданин»):

1. Внутренняя форма концепта «Citoyen» («Гражданин»).

Этимология концепта «Citoyen» восходит к древнефранцузскому «citeain» в значении «житель города», но уже к 1160 прирастает значение «горожанин, пользующийся правом жителя города» (1160 «homme qui jouit du droit de cité dans une ville » (*Enéas*, 11 ds T.-L.); 1638 *citoyen romain* (Patru, *Traduction du discours pour Archias* ds Littré) и только в 17 веке зафиксированы дефиниции «человек, подвергающийся закону» (1641 bon citoyen « homme soumis aux lois » (Corneille, *Horace*, acte I, 3, vers 266) , «член государства» (1751 « membre d'un État considéré du point de vue de ses droits politiques » (Argenson, *Journ.*, VII, p. 41 ds Brunot t. 6, p. 144, note 2) [Trésor de ...]. Для сравнения: в русском языке слово заимствовано из церковнославянского «горожанин», являющегося калькой с греческого «πολίτης» [Фасмер].

2. Периферия концепта «Citoyen» («Гражданин»).

Концепт «Citoyen» («Гражданин») крепко связан с концептом «Droits» («Права»), поскольку гражданин обладает правами, а также обязанностями, что зафиксировано в тексте «Декларации» (частотность упоминаний концепта «Citoyen» («Гражданин»): 7) [Déclaration des droits ...]:

Article 6 – La loi est l'expression de la volonté générale. Tous les citoyens ont droit de concourir personnellement ou par leurs représentants à sa formation. Elle doit être la même pour tous, soit qu'elle protège, soit qu'elle punisse. Tous les citoyens, étant égaux à ses yeux, sont également

admissibles à toutes dignités, places et emplois publics, selon leur capacité et sans autre distinction que celle de leurs vertus et de leurs talents [Déclaration des droits ...].

(Статья 6 – Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его создании. Он должен быть единым для всех, охраняет он или карает. Все граждане равны перед ним и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями [Декларация прав: 26-29]).

В Конституции 1791 (*Constitution française 1791*) в языке концепт актуализируется через следующие понятия [*Constitution de 1791*]:

«*Citoyen actif*» («активный гражданин»), т.е. гражданин, пользующийся правом голоса и, по сути, являлось статусом буржуазии, и «*Citoyen passif*» («пассивный гражданин»), т.е. «гражданин, не имеющий права голоса».

В актуальной Конституции подобное разграничение отсутствует.

В условиях глобализации значительное место занимает концепт «*Citoyen du monde, de l'univers*» («гражданин мира», человек, ставящий интересы общечеловеческие превыше национальных), статус, который не признаётся официально, а только на индивидуальном уровне:

Il est triste que souvent pour être bon patriote on soit l'ennemi du reste des hommes. [...] Telle est donc la condition humaine, que souhaiter la grandeur de son pays c'est souhaiter du mal à ses voisins. Celui qui voudrait que sa patrie ne fût jamais ni plus grande, ni plus petite, ni plus riche, ni plus pauvre, serait le citoyen de l'univers [Voltaire, 1827: 236-237].

(Печально, что зачастую быть хорошим патриотом – значит быть врагом остальных людей. [...] Таково человеческое условие: чтобы пожелать своей стране величия, необходимо пожелать вреда своим соседям. Тот, кто хотел бы, чтобы его родина не становилась не больше и не меньше, не богаче и не беднее, тот может считаться гражданином мира. – пер. автора.)

3. Ядро концепта «*Citoyen*» («Гражданин»).

В универсальном энциклопедическом словаре *Grand Larousse encyclopédique* предоставлены следующие дефиниции концепта «*Citoyen*»:

- человек, имеющий и использующий гражданские и политические права на территории государства, к которому он относится, в том числе правом голосования (в отличие от иностранцев);

- (разговорн.) тип (обычно о чудаковатом, странном человеке, в пренебрежит. манере);

- в период французской революции слово введено санкюлотами в 1792 в качестве замены аристократическому обращению «monsieur» [Encyclopédie Larousse ...]. (Последняя дефиниция находится на периферии концепта).

Синоним концепта «Citoyen» представлен понятием ressortissant в основном значении «гражданин, -анка; подданный, -ая какой-л. страны» [Encyclopédie Larousse ...]. Для сравнения: словарь синонимов русского языка Александровой фиксируют ряд «гражданин – подданный» [Александрова, 1969:110].

Лингвокультурный анализ концептов текста «Декларации прав Человека и гражданина 1789 года» («Déclaration des droits de l'Homme et du citoyen de 1789») показывает актуальность данного документа и отражает европейскую ментальность, поскольку устанавливает чёткие границы концептов «Droits» («Права») и «Citoyen» («Гражданин»).

Примечания

¹Под *константой* в культуре понимается концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время [Степанов 2004:84].

²Сверхтекст – совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно и ситуативно. Это целостное образование, единство которого зиждется на тематической и модальной общности входящих в него единиц (текстов). Сверхтекст ограничен во времени и пространстве; как целостная речевая единица имеет коммуникативные полюсы – автора и адресата [Стилистический энциклопедический ... , 2003].

¹ *Примеч.* – Под *ментальностью* понимается глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом [Новая философская ... 2001].

Список литературы

Александрова Е.В. Словарь синонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1969. 600 с.

Всеобщая декларация прав человека. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 01.03.2018).

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26–29.

Новая философская энциклопедия: В 4 т.// Под редакцией В. С. Стёпина. М.: Мысль. 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/698/МЕНТАЛЬНОСТЬ (дата обращения: 18.02.2018).

Серова И.Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности// Вопросы когнитивной лингвистики, №1 (010), 2007. С.16.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка// Под редакцией М.Н. Кожиной. М.: Флинта, Наука. 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://stylistics.academic.ru/150/Сверхтекст> (дата обращения: 18.02.2018).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.lexicography.online/п/право> (дата обращения: 01.03.2018).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://vasmer.lexicography.online/г/гражданин> (дата обращения: 01.03.2018).

Constitution de 1791. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1791.5082.html> (дата обращения: 01.03.2018).

Déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.textes.justice.gouv.fr/textes-fondamentaux-10086/droits-de-lhomme-et-libertes-fondamentales-10087/declaration-des-droits-de-lhomme-et-du-citoyen-de-1789-10116.html> (дата обращения: 16.02.2018).

Déclaration universelle des droits de l'homme, 1948. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/fr/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 01.03.2018).

Encyclopédie Larousse en ligne. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/droit/26842> (дата обращения: 01.03.2018)

Rousseau, Jean-Jacques Du contrat social ou Principes du droit politique, М.М. Rey (Amsterdam), 1762. 324р.

Simone de Beauvoir Le Deuxième Sexe, tomes I, éd. Gallimard, 1949, 400р.

Trésor de la Langue Française, dictionnaire étymologique en ligne. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/Droit> (дата обращения: 01.03.2018).

Trésor de la Langue Française, dictionnaire étymologique en ligne. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/citoyen> (дата обращения: 01.03.2018).

Voltaire Dictionnaire philosophique (1764), éd. Menard et Desenne, 1827, t. 11, article «Patrie», P. 236–237.

**LANGUAGE OF THE REVOLUTION:
LINGVOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPTS
"DROITS" AND "CITOYEN" ON THE BASIS
OF "THE DECLARATION OF THE RIGHTS OF MAN
AND OF THE CITIZEN OF 1789"
("DECLARATION DES DROITS DE L'HOMME ET DU CITOYEN
DE 1789")**

Aleksandra V. Matveyeva

Student of Fundamental and Applied Linguistics (Political Linguistics), Master's degree course, Department of Humanities

National Research University Higher School of Economics

603005, Russia, Nizhny Novgorod, .B. Pecherskaya str., 25/12. mat-veeva.sasha2012@yandex.ru

Kira Y. Kashlyavik

Doctor of Philology, Professor at the Department of Humanities

National Research University Higher School of Economics

603005, Russia, Nizhny Novgorod, B. Pecherskaya str., 25/12. kachlavi@rambler.ru

The article deals with the history of conceits "Droits" ("Rights") and "Citoyen" ("Citizen"), which underlie the one of the most important documents of the Great French Revolution of 1789–1794 – the "Declaration of the Rights of Man and of the Citizen of 1789" ("Déclaration des droits de l'Homme et du citoyen de 1789 "). The linguocultural analysis of the concepts is based on the works of Y.S. Stepanov. The theses presented in the article are included in the Great French Revolution language research.

Key words: France, declaration, revolution, rights, citizen, conceit, konstanta, language, linguoculturology, history.

ФАНТАЗИЙНЫЙ И РАЦИОНАЛЬНЫЙ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Анна Сергеевна Мерзлякова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. an.merzliakova@yandex.ru

Надежда Николаевна Меньшакова

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mnesperanza@mail.ru

Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу фантазийного и рационального способов репрезентации категории пространства в научно-популярном дискурсе на материале главы книги С. Хокинга «A Brief History of Time». В ходе исследования были выявлены контексты рационального и фантазийного способов репрезентации знаний, а также проанализированы способы их реализации в тексте. На основании полученных результатов были сделаны выводы о соотношении данных способов репрезентации знания в научно-популярном тексте.

Ключевые слова: фантазийность, рациональность, Хокинг, научно-популярный дискурс, репрезентация, английский язык.

В настоящее время научно-популярный дискурс все чаще рассматривается исследователями как самостоятельный тип дискурса. Как и другие типы дискурса, научно-популярный дискурс имеет свои характерные особенности. В качестве основной черты данного типа дискурса мы можем отметить взаимодействие текста и читателя, что предполагает наличие социокультурных и психологических экстралингвистических факторов [Егорова 2009: 43]. С помощью текста, написанного в рамках научно-популярного дискурса, автор передает читателю научные знания, используя лексику, которая является общеупотребительной. Например, вместо научной

терминологии используются общенаучные термины. Способ передачи или выражения информации при этом может быть разным.

В нашей работе предпринята попытка анализа научно-популярного текста с точки зрения рационального и фантазийного способов репрезентации знания. Рациональный и фантазийный типы мышления, как известно, имеют специфические черты: рациональность подчинена строгой логике, а фантазийность руководствуется вероятностной логикой. Вероятностная логика позволяет исследователям выдвигать научные гипотезы и выражать новое знание. На данный момент рациональный способ репрезентации изучен достаточно подробно, а категория фантазийности нуждается в исследовании. Это делает тему нашей работы актуальной.

Материалом исследования послужила книга С. Хокинга «A Brief History of Time», глава «Black Holes». Стивен Уильям Хокинг – английский физик-теоретик, профессор математики в Кембридже. С университетских времен изучал проблему возникновения вселенной и теорию черных дыр, которую изложил в своей книге. Всю свою жизнь С. Хокинг занимался популяризацией науки, поэтому можно утверждать, что его книга «A Brief History of Time» относится к научно-популярному типу текста.

Мы изучили, каким образом категория пространства представлена в главе «Black Holes». По мнению А. А. Гусева и др., категория пространства в тексте отображает, главным образом, такие его свойства, как протяженность и единство прерывности и непрерывности. Некоторые контексты репрезентируют часть всеобщего пространства, другие выражают само пространство в его широком смысле [Гусев 1988: 1071].

Анализ всех выявленных в материале контекстов показал, что они осмысляются двумя способами: рациональным и фантазийным. Известно, что рациональному осмыслению характерна первичная категоризация, тождественность с действительностью, установление референтных связей и эмпиричность. Рациональный способ осмысления действительности ассоциируется, как правило, с научным поиском. Фантазийному мышлению характерны вторичная категоризация, рефлексивно-интерпретационное познание действительности, «расподобление» с действительностью, а также нерелевантность референтных отношения. Традиционно фантазийный способ осмысления действительности ассоциировался с художественным творчеством, однако, исследования научного текста показали, что он также характерен для науки [Меньшакова 2012: 13–14].

В рамках рационального мышления осваиваются такие пространственные понятия, используемые в тексте, как «*star*», «*neutron star*», «*the universe*», «*galaxy*», «*gravitational field*», «*radius*», «*orbit*» и «*distance*». Кроме того, рациональным способом выражены свойства пространства. Таким образом, текст содержит следующие контексты: «*to be formed*», «*to escape*», «*to collapse (in)*», «*to contract*», «*to expand*», «*to take over the limit*» и «*to shrink to zero size*». Данные контексты однозначны, отождествляются с реально существующими объектами или явлениями реальности. Они не вызывают ассоциаций с какой-либо другой сферой бытия. Более того, они выражены общенаучными терминами в рамках общеупотребительной лексики.

В рамках фантазийного мышления осваиваются понятия «*star clusters*», «*path*», «*black holes*», «*white dwarfs*», «*pulsar*», «*wormhole*», «*black void*». Они вторичны по отношению к объектам повседневной действительности, основаны на интерпретации. Так, «*path*» – это не тропинка, например, в саду, а траектория, по которой движутся объекты космического пространства; «*black hole*» – это не некая дырка в материальном объекте, а область пространственно-временного континуума, в которой гравитационная сила столь велика, что ее не могут покинуть даже объекты, чья скорость выше скорости света; «*white dwarf*» – это не взрослый человек с небольшим ростом, а проэволюционировавшая звезда; «*wormhole*» – это не нора, сделанная червем, а типологическая особенность пространственно-временного континуума, и т.д. Проанализированный текст также содержит развернутый контекст фантазийного способа репрезентации пространства: «*He may be able to avoid hitting the singularity and instead fall through a «wormhole» and come out in another region of the universe*». В данном контексте фантазийность передается за счет модальности. Автор использует модальный глагол «*may*», который выражает вероятностное научное знание.

Следует отметить, что модель категории фантазийности состоит из двух составляющих: рациональной и иррациональной, по-разному интерпретирующих объекты фантазийного мира в зависимости от референтных отношений [Меньшакова 2012: 22]. Так, к иррациональной составляющей категории фантазийности относятся мифы, небылицы, сказки, мечты, заблуждения, ложь, домыслы, сплетни, догадки, выдумки и другие. В свою очередь к рациональной составляющей относятся модели, абстракции, интуиция, гипотезы, вероятность, интерпретация, аналогии, подобие и другие. Иррациональная составляющая соотносится с фольклорно-художественным вымыслом, тогда как рациональная составляющая

более тесно связана с научной интерпретацией действительности [Меньшакова 2012: 22].

В проанализированном тексте преобладают контексты фантазийности, соотносимые с рациональной составляющей модели категории. Данные контексты можно разделить на блоки, входящие в рациональную составляющую фантазийности. Так, контексты «*star clusters*», «*path*», «*black holes*», «*white dwarfs*», «*pulsar*», «*wormhole*» относятся к блоку «аналогия», потому что их употребление в тексте обосновано сходством данных предметов, явлений с реально существующими объектами действительности. Так, например, согласно словарю, «*wormhole is a hypothetical structure of space-time envisioned as a tunnel connecting points that are separated in space and time*» [Wormhole. URL: <https://www.merriam-webster.com>]. Данный термин описывает типологическую особенность пространственно-временного континуума. Интересно, что это явление представляет собой «туннель» в пространстве, который сравнивается с норой, проделанной червем. Несмотря на то, что термин «*wormhole*» давно устоялся в научном сообществе, он является примером фантазийного способа репрезентации категории пространства. Номинативная единица «*black void*» относится к блоку «интерпретация», так как она образно описывает «*black hole*». Словарь определяет «*void*» как «*empty space*» [Void. URL]. Из данного определения следует, что «*black void*» – это нечто абстрактное, что мы не можем представить. Наше воображения лишь приблизительно может осмыслить данное явление. Кроме того, в анализируемом тексте содержится развернутый контекст, который относится к блоку «гипотеза». В предложении: «*He may be able to avoid hitting the singularity and instead fall through a «wormhole» and come out in another region of the universe*» автор использует модальность. Он рассказывает читателям, что на данный момент возможность выхода из черной дыры до сих пор не доказана, ведь для осуществления должно быть соблюдено множество условий. Однако, такую возможность нельзя отрицать, подтверждением чему является данный контекст.

Проведенное исследование показало, что в проанализированном научно-популярном тексте контексты репрезентации категории пространства рациональным способом преобладают над контекстами репрезентации фантазийным способом. Основные широко известные научные термины, которые существуют на всех языках, относятся к рациональному способу репрезентации знания. С помощью фантазийного способа репрезентации пространства автор доносит до читателя вероятностное или новое научное знание. Контексты,

выражающие вероятностное знание, относятся к рациональной составляющей модели категории фантазийности, а именно, к блокам: «аналогия», «интерпретация», «гипотеза». Контекстов, относящихся к иррациональной составляющей фантазийности, в тексте главы «Black Holes» нет. По нашему мнению, это связано с тем, что книга С. Хокинга «A Brief History of Time» относится к научно-популярному дискурсу и в ней не продуцируется новое знание, что характерно для фантазийности в науке, а лишь воспроизводится уже имеющееся знание.

Список литературы

Гусев А. А., Кнунянц И. Л., Кузнецов М. И., Панов В. Г., Федосеев П. Н., Храпченко М. Б. Советский энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1988. 1600 с.

Егорова Л. А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. С. 42–46.

Меньшакова Н. Н. Категория фантазийности в науке. Самара-Пермь, «Издательство Ас Гард», 2012. 132 с.

Void. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 25.03.2018).

Wormhole // URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 25.03.2018).

Stephen Hawking A Brief History of Time. London, «Bantam Publisher» 1988. 101 с.

FANTASTICAL AND RATIONAL WAYS OF REPRESENTATION OF SPACE IN POPULAR-SCIENCE DISCOURSE

Anna S. Merzliakova

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies), Bachelor's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. an.merzliakova@yandex.ru

Nadezhda N. Menshakova

PhD in Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Bukirev str., 15. mnesperanza@mail.ru

The article is dedicated to the contrastive analysis of fantastical and rational ways of representation of space in popular science discourse. The article studies the ways of representation of knowledge in the chapter of the book «A Brief History of Time» by S. Hawking. In the research, contexts of rational and fantastical ways of representation of knowledge have been found out and ways of their representation in the text have been analyzed. Conclusions about the relations of these ways of representation in the popular-science text are drawn.

Key words: fantasy, rationality, Hawking, popular science discourse, representation, English, Russian.

СУБЪЕКТИВНАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ ЭТНИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Ольга Сергеевна Мылтасова

студентка филологического факультета, «Фундаментальная и прикладная лингвистика»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. myltasovaolua@gmail.com

Алина Рустамовна Мансурова

Master of Studies in General Linguistics and Comparative Philology (UOxford)

Преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. alina.mansurova.am@gmail.com

В статье предпринята попытка составить социолингвистический портрет коми-пермяцкого языка в Пермском крае, проанализировать коммуникативную мощь языка и количественную оценку отношения носителей языка к самому языку. Коми-пермяцкий язык входит в список языков, находящихся под угрозой (классификация ЮНЕСКО), поэтому языковая ситуация рассматривается в рамках теории языковой витальности с целью оценить судьбу языка. Материалом для исследования послужили результаты анкетирования, проведенного среди школьников старшей школы и студентов из Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, языковая витальность, субъективная языковая витальность, коммуникативная мощь, Пермский край, языки, находящиеся под угрозой.

Введение

Описание языковой витальности стало трендовым направлением в мировой социолингвистике за последние пять лет: на поисковый запрос «языковая витальность» выйдет как минимум 10 публикаций об исследовании языков России и СНГ (марийского, казахского, таджикского, татарского, тувинского и т.д.).

В современном обществе те языки, которые не имеют высокого престижа в обществе и не помогают построить успешную карьеру, постепенно выходят из употребления и, как результат, используются только старшим поколением или исчезают. Этнические языки

являются неотъемлемой частью языкового разнообразия человечества и являются инструментом, с помощью которого можно познакомиться с историей и культурой народов. Также эти языки зачастую служат средством этнической самоидентификации. Исчезновение этих языков из лингвокультурной мозаики мира приведет к уменьшению ее разнообразия.

Для оценки критичности ситуации, в которой находится тот или иной язык нетитульной этнической группы, используется понятие витальности языка. Словарь социолингвистических терминов определяет витальность как «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств» [Витальность языка 2006]. Языковая витальность бывает объективной и субъективной. Объективная витальность отражает возможное использование языка в сферах общественной жизни, наличие письменности, литературы на этом языке, литературной нормы и т.д. Субъективная витальность показывает оценку объективной витальности носителями этого языка и их отношение к языку.

В данной статье сделана попытка анализа субъективной витальности коми-пермяцкого языка в Пермском крае на основе пилотного исследования в рамках описания языкового портрета Пермского края. Коми-пермяцкий язык часто рассматривается как с когнитивной точки зрения, так и с социолингвистической (примеры исследований см в. [Ерофеева 2011; Худякова 2014; Русская спонтанная речь коми-пермяков 2014; Erofeeva 2013]. Тем не менее, в этих социолингвистических исследованиях уделялось внимание только объективной витальности, в то время как в данном исследовании его предметом стала субъективная витальность коми-пермяцкого языка.

Объективная витальность коми-пермяцкого языка в Пермском крае

Коми-пермяцкий язык является индоевропейским языком и относится к пермской группе финно-угорской ветви уральской семьи. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения, характеризует коми-пермяцкий как язык, находящийся под угрозой вымирания [UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger: эл. ресурс]. Согласно статье 42 Устава Пермского края [Устав Пермского края 2007: эл. ресурс], коми-пермяцкий является официальным языком в Коми-Пермяком автономном округе.

Согласно результатам Всероссийской Переписи Населения 2010 года [Всероссийская Перепись Населения 2010: эл. ресурс], 94 456

человек указали свою национальность как коми-пермяк, 63% из которых проживают в деревнях и селах. 85% от общего числа коми-пермяков проживают в Пермском крае (Коми-Пермяцкий автономный округ), Тюменской, Свердловской и Ростовской областях.

Коми-пермяцким языком владеют 58727 жителей Пермского края [ВПН 2010: эл. ресурс]: в основном, это коми-пермяки (94%), но также есть носители этого языка и среди других этнических групп. Русским языком владеет 85% коми-пермяков в Пермском крае. В качестве родного языка, коми-пермяцкий указали 56% коми-пермяков. Ситуацию среди коми-пермяцкого населения в Пермском крае наблюдается русско-коми-пермяцкий билингвизм.

Согласно Конституции РФ, официально-деловая сфера и делопроизводство в Пермском крае ведутся на русском языке, единственном государственном языке края. В Коми-Пермяцком автономном округе коми-пермяцкий язык теоретически может использоваться в этой сфере в силу своего официального статуса, но на деле это не происходит. Помимо этого, этот язык не защищен ни одним из Законов о языке, которые были приняты с 1992 по 1999 гг. [Кондрашкина 2006: 44].

Сфера СМИ представлена ежедневной программой «Вести Кудымкар», радиостанцией «Округ-FM» 100.9, в вещании которого есть сказки на коми-пермяцком языке. Среди газет есть те, которые выпускают приложение на коми-пермяцком («Коми говк» в газете «Парма») или публикуют их полностью на этническом языке («Кама-Кыштын», которая выходит с 2010 г.).

В Интернете коми-пермяцкий можно использовать для поиска информации только в Википедии. Коми-пермяцкая Википедия [Перем коми Википедия: электр. ресурс] занимает 193 место по количеству написанных статей (около 3500 статей) и насчитывает примерно 6000 пользователей. В социальной сети «В Контакте» сообщества, посвященные коми-пермяцкой культуре, используют этот язык в качестве языка публикаций и общения.

Сфера культуры – та сфера, где больше всего популяризируется коми-пермяцкая культура. Одним из главных событий в жизни коми-пермяцкого народа является День коми-пермяцкого языка, в рамках которого проводятся различные развлекательные и образовательные мероприятия. Новым мероприятием стал «Всеобщий диктант по коми-пермяцкому языку», собравший в 2017 г. более 400 человек в Коми-Пермяцком автономном округе и за его пределами [Всеобщий диктант 2017: эл. ресурс]. Но как язык общения, КПЯ в этой сфере не используется.

В образовании преобладает русский язык как язык преподавания; коми-пермяцкий язык используется в немногочисленных национальных школах в деревнях Коми-Пермяцкого автономного округа, также есть факультативы, на которых можно изучать язык как иностранный. Несмотря на сокращение количества национальных школ в округе, количество детей, изучающих коми-пермяцкий, увеличивается [Рычков 2013]. В высшей школе, коми-пермяцкий язык изучается и используется в качестве языка преподавания на отделении КПА ПГПУ в Перми и в Коми-Пермяцком институте усовершенствования учителей.

Представленные выше данные отражают лишь усредненную объективную витальность языка. Субъективная витальность покажет, насколько носители коми-пермяцкого языка на самом деле пользуются этим языком в реальной жизни и как к нему относятся.

Методология

В 2014 г. в рамках пилотного исследования было проведено анкетирование среди 76 носителей коми-пермяцкого языка. Средний возраст респондентов составил 21 год. Все респонденты родились и проживают в Коми-Пермяцком автономном округе или в других районах Пермского края. Все участники являются школьниками или студентами СУЗов и ВУЗов.

Анкета состояла из 37 вопросов, объединенных в три основных раздела: демографическая информация, сферы использования коми-пермяцкого языка и отношение к нему (похожие вопросы можно найти в [Мансурова 2013: 450]). Демографическая сводка отражала возраст информанта, пол, место учебы и языковые компетенции. Вопросы об отношении к языку были представлены в форме 5-тибалльных шкал Лайкерта [Мещерякова 2003: 547–548]. Анкетирование проводилось на русском языке как в онлайн-форме, так и очно в аудитории.

Опрос показал, что коми-пермяцкий является родным языком для 73% опрошенных, помимо них 5% человек указали, что являются билингвами с рождения, т.е. называют и русский, и коми-пермяцкий родными языками. Почти все респонденты (96%) являются билингвами: 19% ответивших утверждают, что знают оба языка на одинаковом уровне; для 31% информантов коми-пермяцкий является доминантным, для оставшихся 45% респондентов доминантным является русский язык.

Коммуникативная мощь коми-пермяцкого языка

Одним из результатов анкетирования стал список сфер жизни, где язык применяется на практике. Основной сферой использования коми-пермяцкого языка оказалась личная сфера, в которой использование

того или иного языка мотивируется поколением, к которому принадлежит собеседник: 51% респондентов говорят с родителями и старшим поколением только на коми-пермяцком, а 41% – с сиблингами¹², т.е. с родными братьями и сестрами. Оба языка используют 77% информантов в общении со старшим поколением, 41% – с сиблингами. Что касается общения с друзьями, информанты отдали предпочтение русскому языку: 43% ведут беседу только на русском языке, 38% используют и русский, и коми-пермяцкий. Только коми-пермяцкий в разговоре с друзьями используют 17% информантов. Вероятно, использование в речи только коми-пермяцкого языка является скорее исключением из правил, потому что есть четкая зависимость между выбором языка для поддержания беседы и местом жительства: наблюдается тенденция к более активному использованию языка среди жителей сельской местности.

Личную сферу общения также составляют коллеги на рабочем месте. На вопрос об общении с ними ответили только 53% респондентов: это связано с тем, что школьники не имеют возможности работать, а у студентов на очном отделении не всегда хватает времени. Из ответивших 15% информантов говорят с коллегами только на коми-пермяцком языке. Причиной выбора русского языка для общения в личной сфере может служить низкий статус коми-пермяцкого языка в обществе [Русская спонтанная речь коми-пермяков 2014: 7,10], где большую часть населения составляют русскоговорящие жители, и ограниченная языковая компетенция в коми-пермяцком языке³.

В коммуникации с местной властью 28%⁴ используют коми-пермяцкий язык. Вероятно, что респонденты либо находятся в близких/родственных отношениях с представителями власти, либо те люди, с которыми был контакт, не занимают высоких должностных позиций в Коми-Пермяцком автономном округе, например являются представителями власти на сельском уровне⁵.

В сфере СМИ большинство коми-пермяков предпочитают русскоязычные издания в силу того, что в регионе нет большого разнообразия газет, журналов, книг и ТВ/радиопрограмм на национальном языке. Все же около 30% информантов читают газеты/книги/журналы и смотрят фильмы и ТВ на коми-пермяцком (17%, 26%, 4%, 21% и 13% соответственно). Интернетом информанты стараются пользоваться на русском языке (97%), так как на нем легче и быстрее найти нужную информацию. Среди опрошенных есть те, кто знают немецкий (12%), английский (47%) и по одному человеку знают французский, испанский и португальский, но несмотря на это они

почти не используют эти языки для расширения информационных границ (только 1 человек).

Образование только на коми-пермяцком языке получает 1 человек, в то время как 28% информантов получают среднее или высшее образование на коми-пермяцком и на русском языках. Остальные обучаются на русском языке с добавлением английского или немецкого. Эти результаты объясняются тем, что на коми-пермяцком можно получить только среднее образование (частично), а русский язык является единственным государственным языком, на котором можно получить высшее образование в крае, остальные языки могут быть вспомогательными.

На вопрос об использовании коми-пермяцкого языка в сфере религии ответили 89% информантов: среди них только 6% информантов читает священные книги на коми-пермяцком.

Таким образом, коммуникативную мощность коми-пермяцкого языка можно представить в виде круга, где в центре будет личная сфера с наиболее высокой коммуникативной мощностью, а далее следуют административная сфера и сфера образования. СМИ, Интернет и религия – это те периферийные сферы, где этот язык используется крайне редко.

Межпоколенческая передача языка

Одним из важнейших показателей витальности языка в диахронии является желание носителей языка передать его следующему поколению. Информантам был задан вопрос «Планируете ли вы обучать коми-пермяцкому языку своих детей?», и 57% информантов ответили утвердительно, 36% затруднились ответить, 7% дали отрицательный ответ. Данные результаты задают положительные тенденции в обеспечении витальности коми-пермяцкого языка, но они должны поддерживаться и решениями «сверху».

Заключение

В результате пилотного исследования было выявлено, что коми-пермяцкий язык не является престижным языком для коммуникации среди его носителей. Несмотря на низкий статус коми-пермяцкого языка в Пермском крае и активное использование русского языка за пределами бытовой сфер его носители хотят передать язык следующему поколению. Поэтому для обеспечения стабильного будущего данного языка в регионе нужно как привлекать больше внимания «сверху», так и популяризировать язык «снизу».

Примечания

¹Данные об использовании языка в общении с сиблингами основываются на ответах 96% респондентов.

²От англ. *siblings* – ‘дети от одних родителей’.

³В учебных заведениях русскому языку уделяется больше внимания, чем КПЯ, в силу разных статусов этих языков.

⁴Из них, 6 человек также использует русский язык.

⁵Данное исследование не смогло выявить, были ли случаи письменного обращения и получения ответа на КПЯ.

Список литературы

Витальность языка // Словарь социолингвистических терминов. 2006. С. 37.

Всеобщий диктант по коми-пермяцкому языку вызвал большой интерес // Финно-угорский культурный центр Российской Федерации: электр. ресурс. URL: <http://www.finnougoria.ru/news/49139/> (accessed: 16.04.2018)

Всероссийская Перепись Населения 2010 [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.02.2018).

Ерофеева Е. В. Групповая идентичность и ее отражение в ментальном лексиконе // Вестник СПбГУ, 2011. №1 (9). С.91-96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gruppovaya-identichnost-i-ee-otrazhenie-vo-vnutrennem-leksikone> (дата обращения: 16.04.2018).

Кондрашкина Е.А. Проблемы витальности языков малых народов России (на примере коми-пермяцкого языка) // Альманах современной науки и образования, 2006. №7 (109). С. 44–46. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2016_7_11.pdf (дата обращения: 29.03.2018).

Мансурова А.Р. О витальности татарского языка в Пермском крае / Россия – XXI век: материалы Шестой Всероссийской молодежной научно-практической конференции (29–30 апреля 2013 г., Владивосток). Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2013. С.448–451.

Мещерякова, И.А. Шкала Лайкерта // Большой психологический словарь, 2003. С.547–548.

Русская спонтанная речь коми-пермяков: национальные традиции: звучащая хрестоматия / коллектив авторов; науч. ред. Т.И. Ерофеева. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. 112 с.

Рычков В.В. Об основных направлениях деятельности Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края по созданию условий для развития коми-пермяцкой культуры, закрепления за Прикамьем статуса коммуникативной площадки финно-угорских народов [Электронный ресурс], 2013. URL: <http://docplayer.ru/71799872-Dokladchik-rychkov-viktor-vasilevich-glava->

komi-permyackogo-okruga-ministr-permskogo-kraya.html
обращения: 15.04.2018).

(дата

Худякова Е.С. Этничность коми-пермяков как система оппозиций // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2014. №4 (28). Пермь: Издательский центр «Perm University Press». С.80–85.

Erofeeva E.V. Frame «Social Relations» in Mental Lexicon of Komi-Permyak, Tatar and Russian Speakers // Components of Scientific and Technological Progress, 2013. Vol.1. Tambov: The development fund for science and culture. P.52–55.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger [Electronic source]. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/index.php> (accessed: 26.10.2013).

SUBJECTIVE VITALITY OF AN ETHNIC LANGUAGE IN RUSSIA: THE CASE OF KOMI-PERMYAK IN THE PERM KRAI

Olga S. Myltasova

Student of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev St., 15. myltasovaolua@gmail.com

Alina R. Mansurova

Master of Studies General Linguistics and Comparative Philology (UOxford)
Lecturer at the Department of English for Specific Purposes (PSU)
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev St., 15. alina.mansurova.am@gmail.com

This article is an attempt to compile a sociolinguistic portrait of the Komi-Permyak language in Perm Krai, to analyze a communicative power of the language and to assess the attitudes of the Komi-Permyaks towards their heritage language. As a theoretical framework, the theory of language vitality has been chosen to predict the future status of the definitely endangered Komi-Permyak language, according to UNESCO. The survey results provided by students from schools and universities the Komi-Permyak district in Perm Krai were used as a material for the research.

Keywords: the Komi-Permyak language, language vitality, subjective language vitality, the Perm region, definitely endangered languages.

СПЕЦИФИКА ФРАНКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА ЙОГИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВИДЕО-УРОКА)

Яна Игоревна Некрасова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nekrasovajana5@gmail.com

Наталья Владимировна Хорошева

к.филол.н., доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. romanphil@rambler.ru

В статье рассматривается дискурсивная специфика видео-урока йоги на французском языке. Авторы приходят к выводу о том, что к дискурсивным чертам данного текста можно отнести его информативную насыщенность, императивность, частотность употребления глаголов дыхания и высокую значимость маркеров пространства.

Ключевые слова: дискурс, спортивный медиадискурс, дискурс йоги, французский язык.

В современном обществе спорт является значимым социокультурным феноменом, в рамках которого коммуникация играет очень важную роль. В связи с этим специфика спортивного дискурса активно исследуется в отечественной лингвистике последних десятилетий [Зильберт 2001, Исаева, Казарина 2012, Карасик 2004, Никитина 2010, Седых, Сосоев 2013, Шарикова 2016 и др.].

Современный спортивный дискурс значительно смыкается с медиадискурсом, поскольку реализуется в различных средствах массовой информации и распространяется по различным каналам, в том числе и визуальным. Отсюда возникает необходимость исследования спортивного медиадискурса, в том числе с точки зрения проблем трансляции дискурсивных характеристик в переводе. Все это обуславливает актуальность данного исследования, целью которого является анализ наиболее репрезентативных дискурсивных характеристик видео-урока йоги на французском языке.

Материалом исследования послужил видео-урок йоги от журнала «Elle», размещенный на сайте «YouTube» (<https://www.youtube.com/watch?v=IyyJpiF-WnI&t=948s>), продолжительностью 21 мин. Данный медиаресурс предназначен для дистанционного обучения базовым элементам Аштанга-йоги и представляет собой комплекс упражнений с непосредственным комментированием спортивным инструктором.

В работе использовались в качестве основных методов исследования дискурсивный анализ, а также элементы словообразовательного, стилистического и прагматического анализа.

Мы исходили из того, что исследуемый нами тип дискурса является сложным, поскольку представляет собой пересечение нескольких типов институционального дискурса. Изученный нами видеофрагмент проявляет черты таких разновидностей институционального дискурса, как спортивный, медицинский, педагогический, рекламный и масс-медийный. При этом последний оказывает на исследуемый нами материал значительное влияние, что отражается на уровне структурной организации видеотекста. По словам К.В. Сняtkова, «важной особенностью телевизионной речи является то, что в ней нет обычной «обратной связи» с адресатом. Говорящий лишен возможности трансформировать свою речевую тактику, ориентируясь на реакцию слушателя, а потому вынужден руководствоваться лишь опытом и интуицией, конструируя монолог» [Сняtkов 2007: 193].

Опираясь на внешне- и внутритекстовые характеристики, мы проанализировали данный видеоряд и выделили следующие характерные черты.

Дискурс урока йоги должен быть однозначным, четко выстроенным, понятным реципиенту. Категория свернутости текста, или компрессия, достигается за счет минимизации языковых средств, что приводит к образованию формы императива, что явно прослеживается в прагматических средствах французского языка.

Конститутивные категории дискурса позволяют нам говорить об оформленности текста, о его тематическом, стилистическом и структурном единстве, а также о смысловой завершенности. Кроме того, за счет высокой концентрации императивных конструкций данный видеотекст обладает высокой информативной насыщенностью.

Рассматривая тип текста, мы можем отнести данный материал к прескриптивному типу. Однако сферой общения является достаточно неформальная ситуация, поэтому в дискурсе присутствует установка на интимизацию контакта. Дистанция между говорящим и аудиторией достаточно короткая, речь выстроена в неофициальном ключе. С позиции отношений между участниками коммуникации текст

опирается на статусно-ориентированное общение, типом коммуникативного поведения выступает роль «тренер-ученик». Содержание исследуемого нами материала имеет однозначную интерпретацию и не допускает двусмысленности, обладает ясностью и точностью. Формально-структурные категории характеризуют способ организации текста: повторяемость грамматических конструкций, повышенная сегментация текста, отсутствие ярко выраженного вступления и заключения. Все это позволяет нам считать данный материал «текстом-инструкцией» за счет прескриптивности, лаконичности и высокой информативности, но то же время проявляющим черты неофициального регистра общения между говорящим и реципиентом.

Исследованный материал позволил нам выявить следующие ключевые характеристики данного текста в лексико-грамматическом аспекте.

1. Императивность как прагматическая доминанта текста.

Практически все глаголы употреблены в повелительном наклонении 2 лица единственного числа: *pousse les mains vers l'avant, regarde bien entre tes mains, lève les bras vers le haut, lève les épaules et tire le dos, baisse les épaules, expire ramène la jambe entre les mains, inspire repart vers le haut, dépose ta main gauche sur le tapis, reviens dans une planche latérale et reviens face, prend une grande inspiration, aligne bien ici les mains à la plante des épaules, etc. Как мы наблюдаем, превалирует обращение на «ты», которое говорит нам об установке на интимизацию контакта, что было бы неприемлемо, например, в русском спортивном дискурсе в подобном жанре.*

Стоит отметить, что большинство глаголов относятся к глаголам движения и локализации в пространстве, но наиболее частотны глаголы со значением дыхания. Данное наблюдение основано на специфике предметной области «йога», поскольку она включает не только физические, но и дыхательные упражнения.

2. Именная насыщенность текста номинациями частей тела.

Существительные описывают анатомические части тела: *on va lever les bras vers le haut, pousse les mains vers l'avant, descend le corps et ici tu viens poser l'oreille gauche sur le tapis, regarde ton nombril, aligne bien ici les mains à la plante des épaules, garde le dos bien droit, on va lever les bras vers le haut, viens ici poser le coude sur le tapis, regarde sous ton aisselle droite, plie le genou droit et ici attrape les pieds, engage légèrement les fessiers, tend les jambes, chien tête en bas.*

Наиболее частотны существительные, обозначающие опорные точки тела при занятиях йогой. Тем самым, мы можем говорить о

прямой зависимости формирования терминосистемы от предметной области, в которой она реализуется.

3. Терминосистема йоги, основанная на санскритских заимствованиях.

При заимствовании санскритских терминов йоги во французском языке преимущественно наблюдается калькирование: *chien tête en bas* – «собака мордой вниз» (санскр. *адхо мукха* – «лицом вниз», *швана* – «собака»); *chien tête en haut* – «собака мордой вверх» (санскр. *урдхва мукха* – «лицом вверх», *швана* – «собака»); *une position de prière* – «*тадасана*» (второе название – *самастхити*) (санскр. *тада* – «гора», *сама* – «прямой», «выпрямленный», «неподвижный», *стхити* – «стоять спокойно», «устойчивость»), таким образом, *тадасана* — это поза, в которой мы стоим твердо и прямо, подобно горе; *la posture de l'enfant* – «*баласана*» – поза ребенка (санскр. *бала* – «младенец»); *un guerrier numéro trois* – «*вирабхадрасана*» – поза воина (санскр. *вира* – «воин», *бхадра* – «лучший»); *la position de l'aigle* – «*гарудасана*» – поза орла (санскр. *гаруда* – вакхана Вишну, король всех птиц); *la posture du papillon* – «*баддха конасана*» – поза бабочки (санскр. *баддха* – связанный, пойманный, ограниченный, *кона* – угол); *la posture de lapin* – «*шашанкасана*» – поза зайца (санскр. *шашанка* – заяц).

4. Значимость маркеров пространства.

В ходе работы мы выявили частотность употребления маркеров пространства (предлогов, наречий, глаголов и т.д.) и проследили тенденцию их функционирования в данном типе дискурса. Например: *genou gauche sur le genou droit, plie ici le genou gauche, lève les bras vers le haut, on va venir dans un guerrier numéro trois, redescend les mains en posture de prière, aligne biens ici les mains à la plante des épaules, regarde bien entre tes mains, expire et pousse les mains vers l'avant, bras droit sous le bras gauche.*

Маркеры пространства занимают важное место в структуре видеотекста. Они помогают визуализировать прескриптивный текст и дополняют его. Кроме того, они выступают как единое целое с глаголами предписания, помогая лучше ориентироваться реципиенту при выполнении данного упражнения.

Таким образом, к специфическим дискурсивным чертам изученного нами видеурока йоги на французском языке можно отнести его информативную насыщенность, императивность, точность, неформальность коммуникации, повторяемость грамматических конструкций и повышенную сегментацию текста. При этом обнаруживается установка на интимизацию контакта в рамках спортивного дискурса, а также калькирование при заимствовании

санскритских терминов йоги, частотность употребления глаголов дыхания и высокая значимость маркеров пространства.

Список литературы

Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 103–112.

Исаева Л.А., Казарина Н.Б. Спортивный дискурс: дискретизация континуума // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 188–191.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.

Никитина Э.Г. Особенности спортивного дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск, 2010. № 7. С. 75–78.

Седых А.П., Сосоев С.С. К вопросу о современном французском спортивном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12- 1 (30). С. 184–190.

Снятков К.В. Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно-прагматического анализа // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. Т. 14. № 37. С. 189–194.

Шарикова Ф.Н. Спортивный дискурс как объект лингвистического исследования // Мат-лы науч. и научно-метод. конф. Краснодар, 2016. Т. 1. С. 126–128.

THE SPECIFICS OF THE FRENCH YOGA DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF A VIDEO LESSON)

Iana I. Nekrasova

Student of Linguistics. Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. nekrasovajana5@gmail.com

Natalia V. Khorosheva

Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of Department of Linguistics and Translation
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. romanphil@rambler.ru

The article deals with the discursive specifics of a yoga video lesson in French. The authors conclude that the discursive specificities of the named type of text include its strong informativity, imperative character, frequent use of verbs of breathing and significant role of markers of space.

Key words: discourse, sport media discourse, yoga discourse, French language.

СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ¹

Алена Владимировна Паутова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Перевод и переводоведение»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. al.pautova@outlook.com

Марина Владимировна Гаранович

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. garamarina@yandex.ru

Статья посвящена речевым стереотипам, присущим представителям мужского и женского пола, в рамках политического дискурса. Рассматриваются некоторые теоретические положения гендерной лингвистики, на которых и базируется исследование. Анализируются определенные черты, свойственные тому или иному гендеру, и их влияние на речь говорящих. Для иллюстрации приведенных тезисов использованы высказывания (с переводом) французских политиков Эммануэля Макрона и Марин Ле Пен во время последнего тура президентских дебатов в мае 2017 года.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, гендер, политические дебаты, Макрон, Ле Пен, речевые стереотипы.

Гендерная (от англ. gender – пол) лингвистика – раздел языкознания, в котором исследуются письменное и устное поведение представителей мужского и женского пола, их стратегии и тактики общения. Хотя гендер не является лингвистической категорией (исключение составляют социо- и отчасти психолингвистика), анализ структур языка позволяет получить информацию о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, какие поведенческие нормы для мужчин и женщин фиксируются в текстах разного типа, как меняется представление о гендерных нормах, мужественности и женственности во времени, какие стилевые особенности могут быть отнесены к преимущественно женским или преимущественно

мужским, как осмысляется мужественность и женственность в разных языках и культурах, как гендерная принадлежность влияет на усвоение языка, с какими фрагментами и тематическими областями языковой картины мира она связана.

Первые гендерные исследования на материале европейских языков были проведены Маутнером и Есперсеном в 20 годах XX века и носили скорее интуитивно-описательный, чем научно-обоснованный характер, однако они важны как истоки современных гендерных исследований. Начало современных исследований речевого поведения женщин связано с именами М.Р. Ки, Р. Лакофф, С. Трёмель-Плётц в 70-х годах.

С гендерными исследованиями достаточно тесно связана феминистская лингвистика, возникшая в 60-70-е годы прошлого века. Своей главной целью её представители видят критику патриархатного сознания в языке и языковую реформу, направленную на устранение ущербности представления образа женщины в языке и сексистских асимметрий, существующих в языке и речи. Дискурсивные исследования в рамках этого раздела характеризуются широким охватом, анализируя самые разные аспекты ведения аргументативных диалогов — телевизионные ток-шоу, политические дебаты, диалоги врачей и пациентов, речевое общение в семье, школе и даже религиозный дискурс и т. д. В их основе лежит предположение о том, что на базе патриархатных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. Известная феминистская лингвистка Дж. Пенелоуп ввела даже понятие «патриархатного универсума дискурса». Концептуальный смысл данного понятия сводится к тому, что женщина вынуждена определять и выражать себя в языке, воплощающем мужской взгляд на мир. У женщин как бы нет средства для рефлексии и осмысления своего собственного опыта, т. к. язык, которым они располагают и в системе координат которого они должны себя определять, изначально к ним предвзят и враждебен. «В созданном мужчинами языке Вас видят мужскими глазами или отчуждают, или Вы становитесь невидимкой. И у Вас есть два пути — или стать двуязычной, или пойти на семинар, где Вас обучают мужским речевым тактикам и стратегиям вербального поведения» [Pauwels 1998].

К этому же направлению можно отнести и работы о влиянии пола на языковую социализацию личности. Гендерные отношения крайне важны для социальной организации, выражая ее системные характеристики и структурируя отношения между говорящими субъектами. Основные принципы межкультурной коммуникации

распространены и на гендерные отношения. Согласно их предположению, в лингвистическом аспекте женщины и мужчины переживают языковую социализацию по-разному. Различие состоит в усвоении типичных гендерных конвенций и стратегий коммуникации. Из-за различия культурно обусловленных интерпретационных конвенций нарушается понимание высказываний, что при вербальном общении мужчин и женщин провоцирует неадекватную реакцию и ведет к коммуникативным неудачам [Кирилина 2005].

Р. Лаккофф, а вслед за ним и Гоффман полагают, что гендерный фактор невозможно устранить при ведении любого дискурса. Институционализация и ритуализация составляют основу гендерного дисплея – проявления каждым из индивидов своей принадлежности к определенному классу пола. Таким образом, Гоффман обращает внимание на тот факт, что любому общественному проявлению личности присуща определенная гендерная семиотика. Она может быть хорошо замаскирована, но не скрыта вовсе.

Гендерные различия являются значительной частью политического дискурса и помогают политикам осуществлять их главную задачу – воздействие на слушателей. Политическая речь женщин-политиков более эмоционально насыщена и лексические единицы имеют более сложную структуру. Такая особенность политического высказывания обусловлена тем, что женщины стремятся быть воспринятыми всерьёз, так как им приходится состязаться с мужчинами-политиками. Политический дискурс последних, напротив, содержит более простые конструкции, для того, чтобы все избиратели могли их понять и показать, что сам политик является частью нации [Воронина, Соскина 2013]

Еще в 70-х годах американский лингвист Р. Лакофф предположила, что женщины вынуждены выражать своё мнение менее категорично посредством таких элементов, как уточняющие вопросы, логическом ударении при объяснении, выражения неопределённости, эмоционального усиления, намёки, уменьшительные слова, условная вежливость [Lakoff 1973]. Было и множество других, но главный акцент был сделан на женском «бессилии», берущем своё начало из слабого, подчинённого положения, с которым себя ассоциировали эти женщины [Lakoff 1973]. Таким образом, согласно Р.Лакофф, говорить по-женски значит говорить осторожно, избегая утверждений и позиций по какому-либо вопросу. Американская исследовательница Дебора Таннен считала, что разница в речи мужчин и женщин связана с социализацией в однополых группах, где люди и развивают свои языковые предпочтения и стили [Tannen 1990].

Многие учёные указывают на то, что женщины стремятся к соблюдению языковой нормы [Ерофеева 2016; Гаранович 2011]. Это является следствием меньшей вместимости легких и меньшей артикуляционной выносливости. На уровне синтаксиса женщины склонны использовать менее сложные предложения, чем мужчины. Но статистика может измениться в зависимости от профессии, возраста и социального статуса [Ерофеева Т. И., Ерофеева Е. В. 2010]. На лексическом же уровне первенство за женщинами, которые используют более разнообразный лексикон [Ерофеева 2016].

Относительно мужской речи в гендерной лингвистике сложилось мнение, что мужской язык более «сильный» и стандартизованный, что напрямую связано с регистрами и стилями, которые используют в своей речи мужчины: чтобы доказать своё мнение, они говорят громче собеседника, могут позволить себе невежливое поведение или напротив максимально формальное [Lakoff 1975; Deuchar 1989]. Вместе с тем, мужчины не так ориентируются на социальный престиж, как женщины, ввиду того что они изначально обладают некими общественными привилегиями. И для этого им нет необходимости избегать конфликтов (как это подсознательно делают женщины), что позволяет проявлять агрессивность в разговоре. В результате меньшей эмоциональности в речи мужчин присутствует преимущественно нейтральная оценочная лексика, а также однообразие приёмов передачи своего эмоционального состояния.

Для иллюстрации тезисов о том, что речевое поведение политиков может не соответствовать стереотипам речевого поведения мужчин и женщин, мы бы хотели привести несколько примеров из телевизионных президентских дебатов во Франции в мае 2017 года между Марин Ле Пен и Эммануэлем Макроном. Исследование проводилось на материале видеотрансляции президентских дебатов во Франции и статьи в издании *Le Point* с их подробным описанием.

« *M. Macron est le candidat de la mondialisation sauvage, de l'ubérisation, de la précarité, du communautarisme, de la guerre de tous contre tous.* » (Господин Макрон – кандидат бешеной глобализации, уберизации, ненадежности, коммунитаризма, войны всех против всех) – в одном из своих первых высказываний Марин Ле Пен показала эмоциональность и даже агрессивность.

« *Je crois à la solidarité. Je crois que la France est une nation, avec une culture, un peuple. Avec une espérance. La France a été jetée dans le chaos par vos amis politiques, par ceux qui vous soutiennent dans cette campagne. Il est largement temps de faire le choix de la France* » (Я верю в солидарность. Я считаю, что Франция – это нация с культурой,

народом. С надеждой. Францию ввергли в хаос ваши друзья-политики и те, кто поддерживает вас. Давно пора сделать более подходящий для неё выбор) – ни о какой вежливости и мягкости в данном случае речи не идёт. Однако многословность и эмоциональность так же остаются свойственными речи Марин Ле Пен признаками. И несмотря на агрессивность высказывания, инвективы не использованы.

« *Il faut éradiquer le fondamentalisme islamiste. Vous ne le ferez pas, car vous êtes soumis, Monsieur Macron.* » (Необходимо избавиться от исламского фундаментализма. Но вы этого не сделаете, ведь у вас связаны руки, господин Макрон) – данное выражение довольно категорично и даже грубо, но при этом формальная вежливость соблюдается – обращение на «вы» и «monsieur»

На основании вышенаписанного логично предположить, что М.Ле Пен всё же сохраняет в своей речи некоторые стереотипы женского речевого поведения (эмоциональность, образность, многословность, формальная вежливость, мягкость интонаций), однако ей не чужды и мужские, связанные с агрессией. В её речи эмоциональность сочетается с условной вежливостью, многословность с образностью, а мягкость интонаций с агрессивностью.

Далее приведем примеры высказываний Э.Макрона.

«*Vous n'êtes pas la candidate de l'esprit de finesse [ni] de la volonté d'un débat démocratique équilibré et ouvert*» (Вы, как кандидат, не обладаете ни тонким умом, ни способностью к демократичному, взвешенному и открытому диалогу) – именно этой фразой начинает свой ответ Эммануэль Макрон. На лицо уверенность, прямолинейность, даже грубость.

«*Vous ne financez pas ce que vous promettez. Vous, vous faites des cadeaux, quelqu'un va payer*» (У вас нет средств для выполнения ваших обещаний. Вы лишь делаете подарки, за которые [народу] придется платить) – как финансист, он не мог не затронуть эту сторону вопроса. Ввиду того, что контраргумента на это М.Ле Пен не предоставила, замечание выглядит логично.

«*Notre pays est dans une crise profonde. Moi, je voudrais simplement dire que j'ai entendu ses colères, ses doutes, ses manques. Je veux y répondre par le courage, le courage de la vérité. Je ne vous ai jamais menti [...], je ne vous ai jamais promis des choses invraisemblables. Je vous promets de tenir notre école, notre travail, notre langue, et la culture qui est la nôtre. Notre pays qui a toujours été fort, dans une Europe forte. Nous aurons une politique volontariste: je refuse cet esprit de défaite et de haine que propose le Front national. Nous avons toujours été un pays généreux, ouvert, qui a été la lumière du monde. Pas le pays de l'obscurantisme. C'est*

le projet que je propose. » (Наша страна в глубоком кризисе. Я просто хотел бы сказать, что я услышал возмущение, сомнение и то, чего ей не хватает. И хочу ответить смело, потому что мои слова правдивы: я никогда не лгал [народу], не обещал чего-то неосуществимого. Но я обещаю вам сохранить наши школы, наши рабочие места, наш язык и культуру, которая тоже принадлежит всем нам. Наша страна всегда была сильной в сильной Европе. У нас будет волонтаристская политика: я отвергаю тот дух поражения и ненависти, за который выступает Народный фронт. Мы всегда были щедрым и открытым государством, светом для мира. А не страной мракобесия. Это и есть мой проект) – подвел итог французский политик детализированным монологом, достаточно агрессивно раскритиковав программу оппонентки.

Даже в манере говорения Макрон стремился продемонстрировать своё превосходство. Мы заметили, что он часто перебивал соперницу, говорил громче, чтобы ответить ей и не давал вставить слово. Если обратить внимание на время говорения обоих кандидатов, то можно увидеть, что мужчина говорил дольше, ввиду того что говорил он чаще и более развернутыми фразами (хотя в порядке исключения мог ответить немногословно). Судя по результатам опроса, проведённого на сайте издания *Le Point* сразу же после дебатов, и самих выборов, его речь была убедительнее.

Можно сказать, что даже в рамках нейтрального дискурса, которым является политическое выступление, людям всё же свойственно сохранять некоторые стереотипы речевого поведения, присущие их гендеру. Они могут быть неочевидны невооружённым глазом, но при внимательном рассмотрении и анализе заметны для исследователя. Однако замечено также и то, что речь мужчин и женщин неоднородна в плане присутствия стереотипов, другими словами, в речи и тех, и других могут быть использованы элементы, присущие иному гендеру.

Примечания

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 18-78-00049«Социолингвистическое варьирование гендерно-обусловленных когнитивных образований» (руководитель М.В.Гаранович).

Список литературы

Воронина Е.Ю., Соскина С.Н. Гендерные различия в политическом дискурсе // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. II междунар. студ. науч.-практ. конф. №2. URL: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/2.pdf (дата обращения: 05.01.2018).

Гаранович М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: дисс... к. филол.н. Пермь: ПГНИУ, 2011. 272 с.

Ерофеева Т.И., Ерофеева Е.В. Человек и текст: антропоцентрический подход к исследованию // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4 (10). С. 144–149. URL: http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2010/erofeeva_erofeeva.pdf (дата обращения 25.11.2017).

Кирилина А.В. Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.

Lakoff R. Language and Woman's Place; Cambridge University Press, 1973
URL: https://web.stanford.edu/class/linguist156/Lakoff_1973.pdf (дата обращения 15.09.2017).

Pauwels A. Women Changing Language; New York, L.: Longman, 1998. 58 p.

Tannen D. You just don't understand. New York: Ballantine Books, 1990. 330

p.

Yaguello M. Les mots et les femmes, Paris : Éditions Payot, 1978. 202 p.

VERBAL BEHAVIOR STRATEGIES OF FRENCH POLITICIANS IN GENDER ASPECT

Alena V. Pautova

Student of Translation and Translation Studies, Bachelor's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. al.pautova@outlook.com

Marina V. Garanovich

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University
614990, Russia, Bukirev str., 15. garamarina@yandex.ru

The article is devoted to intrinsic speech stereotypes of both gender representatives in frames of political discourse. Theoretic provisions of gender linguistics are also considered, being the analytical. Characteristic gender features and their impact on speech are analysed. The translated outgivings of Emmanuel Macron and Marine Le Pen during the last presidential election round in May 2017 are taken as a sample.

Key words: gender, gender linguistics, Emmanuel Macron, Marine Le Pen, political debates, speech stereotypes.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА
«SERES MÁGICOS» («МАГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА»)
НА МАТЕРИАЛЕ МИФОВ И ЛЕГЕНД ИСПАНИИ**

Евгения Владимировна Погадаева

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Лингвистика» («Перевод и переводоведение»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ghenya_ghenya@mail.ru

Надежда Николаевна Меньшакова

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. mnesperanza@mail.ru

Статья посвящена изучению концепта «*seres mágicos*» («магические существа») и выявлению способов его репрезентации на материале произведения К. Каналеса и Х. Кальехо «Дуэндес: справочник магических существ Испании». При исследовании материала используется когнитивный подход. В ходе работы проводится фреймовый анализ, что позволяет составить схему-фрейм концепта. Рассматриваемый концепт отражает национально-культурную специфику Испании, а также особенности мировосприятия реальности испанцев.

Ключевые слова: концепт, когнитивный подход, фреймовый анализ, художественный текст, категория фантазийности.

В настоящее время в нашей стране замечен интерес к культуре Испании. С каждым годом все большее число исследователей обращается к многочисленным легендам и мифам народов этой страны, существенно отличающимся от присутствующих в культуре России. Испанские мифы представляют особый интерес, поскольку при их анализе мы способны лучше изучить национально-культурную специфику Испании, сформировать образы, характерные для испанского национального сознания, и выявить особенности мировосприятия реальности испанцев.

Наша работа ставит целью проанализировать концепт «*seres mágicos*» («магические существа») на материале художественного произведения, посвященного испанским мифам и легендам. Данный концепт является неотъемлемой частью культуры Испании. В основе анализа материала лежит когнитивное направление лингвистики, изучающее «ментальные» основы понимания и продуцирования речи и исследующее способы репрезентации языкового знания и механизм переработки этого знания в «когнитивном» плане. Когнитивное исследование концепта позволило нам рассматривать лексическую структуру языка как результат взаимодействия человеческой когниции с семантическими параметрами, присущими испанскому языку.

Концепт «*seres mágicos*» («магические существа») был исследован на материале художественного произведения К. Каналеса и Х. Кальехо «Дуэндес: справочник магических существ Испании» («*Duendes: Guía de los seres mágicos de España*»), являющегося авторским переложением легенд и мифов о волшебных созданиях дуэндес, обитающих, по словам авторов, на территории Испании. Книга была впервые опубликована в 1994 г. в Мадриде и после переиздавалась несколько раз. Однако на данный момент это произведение еще не переведено на русский язык. С помощью данного материала можно смоделировать концепт «*seres mágicos*» («магические существа»), имеющийся в сознании народа Испании, и проследить способы его репрезентации в языке.

В работе нами были использованы такие методы, как наблюдение, семантический и этимологический анализы языковых единиц, контекстный анализ и фреймовый анализ концепта, который позволил нам составить наглядную схему-структуру, систематизирующую лексический материал.

В нашем исследовании мы обращались к таким понятиям, как «художественный текст», «концепт» и «категория фантазийности».

Термин «художественный текст» понимается нами вслед за автором идеи параметра художественности Н. Л. Галеевой как текст, способный вызывать рефлексия у реципиента, духовно наполнять не только человека, но и культуру в целом [Галеева 1999: 8]. Рефлексия в данном случае понимается как «средство приобщения смысловых миров, представленных в пространстве понимания, к парадигме духовности реципиента» [Галеева 1999: 16]. Таким образом, рефлексия является неотъемлемой деятельностью читателя художественного текста.

Под понятием «концепт» нами подразумевается единица сознания, существующая как некая ментальная категория, в которой

сосредотачиваются накапливающиеся с житейским опытом знания и представления об окружающем мире. Кроме того, концепт не только является предметом мыслей людей, он также переживается, становится предметом эмоций. Концепты включают в себя образы, характерные для национального сознания и проходящие сквозь него. Наиболее удачное определение понятия «концепт» было дано С. Г. Воркачевым, который рассматривает его как «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачев 2004: 51–52].

Следует отметить, что в современном языкознании существует множество различных методов исследования концептов. При изучении концепта «*seres mágicos*» («магические существа») нами был использован фреймовый анализ. Мы понимаем термин «фрейм» вслед за М. Минским, рассматривающим его как «структуру данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 7]. Также можно утверждать, что фрейм – когнитивная область, которая ассоциируется с конкретной лингвистической единицей.

Кроме того, в нашем исследовании мы обращались к понятию «категория фантазийности», которое понимается нами как «мыслительная, когнитивная, методологическая, языковая и текстовая категория, выполняющая определенные функции» [Меньшакова 2009: 66]. Категория фантазийности способствует моделированию действительности, изучению объектов познания при помощи абстрагирования и их идеализации [Меньшакова 2012: 65]. Обращение к категории фантазийности помогло нам точнее сформировать концепт «*seres mágicos*» («магические существа»).

В результате исследования материала нами была составлена схема-фрейм концепта «*seres mágicos*» («магические существа»), и был проведен анализ данной структуры, содержащей основную (типовую) информацию о концепте. Нами были рассмотрены единицы фреймового анализа (языковые единицы) в аспектах семантики и этимологии, что позволило нам выявить способы репрезентации концепта «*seres mágicos*» («магические существа»).

Именем составленного нами концепта послужила языковая единица «*seres mágicos*» («магические существа»), с помощью нее актуализируется центральная точка концепта. Структура фрейма построена нами на основе теории фреймов М. Минского, который предложил изображать фрейм в виде иерархии с верхним и нижними уровнями, состоящими из терминалов («узлов», «ячеек», «слотов»), которые заполняются определенной информацией.

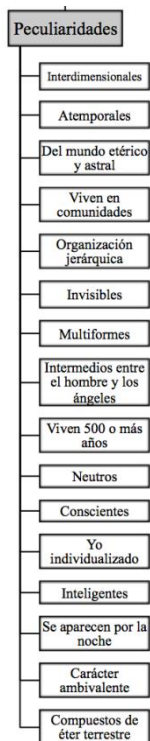
Кроме того, в анализе концепта мы следовали положениям семантики фреймов Ч. Филлмора, который утверждает, что внутриязыковой семантический анализ предложения должен рассматриваться как «демонстрация лексического, грамматического и семантического наполнения предложения, и это демонстрация служит созданию «рабочего чертежа», используя который, интерпретатор создает целостную картину явления» [Филлмор 1988: 66].

В нашем понимании, концепт «*seres mágicos*» («магические существа») состоит из различных компонентов. Мы выделили 9 слотов, которые отходят от центрального слота «магические существа» («*seres mágicos*»), содержащих названия магических созданий: «дуэндес» («*duendes*»), «джиньы» («*geniecillos*»), «духи» («*espíritus*»), «феи» («*hadas*»), «домовые» («*familiares*»), «гномы» («*gnomos*»), «карлики» («*enanos*»), «ламии» («*lamias*») и «нубэрос» («*nuberos*»).

Среди вышеперечисленных слотов в исследуемом материале только слот «дуэндес» («*duendes*») имеет разветвленную организацию, поскольку именно ему посвящена большая часть повествования книги. Однако изучение даже этого одного слота позволит выявить наиболее характерные для магических существ признаки, которые являются значительными для испанской культуры. Мы выделили 12 основных слотов (ядро концепта), которые отходят от слота «дуэндес» («*duendes*»): «особенности» («*peculiaridades*»), «сверхъестественные способности» («*poderes*»), «характер» («*carácter*»), «любимые занятия» («*cosas favoritas para hacer*»), «предметы и явления, внушающие страх» («*lo que les da miedo*»), «виды деятельности» («*ocupaciones*»), «место жительства» («*vivienda*»), «помощь людям» («*ayuda a la gente*»), «места обитания» («*hábitats*»), «проделки» («*travesuras*»), «любимые места в доме» («*lugares favoritos de casa*»), «пища» («*comida*»). Периферию составили ответвления от перечисленных слотов.

Наиболее подробно оказался репрезентирован слот «особенности» («*peculiaridades*»). Данный слот (см. *Схему 1*) состоит из 16 подслотов, описывающих черты, характерные для магических существ: «межпространственные» («*interdimensionales*»), «вневременные» («*atemporales*»), «из мира астрального и состоящего из эфира» («*del mundo etérico y astral*»), «живут в сообществах» («*viven en comunidades*»), «иерархическая организация» («*organización jerárquica*»), «невидимые» («*invisibles*»), «принимающие разную форму» («*multiformes*»), «в промежуточном положении между людьми и ангелами» («*intermedios entre el hombre y los ángeles*»), «живут 500

или более 500 лет» («*viven 500 o más años*»), «бесполое» («*neutros*»), «обладающие сознанием» («*conscientes*»), «индивидуальное "я"» («*yo individualizado*»), «сообразительные» («*inteligentes*»), «появляются по ночам» («*se aparecen por la noche*»), «амбивалентный характер» («*carácter ambivalente*»), «состоящие из земного эфира» («*compuestos de éter terrestre*»).

Организация слота «особенности» («*peculiaridades*»)

Первый подслот – «межпространственные» («*interdimensionales*») – характеризует дуэндес как существ, находящихся на пересечении двух миров: мира, где живут люди, и астрального мира, то есть другого измерения.

Следующий подслот – «вневременные» («*atemporales*») – описывает магических существ как созданий, не подвластных времени, находящихся вне его.

Третий подслот – «из мира астрального и состоящего из эфира» («*del mundo etérico y astral*») – указывает на то, что дуэндес – существа, живущие одновременно в разных мирах: эфирном, то есть небесном, находящимся над земным миром, и астральном.

Следующий подслот – «живут в сообществах» («*viven en comunidades*») – описывает дуэндес как созданий, предпочитающих жить в обществе, где они всегда могут найти взаимопомощь и поддержку. Также это может говорить о дуэндес как о существах открытых, склонных к установлению связей с другими существами.

Подслот «иерархическая организация» («*organización jerárquica*») утверждает, что сообщество, где живут дуэндес, организовано иерархически. Лидер группы существ дуэндес рассматривается как создание мудрое, ведущее за собой, справедливо занимающее свое место правителя.

Подслот «невидимые» («*invisibles*») позволяет заключить, что дуэндес, как правило, не показываются на глаза. Однако бывают случаи, когда дуэндес материализуются перед детьми или животными, чувствуя себя в большей безопасности перед ними, чем перед взрослыми людьми.

Еще один подслот – «принимающие разную форму» («*multiformes*») – показывает дуэндес как существ, способных принимать различные облики, размеры, формы. Они могут быть как очень маленьких, так и гигантских размеров, вызывать как отвращение, так и симпатию.

Рассмотрим подслот «в промежуточном положении между людьми и ангелами» («*intermedios entre el hombre y los ángeles*»). Согласно данному подслоту, дуэндес – это нечто среднее между человеком и ангелом, между земным и небесным, между реальным и нереальным.

Подслот «живут 500 или более 500 лет» («*viven 500 o más años*») означает, что дуэндес живут, находятся в процессе бытия, в течение 500 лет и, порой, даже больше.

Другой подслот – «бесполое» («*neutros*») – говорит о том, что между дуэндес нет биологических различий.

Подслот «обладающие сознанием» («*conscientes*») описывает дуэндес как сознательных существ. Дуэндес могут правильно оценить и понять то, что происходит вокруг них, они действуют обдуманно.

Подслот «индивидуальное “я”» («*yo individualizado*») позволяет сделать вывод о том, что каждый дуэнде является личностью, обладающей своими индивидуальными чертами и особенностями.

Еще один подслот – «сообразительные» («*inteligentes*») – утверждает, что дуэндес – существа умные, находчивые,

рассудительные, способные, хорошо подумав, найти выход из проблемы, решить сложные поставленные перед ними задачи.

Анализ подслота «появляются по ночам» (*«se aparecen por la noche»*) позволяет заключить, что дуэндес – существа, скрытые от глаз человека, однако материализующиеся по ночам, когда люди спят.

Следующий подслот – «амбивалентный характер» (*«carácter ambivalente»*) – говорит о том, что дуэндес – существа противоречивые: с одной стороны, они могут быть добрыми, помогать людям (если последние хорошо к ним относятся), но, в то же время, они способны резко измениться, стать жестокими, мстительными, наглыми, начать издеваться над людьми (если с дуэндес плохо обращаются).

Подслот «состоящие из земного эфира» (*«compuestos de éter terrestre»*) представляет дуэндес как существ, в которых преобладают элементы земли, такие частицы, из которых сделана наша планета. Данная характеристика еще раз подтверждает, что дуэндес – ни на кого не похожие существа.

Проанализировав слот «особенности» (*«peculiaridades»*) и все от него ответвления, можно прийти к выводу, что данный слот является одной из важнейших частей концепта *«seres mágicos»* («магические существа»). Подробное рассмотрение составляющих этого слота, изучение характеристик и особенностей, присущих дуэндес, способствовало формированию концепта *«seres mágicos»* («магические существа»).

Изученный нами слот дает объемное представление о том, какими предстают магические существа в сознании испанцев. После исследования данного слота можно сделать вывод о том, что магические создания дуэндес – существа, которые живут и в нашем мире, и в другой реальности одновременно; являются противоречивыми существами, имеющими сложный характер; обладают способностью принимать различные облики, и, хотя дуэндес располагают разумом, не менее развитым, чем человеческий, они состоят из эфира, что не позволяет сравнивать их с людьми и говорит о том, что дуэндес – совершенно уникальные существа, не имеющие себе аналогов. Мы можем предположить, что и другие магические существа, характерные для испанской мифологии, обладают подобными характеристиками, однако для подтверждения данной гипотезы необходимо более детально изучить другие слоты концепта *«seres mágicos»* («магические существа»).

Таким образом, нами был выявлен характерный для испанского сознания концепт *«seres mágicos»* («магические существа»), а также

были выделены особенности мировосприятия испанцев: большинство людей верит в существование дуэндес, практически у каждого испанца в сознании есть определенный образ магических созданий, имеющий очень разнообразные и противоречивые характеристики.

Список литературы

Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод: монография. Твер. гос. ун-т, Тверь, 1999. 80 с.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

Меньшакова Н.Н. Категория фантазийности в английском научном тексте: дис. канд. филол. наук. Иваново, 2009. 222 с.

Меньшакова Н.Н. Категория фантазийности в науке: монография. Самара–Пермь: ООО «Издательство Ас Гард», 2012. 132 с.

Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 152 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / пер. с англ. Л.Н. Баранова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М., 1998. С. 52–92.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT «SERES MÁGICOS» IN SPANISH MYTHS AND LEGENDS

Evgeniya V. Pogadaeva

Student of Linguistics (Translation and Translation Studies (Spanish Language), Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. ghenya_ghenya@mail.ru

Nadezhda N. Menshakova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev st., 15. mnesperanza@mail.ru

The article studies the concept «seres mágicos» («magic creatures») and means of its representation in «Duendes: a guide to the magic creatures of Spain» by C. Canales and J. Callejo. The analysis is carried out considering the concept from the point of cognitive linguistics. Moreover, the article contains a frame analysis that allows to form a framework of the concept. It is concluded that the concept «seres mágicos» depicts culturally specific features of Spain and peculiarities of the world perception of the Spanish.

Key words: concept, cognitive linguistics, frame analysis, fiction text, category of fantastical knowledge.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ «СМЕШЕНИЕ» МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ

Дарья Олеговна Ремянникова

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур,
«Филология» («Филология и коммуникация»)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. dasharemyannukova94@mail.ru

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., профессор,
заведующая кафедрой лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

Данное исследование выполнено в рамках когнитивной парадигмы современной лингвистики. В исследовании рассматриваются когнитивно-семантические характеристики метафоры, метонимии и их концептуального «смешения». В современной лингвистике метонимия трактуется не только как троп или механизм речи, состоящий в переносе имени с одного класса объектов на другой, а наряду с метафорой как когнитивный инструмент осмысления действительности, способствующий концептуализации новых знаний.

Ключевые слова: метафора, метонимия, метафтонимия, концепт, область-источник, область-цель, MIPVU, пятишаговый анализ метафоры, критический дискурс-анализ.

Критический анализ современных лингвистических исследований в рамках когнитивного подхода показывает, что одним из основных способов восприятия и познания действительности является воображение, или способность проецировать элементы одного концепта на элементы других концептов [Barcelona 2000: 31]. Исследование концептуальной метафоры и метонимии, а также описание конкретных метафорических и метонимических моделей в различных видах дискурса представляет одно из стремительно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики.

Проанализировав работы отечественных и зарубежных лингвистов, мы пришли к выводу о том, что обращение к речемыслительным основаниям метонимии и метафоры носит достаточно ограниченный характер: либо в них видят лишь внешнее проявление психических процессов и логических операций, либо, признавая их фигурами мысли, по сути, ограничивают их действие сферой творческого мышления.

Мнение о том, что метонимия и метафора – совершенно разные явления, разделяют Дж. Лакофф [Lackoff 1993: 202], М. Тернер, Ж. Фоконье [Fausconnier, Turner 2003: 135] и Р. Гиббс [Gibbs 1999: 61]. Дж. Лакофф, считает, что главным различием между метафорой и метонимией является когнитивная дистанцированность элементов, включенных в метафорическую проекцию, и фокусирование одного из аспектов значения в случае с метонимической проекцией. На этом основании лингвист утверждает, что метонимия легко узнаваема и, следовательно, менее креативна [Lackoff 1993: 213].

Дж. Тейлор считает, что метонимия представляет собой более значительный, чем метафора процесс, имеющий в своей основе принцип семантической «экономии», служащий расширению значения [Taylor 2002]. Как и В. Крофт [Croft 2004], он предпринимает попытку конкретизации концепции концептуальной метонимии и рассматривает различие между метафорой и метонимией в сравнении с другими процессами расширения значения.

К. Фейэртс рассматривает процесс метафорического проецирования как сложно организованную иерархию, в которой область-цель частично сохраняет структуру области-источника. Метонимические проецирования также организованы иерархически, что дает возможность взаимодействия двух иерархий (метафорической и метонимической) для определения смысла языкового значения [Feysaerts 2003].

Интерес к проблеме сходства и различия метафоры и метонимии привел к осознанию необходимости рассмотрения способов их «смешения». В рамках когнитивного подхода явление метонимически ориентированной метафоры вылилось в попытки классифицировать структурно-функциональные разнообразия «метафтонимии», предпринятые такими исследователями, как Л. Гуссенс [Goossens 2002], Дж. Тейлор [Taylor 2002], Р. де Мендоза и Ф. Мазегоза [Ruiz de Mendoza, Galera-Masegosa 2012], Р. де Мендоза и Р. Майрал [Ruiz de Mendoza, Mairal 2007].

Термин «метафтонимия» был введен Л. Гуссенсом в 1990 году для обобщенного обозначения случаев интеграции (слияния) метафоры и

метонимии, их взаимной мотивации и совмещения [Goossens 2002: 351]. Рассматривая логически возможные способы потенциального взаимодействия метафоры и метонимии, Л. Гуссенс выделил два типа комбинирования метафоры и метонимии:

1) Комплексная метафтонимия – слияние метафоры и метонимии в одном выражении:

а) Метонимия в метафоре (metonymy within a metaphor): *finger licking good*;

б) Метафора в метонимии (metaphor within a metonymy): *love is thing made of meat*;

2) Кумулятивная метафтонимия, допускающая либо образование метафоры от метонимии (metaphor from metonymy), либо метонимии от метафоры (metonymy from metaphor) [Goossens 2002: 357].

Л. Гуссенс убедительно описывает предложенную классификацию, но ему не удается подробно объяснить, каким образом происходит в подобных пограничных случаях проекция с одной области на другую. Поскольку Л. Гуссенс предлагает различать только два основных вида метафтонимии, можно утверждать, что единичные примеры таких случаев не ведут к выстраиванию четкой классификации, и что требуется дальнейшая теоретическая разработка данного вопроса.

В рамках данного исследования под метафтонимией понимается метафоро-метонимическое «смешение», в котором прослеживаются как ассоциативные связи по сходству (взаимодействие двух понятийных сфер, относящихся к разным концептуальным пространствам), так и по смежности (взаимодействие двух концептуально близких сущностей в пределах одного концептуального пространства) [Fauconnier, Turner 2003].

Кроме того, что требуется теоретическая доработка классификации метафтонимии, отсутствуют и четко сформулированные подходы к анализу языкового феномена

Итак, в рамках данного исследования предлагается несколько подходов к анализу метафтонимии. Один из них – использование пятишагового анализа метафоры («Five-step metaphor analysis»), разработанного Г. Стейном, который представляет собой аналитический способ реконструирования концептуального отображения области-источника на область-цель, основываясь на лингвистических данных [Steen 1999: 55]. Однако применение пятишагового анализа для метафтонимии возможно только в том случае, если перед нами пример «метафоры на базе метонимии», в котором метафорическое значение является преобладающим, а осознание присутствия метонимии, которая мотивирует понимание,

исчезает. Необходимо отметить, что пятишаговый анализ применяется столько раз, сколько метафор было идентифицировано на первом этапе анализа, в ходе процедуры идентификации (MIPVU), для каждой метафоры в отдельности [Pragglejaz Group 2007].

Другой подход к анализу метафтонимии, предлагаемый нами, заключается в рассмотрении метонимии как разновидности метафоры. Процесс метонимизации имеет много общего и часто взаимодействует с процессом метафоризации. Многие исследователи рассматривают метафору и метонимию именно в комплексе [Есо 1984], [Taylor 2002]. Следовательно, если метонимия – это разновидность метафоры, то и анализировать ее можно, применяя пятишаговый анализ метафоры.

Одним из методов исследования метафтонимии является анализ метафоры и метонимии как двух отдельных лингвистических феноменов. В ходе проведения процедуры идентификации метафоры (MIPVU) [Pragglejaz Group 2007] выявляются метафорические и метонимические единицы. Далее, для анализа метафоры применяется пятишаговый анализ Г. Стейна [Steen 1999: 55], а для анализа метонимии необходимо обратиться к теории концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 2003]. Затем, подводится общий итог полученных в ходе анализа результатов и на заключительном этапе проводится критический дискус-анализ, который служит инструментом, помогающим извлечению максимально полного количества имплицитных смыслов, заключенных в контексте [Musolff 2012: 301]. Именно критический анализ дискурса как социальной практики ориентирован на выявление связей текста с другими элементами социального события, с социальными практиками и структурами, то есть между дискурсом и контекстом, микро- и макроуровнями анализа, грамматической системой и социальными или личностными потребностями, которые реализуются посредством использования языка [Van Dijk 2009: 62].

Таким образом, когнитивный подход к анализу метафоры и метонимии позволяет выйти на метафтонимическое моделирование. Дискурсивный подход, в свою очередь, раскрывает взаимодействие метафоры и метонимии как сложного механизма формирования идеологии и ценностных смыслов, реализующихся в дискурсе.

Список литературы

Barcelona A. Types of arguments for metonymic motivation of conceptual metaphor // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads*. New York. 2000. P. 31–58.

Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. London: Cambridge University Press. 2004. 356 p.

Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: Indiana U.P. 1984. Midland Book Edition. 1986. 254 p.

Feyaerts K. Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between metaphoric and metonymic hierarchies / K. Feyaerts // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by Antonio Barcelona. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyer. 2003. 356 p.

Fauconnier G., Turner M. Metaphor, metonymy and binding. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective*, Barcelona A. (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyer. 2003. P. 133–145.

Gibbs R. Speaking and thinking with metonymy / R. Gibbs // *Metonymy in Language and Thought*. Volume 4. 1999. P. 61–76.

Goossens L. Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action. / L. Goossens // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by Rene Dirven, Ralf Pörings. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyer. 2002. P. 349–377.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. *Metaphor and Thought*. Ortony A. (ed.) Cambridge: Cambridge University Press. 1993. P. 202–251.

Musolff A. The study of metaphor as part of critical discourse analysis, *Critical Discourse Studies // School of Language and Communication Studies*. University of East Anglia, Norwich. 2012. P. 301–310.

Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1). 2007. P. 1–39.

Ruiz de Mendoza F. J. and Galera-Masegosa A. Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation: metaphoric chains. In Eizaga Rebollar, B. (ed.) *Studies in Cognition and Linguistics*. Frankfurt: Peter Lang. 2012. P. 161–190.

Ruiz de Mendoza F. J. and Mairal R. High-level metaphor and metonymy in meaning construction. In Radden, G., K-M. Köpcke, T. Berg and BP. Siemund (ed.) *Aspects of Meaning Construction*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 2007. P. 33–51.

Steen G.J. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps. In Gibbs, R.W. jr, & Steen, G.J. (ed.), *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins. 1999. P. 55–77.

Taylor J.R. Category extension by metonymy and metaphor / J.R. Taylor *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / ed. by Rene Dirven, Ralf Pörings. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyer. 2002. 620 p.

Van Dijk T. Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach // Methods of Critical Discourse Analysis / R. Wodak, M. Meyer. London. 2009. P. 62—86.

METAPHOR AND METONYMY CONCEPTUAL «BLENDING»

Dariya O. Remyannikova

Student of Philology (Philology and Communication), Master's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. dasharemyannikova94@mail.ru

Svetlana L. Mishlanova

PhD of Philology, Professor, Head of Linguodidactics Department

Perm State University

614990, Russia, Bukirev str., 15. mishlanovas@mail.ru

The article represents a research carried out within a cognitive paradigm of modern linguistics. The study discusses the cognitive-semantic characteristics of metaphor, metonymy and their conceptual «blending». In the modern linguistics metonymy is treated not only as a trope or figure of speech transferring the name from one class of objects to the other one, but also as a cognitive tool of reality interpretation, enhancing the conceptualization of new knowledge.

Key words: metaphor, metonymy, metaphonymy, concept, source domain, target domain, MIPVU, Five-step metaphor analysis, Critical discourse analysis.

К ВОПРОСУ ОБ АНИМАЛИСТИЧЕСКОМ КОДЕ В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Христина Евгеньевна Розенкова

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур,
«Филология» («Филология и коммуникация»)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. swisschizz@inbox.ru

В настоящей статье рассматривается понятие культурного кода, анализируются единицы анималистического кода английской культуры на материале Абердинского бестиария. Актуальность изучения анималистического кода обусловлена уникальностью системы кодов различных языков.

Ключевые слова: культура, семиосфера, картина мира, анималистический код культуры, антропоморфизм, зооморфизм, оценка.

В рамках семиотики феномен культуры рассматривается как знаково-символическая система. Ю. М. Лотман определял знаковую систему культуры как «семиосферу» и утверждал, что «область культуры – всегда область символизма». Основная социальная роль культуры заключается в том, что она является «негенетической памятью коллектива», средством накопления, хранения и передачи опыта от одного поколения людей другому [Лотман 2000: 95].

Каждой из существующих культур присуща собственная уникальная система кодов. В лингвистику термин «код» был впервые введен Р. О. Якобсоном для анализа поэтических текстов [Якобсон 1975]. Последующая конкретизация данного термина привела к возникновению понятия «культурный код». В отечественной филологии одним из первых данный термин применил Ю. М. Лотман [Лотман 1994: 394]. Начало использованию термина «код» в лингвокультурологии было положено В. Н. Телия (Телия, 1996), а сейчас активно развивается ее учениками: В. В. Красных (Красных, 2014), Д. Б. Гудковым и М. Л. Ковшовой (Гудков, Ковшова, 2007) и др.

В. В. Красных определяет культурный код как «совокупность имен или их сочетаний, которые обладают, помимо собственно

денотативного значения, культураносными смыслами» [Красных 2014: 172]. Определение, данное Д. Б. Гудковым и М. Л. Ковшовой: «Культурный код – это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках» [Гудков, Ковшова 2007: 9].

В. М. Савицкий и Э. А. Гашимов утверждают, что «в качестве культурного кода может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника, оружие и т.д.» [Савицкий, Гашимов 2005: 15]. Выделяется ряд различных кодов культуры: пространственный, временной, предметный, количественный, космогонический, соматический, природно-ландшафтный, зооморфный, архитектурный, растительный, пищевой (Телия и др., 2006, Красных, 2014 и др.). Перечень культурных кодов, как и вопрос их классификации, остаётся открытым.

Благодаря интерпретации культурных кодов мы получаем возможность достигнуть более глубокого понимания картины мира того или иного этноса. Данную статью мы посвятили исследованию анималистического (или зооморфного) кода английской культуры. На протяжении тысячелетий люди всего мира внимательно наблюдали за окружающей их фауной. Результаты таких наблюдений нашли своё отражение в фольклоре и религиозных текстах. Примечательной чертой анималистических образов является свойственный им антропоморфизм, «перенос важнейших человеческих признаков на нечеловеческие формы бытия» [Пивоваров 2018: 61]. Обратный процесс, зооморфизм (наделение людей качествами животных), как и антропоморфизм, имеет аксиологический характер.

В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит следующие два определения понятия *животное*: 1. «Все, что живет и дышит, всякое живое существо...»; 2. «Скотина, недостойный имени человека» [Даль 1998]. Как следует из данной словарной статьи, сравнение людей с животными в русской культуре представляется унижительным. В OALD у слова *animal*, помимо прочих очевидных значений, имеется следующее: “a person who behaves in a cruel or unpleasant way, or who is very dirty” [OALD 2010]. У слова *animal* также прослеживается следующий ряд явно отрицательных синонимов: *beast, brute, savage, monster* [OLT: A Dictionary of Synonyms 2008]. Можно сделать вывод, что и в русской, и в английской культурах

употребление названий животных по отношению к людям часто имеет пейоративный характер.

Для наиболее глубокого осмысления картины мира, единиц языка духовной культуры, системы ценностей конкретного этноса, мы видим необходимость в интерпретации культурных кодов, начиная с уровня архаического (религиозного и мифологического) мировосприятия, чем объясняется наше использование ранней литературы в качестве материала исследования. С целью изучения анималистического кода в западной христианской традиции, мы обратились к Абердинскому бестиарию (XII в.), справочнику настоящих и вымышленных животных. В средневековых бестиариях просматривается широкий спектр различных оценок одних и тех же животных. «Что важно, в бестиарной традиции и в других текстах, где звери использовались как символы, одно и то же животное могло наделяться противоположными характеристиками и соотноситься как с Сатаной, так и с Богом» [Зотов, Майзульс, Харман 2018: 105]. Одной из ведущих функций любого бестиария является воспитательная, моралистическая, а большинство приведенных в нем животных образов фантастично, далеко от реальности. Бестиарий дает своим читателям важные жизненные наставления, причудливым образом переплетая их с анималистическими образами. Его лейтмотивом является мысль о том, что животные неспроста наделены присущими им качествами, и что в каждом из аспектов их поведения заключено напутствие для людей.

Рассмотреть абсолютно все единицы анималистического культурного кода в полном многообразии их коннотаций в рамках одного исследования представляется невыполнимой задачей. По этой причине мы приняли решение сконцентрировать наше внимание на следующих анималистических образах: *лев, собака, обезьяна, ворон*. Приведем краткую характеристику перечисленных животных, основанную на материале Абердинского бестиария.

Лев / The lion. Король зверей, сильнейший из всех. Один из главных символов Бога и его заместителей на земле – королей. Имеет три основных характеристики: ум (замечает свои следы, чтобы запутать охотников), бдительность (когда он спит, кажется, что его глаза остаются открытыми), сверхъестественность (львята рождаются мертвыми, но через три дня лев-отец возвращает их к жизни). Лев не нападает, если его не спровоцировать. Он не добывает раненого врага, ведь ему свойственно сострадание. Льву чужда жадность, он не ест больше, чем требуется. Он также отличается гордостью и не питается падалью. Другие животные боятся львиного рыка.

Собака / The dog. Разумное, понимающее, любящее, преданное человеку животное, не мыслящее жизни без хозяина. Скромность собаки сравнивается с монашеской сдержанностью. Благодаря своему чуткому нюху, собака помогает найти преступника и восстановить справедливость. Когда собака зализывает раны, они быстрее заживают. Однако порой собака совершает дурные поступки: поедание собакой собственной рвоты приравнивается к возвращению к прошлым грехам, что нашло отражение в английской пословице *A dog returns to its vomit* [ODP 2008].

Обезьяна / The ape. Отмечается бесспорное внешнее сходство обезьяны с человеком. Ей приписываются такие качества, как лицемерие, обманчивость, подлость. Лицо обезьяны безобразно. Это быстрое, неукротимое, свирепое, жестокое, животное. В образе обезьяны не наблюдается двойственности, что закреплено в пословице *An ape's an ape, a varlet's a varlet, though they be clad in silk or scarlet* [ODP 2008]. Обезьяна – сугубо отрицательное животное, символ плутовства, негодяйства, мошенничества.

Ворон / The raven. Эта птица кормится трупами, в первую очередь, выклевывая глаза, ослепляя мёртвое тело. В бестиарии утверждается, что ворон с большой неохотой кормит своих птенцов до тех пор, пока у них не появится такое же черное оперение, как у него. Иногда образ ворона символизирует проповедника, иногда – грешника, что делает его весьма полярным. Цвет оперения ворона, с одной стороны, является цветом смирения и отречения от мирских соблазнов, а с другой, перья ворона будто испачканы черной сажой греха.

Разумеется, многие из приписываемых животным в бестиарии свойств и повадок далеки от реальности. «Средневековые бестиарии <...> интересовали не столько реальные повадки того или иного зверя, сколько его «духовные» свойства» [Зотов, Майзульс, Харман, 2018, с. 105]. Материал бестиариев предоставляет уникальную возможность погрузиться в мышление средневекового человека, проникнуться его видением окружающего мира. Такие архаические представления, зафиксированные в образцах ранней литературы, являются фундаментом культуры Западной Европы, и Англии в частности, составляя основу анималистического и других культурных кодов.

Список литературы

Гудков Д. Б., Ковишова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. I: А–З/ под ред. проф. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА – книжный клуб, 1998. 912 с.

Зотов С. О. Страдающее средневековье. Парадоксы христианской иконографии / Сергей Зотов, Михаил Майзульс, Дильшат Харман. М.: Изд-во АСТ, 2018. 416 с.

Красных В. В. Некоторые базовые понятия психолингвокультурологии (в развитие идей В.Н. Телия) // Язык, сознание, коммуникация. 2014. № 50. С. 167–175.

Курс лекций. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа [Текст] / Отв. ред. А. Д. Кошелев. М.: Гнозис, 1994. 547 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 704 с.

Пивоваров Д. В. Философия религии: В 3 т. Т. 2: Гносеология религии [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 556 с.

Савицкий В. М., Гашимов Э. А. Лингвокультурный код (состав и функционирование). Самара, 2005. 173 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Oxford Advanced Learner’s Dictionary (8th edition) / Joanna Turnbull. Oxford University Press, 2010.

Oxford Dictionary of Proverbs (5th edition) / Jennifer Speake. Oxford University Press, 2008.

Oxford Learner’s Thesaurus: A dictionary of synonyms / Diana Lea, Jennifer Bradbery, Richard Poole, Helen Warren. Oxford University Press, 2008.

The Aberdeen Bestiary [Электронный ресурс] / URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/ms24> (дата обращения: 30.04.2018).

THE ABERDEEN BESTIARY: THE ANIMALISTIC CODE

Khristina E. Rozenkova

Student of Philology (Modern Literature in the World Literary Context), Master's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. swisschizz@inbox.ru

The term “culture code” is defined and several units of the animalistic code of English culture are explored on the material of the Aberdeen Bestiary. The study of the animalistic code appears to be relevant, as every language possesses its own unique system of codes.

Key words: culture, semiosphere, world view, animalistic culture code, anthropomorphism, zoomorphism, evaluation.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА И ЕГО МЕСТО В МИРЕ ПЕРЕВОДА

Елена Валерьевна Ягодкина

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур,
«Филология» («Филология и коммуникация»)
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. lauri.23@hotmail.com

Наталья Валерьевна Шутёмова

д. филол. н., профессор кафедры лингвистики и перевода
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15, manchinova@perm.ru

В статье дается краткий обзор основных этапов и подходов в развитии машинного перевода (МП), а также сравнение уже существующих систем МП и оценка возможности применения машинного перевода в профессиональной межкультурной коммуникации. Также рассматриваются основные ошибки, перспективы и возможности машинного перевода.

Ключевые слова: машинный перевод, электронные словари, автоматизация перевода, качество перевода.

В последнее время становится очевидным, что знание иностранных языков может понадобиться не только при общении с представителями другой культуры, но и в собственном доме, например, при просмотре зарубежных кинолент, при чтении инструкций по использованию техники или популярных Web-страниц. И необходимую помощь вполне может оказать домашний компьютер, ведь появились системы машинного перевода, которые изъясняются на вполне понятном, «человеческом» языке. Но можно ли доверять таким переводам? Учитывают ли они профессиональную и культурную специфику?

Развитие машинного перевода и его современное состояние можно представить как диалектическое взаимодействие, борьбу двух основных направлений, двух подходов к проблеме. Эти подходы определяются тем, что берется за основу системы описания входного

языка для конечной цели перехода к выходному естественному языку в условиях сохранения содержания, смысла переводимого текста.

Первый подход характеризуется использованием максимально универсального мощного языка смысла. К нему можно отнести метод «семантических множителей», тезаурусный метод, метод фильтров, анализ через синтез, модель «смысл-текст» и прочие.

Второй подход, который хронологически возник раньше первого, был создан математиками и инженерами и базируется на таком представлении о промежуточном языке, которое близко к идее переводных соответствий на чисто языковом уровне. Методическая суть этого подхода: изучение индивидуального поведения языковых единиц, особенно в языковом контексте; моделирование человеческого владения языком, особенно в процессе межъязыкового перевода; переход от простого, легко формализуемого, находящегося на поверхности, к более сложному, формализация которого достигается постепенно, последовательным движением от простого [Катфорд 2004: 35; Тараскин 2015].

Собственно МП начинается с применения электронных вычислительных машин (ЭВМ) к обработке текстов на естественных языках. Эта идея основывалась на успехах, достигнутых в применении ЭВМ к криптографическим задачам. Датой рождения МП (как области исследований) принято считать 1947 г., когда А. Д. Бут и Д. Г. В. Бриттен разработали подробный «код» для пословного машинного перевода. Через год Р. Г. Риченс предложил правила разбиения словоформ на основу и окончание.

Фирма IBM совместно с Джорджтаунским университетом в США в 1954 г. в Нью-Йорке представила первую систему МП – IBM Mark II. Представленная программа была очень ограничена в своих возможностях: она имела словарь в 250 единиц и всего 6 грамматических правил. Тем не менее, был осуществлен первый публичный эксперимент по машинному переводу: были переведены 49 специально подготовленных и отобранных русских предложений на английский язык.

В конце 50-х годов, Й. Бар-Хиллелом по просьбе Американского правительства были приведены доказательства невозможности предоставления машинным переводом «Полностью автоматического высококачественного перевода». Доказательство основывалось на двусмысленности высказываний. Рассмотрим следующее предложение:

Little John was looking for his toy box. Finally he found it. The box was in the pen.

Слово «реп» может иметь 2 значения: первое – нечто, чем мы пользуемся для письма, второе – помещение определенного рода. Человеку смысл очевиден, но исследователь заявил, что без «универсального справочника» машина не сможет решить поставленную задачу. Сейчас, такой вид семантической неточности может быть решен с помощью написания исходного текста для машинного перевода на контролируемом языке, который включает в себя слова, имеющие только одно точное значение.

Таким образом, историю машинного перевода можно разделить на три периода: 1946–1957 гг., 1957–1967 гг., 1967 – настоящее время.

Первый период включает появление идеи и связанный с этим энтузиазм. Если кратко подвести основные итоги этого периода, то они выглядели бы следующим образом: была выдвинута концепция языка как кода; были созданы первые машинные словари для МП экспериментального характера; разработано общее представление об МП, включающее машинный словарь, алгоритмы анализа и синтеза, программное обеспечение; созданы и опробованы первые экспериментальные системы МП, которые хотя и носили рекламный характер, обладали рядом существенных черт для систем МП.

Наиболее плодотворный второй период в истории развития МП закончился в некотором смысле декларированным отходом от МП как проблемы. В 1967 г. специально созданная Комиссия Национальной Академии Наук США признала машинный перевод нерентабельным, что существенно затормозило исследования этой области.

Третий период, начавшийся после 1967 г., характеризуется возникновением нового социального статуса МП. Он наконец-то стал экономически выгодным и превратился в привлекательную область вложения капиталов. Появились системы перевода, которые используются и поныне: это Power Translator (компания Globalink), Language Assistant (компания MicroTac) и Transend (компания Intergraph).

Сегодня некоторые компании используют статистический машинный перевод в коммерческих целях, например, Microsoft использует свою собственную патентованную статистическую программу МП для перевода статей базы. Наиболее популярными в последнее время стали он-лайн переводчики, среди них пальму первенства завоевал Google-переводчик. Однако, этот инструмент может помочь пользователю понять только общий смысл содержания текста на иностранном языке, он не предоставляет точных переводов, особенно что касается профессиональной сферы. Наряду с этим появился целый ряд профессиональных словарей, созданных на основе

лингвистических корпусов. Наиболее популярными являются он-лайн словари ABBY Lingvo, Multitran.

На сегодняшний день результаты МП далеки от совершенства. Различные ошибки затрудняют возможность получить перевод такого же качества, каким бы его производил человек. Рассмотрим несколько примеров: тексты из научных журналов технической направленности были переведены с помощью системы машинного перевода «Prompt Freelance 10».

Немецкий физик Фаренгейт по предложению нидерландского врача и химика Бургаве провел опыты с двумя равными массами воды и ртути [Бронштэн 1983: 37].

German physicist Fahrenheit under the offer of the Netherlands doctor and chemist Burgave has lead (carried out) experiences with two equal weights of water and mercury.

Выходит, что своим свойством быть окруженным магнитным полем изменяющееся (переменное) электрическое поле ничем не отличается от электрического тока [Фальковский 1983: 56].

Leaves, that the property to be the surrounded magnetic field the varied (variable) electric field nothing differs from an electric current.

В данных примерах лексические ошибки связаны с неправильным выбором вариантного соответствия: вместо использования существительного «experiments» (пример (1)), соответствующего русскому «опыты» в значении «эксперименты», система машинного перевода употребляет «experience», имеющее значение «опытность, опыт работы, стаж работы». В данном случае на выбор эквивалента не повлияло положительным образом и устойчивое выражение «проводить опыты», которое часто переводится однозначно – «to carry out experiments». Та же ситуация наблюдается при выборе переводного соответствия для существительного «массами». Кроме того, не характерной для английского языка является фраза «under the offer», предпочтительнее – «at the suggestion of».

Машины успешно справляются с простыми частями речи и устойчивыми выражениями, но допускают частые ошибки при переводе падежей, речевых оборотов, логико-смысловых акцентов в предложении и построении самих предложений. Несомненно, средства машинного перевода никогда не смогут и улавливать все смысловые нюансы. Различия в синтаксисе и семантике, особенно между западными и восточными языками, – например, английским, русским или арабским – слишком велики. Но, работая с техническими текстами, инженеры, даже без глубоких знаний по английскому языку,

все же смогут воспользоваться МП для профессионального межкультурного общения, изучать статьи своих зарубежных коллег и делиться своими профессиональными находками и достижениями на английском языке, работать с документами [Тагушева 2015].

Итак, проанализировав современное состояние МП, можно заключить, что он становится полезным инструментом в профессиональной межкультурной коммуникации, прежде всего благодаря своей универсальности, возможности переводить в режиме он-лайн; а также благодаря конфиденциальности и низкой стоимости [Моуд].

Список литературы

Бронштэн, В.А. В лаборатории физика / В.А. Бронштэн // Квант. М. 1983. № 5. 37 с.

Будущее перевода или сможет ли машинный перевод составить конкуренцию переводчикам. URL: <http://m.oilcapital.ru/company/209575.html> (дата обращения: 09.03.2018).

Васильев А. Подводная лодка // Компьютер на месте переводчика. URL: <http://www.ets.ru/arc07-r.htm> (дата обращения 11.03.2018). с.6–98.

Катфорд Дж.К. Лингвистическая теория перевода. Москва. 2004. С.20–153.

Моуд Дж. Машинный перевод: новое поколение технологий . URL: <http://www.pcweek.ru/business/article/detail.php?ID=47418> (дата обращения 12.03.2018).

Тагушева Н.Ю. Машинный перевод / Материалы научно-практической конференции «Ломоносов 2015». Москва: МГУ. 2015

Тараскин А.А. Машинный перевод. URL: <http://study-english.info/article065.php> (дата посещения 15.03.2018).

Фальковский, Л.А. Физика поверхности // Квант. 1983. №10. 56 с.

Rule Based Machine Translation vs. Statistical Machine Translation. URL: <http://www.systransoft.com/systran/translation-technology/what-is-machine-translation> (дата обращения 21.03.2018).

A JOURNEY INTO THE HISTORY OF MACHINE TRANSLATION AND ITS NICHE IN MODERN TRANSLATION

Elena V. Yagodkina

Student of Philology (Modern Literature in the World Literary Context), Master's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. lauri.23@hotmail.com

Natalia V. Shutemova

Doctor of Philology, Professor in the Department of Linguistics and Translation

Perm State University

614990, Russia, Bukirev str., 15. manchinova@perm.ru

The article presents a brief overview of the main stages and approaches in the development of machine translation (MT), as well as a comparison of existing MT systems and an assessment of the possibility of using machine translation in professional intercultural communication. The main mistakes, prospects and possibilities of machine translation are also considered.

Key words: machine translation, computational lexicon, translation automation, translation quality.

DIE SPUREN DER DEUTSCHEN IN DER PERMER REGION

Anastasia A. Dereglazova

Student der Lehrerbildung, Fakultät für Moderne Fremdsprachen und Literatur
Perm State National Research University
614990, Russland, Perm, Bukirev str., 15. dereglazova.a@inbox.ru

Alexandra S. Severyukhina

Student der Lehrerbildung, Fakultät für Moderne Fremdsprachen und Literatur
Perm State National Research University
614990, Russland, Perm, Bukirev str., 15. severyuh.alex@gmail.com

Swetlana F. Plyasunova

Kandidat der Philologischen Wissenschaften, Assistenzprofessor für Lingvodidaktik
Perm State University
614990, Russland, Perm, Bukirev str., 15. germany.psu.ru

Der Artikel ist dem Ausflug in die Geschichte der Einwanderung der Deutschen nach Russland gewidmet. Im zweiten Teil des Artikels geht es um die Russland-Deutschen in der Permer Region.

Schlüsselwörter: Permer Region, Deutschen, Geschichte der Einwanderung der Deutschen nach Russland, Russland-Deutschen.

Das Ziel des Artikels ist, die Russland-Deutschen in der Permer Region vorzustellen, über ihren Lebensweg, ihr Schicksal und ihre Leistungen zu erzählen.

Um das Ziel zu erreichen, haben wir im Internet recherchiert, den Stoff gesammelt und auch Russland-Deutsche in Perm interviewt. Wir haben also eine kleine Untersuchung durchgeführt.

Wir haben geschichtliche Fragen aufgeklärt und zwar die Etappen der Einwanderung der Deutschen nach Russland und deren Einfluss auf die wirtschaftliche und kulturelle Entwicklung Russlands und seiner Regionen.

Der Artikel gliedert sich in zwei Teile: der erste Teil ist dem Ausflug in die Geschichte der Einwanderung der Deutschen nach Russland gewidmet. Im zweiten Teil geht es um die Russland-Deutschen in der Permer Region.

Zuerst möchten wir über die Geschichte der Einwanderung der ersten Deutschen nach Russland sprechen.

Die ersten Spuren der Deutschen in Russland sind auf das 9. Jahrhundert zurückzuführen. Bereits im 9. Jahrhundert wurden die ersten russisch-deutschen Kontakte hergestellt. Eine große Rolle spielte dabei der Handel. Die russische Stadt Nowgorod wurde zu einer Hansestadt. Die Hansa hatte ihre Vertretungen auch in Pskow und Smolensk. Das bedingte die erste Einwanderung der Deutschen nach Russland. Aber die echte Einwanderung der Deutschen fällt auf die Herrschaftszeiten Iwan des 4. (des Schrecklichen). Gerade er achtete auf die Deutschen und begann Offiziere, Ingenieure, Handwerker und Wissenschaftler aus Deutschland anzuwerben und deutsche Dörfer aufzubauen. Die erste Einwanderungswelle wurde also von Iwan dem Schrecklichen initiiert.

Bei der Festigung der russisch-deutschen Kontakte spielte weiterhin Boris Godunow eine große Rolle. 1652 erlebte die russisch-deutsche Zusammenarbeit einen Aufschwung. Die deutschen Kolonien breiteten sich aus. Die Deutschen wurden zu einem nicht mehr wegzudenkenden Faktor der russischen Wirtschaft besonders auf dem Gebiet des Bergbaus, der Gießerei, des Militärwesens. Der erste Einfluss der deutschen Einwanderer auf die Russen war spürbar, denn sie brachten nicht nur ihr Wissen, sondern auch ihre Kultur mit.

Der beste Beweis dafür sind die deutschen Entlehnungen im Russischen, z. B., аптека, фляжка, тарелка, стул, бомба, генерал, граната, пика, вахмистр, ярмарка, почта.

Der echte Durchbruch in den deutsch-russischen Beziehungen begann mit dem Zaren Peter dem Ersten. Gerade unter seiner Herrschaft kamen die deutschen Kolonien zur Blüte. Deutsche Dörfer wurden zu den Vororten. Ein Beispiel dafür ist Lefortowo in Moskau. Das war die zweite Einwanderungswelle. Die Deutschen hatten Privilegien und Deutsch wurde in den Siedlungen zur lingua franca. Peter der Erste verbrachte viel Zeit in Holland und Deutschland und warb Fachleute auf dem Gebiet des Schiffbaus, des Militärwesens, des Bildungswesens an. So kamen viele Ingenieure, Ärzte, Wissenschaftler nach Russland. Der erste Präsident der neuen Akademie der Wissenschaften in Moskau war der deutsche Leibniz Blumentrost.

Es kam zu einer paradoxen Situation: die Arbeitssprache in der damaligen Berliner Akademie der Wissenschaften war Französisch und in der Petersburger Akademie Deutsch, denn die Professoren waren vorwiegend Deutsche und Deutsch war lingua franca. Die Deutschen hatten in der damaligen Zeit tiefe Spuren in der Wirtschaft, Wissenschaft und Kultur hinterlassen, die bis heute ihre Wirkung zeigen. Die Anzahl der

deutschen Entlehnungen war sehr groß und bedeutend. Die Entlehnungen in diesem Zeitraum wurden aus verschiedensten Bereichen des Lebens übernommen – aus Verwaltung, Rechtsprechung, Handel aus dem täglichen Leben, Staatswesen, Wissenschaft, Technik, Bildungswesen, Militärwesen. 1725 zählte die historische Linguistik 837 Entlehnungen. Sie zeugen von der aktiven Rolle der Deutschen.

Diese Entlehnungen sind leicht in beiden Sprachen erkennbar: генералитет, лозунг, патрон, штаб, бухгалтер, цифра, цемент, масштаб, шприц, гипс, доктор, госпиталь, галстук. Deutsche Namen trugen auch Städte und Festungen, z. B., Schlisselburg, Kronstadt und andere. Sie sind bis heute erhalten geblieben.

Katharina die Zweite setzte die Politik Peter des Ersten fort. Sie gab das Manifest heraus, das die Grenzen Russlands für die Ausländer öffnete. So begann die dritte Einwanderungswelle der Deutschen nach Russland. Das waren vor allem Militärärzte, Chirurgen, Wissenschaftler. Zu nennen sind Mathematiker Eiler, Historiker Müller, Naturforscher Pallas, Botaniker Gmelin. Noch mehr Deutsche gab es unter den Offizieren. Im 19. Jahrhundert lebten und wirkten in Russland etwa 1000 Offiziere deutscher Herkunft. Unter ihnen 69 Generäle und 96 Obersten.

Anfang des 19. Jahrhunderts spricht man über die neue Welle der Einwanderung – über die Emigration. Die Deutschen emigrierten aus dem von Napoleon besetzten Deutschland. Das waren vor allem Lehrer, Wissenschaftler. Die wurden zu den Lehrstuhlleitern an den führenden Universitäten Russlands z. B. in Kasan und Charkow. Unter ihnen waren die großen Naturforscher Krusenstern und Bellingshausen.

An der Wolga bei Saratow wurden damals 105 Kolonien gegründet. Dort wohnten 23 Tausend Deutsche. Tochterkolonien entstanden auch im Ural, in Sibirien, am Don, in Baschkirien, am Schwarzen Meer. Ende des 19. Jahrhunderts gab es in Russland über 2 Tausend deutsche Kolonien. So wurde Russland für zahlreiche Deutsche zur zweiten Heimat.

Ihr Beitrag zur Entwicklung der Wirtschaft, Kultur und Wissenschaft war sehr groß. Durch die Bedeutung der Einwanderer besaß auch die deutsche Sprache Priorität. Die deutsche Sprache bereicherte das russische Wortgut und somit beeinflusste sie auch die russische Mentalität. Die wirtschaftlichen Beziehungen vertieften sich besonders Mitte der 80-er Jahre. Bekannte deutsche Firmen Siemens, BASF, Hoechst eröffneten in Russland ihre Niederlassungen. Zwei Sprachen und Kulturen traten auch in den engen Kontakt.

Davon zeugen wieder die deutschen Entlehnungen aus den verschiedensten Bereichen des Lebens, z. B., фрукты, шницель, шпроты,

рекрут, бетон, центнер, циферблат, лобзик, грунт, шайба, шрифт, техника, цитата.

Aber die Geschichte der deutschen Einwanderer und Emigranten, die mit der Zeit schon zu den Russland-Deutschen geworden waren, hatte nicht nur gute, ruhmreiche, sondern auch tragische Seiten. Die Russland-Deutschen, die sich in Russland schon eingewurzelt, eingelebt und eingearbeitet hatten, teilten das Schicksal der Russen. Eine tragische Wende in ihrem Leben begann in den 30-er Jahren des 20. Jahrhunderts. Sie wurden aus den westlichen Gebieten nach dem Ural, nach Sibirien, Kasachstan deportiert. So kamen viele Russland-Deutsche nach Perm.

Soweit mit dem geschichtlichen Ausflug. Hiermit gehen wir zum nächsten Punkt unseres Vortrages über. Wir sprechen unmittelbar über die Spuren der Deutschen in der Permer Region. Ab dieser Stelle verwenden wir also den Begriff „Russland-Deutsche“, da es schon um die Nachkommen der deutschen Einwanderer geht.

Wie es sich aus dem Gesagten ergibt, wurden viele Deutsche nach Osten, nach dem Ural deportiert und so wurden sie in einige Städte umgesiedelt, zum Beispiel, nach Solikamst, Krasnokamsk, Gubacha. Diese Städte wurden zu ihrer neuen Zwang Heimat, leider. Das war harte Zeit: kraft und nervenraubend. Die Deutschen hatten schon keine Privilegien mehr: keine gemütlichen Häuser, Kirchen und Schulen. Ganz im Gegenteil. Sie wurden in ihren Rechten eingeschränkt. Sie hatten ihren einstigen Status verloren, so wurden sie zur Persona-non-grata. Nun lebten die meisten Russland-Deutschen ärmlich, aber sie hatten noch ihre Sitten und Bräuche, ihre Muttersprache. Die Hauptsache, sie hatten die Hoffnung auf ein besseres Leben nicht aufgegeben.

Nun möchten wir weiterhin auf das Schicksal der einzelnen Russland-Deutschen in der Permer Region eingehen. Die Liste der Russland-Deutschen in der Permer Region ist lang und trägt die Namen ganz unterschiedlicher Personen. Sie enthält nicht nur die Namen der in den 30-er Jahren deportierten Deutschen sondern auch die, die bereits im 19. Jahrhundert nach Perm als Einwanderer gekommen waren.

Etwas Statistik. 1860 zählte Perm 12 439 Einwohner, unter ihnen 30 Deutsche. 1864 wurde in Perm die protestantische Kirche errichtet. Sie wurde zum Zentrum des gesellschaftlichen Lebens aller Deutschen. Mit der Entwicklung der Stadt Perm zum administrativen, wirtschaftlichen und kulturellen Zentrum des Westurals vergrößerte sich die Anzahl der Deutschen. Wieder etwas Statistik. 1897 lebten in Perm 184 Deutsche, die die deutsche Sprache für ihre Muttersprache hielten.

Zu den prominentesten Deutschen der Stadt Perm Ende des 19. Anfang des 20. Jahrhunderts zählt man Bernhard Struwe. Er stammte aus der

Familie eines deutschen Adligen. Sein Vater war der bekannte russisch-deutsche Astronom Wassilij Struwe, Bernhard Struwe war Verwalter des Permer Gouvernements von 1865 bis 1870. In seiner Familie kam Peter Struve, der künftige politische Funktionär der bekannte Wirtschaftswissenschaftler zur Welt. Er war der, der die erste Eisenbahnlinie im Ural 1874 angelegt hatte.

Beachtenswert ist auch Wladimir Zimmermann. Er stammte auch aus einer adeligen Familie. Von 1864 bis 1870 diente er als Hauptarzt im Krankenhaus in Alexandrowsk. Seine Töchter Otti, Ewelina und Margarita eröffneten 1886 das private Gymnasium, das bis 1919 existierte. Nach der Meinung der Heimatforscher wurden sie zu den Prototypen von drei Schwestern im Dramastück von A. P. Tschechow „Drei Schwestern“. Die älteste Tochter Ewelina war Besitzerin einer Schule und Deutschlehrerin.

Otti und Margarita unterrichteten französisch, Deutsch und Russisch. Sie waren fachkundige und begeisterte Lehrerinnen und hatten ihr Bestes für die Entwicklung des Bildungssystems in Perm getan. Die vierte Tochter von Zimmermann heiratete A. von Küntzel (1851-1911), Er war Revisor in der Permer Kontrollkammer. So traten zwei deutsche adelige Familien in Verwandschaft. In den 20-er Jahren des 20. Jahrhunderts wurden sie leider verhaftet. Drei Schwestern wurden auf dem Jegoschicha-Friedhof begraben. Im Herbst 2006 wurde ihnen zu Ehren ein Grabdenkmal errichtet und das Pfad von drei Schwestern angelegt.

Nennenswert ist auch der Wissenschaftler Alexander Henkel. Er war Biologe. Er wirkte an der Gründung der Permer Staatlichen Universität mit. Er legte den botanischen Garten an der weit und breit bekannt ist. Er leistete einen großen Beitrag zur Entwicklung des Bildungswesens im Permer Gebiet. Heute trägt eine der Straßen in Perm seinen Namen.

Zu den prominentesten Russland-Deutschen gehört auch der Gründer der Permer archäologischen Schule Otto Bader. Er war Leiter der Kamsker und Wotkinsker Expeditionen, er erforschte die Wandmalerei in der Kapow-Höhle. 1957 entdeckte er Bestattungen in der paleolitischen Ausgrabungsstätte Sungir.

Einen guten Ruf hatte einer der ersten Rektoren der Permer Staatlichen Universität Andrey Richter. Er gründete den Lehrstuhl für Anatomie und Physiologie der Pflanzen an der biologischen Fakultät. Er spielte eine große Rolle bei der Entwicklung der biologischen Hochschulbildung in Perm.

Beachtenswert ist die Tätigkeits des Rektors der medizinischen Akademie Ewgenij Wagner. Er hatte wichtige Entdeckungen im Bereich der Thoraxtherapie gemacht. 1994 wurde der Name Wagner der Permer Staatlichen medizinischen Universität verliehen.

Neben den großen und namhaften Russland-Deutschen, die ihr Bestes für das Wohl der Stadt Perm und der Permer getan hatten, lebten und arbeiteten in der Permer Region einfache, bescheidene und arbeitsame, tüchtige und fachkundige Russland-Deutsche, die durch ihre Arbeit zur Entwicklung der Stadt ihrer Kultur auch viel beigetragen hatten.

Wir haben uns mit Frau Tissen bekannt gemacht. Wir haben sie besucht und einige Fragen an sie gestellt. Es ist zu einem interessanten Gespräch gekommen aus dem wir viel Interessantes über sie und über ihre Familie erfahren haben.

Die Vorahren von Tatjana Gerhardowna Tissen kamen nach Russland auf Einladung von Katharina der Zweiten. Sie wurden in der Ukraine ansässig, in der Stadt Alexandropol.

Die Familie ihres Vaters hatte 9 Kinder. Das neunte Kind war Gerhard, ihr Vater. Die deutschen Kolonien breiteten sich damals schnell aus und darum mangelte es an Ackerland und viele Familien zogen nach Sibirien, um das Neuland zu erschließen. Die Familie Tissen geriet in die Region Altai. So wurde der dreijährige Gerhard zum Sibirier. In der Kindheit zeigten sich seine musikalischen Fähigkeiten. Er konnte viele Musikinstrumente spielen. Er war vielseitig engagiert. 1925 fuhr er nach Leningrad und bezog die geographische Fakultät an der Leningrader Universität. Er verbrachte in Leningrad 17 glückliche Jahre. Das war schöne Zeit.

Gernhard versprach sich viel in seinem Leben, aber da kam der Krieg und er wurde nach dem Ural deportiert. Er fällte Holz. Er musste hart bis Erschöpfung arbeiten. Er ließ aber den Mut nicht sinken. Er hoffte immer auf Besseres. So geschah es auch. Nach dem Krieg wurde er rehabilitiert. Er kehrte nach Perm zurück und wurde Geographielehrer. Er war ein Lehrer von Beruf und Berufung. Seine Schüler lehrte er das Schöne sehen, die Kultur der anderen Menschen verstehen und achten. Er regte sie zum Begreifen der Natur an. Nach der Rehabilitierung kehrten seine Brüder in die ethnische Heimat in die BRD zurück. Bernhard aber blieb in Perm, wo sein Talent schon anerkannt wurde. Er hinterließ ein gutes Erbe. Einige Professoren und Akademiemitglieder sind seine ehemaligen Schüler. Gerhard Tissen bleibt in Erinnerung vieler Menschen haften.

Wir haben über das Schicksal der Familie Tissen erzählt. Aber im Schicksal dieser Familie spiegeln sich die Schicksale vieler Russland-Deutscher wider. Viele von ihnen blieben ihrer neuen Heimat treu, denn sie haben hier nicht nur Tragisches gesehen. Sie haben hier auch viel Schönes erlebt.

Zwei Kulturen haben viel Gemeinsames. Das ist das Resultat der jahrhunderlangen Zusammenwirkung und des gegenseitigen Einflusses. Es

gibt im Russischen eine Redensart „eine rätselhafte russische Seele“. Heute redet man über „rätselhafte deutsche Seele“, die sich in Russland eingewurzelt hat, mit der russischen zusammengewachsen ist, ohne ihre eigene Identität verloren zu haben.

Literaturverzeichnis

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.208 с.

Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.

Siermer A. Deutsche Wortkunde. Kulturgeschichte des deutschen Wortschatyes. Berlin: De Gruyter, 1960. 123 s.

Faszination Deutsch. Die Wiederentdeckung einer Sprache für Europa . München: Langer Müller, 1993.344 s.

THE TRACES OF THE GERMANS IN PERM REGION

Anastasiya A. Deriglazova

Student of Pedagogical Education, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. dereglazova.a@inbox.ru

Aleksandra S. Severyukhina

Student of Pedagogical Education, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. severyuh.alex@gmail.com

Svetlana F. Plyasunova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Linguodidactics

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. germany.psu.ru

The article is dedicated to the excursion into the history of immigration of Germans to Russia. The second part of the article deals with the Russian-Germans in the Perm Region.

Key words: Perm Region, German, history of the Germans ' immigration to Russia, „Russian“ Germans.

СЛЕДЫ НЕМЦЕВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Анастасия Александровна Дерглазова

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. dereglazova.a@inbox.ru

Александра Сергеевна Северюхина

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. severyuh.alex@gmail.com

Светлана Филипповна Плясунова

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. germany.psu.ru

Статья посвящена экскурсу в историю иммиграции немцев в Россию. Вторая часть статьи посвящена российско-германским отношениям в Пермском крае.

Ключевые слова: Пермский край, немцы, история иммиграции немцев в Россию, «русские» немцы.

УДК 80:004

ЧАТ-БОТ КАК ЧАСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ

**Наталья Владимировна Балдина, Руслан Олегович Бортников,
Дарья Сергеевна Редозубова**

магистранты факультета современных иностранных языков и литератур,
«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. siyalm2017@gmail.com

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

В статье рассматривается проблема создания благоприятной языковой образовательной среды и предлагается её решение при помощи внедрения чат-бота в образовательный процесс, а также рассмотрены положительные и отрицательные стороны данного решения.

Ключевые слова: образовательная среда, ИКТ, чат-бот, речевая ситуация.

Иностранный язык (далее ИЯ), подобно живому организму, находится в постоянном развитии. Следовательно, обучение ИЯ должно идти в ногу со временем, опираясь на богатый педагогический опыт прошлых лет и применяя новые технологии. Сегодня преподавание ИЯ невозможно представить без использования различного рода ИКТ. Как отмечают Д. Китс и Дж. Шмидт, для современного образования характерно признание повсеместности технологий и постоянное пребывание учащегося в цифровой среде [Keats, Schmidt 2007].

К сожалению, большая часть последних разработок делает упор на развитие конкретного типа речевой деятельности учащихся, избегая сложностей, связанных с организацией комплексного подхода к

преподаванию и изучению ИЯ, подразумевающего создание полноценной речевой среды для учащихся.

Понятие речевая среда является достаточно широким и обобщенным. Современный словарь лингвистических терминов рассматривает речевую среду как речь, воспринимаемую человеком в естественных условиях: язык семьи, радио, телевидения, язык книг и т.п., поскольку наша речь напрямую связана с познанием окружающего мира, развитием сознания и личности [URL].

Одним из вариантов компьютерных программ, способных создать такую среду, является чат-бот. В. В. Кузнецов в своей статье «Перспективы развития чат-ботов» приводит следующее определение: «Чат-бот – это компьютерная программа, которая создана для имитации речевого поведения человека при общении с одним или несколькими собеседниками» [Кузнецов 2016: 17].

Важно отметить, что образовательная речевая среда в данном случае создается в два этапа: создание речевой среды для чат-бота и создание речевой среды для учащихся с применением готового чат-бота. Создание чат-бота происходит при помощи специальных программ на основе лингвистического материала, отобранного в соответствии с текущей учебной задачей, учебной программой и интересами обучающихся. Основанный на конкретном фонетическом, лексическом и грамматическом материале, чат-бот становится уникальной технологией преподавания ИЯ посредством отработки изученного материала в условиях конкретной речевой ситуации.

Кроме того, следует обратить внимание на особый интерес ИТ-сферы к появлению таких чат-ботов, представляющих собой готовый продукт, созданный, в том числе, для эффективного усваивания и использования ИЯ на практике в учебном процессе.

Разработчики чат-ботов уверены в успехе и популярности своего продукта среди современных школьников, привыкших к цифровым технологиям с раннего возраста. В качестве подтверждения своей уверенности компании ссылаются на достаточно популярную теорию поколений, предложенную американскими учеными Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом и описывающую модели поведения разных поколений людей. Они говорили о том, что на данный момент среди учащихся можно выделить представителей поколений Y (1984-2000 г.р.) и Z (с 2001 г.р.). Новое поколение – Z – будущие студенты, которые скоро будут получать высшее образование. Тот факт, что они выросли в среде активного использования различных интернет-технологий, в значительной мере влияет и определяет особенности этого поколения: достаточно

высокая скорость получения и обработки информации, способность анализировать большие объемы данных, а также успешно и быстро справляться с целым рядом задач одновременно. Главной мотивацией в обучении для учащихся должен стать интерес к предмету изучения, удобство и эффективность средств для получения знаний. Поэтому необходимо внедрение специальных программ и компьютерных продуктов, которые будут отвечать этому требованию [Фирсова 2017].

Однако, на практике ИКТ развиваются настолько стремительно, что образовательные учреждения не успевают внедрить их в образовательный процесс в силу некоторых причин (недостаток финансирования, отсутствие оборудования и т.п.); как следствие, образовательная среда становится будто «оторванной от реальной жизни».

Решение данной проблемы видится в создании некоторых критериев, по которым стало бы возможным судить об эффективности тех или иных информационных ресурсов. О.И. Трубицина и Н.А. Шегай выдвигают следующие критерии: *внешний вид* (касается как дизайна, так и перенасыщенности ресурса информацией), *структура и навигация* (другими словами, удобство интерфейса), *содержание / контент* (в первую очередь касается вопроса об актуальности, полноте и ценности предоставляемой информации), *язык и стиль* (в том числе в качестве одной из важных составляющих выделяется наличие переводов на другие языки), *интерактивность* (наличие возможности обратной связи), *характеристика аудитории* (учет личностных, физических и умственных особенностей пользователей) [Алина 2016]. Авторами было проведено исследование, в котором использовались данные критерии при оценивании некоторого количества ИКТ разных типов, в результате чего был создан список рекомендуемых программ, подробно описанных с точки зрения их основных преимуществ.

Становится понятно, что при разработке чат-бота следует учитывать все приведённые выше критерии, чтобы в конечном итоге получить ПО, действительно *интересное* и *удобное* для обучающихся и, в идеале, не только отражающее современные реалии, но и способное самостоятельно подстраиваться под появляющиеся культурно-языковые тенденции.

Однако примечательно, что в рамках этого и многих других подобных исследований (Serge Bibauw, Thomas Francois, Piet Desmet и др.) конкретно чат-боты, будучи ПО, ориентированным на коммуникацию, подвергаются оценке в меньшей степени, нежели тренировочные, игровые или тестовые программы.

Наиболее масштабным из современных метааналитических исследований представляется работа С. Бибо: в статье 2016 года рассматривалось 256 публикаций, посвящённых исследованию эффективности различных типов программ: компьютерных «репетиторов», симуляторов лингвистических ситуаций и, собственно, чат-ботов – в частности, Duolingo Bots. В ходе мета-анализа было выявлено:

- Результаты большей части исследований говорят о невозможности использования CALL-технологий (computer assisted language learning – изучение языка с помощью компьютера) для развития языковой компетенции высокого и даже, зачастую, среднего уровня; данное ПО является полезным лишь на начальном этапе, как утверждает большинство исследователей;
- Разнородность исследований;
- Частое допущение систематических ошибок, связанных с предпочтительной публикацией положительных результатов исследования.

Данные выводы позволяют предположить, что всеобъемлющая оценка современных ИКТ ещё не была проведена, поскольку данные об эффективности внедрения чат-ботов в учебный процесс значительно отличаются в разных исследованиях.

Если мы говорим о лексических и грамматических навыках говорения, то чат-бот способен значительно улучшить их. К примеру, в исследовании Теодоры Коулори и ее коллег [Koulouri, Lauria, Macredie 2016] подробно описывается такое явление как приспособление к лексике и грамматике в процессе общения ученика и компьютерной программы. В нашей повседневной жизни мы также имеем тенденцию копировать и использовать какие-то фразы или слова, часто встречающиеся в диалоге с кем-то. В данном случае можно наблюдать аналогичную ситуацию. Чем больше и чаще встречались в диалоге различные ключевые слова, готовые грамматические конструкции, тем выше был процент их запоминания и усвоения. После таких экспериментов, ученики имели склонность к использованию новых и более сложных выражений в дальнейшей языковой практике, что показывало необходимость и полезность таких продуктов в обучении иностранным языкам.

Таким образом, такая компьютерная программа как чат-бот является неотъемлемой частью современной речевой образовательной среды, обладает большим потенциалом и способствует эффективному изучению иностранного языка.

Список использованной литературы

Кузнецов В.В. Перспективы развития чат-ботов // Успехи современной науки, 2016. С.16–19.

Алина И. А. Проблемы современной филологии и лингводидактики: сборник научных трудов. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2016. 128 с.

Учительская копилка [Электронный ресурс] URL: <http://uchkopilka.ru/dosh-obraz/item/5385-recheyaya-sreda-i-deti-20150127> (дата обращения: 27.05.2018).

Фирсова Е.А. Перспективы использования чат-ботов в высшем образовании/совершенствование учебно-методической работы в университете в условиях изменяющейся среды, 2018. С.188–193.

Bibauw S., François T., Desmet P. The effectiveness of dialogue-based CALL on L2 proficiency development: A meta-analysis. 2017. URL: <https://reference.research-publishing.net/publication/chapters/978-1-908416-29-2/310.pdf> (дата обращения: 11.06.2018).

Keats D., Schmidt J.P. The genesis and emergence of Education 3.0 in higher education and its potential for Africa. 2007. Issue 12. URL: <http://.org/ojs/index.php/fm/article/view/1625> (дата обращения: 19.06.2018).

Koulouri Theodora, Lauria Stanislao & Macredie Robert D. Do (and Say) as I Say: Linguistic Adaptation in Human – Computer Dialogs, Human–Computer Interaction. 2016. Issue 31(1). P. 59–95.

THE CREATION OF A LINGUISTIC RESOURCE FOR CHAT BOTH IN THE PROCESS OF DESIGNING EDUCATIONAL SPEECH ENVIRONMENT

Natalia V. Baldina, Ruslan O. Bortnikov, Daria S. Redozubova

Students of Pedagogical Education, Master's degree course, Faculty of Modern
Foreign Languages and Literatures
Perm State University 614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15.
siyalm2017@gmail.com

Svetlana L. Mishlanova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguodidactics
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. mishlanovas@mail.ru

The article describes the problem of creating the educational environment and its solution through the introduction of chat-bot into the educational process, as well as the positive and negative aspects of the solution.

Key words: educational environment, ICT, chat-bot, speech situation.

**ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ПУТЁМ НАПИСАНИЯ
«БЕГОВОГО» ДИКТАНТА «LAUFDIKTAT»**

**Евгения Сергеевна Большакова, Алёна Сергеевна Дудкина,
Дария Александровна Сарайкова, Илона Михайловна Стембурис**
студентки факультета иностранных языков, специальности «Английский язык.
Немецкий язык»
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69. postbox@csru.ru

Марина Геннадьевна Заседателева
к. филол. н., доцент кафедры немецкого языка и МОНЯ
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69. postbox@csru.ru

В статье исследован педагогический эксперимент - проведение «бегового» диктанта возможно с использованием таких социальных форм взаимодействия обучающихся, как: в парах работе, в группах, индивидуально. Были рассмотрены способы повышения мотивации учеников к изучению иностранного языка посредством развития коммуникативной компетенции, в первую очередь орфоэпической, орфографической и фонологической.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, мотивация, уровень обученности, коммуникативная методика, «беговой диктант», «Laufdiktat».

Происходящие в настоящее время существенные изменения в области целей образования все более явно ориентируют на «свободное развитие человека», на творческую инициативу, самостоятельность, конкурентоспособность, мобильность будущего специалиста, и, следовательно, возникает необходимость найти наиболее оптимальный подход к обучению иностранному языку. Системно-деятельностный подход в образовании выдвинул на передний план следующие методические принципы: ориентация на развитие компетенций, ориентация на деятельность, ориентация на ученика, активизация деятельности уче-

ника, ориентация на интерактивные формы обучения, автономное обучение, ориентация на межкультурный аспект обучения и ориентация на формулирование задач. [Мишланова, Заседателева 2013: 48]

Среди перечисленных принципов центральное место занимает принцип ориентации на деятельность. В «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» указывается, что «пользователи и изучающие язык рассматриваются как субъекты социальной деятельности, то есть как члены социума, решающие задачи в определенных условиях, в определенной ситуации, в определенной сфере деятельности» [Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка: 8]. Вследствие этого во многих программах обучения иностранному языку в средней и высшей школе на первый план ставится принцип ориентации на деятельность. Тем не менее нельзя недооценивать и другие перечисленные выше принципы, в том числе и принцип активизации деятельности ученика. [Мишланова, Заседателева 2013: 48]

Данный принцип понимается следующим образом: «Активизация деятельности ученика как принцип обучения исходит из того, что учащиеся, которые принимают участие в планировании и проведении самого урока, активны на уроках, глубоко и основательно занимаются предметом изучения, глубже перерабатывают материал, достигают лучших результатов. Активные учащиеся задают вопросы, участвуют в проведении рефлексии на уроке, обмениваются мнениями, самостоятельно изучают и открывают для себя новые языковые структуры и пытаются сформулировать правило, могут самостоятельно провести контроль и самоконтроль выполненного задания. Активные учащиеся работают над выполнением определенных задач мотивированнее и более сконцентрировано. Тем самым развивают у себя понимание того, как можно и нужно изучать иностранный язык» [Пассов 2007: 13–23]. Применение принципа активизации деятельности ученика предполагает то, что учащиеся, которые активно участвуют в учебном процессе, достигают лучших результатов обучения. Вследствие этого повышается мотивация учащихся к овладению того или иного предмета. [Заседателева 2017: 30]

Заметим, что в педагогике мотивация выступает как общее название для процессов, методов и средств побуждения учащихся к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования. Особенное место занимает учебная мотивация. Под учебной мотивацией понимается проявляемая учащимися мотивированная активность при достижении целей учения. Своеобразие учебной мотивации состоит в том, что в процессе деятельности по ее осу-

ществлению ученик усваивает знания и формируется как личность. Таким образом, одним из главных условий успешного обучения является мотивация учения. Повышению мотивации учения будут способствовать следующие факторы: совместный с учащимися выбор средств по достижению цели, использование парных и групповых форм работы, использование проблемных ситуаций, использование игровых технологий, создание ситуации успеха, формирование адекватной самооценки у учащихся, нестандартная форма проведения уроков. [Заседателева 2017: 30]

Процесс формирования мотивации должен стать, на наш взгляд, значительной частью работы учителя. Повысить мотивацию к изучаемому предмету – значит добиться высокого уровня обученности учащихся и хороших результатов обучения. [Мишланова, Заседателева 2013: 55]

В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все факторы, способствующие повышению мотивации к учению. Поэтому более подробно рассмотрим, как применение на занятиях «бегового» диктанта (Laufdiktat) будет влиять на мотивацию школьников к изучению немецкого языка, а, следовательно, будет активизировать деятельность ученика.

В зарубежных пособиях по методике преподавания иностранного языка данный вид диктанта описывается [Зимняя 2003: 34–42]. Опишем суть проведения «бегового» диктанта (Laufdiktat): ученик бежит от своей парты до стены, доски, где висит текст диктанта, запоминает предложение (слово, смысловую единицу), бежит обратно и записывает в тетрадь то, что запомнил. Важно, чтобы текст диктанта был вывешен на расстоянии 3–5 метров от ученика. Текст диктанта может быть вывешен и в коридоре. В доступной нам литературе указано, что данный вид диктанта проводится в парах. Мы решили попробовать и провести диктант как в парах, так и индивидуально и в группах.

Считаем целесообразным указать, что диктант проводится в движении. При этом роль преподавателя отходит на второй план, а учащиеся самостоятельно выполняют задание в парах, группах или индивидуально. При этом они взаимодействуют друг с другом. В методической литературе указывается, что „социальная интеракция на уроках иностранного языка способствует повышению мотивации к учению и помогает лучше запоминать изучаемое“ [Щукин 2006: 67]. Поэтому мы решили посмотреть, будет ли проведение «бегового» диктанта как одна из форм интеракции способствовать повышению мотивации к изучению иностранного языка.

На наш взгляд «беговой» диктант – это хорошая форма и для развития коммуникативной компетенции, в первую очередь он будет способствовать развитию орфоэпической, орфографической и фонологической компетенции. Для подтверждения этого нами было решено провести педагогический эксперимент в общеобразовательной школе № 103 г. Челябинска. Эксперимент был проведен в седьмых классах данной школы.

На первом этапе мы провели диктант в традиционной форме. Текст диктанта соответствовал изучаемой теме, учащимся была предоставлена возможность ознакомиться с ним дома. Диктант писали 27 учащихся (7–2 класс – 13 человек, 7–3 класс – 5 человек и 7–4 класс – 9 человек). Заметим, что на «4» и «5» из 27 учащихся написали диктант 2 человека.

На следующем этапе эксперимента было решено провести «беговой» диктант в 7-2 классе в группах, в 7-3 классе индивидуально и в 7-4 классе в парах. Для всех классов был составлен один и тот же текст диктанта, за исключением 7–4 класса, где для чистоты эксперимента было решено предложить учащимся два варианта диктанта. На уроках присутствовал методист ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ». Методисту было предложено заполнить лист наблюдения и ответить на следующие вопросы: В чем, на Ваш взгляд, заключалась активизация учащихся на уроках? Способствовала ли данная форма проведения диктанта развитию коммуникативной компетенции учащихся?

Методист дал следующий ответ на поставленные вопросы: активизация учащихся состояла в применении таких социальных форм, как индивидуальная, групповая и парная при написании диктанта в отличие от фронтальной работы при применении традиционной формы написания диктанта. Учащиеся были при этом активны: чтобы написать, они вынуждены были бегать, читать, запоминать текст, диктовать его другому (при парной работе) и писать далее. В заключении был проведен самоконтроль выполненного задания. При этом они были очень активны. «Беговой» диктант способствовал повышению коммуникативной компетенции, в первую очередь, орфографической компетенции (учащиеся упражнялись в написании букв и в правописании), орфоэпической компетенции (учащиеся должны были верно проговаривать прочитанное, чтобы другой или они сами могли правильно записать запомненное), а также фонологической компетенции (они должны были четко и ясно проговаривать вслух слова, чтобы другие или они сами могли верно их записать). При этом все учащиеся были мотивированы на выполнение задания.

После урока нами были проверены работы учащихся. Результат превзошел все наши ожидания. В этот раз на «4» и «5» написали диктант 80% учащихся 7–2 класса, 100% учащихся 7–3 класса и 50% учащихся 7–4 класса.

На заключительном этапе эксперимента учащимся было предложено ответить на вопросы анкеты:

- 1) Тебе нравится посещать уроки немецкого языка?
- 2) Понравилась ли тебе форма проведения диктанта на сегодняшнем уроке?
- 3) Какая форма проведения диктанта понравилась тебе больше всего? (традиционная или «диктант – на бегу»)
- 4) Как ты считаешь, способствовали ли сегодняшнее занятие повышению мотивации к изучению немецкого языка? Почему?

Ответы обучающихся показали следующие результаты: 96,3% учеников с удовольствием посещают уроки немецкого языка, считают этот предмет познавательным, полезным для общего развития кругозора, нужным для будущей профессии и интересным, с необычными формами работы.

Только 11% учащихся посчитали традиционную форму проведения диктанта интереснее, потому что она им понятнее и уже апробирована на уроке.

А что касается «бегового» диктанта, то 89% школьников предпочли эту форму работы традиционной, аргументировав тем, что данная форма проведения диктанта внесла разнообразие в учебный процесс, послужила разминкой-паузой во время урока и способствовала развитию памяти.

85,2% учеников 7 класса считают, что мотивация к изучению немецкого языка увеличивается благодаря проведению «бегового» диктанта. В качестве аргументов они приводят следующие: работа в команде, нужно для будущей жизни, нужно для развития коммуникации, повышает интерес к изучению немецкого языка.

Проведённый нами педагогический эксперимент позволил сделать следующие выводы. Проведение «бегового» диктанта возможно с использованием следующих социальных форм взаимодействия учащихся: в парах работе, в группах, индивидуально. «Беговой» диктант способствует повышению мотивации учеников к изучению иностранного языка и увеличивает успехи обучающихся в таких видах речевой деятельности, как письмо, чтение и аудирование, а также содействует развитию коммуникативной компетенции, в первую очередь орфоэпической, орфографической и фонологической компетенций.

Список литературы

Заседателева М.Г. Роль парной и групповой форм работы в повышении мотивации студентов к изучению иностранного языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 29–36.

Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.

Пассов Е.И. Содержание иноязычного образования как методическая категория // Иностранные языки в школе. 2007. № 6. С. 13–23.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2003. 256 с.

Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов М.: Филоматис, 2006. 67 с.

Мишиланова С.Л., Заседателева М.Г. Методика и технология профессиональной деятельности: системно-деятельностный подход при изучении иностранных языков: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т., Книжный формат, 2013. 48 с.

Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen. Linz: Landesverlag, 2002.

Funk Hermann, Kuhn Christina, Skiba Dirk, Spaniel-Weise Dorothea, Wicke Rainer E. Aufgaben, Übungen, Interaktion. Deutsch lehren lernen 4 München: Klett-Langenscheidt, 2014.

Ende Karin, Grotjan Rüdiger, Kleppin Karin, Mohr Imke Curriculare Vorgaben und Unterrichtsplanung. Deutsch lehren lernen 6. München: Langenscheidt, 2013. 152 s.

INCREASE IN MOTIVATION TO THE LEARNING OF FOREIGN LANGUAGE BY WRITING OF THE "RUNNING" DICTATION OF "LAUFDIKTAT"

Evgenia S. Bolshakova, Alyona S. Dudkina, Dariya A. Saraykova, Ilona M. Stemburis

Students of "English. German", Faculty of Foreign languages, Southern Ural State Humanitarian and Pedagogical University
454080 , Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, postbox@cspu.ru

Marina G. Zasedateleva.

Candidate of Philology, Associate Professor of German Language and Methodology of Teaching German Language
Southern Ural State Humanitarian and Pedagogical university
454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 69, postbox@cspu.ru

In the article the pedagogical experiment is investigated – carrying out a "running" dictation is possible with use of such social forms of interaction of students as: in couples to work, in groups, individually. Ways of increase in motivation of pupils to a learning of foreign language by means of development of communicative competence, first of all orthoepic, spelling and phonologic have been considered.

Keywords: Communicative competence, motivation, proficiency level, communicative technique, "a running dictation", "Laufdiktat".

**ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИВАЮЩЕГО РАЗВЛЕЧЕНИЯ
(EDUTAINMENT)
КАК ТЕХНОЛОГИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Кристина Олеговна Ветрова

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур, «Филология» («Филология и коммуникация»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. vetrova_ko@mail.ru

Светлана Леонидовна Мишланова

д.филол.н., профессор кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

В статье рассматривается технология развивающего развлечения как средство организации неформального обучения. Данная технология является инновационной для отечественной педагогики и представляется перспективной для теоретического изучения. Авторы принимают попытку разработать задания на основе указанной технологии для учащихся разных школьных возрастов. Разработанные задания направлены на развитие лексических навыков учащихся и на популяризацию английского языка среди школьников.

Ключевые слова: edutainment, образовательные технологии, иноязычная коммуникативная компетенция, педагогика.

В условиях современного образования одной из ведущих проблем в области методики становится проблема мотивации учащихся к самообразованию, стремление к неформальному образованию. В настоящее время процесс обучения протекает в условиях нарастающего объёма информации и быстрой перемены тенденций, в результате чего учащиеся сталкиваются с необходимостью получать и переосмысливать большее количество информации; при этом знания, приобретённые ранее, становятся менее актуальными. Кроме того, развитие информационно-коммуникационных технологий приводит к появлению новых форм проведения досуга и, как следствие, сокращает время на получение полезной информации. С другой стороны, образование не обязательно должно проходить в рамках учебного заведения. Одной из пер-

востепенных задач современного образования оказывается организация учебного процесса таким образом, чтобы у учащихся не возникало ощущения того, что обучение есть «борьба», наоборот, необходимо, чтобы грамотное преподавание сделало этот процесс увлекательным и легким [Kazanci 2009: 31]. Кроме того, одним из условий современной педагогики становится тезис о том, что учиться можно и нужно с удовольствием.

В определенной степени решить указанную проблему может технология развивающего развлечения, разработанная в США и получившая название «edutainment» (education + entertainment, то есть образование + развлечение). Цель данной технологии заключается в приобретении знаний и опыта при помощи нетрадиционных техник и приемов обучения, проходящего в непринужденной, комфортной атмосфере. Данная технология может применяться не только как дополнение к школьным занятиям, но и использоваться в концепции различных коммерческих заведений: языковых и торговых центрах, кафе и т.п., помогая при этом не только привлечь внимание клиентов к данному заведению, но и осуществить социализирующую функцию коммерческого предприятия в условиях неформального обучения.

Технология развивающего развлечения носит метапредметный характер и охватывает такие области знания, как философия, социология, экономика, образование и культура. В нашем исследовании мы рассматриваем технологию развивающего развлечения как технологию обучения английскому языку, представляющую собой совокупность игровых методов и комбинацию средств обучения, применяемую во внеурочной деятельности учащихся в рамках компетентностного подхода в системе общего образования. Тем не менее, область применения технологии развивающего развлечения в условиях отечественного образовательного процесса нуждается в детальном теоретическом изучении и представляет актуальную проблему для современной педагогики. На наш взгляд, технология развивающего развлечения обладает дидактическим потенциалом и может стать выгодным коммерческим проектом, имеющим перспективы привлечения клиентов и повышения репутации предприятия.

В представленном исследовании была предпринята попытка разработки заданий с использованием технологии развивающего развлечения, которые предполагается использовать на распечатках для подносов в кафе быстрого питания. Разработанная система заданий может стать дополнительным средством изучения английского языка во внеурочное время. Так, посещая заведение быстрого питания, в котором посетителям будут предложены распечатки с заданиями на английском

языке, школьники смогут уделять часть своего досуга изучению материалов, знакомящих их с английским языком и англоязычной культурой, что может стать одним из вариантов решения проблемы обучения во внеурочное время. Задания, в свою очередь, представляют неотъемлемую часть проекта, составленного группой студентов ПГНИУ и направленного на организацию иноязычной внеурочной деятельности учащихся младшего и старшего школьного возраста. Разработчиками предполагается, что проект, создаваемый на основе технологии развивающего развлечения, может стать коммерческим предложением для сетей ресторанов быстрого питания в городе Перми. Внедрение проекта в заведениях сети позволит привлечь внимание клиентов к компании, поскольку технологии «edutainment» в том виде, в котором они представлены в рамках проекта, ранее не применялись ни в одном из заведений города. Более того, посредством технологии «ненавязчивого» изучения английского языка проект позволит вызвать интерес у школьников и их родителей, посещающих заведение, и, возможно, побудит их к дальнейшему изучению английского языка и англоязычной культуры. С позиции школьного образования проект «Год экологии» имеет шанс стать дополнительным средством изучения английского языка во внеурочное время.

В рамках представленного исследования мы не ставим своей целью рассмотрение указанного проекта с позиции маркетинга, то есть мы не нацелены на расчёт возможных издержек и рисков, а также на проведение коммерческого анализа рынка. Соответствующие шаги предполагается проводить на стадии апробации и реализации проекта. На данном этапе мы озадачены разработкой содержания проекта, и при установлении сотрудничества с конкретной сетью все необходимые процедуры оценки рисков будут проведены компетентными специалистами.

Проект «Год экологии» рассчитан на годовой период. Предполагается 3 тематических сезона, совпадающих по времени проведения с календарными сезонами. 3 тематических сезона соответствуют 3 блокам заданий, объединённым темой экологии. Основным компонентом в структуре проекта является разработка заданий по английскому языку для каждого из тематических блоков. Мы предлагаем печатать задания на раздаточных материалах, которые размещаются на подносах в заведениях быстрого питания. В течение отдельного сезона на подносах располагается заранее подготовленный материал, составленный с учётом интересов школьников, их возраста, а также соответствующий теме блока. Сами задания помогают учащимся совершенствовать лексическую сторону их языковой компетенции. Согласно концепции

проекта, для каждого сезона разрабатывается отдельный набор заданий, что позволит, с одной стороны, ознакомить большее количество клиентов с предложенным материалом за счёт того, что задания будут предлагаться в течение длительного времени, а с другой стороны, обновление заданий будет поддерживать интерес к проекту и заведению. За правильное выполнение заданий клиент получает вознаграждение – бонус в виде скидки на продукцию предприятия. Условия предоставления бонуса и процент скидки определяются заказчиком.

Разработанный проект выполняет следующие функции:

- 1) привлекает внимание к проблемам экологии;
- 2) осуществляет воспитательную функцию;
- 3) популяризирует изучение английского языка и англоязычной культуры;
- 4) развивает культурные потребности посетителей заведения;
- 5) формирует имидж Пермского университета;
- 6) способствует конструированию абитуриента;
- 7) будучи коммерческим продуктом, проект помогает формировать и продвигать бренд конкретной компании;
- 8) обеспечивает рекламу коммерческой компании.

Резюмируя вышесказанное, можно представить следующие выводы исследования:

1. Оптимально и эффективно организованная проектная деятельность может мотивировать учащихся к изучению английского языка не только в рамках школьных занятий, но и во внеурочное время
2. Технологии развивающего развлечения во внеурочной деятельности помогают повысить интерес к изучению английского языка за счет обучения в форме развлечения, отдыха
3. На основе технологии развивающего развлечения была разработана концепция проекта «Год экологии», предназначенного для проведения на площадках сети ресторанов быстрого питания
4. Создана система заданий на английском языке для младших и старших школьников, целью которых является формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетенции
5. Разработан подготовительный этап фестиваля «Год экологии»

Список литературы

Кобзева Н.А. Edutainment как современная технология обучения. Ярославский педагогический вестник. Вып. 4. Т. 2. Ярославль, 2012. С. 192–195.

Кобзева Н.А. К вопросу о технологии увлекательного обучения иностранному языку. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Вып. 1. Симферополь, 2012. С. 280–283.

Kazanci Z., Okan Z. Evaluating English language teaching software for kids: education or entertainment or both? // Turkish Online Journal of Educational Technology. Vol. 8. No. 3. 2009. 30–38 pp.

McKenzie J. Beyond edutainment and technotainment. URL: <http://www.fno.org/sept00/eliterate.html> (дата обращения: 12.03.2017).

Okan Z. Edutainment: Is learning at risk? // British Journal of education technology. Vol. 34. No. 4. 2003. 255–264 pp.

EDUTAINMENT TECHNOLOGY AS A TECHNOLOGY OF INFORMAL EDUCATION

Kristina O. Vetrova

Student of Philology (Philology and Communication), Master's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. vetrova_ko@mail.ru

Svetlana L. Mishlanova

Doctor of Philology, Professor in the Department of Linguodidactics

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. mishlanovas@mail.ru

The research examines the methodological potential of contemporary educational technology, i.e. edutainment. Nowadays edutainment is less studied, however, it can be an effective tool of foreign communicative competence development. The authors are concerned with the problem of edutainment application for students' leisure time arrangement as a significant issue of modern pedagogics. It should be emphasized that the research has been made within the educational project "The year of ecology" aimed at using edutainment technologies for increasing pupils' interest in learning English.

Key words: edutainment, educational technology, foreign communicative competence, pedagogy.

РОЛЬ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ДОСТИЖЕНИИ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ

Дмитрий Михайлович Глазырин

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур, «Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. dimoha285@mail.ru

Мария Владимировна Суворова

старший преподаватель кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. suvovamary@yandex.ru

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., профессор, заведующая кафедрой лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

В статье на основании обзора литературы рассматривается роль театральной педагогики в достижении обучающимися метапредметных результатов, указанных в Федеральных государственных образовательных стандартах начального, основного и среднего общего образования, а именно: способности к продуктивному сотрудничеству и эффективной коммуникации, а также использованию знаково-символических средств представления информации.

Ключевые слова: театральная педагогика, метапредметные компетенции, ФГОС.

Современные образовательные стандарты предполагают достижение обучающимися трех типов результатов: предметных, метапредметных и личностных. Согласно ФГОС, метапредметные результаты включают освоенные обучающимися универсальные учебные действия (познавательные, регулятивные и коммуникативные), обеспечивающие овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу умения учиться [ФГОС НОО]. Личностные результаты включают готовность и способность обучающихся к саморазвитию, сформиро-

ванность мотивации к обучению и познанию, ценностно-смысловые установки обучающихся, отражающие их индивидуально-личностные позиции, социальные компетенции, личностные качества [Там же].

Новые требования отражают произошедший парадигмальный сдвиг: знаниевая парадигма сменилась развивающей [Николаева, Маркова 2015], антропоцентричной. Иным стало как место педагога, так и место ученика в процессе обучения. В контексте данной статьи особенно интересной представляется метафора, использованная Дж. Уэсли Бейкером для описания новой роли педагога: «From the sage on stage to the guide by the side» [Baker 2000: 9].

Новая парадигма, безусловно, требует разработки новых методов обучения и формирования новых компетенций у педагога. Вопрос об источнике новых идей для достижения новых целей можно решить, воспользовавшись когнитивным потенциалом метафоры, а точнее – поняв метафору театра буквально и поместив ученика на настоящую сцену, т.е. воспользовавшись методами театральной педагогики.

В качестве исходной посылки можно использовать тот факт, что между профессиями педагога и актера существует сходство, позволяющее включать элементы профессиональных умений актёра в обучение будущих педагогов. Как отмечает Е.В. Мирончук, к необходимым педагогу профессиональным умениям актеров относятся техника саморегуляции, техника речи, основы мимической и пантомимической выразительности, культура внешнего вида, общения и др. [Мирончук 2014: 186].

Театральная педагогика, вероятно, может быть применена при изучении многих дисциплин для достижения самых разных метапредметных результатов, однако далее будет рассмотрена роль театра при обучении лишь одному предмету, а именно иностранному языку, в контексте нескольких, наиболее близких к содержанию предмета метапредметных результатов.

В целом при изучении роли театра в обучении иностранному языку отмечается, что важны не только и не столько собственно языковая (например, совершенствование произносительных навыков) и культурологическая (например, знание иностранной литературы) составляющие, сколько его значительный вклад в развитие творческих способностей учащихся [Садовская 2013].

Рассматривая этот вопрос более подробно, необходимо отметить, что на этапах начального, основного и среднего общего образования предполагается достижение сразу нескольких метапредметных результатов, которые имеют прямое отношение к умениям, формируемым средствами театра. Среди метапредметных результатов, входящих в

данную группу, – способность к продуктивному сотрудничеству: умение договариваться о распределении функций и ролей в совместной деятельности [ФГОС НОО], умение организовывать совместную деятельность с учителем и сверстниками [ФГОС ООО], умение продуктивно общаться и взаимодействовать в процессе совместной деятельности [ФГОС СОО].

Очевидно, что работа над театральной постановкой – это коллективный процесс, в ходе которого обучающиеся получают мотивацию к взаимодействию как на сцене, так и за её пределами при подготовке декораций и костюмов, подборе музыкального сопровождения и т.д. Учитель в этом процессе может выступать модератором, тогда как даже роль режиссера может быть отдана одному из учеников. Стоит отметить, что, в целом, умение работать в творческом коллективе в рамках единого художественного замысла – это один из ключевых элементов профессионализма актёра [ФГОС «Актерское искусство»].

Еще одной важнейшей группой результатов, входящих в категорию метапредметных, является способность к эффективной коммуникации: готовность слушать собеседника и вести диалог [ФГОС НОО], умение осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации для выражения своих чувств, мыслей и потребностей [ФГОС ООО], владение языковыми средствами [ФГОС СОО].

Особенно значима роль театра в развитии умения выражать чувства, поскольку актерская игра предполагает развитие эмоциональной памяти. По Ли Страсбергу, эмоциональная память, составляющая основу творческого самочувствия актера, вызывается из подсознания работой памяти пяти органов чувств [Черкасский 2011: 182]. При этом нужно заметить, что далеко не всегда эмоция, переживаемая актером, выражается исключительно в слове – задействуются и другие «модусы выражения», например, мимика и жесты, кроме того, подбираются музыка и декорации, а значит, в процессе подготовки спектакля обучающийся использует различные знаковые системы, сочетает их или переключается между ними, что, в свою очередь, способствует достижению ещё одного метапредметного результата – использованию знаково-символических средств представления информации [ФГОС НОО].

Немаловажной является и собственно языковая сторона, причем именно в аспекте осознанности использования речевых средств. Осмысливая опыт работы над произносительной стороной иноязычной сценической речи и постановочной частью спектакля, А.С. Садовская пишет, что освоение содержания речи действующих лиц обеспечивается пониманием логики речи и роли интонации и паузации в передаче ли-

бо искажении смысла реплик, а работа над мизансценами позволяет проживать роль, связывая речь с действием на основе личного опыта обучающихся [Садовская 2013].

Подводя итог вышесказанному, заметим, что рассмотренные нами метапредметные результаты представляют лишь малую часть возможных результатов обучения, которые могут быть достигнуты с применением методов театральной педагогики. Это лишь начало пути, который можно продолжить в двух направлениях: теоретическом, рассмотрев в деталях все возможные пересечения результатов, достигаемых средствами театральной педагогики, с одной стороны, и при изучении иностранных языков – с другой, и практическом, разработав основанные на приемах театральной педагогики упражнения, применимые при обучении иностранному языку.

Список литературы

Мирончук Е.В. Междисциплинарная связь педагогики школы и театральной педагогики в процессе подготовки профессионально-компетентных студентов педагогического вуза. М: Вестник МГОУ. Серия: Педагогика, №4, 2014. С. 185–190.

Николаева А.Д., Маркова О.И. Метапредметные компетенции как педагогическая категория // Современные проблемы науки и образования. 2015. №4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20437> (дата обращения: 12.06.2018).

Садовская А.С. Театральная педагогика в образовании. Учебно-методическое пособие. Пермь: НП ВПО «Прикамский социальный институт», 2013. 118 с.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 070301-с «Актерское искусство». М., 2011. (Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24.12.2010 г., № 2058).

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 6 октября 2009 г. № 373; в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. № 1241, от 22 сентября 2011 г. № 2357).

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. №1897).

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413).

Черкасский С.Д. Тренинг по Станиславскому в театральной педагогике Ли Страсберга периода театра «Групп» (начало 1930-х годов) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. №37. Вып.61. 2011. С. 181–187.

Baker J.W. The “Classroom Flip”: Using web course management tools to become the guide by the side // Selected Papers from the 11th International Conference on College Teaching and Learning. 2000. P. 9–17.

A ROLE OF THEATRICAL PEDAGOGY IN THE ACQUISITION OF TRANSVERSAL SKILLS

Dmitry M. Glazyrin

Student of Pedagogical Education, Master’s degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. dimoxa285@mail.ru

Maria V. Suvorova

Senior lecturer, the Department of Linguodidactics

Perm State University

614000, Russia, Perm, Bukirev str., 15. suvorovamary@yandex.ru

Svetlana L. Mishlanova

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Linguodidactics

Perm State University

614000, Russia, Perm, Bukirev str., 15. mishlanovas@mail.ru

On the basis of a review of relevant literature the authors discuss the role of theatrical pedagogy in the acquisition of three transversal skills required by Federal State Educational Standards, namely abilities to cooperate, to communicate efficiently and to use signs and symbols in information representation.

Ключевые слова: theatrical pedagogy, transversal skills, Federal State Educational Standards.

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО
ИНТЕГРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
(НА ПРИМЕРЕ МЕЖПРЕДМЕТНОГО ОБУЧЕНИЯ:
ОКРУЖАЮЩИЙ МИР И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)**

Ирина Игоревна Качкина

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур
«Инновационное педагогическое образование» («Иностранные языки.
Английский язык»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. irinakachkina@gmail.com

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., профессор, заведующая кафедрой лингводидактики
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

В статье рассматриваются особенности предметно-языкового интегрированного обучения английскому языку учащихся начальной школы, на примере межпредметного обучения: английский язык и в паре с этой дисциплиной – окружающий мир. Данная тема, актуальна, т.к. предметно-языковое интегрированное обучение приобретает все большую популярность в преподавании иностранного языка. Предметно-Языковое Интегрированное Обучение (CLIL – Content and Language Integrated Learning) по праву считается одним из успешных методов преподавания, потому что он позволяет совместить изучение сразу нескольких предметов, одним из которых является иностранный язык. Идея использования принципа предметно-языкового интегрированного обучения возникла в результате возросших требований к уровню владения иностранным языком при ограниченном времени, отведенном на его изучение. Изучение иностранного языка и неязыкового предмета одновременно является дополнительным средством для достижения образовательных целей и имеет положительные стороны как для изучения иностранного языка, так и неязыкового предмета. Предметно-языковое интегрированное обучение является платформой для инновационного методологического подхода, который намного шире, чем просто преподавание языков.

Ключевые слова: CLIL, предметно-языковое интегрированное обучение, английский язык, начальная школа, окружающий мир, модели CLIL, билингвальное обучение.

Одним из эффективных подходов к обучению школьников предметному знанию на иностранном языке в Европе является так называемый интегрированный предметно-языковой подход CLIL (Content and Language Integrating). Он основан на идее интеграции предметного и языкового обучения в процессе обучения и рекомендован Европейской комиссией, так как, во-первых, предоставляет студентам возможность изучать дисциплину и иностранный язык одновременно; во-вторых, для изучения иностранного языка не требуется дополнительных часов в учебном плане. CLIL – это подход к билингвальному образованию, в котором содержание предметной дисциплины и иностранный язык изучаются одновременно [Coyle, Hood, Marsh 2010]. Понятие языкового погружения в широком смысле вышло из системы международного обучения CLIL. По мнению ведущего британского лингвиста и социолога Дэвида Грэддола, происходящие в мире экономические, социальные, демографические и геополитические процессы приводят к изменению положения английского языка в глобальном мире. В своём исследовании “English Next” Д. Грэддол утверждает, что в ближайшем десятилетии АЯ все реже будет преподаваться в качестве отдельной дисциплины, а будет интегрироваться в программу по предметной дисциплине, что также обуславливает актуальность исследования [Graddol 2014: 25]. **CLIL** – термин, описывающий обучающие методики, где предметы преподаются на иностранных языках. CLIL преследует две цели, а именно – изучение предмета посредством иностранного языка, и иностранного языка через преподаваемый предмет. Несмотря на то, что понятие появилось относительно недавно, корни интегрированного обучения уходят далеко в историю, начиная с ранних вавилонян и до начала 60-х нашего столетия, когда билингвистическое обучение приобрело огромную популярность во всем мире.

CLIL – это подход или метод, который объединяет обучение учебной программе контента с преподаванием не родного языка. В нашем глобальном технологическом обществе становится все более важным, когда знания другого языка помогает учащимся развивать навыки на своем первом или родном языке, а также помогают им развивать навыки общения о науке, искусстве и технологией по всему миру. Это дает учащимся различный опыт обучения по сравнению с большинством иностранных языков, потому что в классе CLIL новому учебному предмету и новому языку обучают вместе. Интеллектуальные навыки

мышления и обучения тоже взаимосвязаны. CLIL может включать в себя множество методологий как преподавания предметов, так и языка, поэтому CLIL представляет новый вызов для учителей и учащихся.

Неизбежный процесс интеграции языка и предмета уже нашел свое воплощение в широко применяемом сегодня за рубежом подходе CLIL (Content Language Integrated Learning). Существующий на протяжении двух десятилетий CLIL, хотя и вызывает до сих пор множество споров и имеет достаточное количество оппонентов, охватил большую часть пространства Европы, часть Азии и Латинской Америки. Подход, в основном применяемый на уровне начальной и средней школы, сегодня уверенно начал внедряться в систему высшего образования. Технология CLIL (Content and Language Integrated Learning: интегрированное преподавание иностранного языка и других учебных дисциплин) является разновидностью билингвального обучения. Согласно Дейлу [CLIL 2015: 19–21], CLIL – результат влияния идей билингвизма, идей усвоения иностранного языка как второго, теории когнитивного обучения и конструктивизма. К 2007 году CLIL начал применяться в 20 европейских странах. Большая часть методик, обсуждаемых в работе, осуществлялись в школах среднего звена, и только часть из них – в школах начального образования (в Австрии, Финляндии, Венгрии и Испании). CLIL используется в различных образовательных контекстах – от старшей группы детского сада до высшего образования.

Целью исследования является выявление и изучение особенностей предметно-языкового интегрированного обучения английскому языку у учащихся начальной школы, на примере межпредметного обучения (окружающий мир), рассмотрение взаимовлияния и взаимодействия английского языка и окружающего мира у учащихся начальной школы.

Научная новизна состоит в разработке практических рекомендаций стратегий по наилучшим способам и методам усвоения учащимися начальной школы подхода CLIL. CLIL созвучен идее “just in time learning” – “своевременного” обучения – и считается максимально коммуникативным подходом. Основопологающая концепция 4 C указывает на приоритеты подхода, подчёркивая его инновационность в развитии наряду со знанием предмета не только коммуникативной и межкультурной компетенций, но и когнитивных навыков учащихся. Методологию четыре «С» предложила D. Coyle. Практика внедрения данного подхода получила широкое распространение в вузах и школах Финляндии, Нидерландов, Испании и Великобритании. Каждый из 4 аспектов реализуется по-разному в зависимости от возраста обучаю-

щихся, социально-лингвистической среды и степени погружения в CLIL. 4 Cs: **Content** (содержание), **Communication** (общение), **Cognition** (мыслительные способности) и **Culture** (культурологические знания), но отличающихся степенью интенсивности внедрения иностранного языка в процесс изучения специализированной дисциплины. **Content.** Метод CLIL позволяет развивать межпредметные связи. Учебные предметы, преподаваемые в CLIL, включают искусство, гражданство, классику, дизайн и технологию, экономику, исследования об экологии, географию, историю, информационные и коммуникационные технологии (ICT), грамотность, математику, музыку, физическое воспитание (PE), философию, (RE), науку, социальные науки и технологии. **Communication.** Учащиеся должны изучать и воспроизводить предметный язык как в устной, так и в письменной форме. CLIL нацелен на увеличение STT (время разговоров с учениками) и снижение TTT (время беседы преподавателя). **Cognition.** CLIL способствует развитию познавательных или умственных способностей. **Culture.** Культурологические знания, которые направлены на понимание собственной и иноязычной культуры, определение своего места и роли в них, формирование позитивного отношения к другим культурам, является важной составляющей CLIL. Роль культуры, понимания себя и других культур, я – важная часть CLIL. На основе принципа scaffolded learning (обучающая поддержка) обучающиеся формируют LOTs (Low Order Thinking skills – простые мыслительные навыки – запоминание, классификация, сравнение и др.) и HOTs (High Order Thinking skills – мыслительные навыки более высокого порядка – рассуждение, анализ, синтез, оценка и т.д.) Нет единой концепции того, кто именно может преподавать CLIL. Приоритет отдается преподавателям предметной дисциплины – носителям ИЯ или владеющим ИЯ на уровне не ниже B2-C1 по шкале CEFR и обладающим методической компетенцией в области CLIL. Но не исключается и возможность того, что обладая определёнными методическими знаниями и навыками, при поддержке преподавателей-предметников, преподаватель-лингвист может с успехом интегрировать предметное содержание и ИЯ. Преподавателю ИЯ недостаточно быть сегодня только консультантом по ИЯ в области профессионального дискурса и терминологии. Роль преподавателя языка для специальных целей (ЯСЦ) сегодня гораздо шире, чем роль преподавателя общего английского, и она не ограничивается областью лингвистики. Сегодня важным становится устойчивый интерес преподавателя ЯСЦ к профильной дисциплине.

В современном обществе приоритетными становятся вопросы социализации современного человека в межнациональном и межкуль-

турном пространстве, при этом владение вторым языком рассматривается как один из инструментов расширения профессиональных знаний и возможностей. В связи с этим появляются новые образовательные технологии обучению языкам. Одной из таких технологий является предметно-языковое интегрированное обучение CLIL (Content and Language Integrated Learning). CLIL обладает рядом преимуществ по сравнению с традиционным обучением.

1. «Учащийся пропускает через себя достаточно большой объем языкового материала, что представляет собой полноценное погружение в языковую среду.

2. Работа над темой позволяет отметить специфические термины, определенные языковые конструкции, что, в свою очередь, способствует пополнению словарного запаса слушателя предметной терминологией.

3. В процессе CLIL-обучения учащемуся не обойтись без функционального языка в ходе обсуждений: для сравнения и противопоставления, описания процессов и явлений, высказывания своей точки зрения, что так же способствует его лингвистическому развитию» [Зарипова 2014].

Не существует единственной традиционной модели CLIL в отношении преподавания тех или иных элементов курса на родном или изучаемом языке. В зависимости от степени погружения в язык различают hard CLIL (частичные программы погружения, где более половины дисциплин преподаются на иностранном языке; модель, близкая к полному погружению в иностранный язык) и soft CLIL (преподавание отдельных тем из содержания специальных дисциплин на занятиях по иностранному языку; модель, при которой родной язык обучающихся используется в значительной мере для облегчения восприятия предметной дисциплины). Modular CLIL – модель при которой предмет преподается на иностранном языке определенное количество часов. Многие исследователи выделяют два основных направления в реализации предметно-языкового интегрирования в образовательном процессе [Балина 2015]: content-driven(C) – процесс обучения сконцентрирован в первую очередь на изучении содержания учебной дисциплины; language-driven(L) – сфокусировано на изучении языковых единиц/единиц иностранного языка. Ниже представлены между два крайних случая (C и L) реализации билингвального обучения. В рамках моего исследования будет применяться «мягкий CLIL», был выбран предмет с частично-языковым преподаванием – окружающий мир, уровень – начальная школа(3 класс).

«Мягкий» CLIL	Типы CLIL	Время	Контекст
«Жесткий» CLIL	Расширение языкового материала	45 минут один раз в неделю	Отдельные темы профильных дисциплин преподаются в рамках языковых дисциплин
	Модульное Преподавание	15–25 часов в семестр	В рамках профильных предметов на иностранном языке преподаются отдельные модули
	Частичное погружение, слияние с предметом	50% от всех аудиторных занятий	Половина всех учебных дисциплин преподается на иностранном языке

Практическая значимость исследования состоит в разработке рабочих листов в рамках применения интегрированного предметно-языкового подхода (CLIL) в начальной школе на английском языке. Методика CLIL способствует формированию у обучаемых соответствующих межличностных навыков, культурной осведомленности и повышению языковых и коммуникативных компетенций. Благодаря CLIL учтены межпредметные и внутри предметные связи. Использование CLIL на других языках способствует лучшему пониманию в этой культуре.

Этапы исследования. На первом этапе осуществлялся теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, формулировались цель, гипотеза и задачи исследования, выявлялись структурно-содержательные характеристики предметной иноязычной компетенции, определялись ее критерии и показатели, проводился констатирующий этап эксперимента с целью определения начального уровня владения иностранным (английским) языком и знаний по окружающему миру, умений и навыков, подбор диагностического материала. На втором этапе разрабатываются теоретически обоснованные рабочие листы на иностранном языке на основе интегрированного предметно-языкового подхода, проводилась ее апробация в процессе формирующего этапа эксперимента. На третьем этапе будет осуществляться экс-

периментальная работа по проверке на основе интегрированного предметно-языкового подхода, проводилась систематизация, обобщение и проверка достоверности полученных в ходе исследования результатов, оформление текста.

В процессе использования CLIL происходит взаимодействие когнитивных процессов, применяемых при изучении иностранного языка и дисциплины неязыкового цикла, например, математики, что имеет положительный синергетический эффект, выражающийся в развитии мыслительных навыков студента и в повышении мотивации к изучению дисциплины и второго языка. CLIL – это подход или метод, который объединяет обучение учебной программе контента с преподаванием не родного языка. В нашем глобальном технологическом обществе все важнее, когда знания других учащихся изучают навыки на своем первом или родном языке, а также помогают им развивать навыки общения с наукой, искусством и технологией по всему миру. Это дает учащимся различный опыт обучения по сравнению с большинством иностранных языков, потому что в учебном предмете и новом языке учат вместе. Интеллектуальные навыки мышления и обучения CLIL может включать в себя множество методологий как преподавания предметов, так и языка, поэтому CLIL представляет новые проблемы для учителей и учащихся. Интегрированное обучение делает акцент на лексике, на содержании, нежели на грамматике, а это позволяет учащимся использовать иностранный язык естественно, бегло, пренебрегая барьерами, с ощущением успешности, что значительно повышает мотивацию к самому процессу обучения.

По мнению исследователей в области CLIL О.Н. Бурдаковой, А.А. Джалаловой и Н.П. Рауд, принято выделять 3 модели обучения в рамках методики CLIL:

- 1) многоязычное обучение;
- 2) вспомогательное/дополнительное интегрированное обучение предмету и языку;
- 3) предметные курсы с включением языковой поддержки.

Иными словами, в зависимости от выбранной модели язык может выступать как язык обучения (language of learning), язык для обучения (language for learning), язык через обучение (language through learning). В рамках данного исследования будет использоваться вторая модель.

CLIL основывается на методологических принципах, установленных исследованиями «языкового погружения». Этот вид подхода был определен как очень важный для Европейской комиссии [CLIL 2015: 173], поскольку: «Он может предоставить эффективные возможности для учеников использовать свои новые языковые навыки сейчас, а не

изучать их сейчас для использования позже. Он открывает двери для языков более широкому кругу обучающихся, воспитывает уверенность в себе у молодых учеников и тех, кто не очень хорошо откликнулся на обучение формальному языку в общем образовании. Он обеспечивает доступ к языку, не требуя дополнительного времени в учебной программе, что может представлять особый интерес для профессионального обучения.

CLIL (Content and Language Integrated Learning) рассматривает изучение иностранного языка, как инструмента для изучения других предметов, таким образом, формируя у учащегося потребность в учёбе, что позволяет ему переосмыслить и развить свои способности в коммуникации, в том числе на родном языке. Наиболее распространённым является следующее определение: CLIL – дидактическая методика, которая позволяет сформировать у учащихся лингвистические и коммуникативные компетенции на неродном языке в том же учебном контексте, в котором у них происходит формирование и развитие обще-учебных знаний и умений.

Исследования, проведенные в классах с применением CLIL показывают, что большинство учителей не обучают грамматике во время обучения содержанию, потому что содержимое и язык взаимосвязаны. В CLIL учащиеся изучают, слушают и читают широкий диапазон языковой информации. Изучение предметов на неродном языке – не то же самое что изучение иностранного языка и это не то же самое что изучение предметов на 1 языке.

Уроки иностранного связаны по содержанию и с другими изучаемыми в начальной школе дисциплинами: окружающий мир, изобразительное искусство, технология, музыка, математика. Таким образом, предмет «Иностранный язык» органично вплетается в создание единого образовательного пространства. Например: межпредметной связью с окружающим миром в начальной школе могут быть: цвета радуги и установление их последовательности, эксперименты по смешиванию цветов; каких животных можно держать в качестве домашних питомцев, интересных факты о домашних животных (каких размеров, цветов они бывают, их продолжительность жизни, уход за ними); как образуются снежинки и сколько у них граней; повторное и необычное применение старых вещей и упаковок (вторичная переработка с целью заботы о природе); ведение дневника наблюдений за изменениями в природе, использование условных обозначений, измерение температуры; времена года в южном полушарии; знакомство с животным миром, изучение стран мира, чтение карты города, обозначение на ней зданий и улиц, забота о чистой среде обитания; знакомство с историей Земли;

исследование животного мира своей местности; нахождение объектов на географической карте.

Специфика CLIL-методики заключается в том, что знание языка становится инструментом изучения содержания предмета. При этом внимание акцентируется как на содержании текстов, так и на необходимой предметной терминологии. При этом язык интегрирован в программу обучения, а необходимость погружения в языковую среду для возможности обсуждения тематического материала значительно повышает мотивацию использования языка в контексте изучаемой темы. Этому способствуют тщательно подобранные учебные материалы не только для изучения конкретного предмета, но и для обучения языку: лексических и грамматических единиц и структур, всех видов речевой деятельности (чтению, говорению, письму и аудированию).

В Перми на уровне учащихся начальной школы CLIL реализуется в рамках IB программы в «Школе № 7», в «Лицее № 10», в «Школе № 9», в некоторых языковых центрах, например, «Лингва», в немецкой «Школе № 12» и французской «Школе № 22» и в предметно-языковой школе «DUPLEX» в рамках программы CLIL SCHOOL «DUPLEX» «Обучение на иностранном языке. Обучение иностранному языку» в муниципальном автономном общеобразовательном учреждении «Средняя общеобразовательная школа № 84» г. Перми.

Список использованной литературы

Зарипова Р.Р. О результатах апробации модели интегрированного предметно-языкового обучения средствами русского и английского языков в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15854> (дата обращения: 16.03.2017).

Coyle D. Content and Language Integrated Learning Motivating Learners and Teachers [Электронный ресурс]. URL: <http://bloccs.xtec.cat/clilpractiques1/files/2008/11/slrcocyle.pdf> (дата обращения: 16.03.2017).

Лалетина Т.А. Интегрированный подход и использование предметно-языковой интеграции при обучении иностранному языку. [Электронный ресурс]. URL: http://conf.sfukras.ru/uploads/3_Laletina%20T%5B1%5D.A.pdf (дата обращения: 16.03.2017).

Особенности внедрения модели интегрированного овладения содержанием обучения и ИНОСТРАННЫМ языком вроссийскую образовательную систему © 2014 г. С.А. Григорян, Е.А. Лебедева

Балина Л. Г. Особенности обучения английскому языку в начальной школе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. Т. 30. С. 531–535. URL: <http://e-koncept.ru/2015/65177.htm> (дата обращения: 30.01.2018).

Крупченко А.К., Иноземцева К.М. Методология междисциплинарного иноязычного образования специалиста // Языковое образование сегодня – векторы

развития: Сборник трудов конференции. Екатеринбург, 18–19 апреля 2014. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 102–116.

Литвишко О.М., Черноусова Ю.А. Компетентностно-ориентированная модель обучения: преимущества методики CLIL в преподавании профессионально ориентированного английского языка. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21filologiya/221436-1-om-litvishko-chernouso-va-kompetentnostno-orientirovannaya-model-obucheniya-preimuschestva-metodiki-clil-prepodavanii.php> (дата обращения: 17.03.2015).

Методика CLIL. URL: <http://edu-resource.net/index.php/2013-04-13-11-53-16/metodika-clil> (дата обращения: 01.03.2018)

Ball Ph. What is CLIL? [Electronic resource]. URL: <http://www.onestopenglish.com/clil/methodology/articles/article-what-is-clil/500453.article> (date of the application: 6.03.2015).

Graddol D. English next. British Council, 2006. 132 с. URL: <http://www.britishcouncil.org/learning-research-english-next.pdf>. (дата обращения: 17.03.2014).

Coyle D., Hood Ph., Marsh D. Content Language Integrated Learning. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 173 с.

Marsh D. Content and Language Intergrated Learning (CLIL). A development Trajectory. Córdoba: University of Córdoba, 2012. 552 p.

British Council. CLIL (Content and Language Integrated Learning) Introduction. URL: <https://www.teachingenglish.org.uk/teacher-training/clil-essentials> (last accessed: 17.03.2018).

Kay Bentley The TKT Teaching Knowledge Test Course CLIL Module. Cambridge University Press. 2012. 132 p.

Perez-Vidal C. The Integration of Content and Language in the classroom: A European Approach to Education (the second tome round), // Dafouz E. and Guerrinni M. CLIL Across Educational Levels, Madrid: Richmond. 2009. P. 3–16.

British Council – International House. URL: <http://www.ihlondon.com/courses/clil-content-and-language-integrated-learning/> (дата обращения: 08.03.2015).

MA In Bilingualism And CLIL. URL: <http://www.masterstudies.com/MA-In-Bilingualism-And-CLIL/Spain/La-Salle-Centro-Universitario/> (last accessed: 13.03.2015).

Reader как компонент CLIL занятий. Информационный образовательный ресурс CLIL Электронный ресурс. Режим доступа: http://expresspublishing.ru/info.aspx?ob_no=42899 (дата обращения: 13.03.2015).

EuroCLIC. URL: www.euroclic.org (last accessed: 16.04.2016).

Школы IB в России. URL: <https://www.hotcourses.ru/study-abroad-info/latest-news/ib-schools-in-russia> (дата обращения: 16.02.2018).

**FEATURES OF CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED
LEARNING OF THE ENGLISH LANGUAGE
OF PUPILS OF PRIMARY SCHOOL
(ON THE EXAMPLE OF CROSS-CURRICULAR LEARNING:
ELEMENTARY SCIENCE AND ENGLISH)**

Irina I. Kachkina

Student of Innovative Teaching Education. Foreign Languages. The English Language, Master's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. irinakachkina@gmail.com

Svetlana L. Mishlanova

Doctor of Philology, Professor, the Head of the Department of Linguodidactics

Perm State University

614990, Russia, Bukirev str., 15. mishlanovas@mail.ru

The article studies the features of the content and language integrated the English language teaching of elementary school students, using the example of interdisciplinary education: English and the world around together with this discipline. Nowadays this topic is important, because content and language integrated learning is becoming increasingly popular in the teaching of a foreign language. Subject-Language Integrated Learning (CLIL – Content and Language Integrated Learning) is rightfully considered one of the successful teaching methods, because it allows you to combine the study of several subjects at once, one of which is a foreign language. The idea of using the principle of content and language integrated learning arose as a result of increased requirements for the level of proficiency in a foreign language with a limited time allotted for its study. Studying a foreign language and a non-linguistic subject is at the same time an additional means for achieving educational goals and has positive aspects for both learning a foreign language and a non-linguistic subject. Subject-language integrated learning is a platform for an innovative methodological approach that is much broader than just language teaching.

Key words: CLIL, Content and Language Integrated Learning, English, primary schools, Elementary Science, bilingual education.

ТЕЛЕСНЫЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Анна Дмитриевна Пейсахович

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур,
«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. elvenwo@yandex.ru

Светлана Леонидовна Мишланова

д. филол. н., профессор, зав. кафедрой лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. mishlanovas@mail.ru

В статье представлен обзор технологий телесно-ориентированного обучения, разработанных за рубежом и в России, выделены основные инструменты телесно-ориентированного обучения и рассмотрена возможность их применения в рамках дисциплины «иностраннный язык».

Ключевые слова: телесно-ориентированное обучение, телесность, педагогика, преподавание иностранного языка, лингводидактика.

В современном обществе возрастает актуальность приобретения личностных, эмоциональных знаний, что определяет необходимость разработки новых педагогических технологий, основанных на вовлечении данных категорий в процесс обучения. В настоящее время одним из перспективных направлений развития педагогики является реализация телесно-ориентированных практик в преподавании традиционных дисциплин с целью повышения эффективности усвоения материала.

В данной статье мы рассматриваем основные технологии телесно-ориентированного обучения и возможность их применения в вузе в рамках дисциплины «иностраннный язык».

Телесно-ориентированное обучение как процесс познания и приобретения опыта

Многие исследователи проблем образования обеспокоены тем, что в современном обществе до сих пор широко распространен дуализм разума и тела. Отделение разума от тела по своей сути искусственно,

так как разум человека не существует вне тела, именно оно является фундаментом для формирования чувств и знаний. Следовательно, ученые обращаются к вопросам деятельностной вовлеченности обучающихся в процесс познания, так называемому телесно-ориентированному обучению.

Согласно М. Латте и Г. Бак, телесно-ориентированное обучение представляет собой «построение взаимоотношений между самим собой, другими людьми и предметом изучения» [Latta&Buck 2008: 317]. Авторы отмечают, что телесно-ориентированная педагогика сосредоточена на создании значений, то есть на самом процессе познания. Учитель или преподаватель не выдает готовое знание, которое нужно выучить и запомнить. Вместо этого обучающиеся с помощью преподавателя определяют «пробел» в своих знаниях, проводят исследование, в результате которого получают телесно-овлащенное знание. Однако исследования невозможны без неудач и ошибок, они являются неотъемлемой частью телесно-ориентированной педагогики, которая также учит справляться с возникающими препятствиями и проблемами и добиваться результатов. Кроме того, телесно-ориентированная педагогика основывается на постоянном переплетении теории и практики: теория подтверждается на практике, практические занятия ведут к изучению теоретических основ. В процессе изучения предмета происходит синтез действий, ощущений, размышлений, связанных с жизнью в окружающем мире. То есть одним из центральных понятий телесно-ориентированной педагогики становится опыт. Именно приобретение опыта создает связь между изучаемой дисциплиной и реальностью. Обучение на собственном опыте взаимодействия с окружающим миром определяет постоянную реактуализацию уже полученного ранее опыта в новых условиях окружающей среды. Как пишет Дж. Андерссон, тело «находится во взаимодействии с разумом и окружающим миром» [Andersson 2015: 729], что влияет на глубину и качество приобретаемых умений.

Несмотря на внедрение деятельностного подхода в системе среднего образования, в отечественной педагогике практически не затрагивается тема телесности как таковой. Исследователи обращают внимание на отдельные приемы и инструменты телесно-ориентированного обучения, но редко изучают данную проблему системно.

Одним из ученых, обратившихся к феномену тела в образовании, является С.В. Волкова. Автор указывает, что самоограничение и самоконтроль по отношению к телесному – норма современного

общества. Однако именно тело и двигательные установки имеют фундаментальное значение в процессе познания, так как смысл формируется не через конкретную телесную способность (зрение, слух, обоняние и т.д.), а через тело как единое целое: «например, зрительные данные интерпретируются сквозь призму тактильного смысла, тактильные — сквозь призму зрительного» [Волкова 2017: 136]. При этом тело стоит воспринимать не как неизменную данность, а как процесс, получивший название «embodiment» («воплощение»). Таким образом, тело как процесс является «открытой динамической системой» [Волкова 2017: 138], в которой соединяются и находятся в непрерывном взаимодействии физиологические, ментальные, социальные, культурные и природные элементы.

Другой исследователь — А.В. Нагорная пишет о важности теории воплощенного познания для лингвистических исследований. Автор выделяет пять основных положений теории воплощенного познания:

1) воплощенный разум — результат эволюции, в течение которой осуществлялись вариативность и отбор;

2) воплощенный разум существует только при взаимодействии человека и окружающей его среды;

3) воплощенный разум ориентирован на решение проблем и соответствует потребностям, интересам и ценностям человека;

4) воплощенный разум стремится к адаптации к конкретной ситуации или, как пишет М. Джонсон, «ищет не идеальные решения, а те, которые достаточно адекватны сложившейся ситуации» [Johnson 2007: 119];

5) воплощенный разум детерминирован социумом и культурой.

Основными умениями, необходимыми для функционирования в окружающей человека среде, А.В. Нагорная вслед за М. Джонсоном и Г. Лакоффом называет «общение, восприятие объектов и манипулирование с ними и телесное движение» [Нагорная 2010: 170]. Таким образом, в процессе обучения человек адаптируется к окружающей среде, то есть приобретает понятийный и перцептивный опыт. Следовательно, обучение, построенное на вовлечении эмоций, чувств и движения, готовит обучающегося к взаимодействию с реальным миром, реальными жизненными ситуациями.

Инструменты телесно-ориентированного обучения

В качестве основных инструментов телесно-ориентированного обучения можно выделить:

- 1) Рефлексивную физическую культуру;
- 2) Рисование как процесс познания мира;

- 3) Обучение музыке;
- 4) Танец;
- 5) Театральные технологии.

Занятия физической культурой всегда направлены на развитие тела, но далеко не всегда включают в себя рефлексивную деятельность. Осмысление и комментирование телесного опыта активизирует рефлексивную деятельность обучающегося, учит вербализовать свои ощущения, эмоции, чувства и двигательные установки.

Рисование как процесс объединяет «визуальное восприятие и движение руки» [Forgasz 2015: 121]. В рамках телесно-ориентированного обучения оно тоже рефлексивно. Обучающиеся не только выражают самих себя через творчество, они отражают мир вокруг себя. Например, задание нарисовать велосипед превращается в развернутую коммуникацию с учителем и одноклассниками: обучающиеся изменяют свои рисунки в соответствии с новой информацией об устройстве этого транспортного средства и принципах его функционирования. Таким образом, реализуется основная модель приобретения знаний в телесно-ориентированном обучении: «пробел» – исследование – знание.

Обучение музыке также непосредственно связано со становлением телесности. Человек изучает не только абстрактные ментальные конструкции, но и осваивает новые позы, движения, необходимые для создания звука, музыки. То есть при обучении музыке происходит объединение природного (двигательного, телесного) и культурного начал в деятельности человека.

С музыкой тесно связана еще одна телесная форма коммуникации – танец. Человек в танце ищет новые пути взаимодействия с окружающими и с самим собой, не похожие на привычную устную или письменную речевую деятельность. В танце активно задействованы не только двигательные возможности человека, но также память и мышление (анализ, синтез, интерпретация). Формируются навыки концентрации и самоконтроля.

Театральные технологии являются, возможно, наиболее изученным и применяемым инструментом телесно-ориентированного обучения в связи с высоким потенциалом конвертируемости и адаптации к нуждам различных дисциплин, включенных в традиционный учебный процесс. Обучающиеся получают возможность смоделировать максимально приближенные к действительности ситуации, прожить их, при этом опробовав различные роли, в данный момент не свойственные или невозможные для осуществления в реальности. С.В. Волкова так описывает приобретение данного опыта: «Усваивая

модель поведения, чувственных реакций некоего персонажа, ученик формирует и расширяет опыт воплощенного присутствия» [Волкова 2017: 139]. Включение новых типов коммуникации (невербальной и паравербальной) обуславливает приобретение и закрепление как ментальных и двигательных установок в их единстве, что сказывается на качестве усвоения материала. Обсуждение этюдов, опыта воплощенного присутствия позволяют осознать, почему были предприняты те или иные действия, как эти действия повлияли на результат и на отношения с окружающими, происходит оценка ролевых функций участников и разрабатываются модели наиболее эффективной коммуникации в предложенных обстоятельствах.

Театральные технологии способствуют развитию общекультурных компетенций. Например, обучающиеся приобретают навыки аргументирования и отстаивания своей позиции, «общения, ведения переговоров и споров, эффективной командной работы» [Гордин 2010: 28].

О компетенциях, востребованных для изучающих иностранный язык, подробно пишут С.Л. Мишланова и Е.А. Шалгина, описывая опыт работы франкофонного театра и кафедры лингводидактики ПГНИУ. В данном случае речь идет не об отдельных моделирующих реальные ситуации этюдах, которые можно создать во время одного занятия, а о постановке полноценного спектакля, основанного на художественном произведении. Занятия-репетиции вплетаются в общий сюжет, нацеленный «на решение какой-либо из проблем, связанных с профессиональной деятельностью учащихся (переговоры, собеседования, встречи, заключение сделки, бытовые ситуации)» [Мишланова, Шалгина 2016: 186]. Согласно авторам, телесная вовлеченность улучшает процесс запоминания языковых структур, способствует расширению словарного запаса, где слово на иностранном языке связано не с абстрактным переводом, а с предметами, действиями, эмоциями реального мира, помогает усвоить особенности ритма и интонации иноязычной речи. Активное телесное взаимодействие может использоваться для иллюстрации грамматических аспектов с целью упростить понимание и запоминание, а также повышается доверие, формируется более неформальная и комфортная среда для развития иноязычной компетенции, преодоления страха перед устной коммуникацией на иностранном языке.

К постановке полноценного спектакля в процессе преподавания иностранного языка обращается А.С. Садовская. Автор отмечает необходимость учета интересов и пожеланий учащихся при выборе

жанра, а также активного вовлечения участников в работу над материалом постановки. Обсуждение позволяет глубже понять литературную основу, что обеспечивает духовное обогащение студентов. Вовлечение в работу над сценарием дает возможность отработать лингвистические навыки, а также проявить фантазию, воображение, творческие способности. В процессе перевода сценария учащиеся не только оттачивают собственно переводческие компетенции, но и дополнительно отрабатывают новую лексику, учатся использовать различные стили, соответствующие ситуации. Распределение ролей должно производиться уже после написания и чтения сценария, чтобы внимание учеников не сосредотачивалось на разработке конкретной (своей) роли. Обучающиеся коллективно обсуждают музыкальное и художественное оформление спектакля, учатся отстаивать свою позицию, вести аргументированную дискуссию, находить компромиссы. Кроме того, на данном этапе происходит актуализация творческого потенциала обучающихся: в рамках театра они могут проявить себя и как актеры, и как художники-оформители, и как композиторы или исполнители. Создание костюмов и реквизита также может стать творческим проектом.

Таким образом, театрализация обучения может объединить в себе почти все основные инструменты телесно-ориентированной педагогики. Создание реквизита и декораций может включить в себя рефлексивное рисование, подготовка музыкального сопровождения спектакля может потребовать игры на музыкальных инструментах, а сам спектакль - интегрировать танец как часть представления и еще один тип коммуникации.

Выводы

Телесно-ориентированная педагогика стремится вовлечь в процесс познания движение, тело, помочь человеку обрести гармонию с самим собой и окружающим миром (в том числе с другими людьми), что позволит изменить восприятие трудностей, ошибок, неудач, поверить в свои силы, настроить обучающегося на процесс познания.

Основной постулат данной педагогики заключается в том, что тело и сознание образуют единое целое. Поэтому телесная вовлеченность определяет создание собственного знания, более прочного и глубокого, чем в варианте «услышал – выучил – сдал – забыл».

Наиболее исследованными и адаптируемыми к различным дисциплинам учебного плана являются театральные технологии. В рамках изучения иностранных языков театр позволяет создать атмосферу общения, преодолеть языковой барьер, создать свой

кинестетический словарь, то есть интегрировать новый язык в свое личное пространство.

Список литературы

Волкова С.В. Феномен тела в сфере образования: когнитивно феноменологический ракурс // Вопросы образования, 2017. №4. С.133–149.

Гордин В.Э, Корчагина Е.В. Театральные технологии в обучении менеджменту в вузе // Высшее образование в России, 2010. №12. С. 28–35.

Мишланова С.Л., Шалгина Е.А. Средства театральных технологий в обучении профессиональной коммуникации на иностранном языке (из опыта внеаудиторной работы кафедры лингводидактики, молодежного франкофонного театра) // Евразийский вестник гуманитарных исследований, 2016. С. 184–186.

Нагорная А.В. Теория воплощенного значения как методологическая база лингвистических исследований // Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2010. №5. С. 158–172.

Садовская А.С. Театральная педагогика в образовании. Учебно-методическое пособие. Пермь: НП ВПО «Прикамский социальный институт», 2013. 118 с.

Andersson J., Östman L., Öhman M. I am sailing – towards a transactional analysis of ‘body techniques’ // Sport, Education and Society, 2015. P. 722–740.

Forgasz R. Embodiment: a multimodal international teacher education pedagogy? // International Teacher Education: Promising Pedagogies (Part C), 2015. P. 115–138.

Johnson M. The meaning of the body: aesthetics of human understanding. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. 326 p.

Latta M.M., Buck G. Enfleshing Embodiment: ‘Falling into trust’ with the body's role in teaching and learning // Educational Philosophy and Theory, 2008. P. 315–329.

PROSPECTS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES: BODILY ASPECT

Anna D. Peisakhovich

Student of Pedagogical Education, Master's degree course, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. elvenwo@yandex.ru

Svetlana L. Mishlanova

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguodidactics
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. mishlanovas@mail.ru

This article is devoted to the review of embodied teaching technologies, which have been developed abroad as well as in Russia. Also the article introduces the main tools of embodied teaching and contemplates on the prospects of their application by foreign language teachers.

Key words: embodied teaching, embodiment, pedagogy, teaching foreign languages, language education.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

Анна Сергеевна Постоева

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. annalinus.postoeva@mail.ru

Тамара Юрьевна Вавилина

к. пед. н, доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15.vavilinat@mail.ru

В статье рассматривается новый метод формирования межкультурной компетенции у старшеклассников, основанный на работе с аксиологическим аспектом семантики русских и немецких пословиц. Раскрывается понятие «межкультурная компетенция», обосновывается аксиологический потенциал пословиц, приводятся примеры упражнений, направленных на работу с аксиологическим аспектом семантики пословиц.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, старший школьный возраст, немецкий язык, пословица, семантические особенности, язык и культура, народная аксиосфера.

В условиях динамичного развития и увеличения количества межкультурных связей в современном мире особенно актуальной задачей образования становится формирование личности, готовой к жизни в условиях поликультурной среды и активному взаимодействию с представителями разных культур. В монографии «Общевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» основная задача языкового образования определяется как «положительное развитие личности и ее самосознания в результате приобретения нового языкового и культурного опыта» [Общевропейские компетенции 2003: 1]. ФГОС среднего общего образования также признает приоритетным в процессе обучения иностранному языку на средней и старшей ступени «формирование дружелюбного и толе-

рантного отношения к ценностям иных культур, оптимизма и выраженной личностной позиции в восприятии мира» [ФГОС среднего общего образования 2014].

Успешное формирование многоязычной и поликультурной личности возможно в условиях реализации компетентностного подхода [Мишланова 2015: 69]. В процессе обучения иностранному языку необходимо формирование не только иноязычной коммуникативной компетенции, но и межкультурной компетенции. Способность использовать иностранные языки в межкультурной коммуникации таким образом, чтобы свести вероятность возникновения языковых и культурных конфликтов к минимуму, мы называем межкультурной компетенцией.

Учащиеся старших классов, в силу более высокого уровня владения языком и психолого-возрастных особенностей, способны к более сложному и глубокому анализу языка, как части культуры. Сформированность мировоззрения и морального сознания, выраженная личностная позиция, ценностная автономия, стремление к творческой исследовательской деятельности, высокий уровень самостоятельности, способность к оценке абстрактных явлений действительности, открытость миру и интерес к другим народам – особенности старшеклассников, которые делают этот возраст наиболее удобным для формирования межкультурной компетенции и работы с аксиологическим аспектом семантики единиц иностранного языка.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что работа с аксиологическим аспектом семантики единиц иностранного языка способствует приобщению учащихся к ценностям иностранной культуры, выраженным в языке, становясь, таким образом, эффективным приемом формирования межкультурной компетенции.

Цель исследования – разработка комплекса упражнений, основанных на аксиологическом аспекте семантики пословиц, выполнение которых эффективно в процессе формирования межкультурной компетенции учащихся старшей школы.

Материалом исследования стали: «Словарь русских пословиц и поговорок» под ред. В.П. Жукова и словарь немецких пословиц Хорста Байера «Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart».

Для выполнения исследования была применена следующая теоретическая база: работа С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» стала опорной в ходе обоснования взаимосвязи языка и культуры, обозначения принципов отражения национальной аксиосферы в языке. Исследователь видит в языке «зеркало культуры», в

котором отражаются менталитет, национальный характер, мораль и система ценностей представителей культуры [Гер– Минасова 2000: 25]. Аксиологический потенциал пословиц и басен рассматривается в трудах А.Е. Наговицына «Типология сказки» и В.В. Колесова «Русская ментальность в языке и тексте». В работах утверждается идея о том, что памятники фольклора репрезентируют народное отношение к явлениям окружающего мира в языковых оценках. Понятие «межкультурная компетенция» рассматривается в трудах G. Maletzke «Interkulturelle Kommunikation. Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen». Обязательная опора на метапредметный интегративный подход в процессе формирования межкультурной компетенции обосновывается в работе И.А. Гиниатуллина «Межкультурное обучение иностранным языкам». Опорным трудом в ходе рассмотрения психолого-возрастных особенностей старшеклассника послужила работа И.С. Кона «Психология старшеклассника».

Новизна исследования заключается в разработке новых педагогических приемов формирования межкультурной компетенции на уроках иностранного языка в старшей школе. Упражнения, связанные с аксиологическим аспектом семантики языка пословиц, включают обучающихся в активную исследовательскую работу по нахождению взаимосвязей иностранного языка и культуры.

Аксиологический анализ семантики языковых единиц заключается в выявлении выражаемых языком и текстами ценностей. Посредством аксиологической семантики реализуется одна из важнейших функций языка – аксиологическая. На основе аксиологической функции язык выступает как мерило оценки естественных, социальных и психологических явлений [Ferguson 1996: 40-44]. Каждый народ, ориентируясь на базовые установки своего менталитета оценивает мир. На основе этих оценок признаются ценности и антиценности. Ценности вербализируются и транслируются, в том числе, в языке, как устном, так и письменном. Наиболее наглядным аксиологическим потенциалом обладают памятники народной литературы: пословицы, басни, сказки и т.д. В них обнаруживается народная мудрость, выражение народного сознания и оценка мира, производимая представителями культуры из поколения в поколение и отражающая культурную систему ценностей.

Национально-культурный фактор в языке пословиц подчеркивает исследователь Н.Н. Семененко, относя пословицы к особому ментально-когнитивному пласту, называя их «вербальным слепком народной жизни, народного духа и национального мироосмысления» [Семененко 2011: 4]. Именно в языке пословиц наиболее емко и кратко, сохраняя образность и символичность, кодируются и передаются нацио-

нально маркированные оценки, важные для культуры явления окружающего мира, признанные ею ценности.

Особенно эффективным способом «вхождения» в иную культуру является изучение иностранного языка, как части культуры, в сопоставлении с родным языком. Данный вид работы обогащает знания учащихся о культуре страны изучаемого языка, предупреждает возникновение культурных барьеров, вызванных незнанием системы ценностей партнера по коммуникации, обогащает лексический запас учащихся, а также развивает навык перевода и подбора наиболее подходящих лексических конструкций при переводе.

Комплекс упражнений с немецкими и русскими пословицами предполагает работу с положительной и отрицательной языковой оценкой. Эта разновидность оценок определяет положительно или отрицательно относится автор высказывания к объекту действительности и позволяет составить первичное представление о ценностной картине мира субъекта высказывания [Вольф 2002: 8].

Задание 1. Выберите из ряда синонимов слово, которое больше остальных подходит под данный перевод и содержит наиболее выраженную оценку. Укажите, какая оценка в нем выражена: положительная (+) или отрицательная (–). Переведите оставшиеся слова таким образом, чтобы ваш перевод отражал эту оценку.

Пример: 1. barbarisch – grob – grausam *свирепый, лютый*
barbarisch – grob – *grausam* (–) : дикий – грубый – свирепый, лютый

2. schön – nett – wunderschön *чудесный*
schön – nett – wunderschön (+): красивый – симпатичный – чудесный

3. schlagen – hacken – abbrechen *пробивать*

4. der Baum – das Holz *деревяшка, полено*

5. speisen – essen – verzehren *пожирать*

6. füttern – ernähren – erhalten (z.B. eine Familie) *вскармливать*

Работа с синонимичными рядами направлена на расширение лексического запаса учащихся и формирование умения использовать в межкультурном общении с немцем наиболее подходящие по смыслу слова. В процессе подбора наиболее подходящего по смыслу слова ребята, работая, прежде всего, со словарем, знакомятся с различными оттенками значений предложенных в упражнении слов. Работа над переводом остальных слов в синонимичном ряду нацелена на формирование навыка перевода с иностранного на родной язык. С учетом выявленных оттенков значений отдельного слова учащиеся подбирают наиболее подходящий перевод. Располагая слова в порядке увеличения их эмоциональной окрашенности, ребята учатся выявлять их положительную или отрицательную оценочную семантику. Данное упражне-

ние является подготовительным ко второму заданию, а все оценочные слова взяты из цельных пословиц.

Задание 2. Какую оценку содержат в себе выделенные курсивом слова и как они помогают выявить национально-культурную специфику немцев? Предложите свой перевод немецких пословиц.

Ein deutsches Sprichwort	Eine russische Übersetzung	Wie drücken sich die Werte aus?
Dummheit und Stolz wachsen auf einem <i>Holz</i> .	Гордыня и глупость растут на одном <i>пне</i> .	Осуждение гордыни Baum (дерево); Holz (неживая древесина, дрова, бревно) – символ твердолобости и ограниченности, признаком которых является гордыня.
Arbeit <i>ernährt</i> , Müßiggang <i>verzehrt</i> .		
Ein <i>bissiges</i> Gewissen hat Wolfzähne.		
Aus den Augen, aus dem <i>Sinn</i> .		
Sieben sollen nicht harren auf einen <i>Narren</i> .		
Es ist kein Baum so stark, die Axt <i>schlägt</i> ihm ins Mark.		

Ребята переводят выделенное курсивом слово таким образом, чтобы перевод передавал все необходимые оттенки семантики. Подбирая перевод выделенному слову, ребята смотрят на ту или иную ценность глазами немецкого народа и с учетом этого пытаются отразить эту оценку в языке. Третий столбец предложенной таблицы предполагает написание небольшого комментария. Например, при анализе пословицы *Aus den Augen, aus dem Sinn* необходимо провести сравнение с русской пословицей *С глаз долой – из сердца вон*. В немецкой пословице, вместо привычного русским «das Herz» (сердце), используется слово «der Sinn», что означает чувства, обязательно сопряженные с умом. Эта языковая особенность указывает на предрасположенность немцев

«пропускать» все через ум, не поддаваться слепо чувствам, что характерно для русских, как более «человечной» и эмоциональной нации (по Г. Хофстеде).

Задание 3. Вставьте в пропуск наиболее подходящее слово в правильной форме. Определите, какая оценка (положительная или отрицательная) содержится в подчеркнутом слове в русской пословице, и выберите немецкое слово с похожей оценкой. Немецкая пословица должна стать эквивалентом русской. Как ценность, отраженная в пословице, соотносится с оценкой в выбранном слове?

Пример: 1. _____ ist das Recht ohne Gnade.
Сви́реп закон без пощады. barbarisch – grob – grausam

Grob (грубый) – barbarisch (жестокый) – grausam (лютый, свирепый)
Grausam (-) ist das Recht ohne Gnade. *Ценность милосердия и справедливости: закон без пощады сравнивается с лютым зверем, который не разбирается, кто прав, а кто виновен, поэтому справедливости не видит.*

2. **Gebrauchter Pflug blinkt, stehend Wasser _____.**
Рабочий плуг сверкает, стоячая вода воняет. duften – stinken – riechen

3. **Wer den Pfennig nicht _____, ist des Talers nicht wert.**
Кто гроша не почитаёт, тот и серебра не получает. ehren – halten – sparen

4. **Wer viel _____, hat bald mit seinem Kopf bezahlt.**
Кто много кутил, тот головой отплатил. feiern – kneipen – frohlocken

5. **Schweigen ist eine Kunst, viel _____ bringt Ungunst.**
Молчание – искусство, болтовня – беспутство. Schwatze – Gespräch – Diskussion

Первый этап – выявление оценки в русском слове (сви́репый – яркая отрицательная оценка). Второй этап – расположение немецких слов в синонимичном ряде в порядке возрастания их эмоционально – оценочной окрашенности в ходе словарной работы (grob (грубый) – barbarisch (жестокый) – grausam (сви́репый)). Третий этап – выбор слова, отражающего оценку русского эквивалента (сви́репый – grausam). Четвертый этап – аргументация выбора.

Таким образом, в ходе работы с предложенными упражнениями ребята сами становятся исследователями, находят языковые доказательства того, о чем раньше могли слышать или читать, знакомятся с оценочной лексикой, использование которой зачастую регламентируется речевой ситуацией. В процессе коммуникации с носителем немецкого языка знание синонимов с различной эмоциональной окрашенностью необходимо для более точной передачи своих мыслей и

выражения своего отношения к тому или иному явлению. Кроме того, использование в речи с носителем немецкого языка немецких пословиц производит приятное впечатление и демонстрирует заинтересованность не только в языке, но и в культуре немецкого народа.

Список литературы

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Мишланова С.Л. Методика и технология профессиональной деятельности: системно-деятельностный подход при изучении иностранных языков: учеб. пособие / С.Л. Мишланова, М.Г. Заседателева; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2013. 110 с.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2003. 256 с.

Семененко Н.Н. Русские пословицы: функции, семантика, прагматика: Монография. Старый Оскол: РОСА, 2011. 353 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (в ред. Приказа Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1645).

Ferguson Ch. Thorn Huebner. ed. Oxford Studies in Sociolinguistics. New York and Oxford: Oxford University Press, 1996. 348 p.

AXIOLOGICAL ASPECT OF SEMANTIC AS AN INSTRUMENT FOR DEVELOPING OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF SENIORS

Anna S. Postoeva

Student of Pedagogical Education, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. annalimus.postoeva@mail.ru

Tamara Yu. Vavilina

PedD, Senior Lecturer in the Department of Linguodidactics

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15.vavilinat@mail.ru

The article is concerned with a new method of intercultural competence developing in the 10th and 11th classes. The method deals with axiological aspect of semantic of Russian and German proverbs. The definition of “intercultural competence” is formulated, axiological potential of proverbs is reasoned, and examples of the exercises that deal with axiological aspect of semantic of proverbs are given.

Keywords: intercultural competence, seniors, German language, proverbs, semantic features, language and culture, national axiosphere.

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ EDUTAINMENT В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕТОДИКЕ

Дарья Владимировна Ракутина

студентка факультета современных иностранных языков и литератур,
«Педагогическое образование»

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. d.rakutina96@gmail.com

Тамара Юрьевна Вавилина,

к. пед. н, доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. vavilinat@mail.ru

В статье рассматривается развитие понятия edutainment в системе образования. Анализируется зарубежная и отечественная научная литература о становлении edutainment, приводятся основные дефиниции концепта за рубежом и отечественные эквиваленты.

Ключевые слова: edutainment, образование, развлечение, современные технологии.

Современная система образования находится в условиях стремительного роста объема информации, которую обучающимся необходимо обработать и отобрать необходимые и полезные знания. Кроме того, современный мир характеризуется быстротечностью, а значит, времени на получение и обработку информации становится все меньше.

Развитие технологий облегчает и ускоряет процесс усвоения информации, но под влиянием современных технологий у учащихся формируются некоторые особенности психологического характера: неспособность к долговременной концентрации на материале, гиперактивность, сокращение объема воспринимаемой информации, потребность в постоянной смене деятельности [Palfrey 2008]. В связи с этим наблюдается необходимость внедрения новых методик преподавания, отвечающих особенностям современных подростков. В качестве исследуемой технологии была выбрана *технология обучения edutainment на уроке немецкого языка*.

Edutainment – неологизм, состоящий из двух терминов: education (образование) и entertainment (развлечение). Edutainment представляет новый способ передачи знаний и информации, объединяя образование и развлечение в единой технологии.

Появление термина edutainment относят к 1954 году, когда В. Дисней (W. Disney) использовал его для описания серий «The True-Life Adventures» – «Настоящие приключения» [Disney 1954: 82]. Подчеркивая развлекательно-поучительную направленность серий, Дисней писал, что они предназначены для того, чтобы доставить радость и обратиться к разуму [Disney 1954: 84].

Идея технологии edutainment была выдвинута в 1973 г. американским теоретиком Р. Хейманом (R. Heuman) в докладе для Национального Географического Общества. Хейман представил фильм об образовании игрового типа под названием «Education by Entertaining» – «Обучение через развлечение» [Aksakal 2015: 1232]. Таким образом, Р. Хейман определил начальный этап распространения концепта edutainment, однако в то время он рассматривался не в рамках образовательной среды, а с точки зрения придания развлечению просветительно-обучающего элемента.

Классическое определение Кембриджского словаря, который является авторитетным лексикографическим источником, выглядит таким образом: edutainment (сущ.) – процесс развлечения людей одновременно с обучением их чему-либо, а также такие продукты как телевизионные программы или программное обеспечение [Cambridge Dictionary].

Развитие edutainment как технологии обучения с развлечением произошло в трудах западных теоретиков. Эксперт по массовому обучению в Англии Д. Бэкингом (D. Buckingham) отмечал, что концепция edutainment представляет собой гибридное сочетание образования и развлечения, которое в значительной степени опирается на визуальный материал, имеет формат повествования или игры и более неформальный, менее дидактический стиль взаимодействия [Buckingham 2001: 282]. Д. Бэкингом и М. Сканлон (M. Scanlon) утверждают, что технология edutainment – это необычное использование традиционного содержания и методов обучения в контексте новых технологий. Согласно их мнению, такая технология имеет преимущество в своем креативном подходе к организации процесса обучения, так как учащиеся имеют возможность отслеживать практические результаты своей деятельности [Buckingham and Scanlon 2005: 48].

Опираясь на определение edutainment Д. Бэкингема профессор З. Окан (Z. Okan) подчеркивала, что значение edutainment состоит в том, чтобы привлечь эмоции обучающихся с помощью экранов компьюте-

ра, наполненных яркой анимацией, с целью сосредоточения их внимания [Okan 2003: 255]. Усваивая таким образом учебный материал пользователи убеждаются, что обучение может быть приятным и весёлым процессом.

Подобную точку зрения выражает и Д. Дрейн (D. Drane), заявляя о важности организации креативного подхода к преподаванию и благоприятной среды обучения. Согласно взглядам теоретика, педагоги должны изучить техники, направленные на создание позитивной учебной среды и мотивирование обучающихся [Drane 2011: 382]. Таким образом повышается интерес обучающихся к предмету, и, соответственно, эффективность учебного процесса.

Я. Ванг, профессор университета Маккуори (Австралия), трактует edutainment как «место» («place»), где дети могут получать удовольствие от того, что они изучают с помощью звуков, видео, текстов и изображений [Wang 2007: 10]. Профессор видит главную цель edutainment в разнообразии учебного процесса развлечением. Однако стоит отметить, что edutainment охватывает лишь малую часть образовательного процесса, он помогает его разнообразить, и не должен влиять на традиционную модель обучения.

Понятие edutainment получило широкое распространение в зарубежной методике. В отечественной литературе оно встречается сравнительно редко. Некоторые исследователи адаптируют edutainment для русского читателя, используя эквивалентные словообразования.

Наиболее широкую трактовку edutainment дает С.В. Рыбушкина, edutainment – это «форма передачи данных через развлекательные обучающие материалы и педагогические технологии» [Рыбушкина 2015: 36]. Исследуя характер ассимиляции и функционирования в русском языке иноязычных неологизмов, Рыбушкина выявила, что использование иноязычных наименований наиболее часто проявляется в сфере образования, а их престижность является весомой причиной для «вытеснения соответствующих русских названий в современном образовательном дискурсе» [Рыбушкина 2015: 37]. Таким образом, edutainment отнесен исследователем в разряд методологических концепций и, согласно Рыбушкиной, не может обнаруживать русских эквивалентов.

Обобщенное понятие edutainment выдвигает также Н.А. Кобзева, рассматривая его как «технологии обучения», особенностью которой является «совокупность современных технических и дидактических средств обучения», отмечая при этом, что данная технология «основана на концепции обучения через развлечение» [Кобзева 2012: 195].

Профессор РГПУ им. А.И. Герцена О.Л. Гнатюк определяет edutainment как «цифровой контент, соединяющий образовательные и

развлекательные элементы», в котором информирование аудитории и анализ событий предстают в максимально облегченной форме [Гнатюк 2010: 65]. Компьютер, согласно Гнатюк, является основным техническим средством обучения, а цифровой контент – его содержанием. Несомненно, применение современных мультимедийных средств является неотъемлемой частью сферы edutainment. Однако основополагающим аспектом выступают не конкретные средства edutainment, а само стремление разнообразить традиционный образовательный процесс, сделать его увлекательным. Кроме того, при отсутствии определенного опыта, работа с привлечением технических средств может стать трудоемким процессом, который не может быть приравнен к развлечению.

М.М. Зиновкина, профессор МГИУ, использует термин «креативное образование» и трактует его как «целенаправленное последовательное освоение учеником передаваемых ему методологий и опыта творческой деятельности с формированием на этой основе собственного творческого опыта» [Зиновкина 2007: 33]. В данном случае профессор акцентирует внимание на творческой составляющей edutainment, концентрируется на развитии фантазии, творческих качеств и способностей.

А.В. Попов определяет edutainment как «игразование» и дает следующую дефиницию: «донесение одной важной идеи, создание динамических стереотипов, прецедентов, позволяющих учащимся в ситуации реального выбора совершать действия автоматически» [Попов 2006 :71]. Центральным в определении автора является аспект автоматизации действия, позволяющий в реальной ситуации действовать по знакомому сценарию. Данное положение также прописано во ФГОС, ставя перед учителями задачу формирования опыта «переноса и применения универсальных учебных действий в жизненных ситуациях для решения задач общекультурного, личностного и познавательного развития обучающихся» [ФГОС 2010].

Профессор УлГПУ О.М. Железнякова предлагает такое определение edutainment «особый тип обучения, который основывается на развлечении и формировании первичного интереса к предмету с получением удовольствия от процесса обучения и стойким интересом к процессу обучения» [Железнякова 2013: 70]. Стоит отметить, что задача edutainment состоит не только в формировании первичного интереса. Поддержание интереса и сохранение мотивации на протяжении всего процесса обучения также является необходимой составляющей технологии edutainment. Таким образом, edutainment можно рассматривать как особый тип обучения, в котором первичное развлечение ведет к

дальнейшему глубокому увлечению и устойчивому интересу к предмету.

Таким образом, все изложенные выше понятия описывают новую технологию обучения, отличную от традиционной образовательной системы. Отечественные и зарубежные авторы сходятся в том, что edutainment представляет сочетание образовательных и развлекательных методик, однако, акцент ставится исследователями на разные аспекты: технологическая составляющая edutainment, его практическая направленность, edutainment как обучение через игру или творчество. Можно сделать вывод, что edutainment является сложной, многогранной технологией, привлекающей внимание зарубежных и отечественных исследователей.

Список литературы

Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации: учебное пособие / О.Л. Гнатюк. М.: КНОРУС, 2010. 256 с.

Железнякова О.М. Сущность и содержание понятия «эдьютейнмент» в отечественной и зарубежной педагогической науке / О.М. Железнякова, О.О. Дьяконова // *Alma Mater*. № 2. 2013. с. 67–70.

Зиновкина М.М. Педагогическое творчество / Модульно-кодovое учебное пособие. М.: МГИУ, 2007. 258 с.

Кобзева Н.А. Edutainment как современная технология обучения // Ярославский педагогический вестник. № 4. 2012. с. 192–195

Попов А.В. Маркетинговые игры. Развлекай и властвуй. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006. 320 с.

Рыбушкина С.В. Ассимиляция иноязычных неологизмов в современном русском языке под влиянием экстралингвистических факторов (на примере компьютерно-опосредованного образовательного дискурса) // Вестник Томского государственного университета. № 392. 2015. с. 34–38.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / Министерство образования и науки РФ. М.: Просвещение, 2010. 31 с.

Aksakal N. Theoretical View to The Approach of The Edutainment // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. № 186. 2015. pp. 1232–1239.

Buckingham D. & Scanlon M. Parental Pedagogies: An Analysis of British Edutainment // *Magazines for Young Children Journal of Early Childhood Literacy*. № 1(3). 2001. P. 281–299.

Buckingham D. & Scanlon M. Selling learning: towards a political economy of edutainment media // *Media, Culture and Society*. 2005. Vol. 27. № 1. P. 41–58.

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 21.04.2018).

Disney W. Educational Values In Factual Nature Pictures // *Educational Horizons*. № 33 (2). 1954. P. 82–84.

Drane D. & Kim W., Goldsmith A. & Phillips D. The Effective Use Of Humour In The Sport Management Classroom // North American Society for Sport Management Conference (NASSM 2011). 2011. p. 382.

Okon Z. Edutainment: Is Learning At Risk? // British Journal of Educational Technology. Vol. 34. № 4. 2010. P. 255–264.

Palfrey J., Gasser U. Born digital: Understanding the first generation of digital natives. New York: Basic Books, 2008. 384 p.

Wang Y. Edutainment technology – a new starting point for education development of China // Frontiers in Education Conference. 2007. P. 10–13.

DEVELOPMENT OF CONCEPT OF EDUTAINMENT IN FOREIGN AND DOMESTIC METHODOLOGY

Daria V. Rakutina

Student of Pedagogical Education, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. d.rakutina96@gmail.com

Tamara Y. Vavilina

PedD, Senior Lecturer in the Department of Linguodidactics

Perm State University

614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. vavilinat@mail.ru

The article considers the development of the concept of edutainment in the educational system. Foreign and domestic scientific literature on the formation of edutainment is analyzed, the main definitions of the concept abroad and domestic equivalents are given.

Keywords: edutainment, education, entertainment, modern technologies.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Иван Александрович Скоробренко

студент факультета иностранных языков, «Педагогическое образование.
Немецкий язык. Английский язык»

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69. kaktus0096@mail.ru

Елена Борисовна Быстрой

д. пед. н., профессор, заведующая кафедрой немецкого языка и методики
обучения немецкому языку

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, 69. bistraieb@cspu.ru

В статье рассматриваются речевые упражнения различных видов, без использования которых на уроках иностранного языка невозможно формирование коммуникативной компетенции обучающихся. Рассматриваются преимущества каждого вида упражнений. Анализируется эффективность использования речевых упражнений на уроках.

Ключевые слова: урок иностранного языка, коммуникативная компетенция, речевые упражнения, речевая направленность урока.

Современное общество выдвигает высокие требования к подготовке выпускников школ, среди которых способность ориентироваться в мировом социокультурном пространстве, а также находить верные стратегии общения, как с представителями родной культуры, так и с представителями других государств и, соответственно, культур. Все чаще акцентируется внимание на том, что утверждение гуманистических ценностей в современном обществе в качестве наивысших и приоритетных выдвигает на первый план гуманистическую парадигму образования, ставящую на первое место нравственное развитие ученика, его интеллектуальные потребности и межличностные отношения [Райсвих, Скоробренко 2015: 244–245].

Все это обусловило необходимость формирования коммуникативной компетенции школьников в процессе изучения предмета «Иностранный язык», формирования их способности и готовности к общению в межкультурном контексте. Перед учителями иностранного языка на сегодняшний день нередко встает вопрос о том, использование каких педагогических технологий в процессе языковой подготовки школьников является наиболее эффективным, причем «значительное внимание уделяется максимальному раскрытию потенциальных возможностей личности, ее самоактуализации, способности и готовности к самостоятельному открытию, познанию и анализу новой информации при условии активности личности» [Быстрай, Скоробренко 2017: 448].

Формирование коммуникативной компетенции обучающихся предполагает обучение иностранному языку с учетом особенностей реальной коммуникации, овладение обучающимися различными речевыми функциями. Именно коммуникативность, речевая направленность урока иностранного языка являются основой формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, формирование которой невозможно без деятельностного характера обучения, что обусловлено протеканием процесса общения с целью решения задач продуктивной человеческой деятельности в условиях социального взаимодействия общающихся людей. Данной позиции придерживаются И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев [Зимняя 1989; Леонтьев 1969].

По мнению Е. И. Пассова, коммуникативность предполагает речевую направленность учебного процесса, которая есть «не только цель, но и средство, где и то, и другое диалектически взаимообусловлено» [Пассов 2010]. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся невозможно без гармоничного сочетания различных технологий обучения иностранным языкам, что развивает языковые навыки от чтения и аудирования до устной и письменной речи, помогая обучающимся говорить на иностранном языке не только правильно, но и свободно [Скоробренко, Быстрай 2017: 126].

Уделим особое внимание наиболее эффективным и актуальным в организации процесса обучения иностранному языку упражнениям, которые направлены на формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся. Почетное место среди них занимают речевые, подразделяющиеся, в свою очередь, на вопросно-ответные, ситуативные, репродуктивные, дескриптивные, дискуссионные и композиционные. Рассмотрим каждый из этих видов более подробно.

Вопросно-ответные упражнения помогают обучающимся формировать вопросно-ответное единство в речи, уметь задавать различные типы вопросов и грамотно подбирать ответы к каждому вопросу. Так, например, после прочтения текста, учитель может попросить обучающихся составить несколько вопросов (обычно от четырех до десяти) к прочитанному тексту и дать развернутые ответы на них. Данное упражнение отлично подходит как для организации работы в классе, так и для домашнего задания; на уроке оно может быть выполнено в формате групповой и парной работы, что будет способствовать увеличению времени говорения каждого ученика и реализует коммуникативный характер урока.

Ситуативные упражнения обладают высоким образовательным потенциалом, интересны обучающимся и вовлекают их в активную учебную деятельность, нередко сопровождающуюся игрой, творчеством. Так, к примеру, обучающимся может быть предъявлено задание по составлению диалога или монолога на основе сюжета отрывка какого-либо произведения, либо подготовленного учителем заранее. Задание в зависимости от уровня подготовки обучающихся может быть также осложнено необходимостью трансформации диалога применительно к новым ситуациям в рамках данной темы, что будет значительно способствовать не только увеличению времени говорения каждого, но и пополнению лексического запаса обучающихся, его обогащению новыми речевыми формулами и клише. Опираясь на личный практический опыт, отметим, что высокий интерес у обучающихся вызывают задания по составлению диалогов-интервью. Импровизированные интервью с персонажами сказок, рассказов, художественных произведений обладают высоким потенциалом для развития творческих способностей обучающихся и могут быть использованы для организации самостоятельной работы школьников по предмету. Так, обучающиеся могут записать подобные интервью на видеокамеру, а на уроке может быть организовано обсуждение проделанной работы вместе с учителем.

Большая роль на уроке иностранного языка принадлежит и репродуктивным упражнениям, которые направлены на тренировку языкового материала, его применение в речи. Например, обучающиеся просматривают видеоролик, а затем пишут с использованием предложенных словосочетаний, выражений на его основе подробное изложение. Задание может быть осложнено тем, что обучающиеся самостоятельно продумывают возможное развитие сценария и заканчивают этим свои работы. Очевидно, что подобное упражнение направлено не только на практику письменной речи, но и на развитие

мышления обучающихся, позволяя им реализовать потенциальные возможности воображения, так как имеют открытый финал.

Использование дескриптивных упражнений на уроках иностранного языка также способствует формированию коммуникативной компетенции обучающихся, поскольку направлены на формирование умений монологической речи, способности и готовности вести рассказ в форме повествования с элементами описания. Большая роль в проведении подобных упражнений отводится подготовительной работе, так как качественная подготовка и грамотное оформление монологического высказывания невозможно без наглядных опор, которые обладают широкой областью применения и позволяют сформировать установку на творческую деятельность, выразить свои мысли, взгляды, понимание темы и свое отношение к ней [Скоробренко 2017: 142]. Обучающиеся сами подготавливают наглядные опоры – коллажи, ассоциограммы и так далее, и, используя их, строят монологические высказывания на самые различные темы.

Урок иностранного языка, направленный на формирование коммуникативной компетенции обучающихся, невозможен без использования дискуссионных упражнений, которые мы рекомендуем проводить в формате ток-шоу подобно телевизионным программам, посвященным той или иной проблеме. Это позволяет организовать полилогическое общение на уроке, создать атмосферу дискуссии, близкой к ситуации общения в реальной жизни, дает возможность высказать свою точку зрения по проблеме каждому ученику.

И, наконец, формирование коммуникативной компетенции обучающихся невозможно без использования учителем композиционных упражнений, обеспечивающих переход от навыков к умениям, так как активизируемое языковое явление нужно употребить без подсказки в соответствии с речевыми обстоятельствами. Данная группа упражнений хорошо иллюстрируется примером задания, когда обучающимся нужно составить самостоятельный рассказ на основе картины (серии картинок, видеоряда без озвучки и так далее) и представить его вниманию аудитории. Подобные упражнения обладают большой степенью вариативности, открывают широкий простор для фантазии и воображения обучающихся.

Таким образом, формирование коммуникативной компетенции обучающихся на уроках иностранного языка невозможно без использования речевых упражнений различных видов, которые способствуют реализации принципа речевой направленности урока, открывают широкие возможности для развития инициативности,

творчества, воображения и фантазии обучающихся, а также направлены на развитие их самостоятельности.

Список литературы

Быстрой Е. Б., Скоробренко И. А. Формирование личности бакалавра педагогики путем активизации познавательного интереса / Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики. Материалы II-й Международной научно-практической конференции 20-22 апреля 2017. Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2017. 448 с.

Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М. 1989. 222 с

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

Пассов Е. И. Урок иностранного языка / Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Ростов н/Д: Феникс; М.: Глосса-Пресс, 2010. 640 с.

Райсвих Ю. А., Скоробренко И. А. Знакомство с основами культуры здорового образа жизни на уроке иностранного языка как элемент формирования аксиологической направленности личности школьника / Язык и культура: сб. материалов X междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 18 марта 2015г. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; ред-кол.: В.Б. Мещеряков, А.П. Нестеров. Челябинск: ЧГАКИ, 2015. С. 244–247.

Скоробренко И. А., Быстрая Е. Б. Реализация коммуникативного подхода как условие подготовки студента педагогического вуза к межкультурному взаимодействию // Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования. Кемерово, 2017. С. 123–127.

Скоробренко И. А. Современные методы систематизации и представления лингвистического материала на уроках иностранного языка // Педагогика и психология в информационном обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции (13 сентября 2017г., г. Омск). Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 140–142.

ABOUT SOME ASPECTS OF FORMING THE COMMUNICATIVE COMPETENCE IN FOREIGN LANGUAGE' LESSONS

Ivan A. Skorobrenko

Student of "Pedagogical Education. German. English", Foreign Languages Faculty,
South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 69. kaktus0096@mail.ru

Elena B. Bistraj

Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the German Language and Methods of
Teaching German Language Department
South Ural State Humanitarian-Pedagogical University
454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 69. bistraieb@cspu.ru

This article deals with various kinds of speech exercises, without the use of which in foreign language lessons it is impossible to form the pupils' communicative competence. The advantages of each exercises type are considered. The effectiveness of using speech exercises in lessons is analyzed.

Key words: foreign language lesson, communicative competence, speech exercises, lesson's speech orientation.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Наталья Михайловна Царенко

магистрант факультета современных иностранных языков и литератур, «Филология» («Филология и коммуникация»)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. shibalovanata6a@mail.ru

Светлана Викторовна Шустова

д. филол. н., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15. lanaschust@mail.ru

В статье ставится вопрос о целесообразности выделения прагмалингвистической компетенции в рамках иноязычной коммуникативной компетенции и ее особенностях. Языковые единицы приобретают прагматическую характеристику в зависимости от ситуации общения, и их неправильная трактовка может приводить к прагматическим сбоям. Процесс обучения необходимо строить с учетом речевого регистра, прагматического потенциала языковых единиц и ситуативной характеристики.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, прагмалингвистическая компетенция, прагмалингвистический сбой, ситуация общения, речевой регистр.

Современные тенденции иноязычного лингвистического образования предполагают обучение языку как средству общения и формированию соответствующей компетенции – иноязычной коммуникативной компетенции. Человек, обладающий данной компетенцией, должен быть способен выражать при помощи языка многочисленные интенции, в том числе оказывая перлокутивное воздействие на адресата. В связи с данной трактовкой коммуникативной компетенции относительно недавно в ее структуре стали выделять прагмалингвистическую составляющую. Прагмалингвистика в свою очередь как отрасль науки изучает всевозможные особенности поведения языкового знака в его

отношении к говорящему и слушающему [Норман 2014: 275]. Коммуникативный ход, являясь минимальной диалогической единицей, связывает реплику говорящего и реплику слушающего по принципу иллокутивного вынуждения [Багдасарян 2017: 53]. А перлокутивный акт (перлокуция) понимается как речевое воздействие на объект, которое проявляется в изменении некоторой ситуации (в поведении или внутреннем мире человека) [Кенжебалина 2012: 107].

Впервые вопрос о выделении социалингвистической компетенции ставят M. Canale и M. Swain в своей работе «Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing» (1980) [Canale, Swain 1980], которая в современной трактовке получила определение прагмалингвистической. Дальнейшее развитие теория получает в исследованиях G.N. Leech и понимается как знания и способности понять контекст конкретной языковой ситуации и языковые намерения [Leech 1983]. Термин «прагматическая компетенция» ввел L. Bachman в 1990 г [Bachman 1990].

Изучив ряд исследований, посвященных прагмалингвистической компетенции, можно заключить, что это совокупность умений, навыков и знаний субъективного характера, наделяющих говорящего способностями реализовывать в ситуации общения определенные иллокуции, тактики и стратегии, контекстуальные и коннотативные значения языковых знаков, оказывая намеренное воздействие на собеседника [Хэ Ли, Бугуева 2016; Павлова 2013, 2016; Багдасарян 2017; Ланская 2016.]. Прагмалингвистическая компетенция предполагает учет отношений между высказыванием, контекстом и намерениями говорящего. Прагмалингвистическая компетенция способствует решению коммуникативных задач: информирования, побуждения, выражения мнения, оценки, установления контакта, а также определяет эффективность воздействия сообщения на поведение собеседника в желаемом направлении [Колотова, Кофанова 2012: 233].

Наиболее «чувствительными» и действенными в прагматическом отношении являются такие классы языковых единиц, как местоимения (особенно личные, притяжательные и указательные), имена собственные (антропонимы), модальные слова и выражения, междометия, формулы этикета и т.д. [Норман 2014: 274].

При выражении мысли на иностранном языке говорящий вынужден выбирать аналог того или иного языкового знака, который будет способен выразить мысль, изначально сформулированную на родном языке. При этом могут возникать коммуникативные или прагматические неудачи, обусловленные разницей языковых систем. Прагматические неудачи можно разделить на две группы: прагмалингвистические

и социально-прагматические сбои. Под прагмалингвистическим сбоем О. В. Дьяченко понимает неудачи, связанные с несовпадением жизненных реалий двух спикеров, а под социально-прагматическим сбоем мы имеем в виду высказывания, не совпадающие с социальными и культурными обычаями говорящих [Дьяченко 2016: 110]. Прагмалингвистические сбои могут проявлять на разных уровнях языка: фонетическом (акцент, произносительный навык), лексическом (безэквивалентная лексика) и грамматическом (синтаксис, темпоральность). Социально-прагматические сбои происходят в контексте межкультурной коммуникации [Там же 111–112]. В терминах J. Thomas эти прагмалингвистические сбои носят наименования лингвопрагматических и социопрагматических соответственно. Ситуация, в которой иллюкционная сила или степень вежливости, предназначенные для определенного лингвистического материала в родном языке, влияют на восприятие учащих и отображение формы / функции в изучаемом языке относится к лингвопрагматическим неудачам, а неверные коммуникативные действия в конкретной ситуации общения – социопрагматические [Thomas 2013].

В обучении иноязычному общению часто не предусматривается целенаправленное развитие навыка владения различными регистрами речевого общения на иностранном языке в рамках коммуникативной компетенции. Материалы учебников и учебных пособий по иностранному языку часто предполагают обучение только формальному регистру речевого общения в то время как обучение неформальному и нейтральному регистрам отсутствует. Этот недостаток возможно преодолеть путем разработки и включения в обучение комплексов упражнений и заданий, которые будут направлены на прагматизацию иноязычной коммуникативной деятельности и формирования прагмалингвистической компетенции использования современной лексики в функционально-стилистическом регистре в соответствии с ситуацией общения и нормами современного иностранного языка.

По мнению А.С. Журиной и А.М. Акопянц нужно строить проблемно-ситуативную модель общения в соответствии с социальной ситуацией следующего содержания:

- что необходимо выразить посредством иностранного языка;
- какая функция языка должна быть реализована;
- какова социальная роль в данной ситуации (социальная функция языка);
- с кем предстоит разговаривать (с другом, с незнакомым человеком, с представителем закона и т. д.);

- в какой обстановке будет происходить беседа (в магазине, в кабинете директора, в офисе, в самолете и т. д.);
- в каком временном пространстве (временная и пространственная перспектива относительно времени года, времени суток, прошлого и будущего);
- каково настроение говорящего в данный момент;
- каков характер взаимодействия;
- какая сфера языка будет затронута;
- какие случайности могут произойти в данной ситуации [Журина 2015; Акопянц 2009].

Таким образом, формирование и развитие прагмалингвистической компетенции хоть и вызывает многочисленные вопросы, тем не менее, признается многими исследователями необходимым условием возможности осуществления полноценного общения на иностранном языке и исключения прагмалингвистических неудач.

Список литературы

Акопянц А.М. Прагмалингводидактические основы обучения иностранным языкам студентов-лингвистов (на материале английского языка): Автореф. дис. ... д-ра пед. наук 13.00.02. Пятигорск, 2009. 37 с.

Багдасарян Т.М. Прагмалингвистика (речевое поведение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 50–53.

Дьяченко О.В. Коммуникативная неудача как результат прагмалингвистических сбоев в межкультурной коммуникации // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. Межвузовский сборник научных трудов. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2016, С.109–114.

Журина А.С. Некоторые аспекты формирования компонентов прагмалингвистической компетенции // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2015. №6. С.120–122.

Кенжебалина Г. Н. Лингвопрагматика: учебное пособие для студентов и магистрантов филологических специальностей / Г. Н. Кенжебалина. Павлодар: Кереку, 2012. 121 с.

Колотова Н.И., Кофанова Е.И. Формирование прагматической компетенции студентов-филологов в процессе изучения русского языка как иностранного // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск: Курский государственный университет, 2012. №1 (21). С. 232–238.

Ланская И. А. Формирование и совершенствование коммуникативной компетентности студентов на основе прагмалингвистического подхода // Пробле-

мы современного педагогического образования. Ялта: Гуманитарно-педагогическая академия (2016. № 51-3. С. 164–171.

Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика, или лингвопрагматика, прагмалингвистика / Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; под редакцией а.п. сковородникова. Красноярск: сибирский федеральный университет, 2014. С.274–275.

Павлова А.В. К вопросу о прагматических ошибках в речевом акте просьбы на иностранном языке// Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2016. № 4 (21). С. 95–99.

Павлова А.В. Некоторые особенности прагмалингвистической компетенции // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием. Ч.1. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 12—15.

Хэ Ли, Бугуева Н.В. Прагмалингвистические аспекты языковой компетенции в изучении иностранного языка// Педагогическое образование в России. 2016. №12. С.136–141.

Bachman L. Fundamental considerations in language testing. Oxford, 1990. 420p.

Canale M., Swain M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing//Applied Linguistics, 1980. V.1/1. P.1– 47.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. London; New-York: Longman, 1983. 257 p.

Thomas J. Meaning in interaction: an introduction to pragmatics. London: Routledge, 2013. 241 p.

FORMATION OF PRAGMALINGUISTIC COMPETENCE: QUESTIONS FOR DISCUSSION

Natalia M. Tsarenko

Student of Philology («Philology and Communication») Master's degree course,
Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. shibalovanata6a@mail.ru

Svetlana Viktorovna Shustova

PhD, Professor in the Department of Linguodidactics
Perm State University
614990, Russia, Perm, Bukirev str., 15. lanaschust@mail.ru

The article touches the question of distinguishing pragmalinguistic competence as a component of foreign communicative competence and the features of the first mentioned. Language items get pragmatic characteristics due to the situation of communication, and their wrong understanding can lead to pragmatic errors. Process of education should be designed taking into account speech register, pragmatic potential of language items and situational characteristics.

Key words: communicative competence, pragmalinguistic competence, pragmalinguistic error, situation of communication, speech register.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 6. Перевод и переводоведение	3
Афанасьева А.А., Хрусталева М.А. Предпереводческий анализ юридического текста: когнитивно-дискурсивный аспект.....	3
Бурьлова А.А., Пинягин Ю.Н. Реализация концептуально- дискурсивного перевода с английского языка на русский.....	8
Гладких Е.А., Литвинова М.Н. Метафорическое представление войны в Сирии в оригинале и в переводе (на материале статьи ДЖ. Феффера «Syria as Metaphor»)	14
Горовая А.М., Хрусталева М.А. Метод концептуального моделирования как этап предпереводческого анализа поэтического дискурса	20
Дереглазова А.А., Плясунова С.Ф. Лексические заимствования из немецкого языка в современном русском языке.....	32
Елишина Ю.А., Пинягин Ю.Н. Трансляция национально-культурного пространства англичан в переводе	40
Маркова А.П., Пинягин Ю.Н. Топонимы в зеркале перевода с русского языка на английский.....	47
Морова У.В., Подгаец А.М. Сравнительно-исторический анализ евангельского текста на древних германских языках (готский, древнеанглийский с переводом на английский язык)	53
Торгашова Е.А., Подгаец А.М. Сравнительно-сопоставительный анализ евангельского текста на древних индоевропейских языках (греческий и латинский с переводом на русский язык).....	60
Мясникова А.В., Меньшакова Н.Н. Коцепт ARTESANÍA и трудности его трансляции на русский язык.....	66
Яковлева Е.С., Пинягин Ю.Н. Трансляция типологических свойств искусствоведческого дискурса	72
Раздел 7. Проблемы перевода художественного и научного текста	73
Алтынцева О.М., Братухин А.Ю. Транслитерация в переводе Евангелия от Марка на английский язык (на примере Библии Короля Якова)	73
Гилёва А.И., Хорошева Н.В. Трансляция звуковых образов в переводе рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки» на французский язык.....	79

Глухова Н.А., Хорошева Н.В. Трансляция женских образов повести И.С.Тургенева «Первая любовь» в переводе на французский язык.....	84
Казакова Т.А., Пересторонина Д.В. Специфика перевода терминов-словосочетаний научно-популярных изданий.....	89
Куншина А.М., Литвинова М.Н. Метафора научно-популярного текста и её перевод.....	94
Курушин Д.Д., Пинягин Ю.Н. Российские реалии в автобиографической прозе В. Набокова: автоперевод и перевод (на материале текстов «Другие берега», «Память, говори!» и «Speak, Memoir!»).....	102
Миниахметова А.Р., Шутёмова Н.В. Репрезентация типологических свойств сонета 88 В. Шекспира в русских переводах.....	108
Пигалева М.В., Графова О.И. Этапы развития поэтического перевода в России.....	113
Санникова О.В., Гладкова К.Ю. Трансляция образности рассказа Г. Свифта «Химия» (G. Swift «Chemistry») в его переводе на русский язык.....	122
Шаад Е.Ю., Пересторонина Д.В. Научно-техническая терминология: термины-словосочетания и особенности их перевода.....	130
Раздел 8. Киноперевод и новые средства коммуникации, популяризации и глобализации.....	142
Басова Ю.Д., Литвинова М.Н. Передача средств популяризации научно-популярного текста в переводе.....	142
Бушуева К.А., Хорошева Н.В. Дискурс кулинарного телешоу как объект аудио-визуального перевода (на материале закадрового перевода французской телепередачи «Objectif Top Chef»).....	149
Горанков М.А., Поликарпова А.В. Проектирование архитектуры компьютерной игры на основе культурологического портрета нации.....	154
Дудина Е.И., Красноборова Л.А. Прагматический аспект научно-популярного текста в современном испанском языке (на материале статьи Г.С.Наварро «Los orígenes inesperados del universo».....	159
Словинова А.С., Словинова Е.Л. К вопросу об особенностях отражения криминогенной ситуации в прессе Петрограда 1917–1918 гг.....	165
Умрилова А.Д., Мишланова С.Л. Арготическая лексика в языке молодежи (на примере французских художественных фильмов).....	170

Чуркина М.Е., Пересторонина Д.В. Особенности перевода молодёжного сленга на русский язык	180
Яркова В.В., Гладкова К.Ю. Определение и роль гендерных стереотипов в поэме К. Э. Даффи «Queen Kong».....	185
Раздел 9. Когнитивная и дискурсивная лингвистика	190
Гриббе С.В., Прохорова О.А. Инвективная лексика в произведениях гонзо-журналистики (на материале английского языка)	190
Долгих Л.В., Пересторонина Д.В. Специфика передачи оценочно-эмоциональной информации политического текста (на материале инаугурационной речи президента США Барака Обамы)	196
Герцен А.С., Хрусталева М.А. Элементы патриотической пропаганды Фиделя Кастро с позиций когнитивно-дискурсивного подхода	202
Завгороднева М.П. Образ «Gras» во фразеологизмах немецкого языка	208
Касумова С. А. кызы, Хорошева Н.В. Концептуализация ольфакторности во французском и русском парфюмерном дискурсе	214
Лезжова В.С., Бoryшневa Н.Н. Особенности языковой личности политического лидера США (на примере президента Барака Обамы)	220
Макарова Т.С. Синонимия понятия «ирландская политическая идентичность» в историческом политическом дискурсе XIX в.	225
Матвеева А.В., Каплявик К.Ю. Язык революции: лингвокультурный анализ концептов «Droits» и «Citoyen» на материале «Декларации прав человека и гражданина 1789 года» («Declaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789»)	230
Мерзлякова А.С., Меньшакова Н.Н. Фантазийный и рациональный способы репрезентации пространства в научно-популярном дискурсе.....	239
Мылтасова О.С., Мансурова А.Р. Субъективная витальность этнического языка в России на примере коми-пермяцкого языка в Пермском крае	245
Некрасова Я.И., Хорошева Н.В. Специфика франкоязычного дискурса йоги (на материале видео-урока)	253
Паутова А.В., Гаранович М.В. Стратегии речевого поведения французских политиков в гендерном аспекте	259
Погадаева Е.В., Меньшакова Н.Н. Репрезентация концепта «seres mágicos» («магические существа») на материале мифов и легенд Испании	266

Ремянникова Д.О., Мишланова С.Л. Концептуальное «смещение» метафоры и метонимии	274
Розенкова Х.Е. К вопросу об анималистическом коде в английской культуре.....	280
Ягодкина Е.В., Шутемова Н.В. Эскурсы в историю машинного перевода и его место в мире перевода	286
Dereglazova A.A., Severyukhina A.S., Plyasunova S.F. Die Spuren der Deutschen in der Permer Region	292
 Раздел 10. Актуальные проблемы лингводидактики.....	300
Балдина Н.В., Бортников Р.О., Редозубова Д.С., Мишланова С.Л. Чат-бот как часть образовательной речевой среды	300
Большакова Е. С., Дудкина А.С., Сарайкова Д.А., Стембурис И.М., Заседателева М.Г. Повышение мотивации к изучению иностранного языка путём написания «бегового» диктанта «Laufdiktat»	306
Ветрова К.О., Мишланова С.Л. Технология развивающего развлечения (Edutainment) как технология неформального образования.....	313
Глазырин Д.М., Суворова М.В. Мишланова С.Л., Роль театральной педагогики в достижении метапредметных результатов обучения	318
Качкина И.И., Мишланова С.Л. Особенности предметно-языкового интегрированного обучения английскому языку учащихся начальной школы (на примере межпредметного обучения: окружающий мир и английский язык)	323
Пейсахович А.Д., Мишланова С.Л. Телесный аспект педагогических технологий.....	334
Постоева А.С., Вавилина Т.Ю. Аксиологический аспект семантики как средство формирования межкультурной компетенции в старшей школе.....	342
Ракутина Д.В., Вавилина Т.Ю., Развитие понятия Edutainment в зарубежной и отечественной методике	350
Скоробренко И.А., Быстрой Е.Б., О некоторых аспектах формирования коммуникативной компетенции обучающихся на уроках иностранного языка	356
Царенко Н.М., Шустова С.В., Формирование прагмалингвистической компетенции: дискуссионные вопросы	362

TABLE OF CONTENTS

Chapter 6. Translation and Translation Studies.....	3
Afanaseva A.A., Khrustaleva M.A. Pretranslation Analysis of Juridical Text: Cognitive and Discursive Aspect.....	3
Burylova A.A., Pinyagin Yu.N. Reproduction of the National Cultural Pattern in Translation	8
Gladkikh E.A., Litvinova M.N. Metaphorical Representation of Syrian War in the Source Text and the Target Text (Based on the Article by John Feffer «Syria as Metaphor»)	14
Gorovaya A.M., Khrustaleva M.A. Method of Conceptual Modeling as a Stage of Pre-conventional Analysis of Poetic Discourse.....	20
Dereglazova A.A., Plyasunova S.F. Lexical Borrowings from German in the Modern Russian Language	32
Epishina Yu.A., Pinyagin Yu.N. Reproduction of the Natural Cultural Background in Translation.....	40
Markova A.P., Pinyagin Yu.N. Reflection of Russian Toponyms in Translations into English	47
Morova U.V., Podgaets A.M. Comparative Historical Analysis of the Gospel Text In The Ancient Germanic Languages (Gothic and Old English with English Translations).....	53
Torgashova E.A., Podgaets A.M., Contrastive Analysis of the Gospel Text in Ancient Indo-European Languages (Greek and Latin with Russian Translation).....	60
Myasnikova A.V., Menshakova N.N. The Concept “ARTESANÍA” and Difficulties of its Representation in the Russian Language	66
Yakovleva E.S., Pinyagin Yu.N., Translation of the Typological Properties of Art Discourse.....	72
Chapter 7. Translation Problems of Literal and Scientific Text	73
Altynceva O.M., Bratukhin A.Yu. Transliteration in the English Translation of Gospel of Mark (on the Example of King James Version) of Art Discourse.....	73
Gileva A.I., Khorosheva N.V. Conveying of Sound Images in the Translation of I.A. Bunin’s “Antonov Apples” into French.....	79
Glukhova N.A., Khorosheva N.V. Conveying of the Images of Women in the French Translation of “First Love” by I.S. Turgenev	84

Kazakova T.A., Perestoronina D.V. Specificity of Term-Phrases Translation in Popular Scientific Texts.....	89
Kunshina A.M., Litvinova M.N. The Metaphor of the Popular Science Text and Its Translation.....	94
Kurushin D.D., Pinyagin Yu.N. Russian Realia in the Autobiographical Prose by V. Nabokov: Translation and Self-Translation (Based on the Texts "Drugie Berega", "Speak, Memory!" and " Pamayt', Govori!")	102
Miniakhmetova A.R., Shutemova N.V. The Representation of Typological Characteristics of Sonnet 88 by William Shakespear in Russian Translations.....	108
Pigaleva M.V., Grafova O.I. Periods of Poetic Translations' Development in Russia	113
Sannikova O.V., Gladkova K.Yu. , Translation of Imagery of «Chemistry» by G. Swift in Russian.....	122
Shaad E.Y., Perestoronina D.V. Technical–Scientific Terminology: Term-Phrases and Features of Their Translation	130
 Chapter 8 Cinema Translation and New Means of Communication, Popularization and Globalization	142
Basova J.D., Litvinova M.N. Popularization Means of Popular Scientific Text in Translation	142
Bushueva K.A., Khorosheva N.V. The Discourse of a Cookery Show as the Object of Audio-Visual Translation (on the Material of the Voice-over Translation of a French Show «Objectif Top Chef»)	149
Dudina E.I., Krasnoborova L.A. Pragmatic Aspect of Popular Science Text in Modern Spanish Language (Based on «Los orígenes inesperados del universo» by H.S. Navarro)	154
Gorankov M.A., Polikarpova A.V. The Design of Computer Games Architecture based on the Cultural Portrait of the Nation	159
Slovikova A.S., Slovikova E.L. On the Issue of the Peculiarities of the Reflection the Crime Situation in Petrograd in Newspaper 1917–1918.....	165
Umrilova A.D., Mishlanova S.L. Argotic Lexemes of Youth Language (the Case of the French Feature Films).....	170
Churkina M.E., Perestoronina D.V. Specificity of Youth Slang Translation into Russian Language.....	180
Iarkova V.V., Gladkova K.Yu. , The Concept and Role of Gender Stereotypes in C.A. Duffy's Poem “Queen Kong”	185

Chapter 9 Cognitive and Discursive Linguistics	190
Gribbe S.V., Prokhorova O.A. Invective Words in the Genre of Gonzo Journalism (on the Material of English Language)	190
Dolgikh L.V., Perestoronina D.V. Specificity of Representing Evaluating-Emotional Information of a Political Text (on the Material of Barack Obama's Inaugural Speech).....	196
Gertsen A.S., Khruslaleva M.A. Elements of Fidel Castro's Patriotic Propaganda From the Point of View of Cognitive-Discursive Approach	202
Zavgorodneva M.P. The Symbol of «Grass» in the Phraseology of the German Language	208
Kasumova S.A. kyzy, Khorosheva N.V. Conceptualisation of Olfactoriness in French and Russian Perfume Discourse.....	214
Lezzhova V.S., Boryshneva N.N. Features of Language Personality of a Political Leader of the United States (Based on President Barack Obama)	220
Makarova T.S. Synonymy of the Concept «Irish Political Identity» in the Historical Political Discourse of the XIX Century	225
Matveyeva A.V., Kashlyavik K.Yu. Language of the Revolution: Lingvoculturological Analysis of the Concepts "Droits" And "Citoyen" on the Basis of "The Declaration of the Rights of Man and of The Citizen of 1789" ("Declaration des Droits de L'homme et du Citoyen de 1789")	230
Merzliakova A.S., Menshakova N.N. Fantastical and Rational Ways of Representation of Space in Popular-Science Discourse	239
Myltasova O.S., Mansurova A.R. Subjective Vitality of an Ethnic Language in Russia: the Case of Komi-Permyak in the Perm Krai	245
Nekrasova I.I., Khorosheva N.V. The Specifics of the French Yoga Discourse (on the Material of a Video Lesson)	253
Pautova A.V., Garanovich M.V. Verbal Behavior Strategies of French Politicians in Gender Aspect	259
Pogadaeva E.V., Menshakova N.N. Representation of the Concept «Seres Mágicos» in Spanish Myths and Legends.....	266
Remyannikova D.O., Mishlanova S.L. Metaphor and Metonymy Conceptual «Blending»	274
Rozenkova Kh.E. The Aberdeen Bestiary: the Animalistic Code	280
Yagodkina E.V., Shutemova N.V. A Journey into the History of Machine Translation and Its Niche in Modern Translation	286

Deriglazova A.A., Severyukhina A.S., Plyasunova S.F. The Traces of the Germans in Perm Region	292
Раздел 10. Relevant Problems of Linguodidactics	300
Baldina N.V., Bortnikov R.O., Redozubova D.S., Mishlanova S.L. The Creation of a Linguistic Resource for Chat Both in the Process of Designing Educational Speech Environment	300
Bolshakova E.S., Dudkina A.S., Saraykova D.A., Stemburis I.M., Zasedateleva M.G. Increase in Motivation to the Learning of Foreign Language by Writing of the "Running" Dictation of "Laufdiktat"	306
Vetrova K.O., Mishlanova S.L. Edutainment Technology as a Technology of Informal Education	313
Glazyrin D.M., Suvorova M.V., Mishlanova S.L. A Role of theatrical Pedagogy in the Acquisition of Transversal Skills	318
Kachkina I.I., Mishlanova S.L. Features of Content and Language integrated Learning of the English Language of Pupils of Primary School (on the Example of Cross-Curricular Learning: Elementary Science and English)	323
Peisakhovich A.D., Mishlanova S.L. Prospects of Teaching Foreign Languages: Bodily Aspect	334
Postoeva A.S., Vavilina T.Yu. Axiological Aspect of Semantic as an instrument for Developing of intercultural Competence of Seniors	342
Rakutina D.V., Vavilina T.Yu. Development of Concept of Edutainment in Foreign and Domestic Methodology	350
Skorobrenko I.A., Bistraj E.B. About Some Aspects of Forming the Communicative Competence in Foreign Language' Lessons	356
Tsarenko N.M., Shustova S.V. Formation of Pragmalinguistic Competence: Questions for Discussion	362

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР**

**RELEVANT PROBLEMS OF INVESTIGATION IN THE SPHERES
OF FOREIGN LANGUAGES AND LITERATURE**

Сборник статей молодых ученых

Часть 2

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *А. Б. Андреева*
Дизайн обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 11.12.2018. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 21,85. Тираж 90 экз. Заказ 1927

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано: ООО «Типограф»
Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17
Телефон: + 7 (34 253) 7-73-08
www.tipograf.su